Е 72/178
т. 2

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

И

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Н. А. ЛЕЙКИНА.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.

Учебный день въ нѣмецкой школѣ.—Биржевые артельщики.—Извощикъ.—Швейцаръ.—Маркеръ.—Прачка-поденщица.—Охтенка.—Парикмахерскій подмастерье.—Букинистъ.—Горничная—Торговый мальчикъ.—Мастеричка.—Лихачъ.—Кухарка—И я, да не я.—Ласковый человѣкъ.—Отецъ и сынъ.—Прикащикъ на отчетѣ.—Водогрѣйщикъ.—Искусъ.—Тесть и зять.—Рукобитіе.—Ряженые.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1871.

18*

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

72/178 Н/ц отд

Н. А. ЛЕЙКИНА.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.

Учебный день въ нѣмецкой школѣ.—Биржевые артельщики.—Извощикъ. —Швейцаръ.—Маркеръ.—Прачка-поденщица. — Охтенка. — Парикмахерскій подмастерье.—Букинистъ.—Горничная—Торговый мальчикъ.—Мастеричка.—Лихачъ.—Кухарка—И я, да не я.—Ласковый человѣкъ.—Отецъ и сынъ.—Прикащикъ на отчетѣ. — Водогрѣйщикъ. — Искусъ.—Тесть и зять.—Рукобитіе.—Ряженые.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И.ЛЕНИНА
6318-0

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1871.

2007084328

Типографія и литографія А. Каспари (Разъѣзжая ул., д. № 23).

БИБЛІОТЕКА ШПМИ

УЧЕБНЫЙ ДЕНЬ ВЪ НѢМЕЦКОЙ ШКОЛѢ.

ОЧЕРКЪ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Грибоѣдовъ.

Морозное утро. Девятый часъ. На улицахъ еще сѣро. Дневной свѣтъ плохо пробивается сквозь разрисованныя морозомъ оконныя стекла самаго многолюднаго класса — терціи и тускло освѣщаетъ окрашенныя зеленой краской стѣны, висящія на нихъ картины, изображающія животныхъ, гравюрные портреты великихъ мужей исторіи, вѣшалки, прибитыя къ стѣнѣ съ самой разнообразной верхней одеждой учениковъ, пульты, то-есть столы съ покатымъ верхомъ, кафедру и чорныя доски. За пультами сидятъ ученики. Тутъ также смѣсь одеждъ: и байковыя блузы, и такъ-называемыя, кандитатскія куртки, куртки съ бронзовыми пуговками, черные двух-бортные сюртуки, застегнутые подъ горло, и коротенькія сѣрыя пальто, отороченныя зеленымъ сукномъ — костюмъ, который мы видимъ на бѣдныхъ нѣмцахъ, только что пріѣхавшихъ изъ Германіи. Въ классѣ шумъ, подобный пчелиному жужжанію. Слышенъ нѣмецкій языкъ въ перемежу съ русскимъ. На нѣкоторыхъ пультахъ горятъ прилѣпленные стеариновые огарки, принесенные съ собою изъ дому. У огарковъ сгруппировавшіеся ученики, заткнувъ себѣ указательными пальцами уши и наклонясь надъ книгами, твердятъ уроки. Иные списы-

ваютъ другъ у друга заданные къ сегодня переводы и арифметическія задачи, иные ѣдятъ, иные играютъ на стальныя перья въ четъ и нечетъ, въ фортунку. Фортунка — это вырѣзанный изъ дерева волчокъ въ формѣ кубика, на четырехъ сторонахъ котораго написано какая-нибудь изъ слѣдующихъ буквъ: *в. н. п. о.* Въ игру эту могутъ играть нѣсколько человѣкъ. Каждый ставитъ по одному или по нѣскольку старыхъ или новыхъ перьевъ и по очереди вертитъ фортунку. Ежели фортунка ложится тою стороною вверхъ. па которой написана буква *в*, то вертѣвшій обираетъ весь конъ, ежели *н*—не беретъ ничего, *п*—прибавляетъ къ кону одно перо, *о*—беретъ одно перо. Иные играли въ эту игру съ такимъ азартомъ, что проигрывали даже книги. Стальныя перья считались въ училищномъ быту какъ-бы монетой. За единицу считалось старое перо, четыре старыя пера равнялись одному новому. Изъ этого исключались только наполеоновскія перья, то-есть, перья съ вытисненною фигурою Наполеона. За такое новое перо, особенно любимое учениками, давали шесть и семь старыхъ.

Вонъ Пфаффе (Pfaffe, то-есть, попъ)—ученикъ, прозванный за свою тучность, проигрался до послѣдняго пера, такъ что даже изъ стапка вынулъ, и придись писать, такъ и писать нечѣмъ. Желая отыграться, онъ ходитъ по классу и маклачитъ, то-есть, выпрашиваетъ перьевъ. Ему не даютъ, но кто-то предлагаетъ слѣдующее условіе:

— Дай дернуть за твой жирный пфафскій носъ, такъ дамъ пять старыхъ.

Пфаффе сначала задумался, потомъ сталъ торговаться. Съ самодура за это удовольствіе онъ просилъ двадцать, а послѣ согласился за пятнадцать старыхъ перьевъ. Самодуръ схватилъ его за носъ, защемилъ и потомъ сильно рванулъ. Пфаффе взвизгнулъ отъ боли, однако, скоро оправился и протянулъ руку за

перьями. Ему отсчитали. На церемонію эту смотрѣло нѣсколько зрителей. Нѣкоторыхъ также забрала охота дернуть за жирный носъ Пфаффе, и они стали ему предлагать десять старылъ перьевъ, но онъ отказался. Смаклачивъ кой у кого въ классѣ еще два пера, Пфаффе снова принялся за игру.

У отчаянныхъ лѣнтяевъ, населяющихъ самый задній рядъ пультъ, прозванный учителями за его близость къ печкѣ жаркимъ поясомъ (heisse Zone), происходиди работы такого рода.

Одинъ надписывалъ на ногахъ мелкимъ почеркомъ французскіе вокабулы: paresse, vanitè, visible; другой долбилъ перочиннымъ ножомъ въ крышкѣ пульты дыру; третій, положа передъ собою листъ бумаги, дѣлалъ на ней карандашемъ черточки и приговаривалъ слѣдующую безсмыслицу: „сѣку-сѣку три, высѣку три, люди скажутъ три, и я скажу три. Пріѣхали комисары, много писемъ написали, всѣхъ двадцать три.“ При этомъ должно было выходить на бумагѣ именно двадцать-три черточки. Нѣкоторые ничего не дѣлали и находились въ какой-то дремотѣ, а нѣкоторые жевали клячку (Klatschgumi), то-есть резину для себя и по заказу за перья и за „жратву“. Жеваніе резины находило на школу въ родѣ эпидеміи. Вдругъ начинали жевать всѣ. По прошествіи четырехъ-пяти дней, резина превращалась въ мягкую клячку, ее можно было надувать и щелкать. Тогда все училище только и занималось, что щелканіемъ клячкою, и щелкало до тѣхъ поръ, пока не надоѣдало учителямъ, которые, мало-по-малу, отнимали клячку и, для примѣра, сѣкли двухъ-трехъ учениковъ. Эпидемія прекращалась, но не надолго.

По классу отъ пульты къ пультѣ ходилъ щедушный ученикъ, прозванный, за свою женственность и плаксивую натуру, дѣвкой, и просилъ списать заданный переводъ.

— Дай двадцать старыхъ перьевъ или пять новыхъ, такъ дамъ.

— Да у меня всего три новыхъ. Шмидтъ вонъ беретъ три новыхъ, да у него, говорятъ, невѣрно.

— А у меня вѣрно. Жратва есть?

— Есть булка.

— Съ чѣмъ?

— Пустая.

— Такъ три новыхъ пера и булку.

— Что же мнѣ-то останется? Вѣдь мнѣ тоже жрать хочется.

— Ну, такъ получишь десять ауфъ ди хозенъ *)? Проваливай!

— Не давай дѣвкѣ списывать — онъ фискалъ! крикнулъ подошедшій рослый ученикъ лѣтъ семнадцати и толкнулъ дѣвку въ шею.

Вообше очень немногіе ученики дѣлали сами задачи и переводы. Большинство списывало, покупая себѣ это право за перья, за булки и даже за деньги. Даже самые прилежные ученики не дѣлали всякій разъ сами ни переводовъ, ни задачъ, а соединившись человѣкъ пять вмѣстѣ, работали по очереди. Сегодня дѣлалъ одинъ и давалъ списывать другимъ, завтра другой и т. д.

— Жидъ здѣсь! Въ конференціи съ учителями стоитъ! крикнулъ только что вошедшій въ классъ ученикъ и сталъ раздѣваться.

Жидомъ, неизвѣстно почему, звали инспектора, звали его такъ съ незапамятныхъ временъ, съ его опредѣленія инспекторомъ, а въ должности онъ находился очень давно. Данное ему названіе „жидъ“ переходило у учениковъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Всѣ его боялись какъ огня, и дѣйствительно его нельзя было не бояться. Это былъ ужасный человѣкъ. Но объ немъ рѣчь впереди.

Вскорѣ присутствіе жида въ конференціи, комнатѣ, находящейся рядомъ съ терціею, оказалось и на дѣлѣ: оттуда слы-

*) Auf die Hosen,—т. е. по штанамъ.

шалась его нѣмецкая ругань, перемѣшанная съ плохо выговари ваемою русской руганью, и плаксивые голоса учениковъ. Почем эта комната называлась конференціею — неизвѣстно. Она скорѣ была прихожею, потому что здѣсь вѣшали свои шубы и пальт учителя. Посреди конференціи стоялъ большой столъ, по стѣнам шкафы со стеклами. Въ шкафахъ хранились географическія карты допотопные учебники, допотопные словари и полное собраніе со чиненій Лессинга, Шиллера, Гёте, Уланда; тутъ же стоял испорченная электрическая машина старой конструкціи, лейденска банка, нѣсколько банокъ съ индиго, киноварью, кукурузою, шпанским мухами и т. п.—что составляло кабинетъ товаровѣдѣнія, лежал двѣ лопнувшія реторты, десятка два минераловъ въ коробках кремневый пистолетъ, большая раковина и запасъ розогъ.

Изъ конференціи въ терцію заглянулъ шульдинеръ (Schul diener), то-есть школьный служитель, и крикнулъ:

— Мацъ! Шоттъ! въ конференцію! Инспекторъ зоветъ!

На заднихъ пультахъ въ „жаркомъ поясѣ“ засуетелись; пре чіе вздрогнули и обернулись. Изъ-за пультъ вставали Мацъ Шоттъ. Это были уже взрослые ребята, отличавшіеся необыкн венною лѣностію. Мацъ былъ небольшаго роста, неповоротливы приземистый, съ рыжими волосами, падающими на угреваты лобъ. Его называли коровой. Шоттъ—высокій, съ насмѣшливым лицомъ, то, что называется, удалой парень. Онъ былъ первый сі лачъ въ классѣ.

— Корова, что ты сдѣлалъ? спрашивали его товарищи, зна шіе уже напередъ, зачѣмъ былъ зовъ.

— Вчера я и Шоттъ должны были остаться отъ двухъ д трехъ и удрали. Дайте, братцы, платочковъ; послѣ за эт по одному новому перу дамъ, проговорилъ корова.

Ему кинули четыре носовые платка; онъ скомкалъ ихъ і запихавъ сзади въ штаны, отправился въ конференцію. За ним

послѣдовалъ удалой походкой Шоттъ. Двери въ конференцію притворились. Ученики стали прислушиваться. Послышался крикъ и потомъ глухіе удары. Насчитали двадцать-пять. Потомъ антрактъ и снова двадцать-пять ударовъ. Это происходила расплата за вчерашній побѣгъ.

Мацъ и Шоттъ вошли въ классъ, а въ конференціи все еще слышались удары и визгъ. Тамъ получали возмездіе бѣглые другихъ классовъ.

— Ну, что? спрашивали ученики корову.

— Чуть-туть только больно было. Я нарочно кричалъ, проговорилъ онъ, и сталъ доставать изъ штановъ платки.

— А ты, Шоттъ, не подкладывалъ?

— Э, не стоитъ! Развѣ я баба? Ежели бы жидъ понималъ порусски, такъ я бы ему сказалъ: воля ваша, шкура наша, розги казенныя, слуги наемныя, такъ дерите сколько хотите! — и при этомъ онъ загнулъ двухъэтажное русское словцо.—Потому мнѣ все равно. Сказалъ бы, ей-ей бы сказалъ, да какъ это понѣмецки переведешь? Не выйдетъ. Мнѣ все равно! Пусть дерутъ! Я и сегодня не останусь! Удеру!

Онъ замолчалъ, схватилъ свой большой садовый ножъ, замѣняющій ему перочинный, и изъ всей силы началъ чертить имъ по пультѣ.

Изъ этого видно, что комната, называемая конференціей, была вмѣстѣ съ тѣмъ, и лобнымъ мѣстомъ—мѣстомъ, гдѣ сѣкли. Вообще, въ нѣмецкой школѣ сѣкли большею частію по штанамъ (auf die Hosen), а сѣченіе съ раздѣваніемъ происходило довольно рѣдко, разъ пять-шесть въ мѣсяцъ, и то за важные поступки, какъ-то: за буйство, за драку съ учителями и гувернерами, за порчу учительскаго платья, и по просьбѣ родственниковъ учениковъ. За то сѣченіе по штанамъ и сѣченіе розгами по рукамъ было въ огромномъ употребленіи. Изъ двухсотъ пятидесяти уче-

никовъ, не проходило дня, чтобы не было высѣчено minimum двадцать человѣкъ. При сѣченіи почти всегда присутствовалъ инспекторъ.

Обыкновенно сѣченіе происходило слѣдующимъ образомъ. Жертва ложилась брюхомъ на нарочно устроенный для этого табуретъ. Шульдинеръ натягивалъ лѣвой рукой штаны жертвы, а правой отсчитывалъ удары. Удары же наносились не тонкими концами розогъ, а толстыми. Когда же сѣкли съ раздѣваніемъ, то одинъ шульдинеръ держалъ жертву, а другой сѣкъ.

— Zum Gebet (на молитву)! скомандовалъ, заглянувъ въ классъ, гувернеръ, и повелъ учениковъ во второй классъ—въ секунду. Въ секунду собрались ученики со всѣхъ классовъ. Здѣсь стоялъ органъ, на большихъ черныхъ доскахъ были написаны на нѣмецкомъ языкѣ извлеченія изъ псалмовъ, которыя должны быть сегодня пропѣты подъ органъ. Инспекторъ сѣлъ за органъ, проигралъ прелюдію и ученики запѣли. Послѣ пѣнія водворилась тишина. Одинъ ученикъ подошолъ къ каѳедрѣ, сложилъ попасторски руки, наклонилъ голову и монотонно, растягивая слова, сталъ читать понѣмецки „Отче нашъ“. Нѣкоторые русскіе усердно крестились. Лишь только чтецъ проговорилъ „аминь“, какъ толпа съ шумомъ бросилась къ выходу, тискалась въ дверяхъ и, наконецъ, разбрелась по классамъ. На лѣстницѣ прозвонилъ звонокъ, возвѣщавшій, что классы начались.

Но воротимся опять въ терцію.

По табличкѣ распредѣленія классныхъ занятій значилось, что отъ девяти до десяти часовъ урокъ французскаго языка, но учителя еще не было въ классѣ. Густосъ, то-есть старшій —власть, выбираема инспекторомъ изъ прилежныхъ учениковъ, или изъ оставшихся въ классѣ на второй годъ, стоялъ на возвышеніи, на которомъ помѣщалась чорная доска, и записывалъ перебѣгающихъ съ мѣста на мѣсто и вообще дѣлающихъ безпорядокъ.

нѣкоторыхъ, не унимавшихся и послѣ записи ихъ фамилій, онъ подчеркивалъ. Ученики, попавшіе въ реэстръ производящихъ безпорядокъ, подзывали къ себѣ густоса, просили, чтобъ онъ стеръ ихъ фамиліи, и сулили ему „жратву“ и перья. Наконецъ, въ конференціи послышались чьи-то шаги, потомъ стукъ отъ сбрасыванія съ ногъ калошъ и какой-то неестественный кашель, похожій на лошадиное ржаніе. По кашлю этому ученики узнали только что пришедшаго учителя французскаго языка Луи. Въ классѣ водворилась тишина. Густосъ схватилъ тряпку и стеръ съ доски фамиліи.

Скажемъ нѣсколько словъ о густосѣ.

Густосъ въ классѣ лицо важное, то же самое, что городовой на базарѣ. Обязанность его заключается въ слѣдующемъ: наблюдать за порядкомъ и отвѣчать за шумъ въ классѣ до прихода учителя; смотрѣть, у всѣхъ ли учениковъ приготовлены заданные переводы и задачи, отмѣчать каждый день неявившихся въ классъ, опоздавшихъ, и записывать, по приказанію учителей, отличившихся учениковъ въ графу подъ названіемъ л о б ъ (Lob) то-есть, похвала, и незнавшихъ урока въ т а д е л ь (Tadel) — порицаніе. Послѣ классовъ онъ читалъ молитву, во всеуслышаніе прочитывалъ, кто записанъ въ л о б ъ, въ т а д е л ь, кто не явился, и кто опоздалъ, а послѣ всего этого шолъ въ кабинетъ инспектора за билетами для прилежныхъ учениковъ. Ежели ученикъ изъ пяти ежедневныхъ уроковъ былъ записанъ въ лобъ за три урока, то получалъ з е л е н ы й билетъ, за четыре с и н і й, и за пять к р а с н ы й. На лицевой сторонѣ билета было напечатано „за прилажоніе“ (für Fleiss), а на изнанкѣ надписывалась фамилія ученика, годъ и число. Густосъ было лицо почти безъ контроля. Учителя и инспекторъ изъ лѣности, или такъ, изъ нерадѣнія, не повѣряли его, вслѣдствіе чего онъ могъ записывать ученика лишній разъ въ лобъ и вычеркнуть изъ таделя, разумѣется, принимая за это по-

сильные дары въ видѣ булокъ, лакомствъ, перьевъ и даже денегъ. Учителя никогда не заставляли густоса отвѣчать урокъ; они были увѣрены въ его прилежаніи и записывали его въ лобъ наобумъ. Густосъ переставалъ учиться и нерѣдко проваливался на экзаменахъ, но учителя, все-таки переводили его въ слѣдующій классъ. Хорошимъ густосомъ между учениками, разумѣется, считался тотъ, который тянулъ на ихъ сторону, и ежели и бралъ взятки, но за то и дѣло дѣлалъ.

— Пришолъ! Пришолъ! Мосьё Луи пришолъ! заговорили ученики, заслыша ржаніе учителя, и стали приготовляться къ принятію его.

Вонъ въ „жаркомъ поясѣ“ Журавль поднялся съ мѣста, положилъ на пульту свою распростертую пятерню съ написанными на ногтяхъ вокабулами и приноравливается, ловко ли будетъ считывать.

— Вы, все-таки, подсказывайте, братцы, шепчетъ онъ товарищамъ.

Мармотка, маленькій тщедушный ученикъ, съ хитрыми глазами, такъ и бѣгающими отъ одного предмета къ другому, улыбается. Въ его головѣ созрѣлъ планъ, какъ надуть учителя.

— Я сегодня ни бельмеса не знаю, а Луишку надую, — говоритъ онъ.

Еще до молитвы Мармотка смаклачилъ и вымѣнялъ на перья разной „жратвы“, а въ крышку пенала налилъ воды и все это спряталъ въ ящикъ пульты.

Въ классъ вбѣжалъ Луи. Ученики повскакали съ мѣстъ.

— Bon jour, monsieur Louis! послышалось со всѣхъ пультъ.

— Silence! крикнулъ Луи и сѣлъ за столъ.

Ученики тоже сѣли. Густосъ пошолъ смотрѣть, у всѣхъ ли сдѣланъ заданный къ сегодня французскій переводъ. А Мармотка между тѣмъ приготовлялся надуть учителя. Онъ жевалъ припасенныя яства и жеванное клалъ въ ящикъ пульты. Луи раз-

сматривалъ свою тетрадку и выбиралъ въ спискѣ учениковъ, кого бы вызвать отвѣчать урокъ. Ученики то и дѣло подбѣгали къ нему съ поднятою надъ головою правою рукою. Мимическія сцены эти обозначали испрашиваніе позволенія пить или удалиться въ ретираду. Луи, въ знакъ согласія, кивалъ головой, вслѣдствіе чего при входѣ въ ретираду визжалъ дверной блокъ, съ привѣшеннымъ на веревкѣ кирпичомъ и хлопала дверь, а у ведра съ водой, поставленнаго на подоконникѣ, толпились ученики и вырывали другъ у друга жестяной ковшъ.

Ретирада была также мѣстомъ, гдѣ курили папиросы и спасались отъ уроковъ ученики. Курили обыкновенно пять-шесть человѣкъ одну папиросу, по очереди, по затяжкѣ на брата, и затягивались до выпученія глазъ, до рвоты. Нѣкоторые спасавшіеся отъ уроковъ имѣли иногда терпѣніе просиживать тамъ по три часа сряду.

Луи порылся въ тетради и наконецъ провозгласилъ:

— Шоттъ!

Шоттъ поднялся съ мѣста и проговорилъ понѣмецки:

— Я, мосье Луи, не знаю урока.

— Отчего?

— Книгу потерялъ.

— Тадель! крикнулъ Луи, обращаясь къ густосу и, взглянувъ на Шотта, живописно указалъ ему на дверь конференціи.

— Много ли, мосье? хладнокровно спросилъ Шоттъ, понявшій въ чемъ дѣло.

— Десять.

— Сюда, или сюда? снова спросилъ Шоттъ, указывая на руки и хлопая себя по штанамъ.

— Auf die Hosen, отвѣчалъ Луи.

Черезъ нѣсколько времени въ конференціи послышалось десять ударовъ, похожихъ на то, какъ бы выколачивали какую-нибудь подушку или шубу.

Луи вызвалъ Мармотку. Мармотка сидѣлъ, придерживая у рта рукою носовой платокъ. Онъ засуетился, наклонился къ ящику пульты, какъ бы доставая книгу, а между тѣмъ схватилъ нажеванную еще прежде булку, напихалъ въ ротъ, изъ пенала хлебнулъ воды и, снова приложа платокъ ко рту, подошолъ къ Луи.

— Future de verbe finir, задалъ ему спрягать Луи.

Мармотка молчалъ и наконецъ поднялъ правую руку кверху, а лѣвой все еще придерживалъ у рта платокъ.

— Wass ist mit dir (что съ тобой)? спросилъ его Луи.

Вмѣсто отвѣта, Мармотка рыгнулъ, отнялъ отъ рта платокъ и началъ выплевывать жеваную булку, представляя, что его рветъ. Брызги попадали на столъ, на сюртукъ и даже въ лицо Луи.

— Вонъ! вонъ! закричалъ вскочившій съ мѣста Луи, замахалъ руками и пихнулъ Мармотку въ шею. Тотъ притворился ослабѣвшимъ, упалъ на полъ и началъ охать. Испугавшійся Луи сталъ его поднимать. Мармотка снова рыгнулъ и плюнулъ прямо ему на штаны. Весь классъ, видя этотъ безпорядокъ, мычалъ, ревѣлъ, кричалъ пѣтухомъ, а по комнатѣ такъ и носились бумажныя стрѣлы, всегда имѣвшіяся у учениковъ въ запасѣ. Луи не зналъ, что дѣлать; онъ совсѣмъ потерялся. Мармотка, прихрамывая, отправился въ ретираду. Подъ шумокъ кто-то схватилъ со стола книгу Луи и мѣстахъ въ пяти нахаркалъ на страницы самымъ апетитнымъ образомъ.

Пока угомонился классъ, пока обчищался Луи, пока густосъ стиралъ со стола, прошло добрыхъ четверть часа. Наконецъ, Луи снова началъ спрашивать урокъ. Онъ былъ золъ и четверыхъ выслалъ въ конференцію для порки. Послѣднимъ былъ вызванъ Журавль. Журавль отвѣчалъ съ запинкой, и то и дѣло смотрѣлъ на свои ногти, на которыхъ были написаны вока-

булы; но ловокъ онъ не былъ. Луи замѣтилъ продѣлку и схватилъ его за руку.

— А! Voila la chose! закричалъ онъ, увидавъ на ногтяхъ надпись и, не выпуская изъ рукъ руки журавля, потащилъ его къ инспектору. Журавль упирался. Луи давалъ ему пинки; онъ былъ золъ и радъ, что нашолъ случай выместить на комъ нибудь свою злобу.

Весь классъ опять замычалъ, закричалъ, замяукалъ. Кто-то даже пустилъ огрызкомъ яблока въ самую спину Луи, но въ азартѣ тотъ и не замѣтилъ этого. Борьба продолжалась. Наконецъ учитель одолѣлъ ученика, и при крикахъ и возгласахъ вытащилъ его изъ класса.

Черезъ пять минутъ прозвонилъ звонокъ и урокъ французскаго языка кончился. Выскочившій изъ ретирады Мармотка такъ и помиралъ со смѣху. Товарищи одобрительно похлопывали его по плечу и говорили:

— Молодецъ Мармотка, надулъ Луишку!

— Пожрать только дайте, братцы. Я на него всю жратву издержалъ.

Ему дали съ удовольствіемъ. Съ этого дня Мармотка считался самымъ лихимъ удальцомъ.

Послѣ каждаго урока давалось десять минутъ отдыха. Время это называлось цвишенштунде (zwischenstunde). Ученики могли ходить по классу и дѣлать, что имъ угодно. Играли въ перья, въ чихарду и въ сѣрую кошку. Слышались нѣмецкія и русскія восклицанія.

Вообще въ школѣ говорили по русски и по нѣмецки, но какъ та, такъ и другая рѣчь не была чиста; въ русскую рѣчь вмѣшивались нѣмецкія слова, въ нѣмецкую—русскія. Нерѣдко можно было слышать подобную фразу: „вчера я былъ versäumt и не зналъ, что сегодня Kopfrechnungstunde отмѣнили, а вмѣ-

сто ея Deutsch назначили. Я Aufsatz не сдѣлалъ и Gedichte не выучилъ, а онъ (то-есть учитель) записалъ меня за это въ Tadel и десять auf die Hosen влѣпилъ". Такъ же говорили и нѣмцы. Напримѣръ: — „Gieb' mir etwas пожрать". Трудно же переводимые русскіе глаголы въ родѣ маклачить, припекать, спрягались на нѣмецкій манеръ: „Ich werde маклачи'en, ich habe aus'маклач't, er wollte mich припека'en, aber hat eine фига съ масломъ aufgegessen". Бывало такъ, что русскіе, поступившіе въ нѣмецкую школу и говорившіе до сего времени порусски правильно, пробывъ въ школѣ годъ или два, коверкали русскую рѣчь и принимали нѣмецкіе обороты. Чаще это случалось съ пансіонерами. Домой они ходили только по праздникамъ и все остальное время находились въ школѣ, гдѣ слышали нѣмецкій языкъ и ломаный русскій. Всѣ предметы, за исключеніемъ закона божія и россійской исторіи, преподавались на нѣмецкомъ языкѣ. Русскому, только что поступившему въ нѣмецкую школу и незнавшему нѣмецкаго языка, приходилось очень трудно. Въ то время, когда учитель объяснялъ какой нибудь предметъ, русскій ученикъ только хлопалъ глазами и изъ объясненія не понималъ ни слова. Арифметическія правила, географію, зоологію, нѣмецкій языкъ онъ зубрилъ изъ слова въ слово, и зубреніе это доставалось ему куда какъ трудно. То же было и съ французскимъ языкомъ. Съ французскаго языка переводы дѣлались на нѣмецкій языкъ и наоборотъ. Нерѣдко случалось, что русскій, зубрившій французскіе вокабулы и знавшій, что der Hahn пофранцузски le coq, der Hafer—l'avoine, stolz—fier, не зналъ, какъ эти слова переводятся порусски. Первое время пребыванія русскаго ученика въ нѣмецкой школѣ было мучительно; онъ зубрилъ, ничего не понималъ и тупѣлъ, а педагоги, думая, что дерка все исправитъ, всему дастъ хорошій исходъ, драли его, какъ говорится, на обѣ корки. Изъ этого

выходило такое большое количество лѣнтяевъ, которые были по большей части русскіе. Зубрилъ ученикъ полгода, зубрилъ годъ, но, несмотря на его старанія, все-таки ничего не выходило и его сѣкли. Не видя всему этому исхода, онъ переставалъ учиться вовсе: „пусть ужь лучше такъ сѣкутъ", думалъ онъ, и изощрялъ свой умъ, какъ бы надуть учителя, какъ бы не отвѣчать урока, какъ бы избѣгнуть таделя и порки. Нѣкоторые даже были равнодушны къ таделю и къ поркѣ, и не старались избѣгать ни того, ни другаго; на нихъ нападала какая-то апатія, равнодушіе ко всему, и они ежели и обманывали и надували учителя, то дѣлали это con amore, изъ любви къ искусству и чтобы показать передъ товарищами свое лихачество. Учитель былъ имъ ненавистенъ, и они всячески старались нагадить ему. Нѣмецкая школа родила знакомыхъ намъ Журавля, Мормотку, Корову, но очень могло быть, что, при другихъ условіяхъ, изъ нихъ вышли бы старательные ученики. Русскіе ученики, прошедшіе огонь и воду трехъ младшихъ классовъ, квинты, кварты, терціи и въ это время научившіеся говорить понѣмецки, наконецъ, могли бы учиться какъ слѣдуетъ при переходѣ въ секунду, но имъ уже мѣшала привычка къ лѣности; они всѣми неправдами, всѣми натяжками достигли втораго класса—секунды, и этими же неправдами надѣялись перейти въ приму, въ самый старшій классъ, изъ котораго они, какъ бы ни были плохи ихъ познанія, все-таки выпускались съ свидѣтельствомъ, дающимъ право при поступленіи въ гражданскую службу на первый классный чинъ. А этого-то только и нужно было достигнуть. Вслѣдствіе чего въ секундѣ и въ примѣ учились, какъ говорится, спустя рукава. Въ защиту нѣмецкой школы можно сказать только то, что русскіе ученики, просидѣвъ въ ней шесть-семь лѣтъ, выходили съ знаніемъ нѣмецкаго языка, и съ знаніемъ практическимъ. Но за то свой родной рус-

скій языкъ знали плохо, такъ какъ на него очень мало обращалось вниманія и въ программу преподаванія не входила даже исторія русской литературы. Только въ примѣ ладили съ такъназываемыми сочиненіями на заданную тэму въ родѣ: „разница между воспитаніемъ и образованіемъ“, „праздность есть мать пороковъ“ и съ трудомъ зубрили синтаксисъ. Кончивъ курсъ, ученики имѣли кой-какія понятія о химіи, физикѣ, зоологіи, ботаникѣ, географіи, но не знали, что Stickstoff называется по-русски – азотомъ, Arsenik—мышьякомъ, Larve—личинкой и т. д.

Приводимъ фактъ.

Однажды нѣмецкую школу посѣтила какая-то педагогическая власть. Проходя по классамъ, она достигнула терціи. Въ терціи шло преподаваніе географіи. Власть захотѣла проэкзаменовать нѣкоторыхъ учениковъ и, наконецъ, подошла къ одному.

— Какъ ваша фамилія?

— Ивановъ, отвѣчалъ тотъ, вставая.

— Скажите мнѣ, Ивановъ, какой главный городъ въ Даніи?

Ученикъ вытаращилъ глаза. Онъ и не слыхалъ о такомъ государствѣ.

— Hauptstadt in Dänemark подсказалъ учитель.

-- Копенгагенъ, не задумываясь отвѣчалъ ученикъ.

— Ну, а какія главныя озера въ Швеціи? спросила снова педагогическая власть.

— Genfersee, Lodensee...

— Что вы, что вы, не въ Швейцаріи, а въ Швеціи. Я про Швецію спрашиваю.

— Im Schweden, перевелъ учитель.

— А! Меляръ, Веннеръ, Веттеръ, оправился ученикъ

Учась географіи понѣмецки, онъ не зналъ, что Dänemark—Данія, Schweden—Швеція, а Schweiz—Швейцарія.

Цвишенштунде кончилась. Прозвонили, сейчасъ начнется

урокъ закона божія. Для нѣмцевъ пришолъ пасторъ, для русскихъ — священникъ. Русскіе собрали свои книги и идутъ въ конференцію. Нѣмцы остались въ терціи и ждутъ пастора. Вонъ Луксъ (Luchs, то-есть, рысь), ученикъ въ сѣрой байковой блузѣ, пишетъ на доскѣ мѣломъ русскими буквами нѣмецкіе евангельскіе тексты, чтобы при вопросахъ пастора можно было считывать. Считывать будетъ удобно, потому что пасторъ по-русски ни слова не знаетъ, а ему и въ голову не придетъ, что его такъ ловко обманываютъ.

Въ конференцію набилась пестрая толпа русскихъ учениковъ съ сумками черезъ плечо, съ связками книгъ въ рукахъ. Священникъ, называемый, обыкновенно, учениками за глаза—батькой, а въ глаза—батюшкой, разговаривалъ съ пасторомъ. Разговоръ шолъ понѣмецки и сопровождался пантомимами. Священникъ, наклонясь корпусомъ впередъ и держа лѣвую руку на желудкѣ, съ трудомъ выговаривалъ кой какія нѣмецкія слова, мѣшалъ ихъ съ русскими, а для поясненія ихъ махалъ рукой въ воздухѣ. Пасторъ съ библіей въ черномъ переплетѣ подъ мышкой кивалъ головой, говорилъ: „o ja, ja“ и улыбался. Когда начиналъ говорить пасторъ, то священникъ дѣлалъ то же самое и твердилъ „ja, ja“, сбивался и начиналъ говорить, „такъ, такъ“. Наконецъ законоучители понюхали табаку и разстались.

Священникъ остался съ русскими учениками въ конференціи и велѣлъ читать молитву. Молитву начали читать трое вдругъ.

— Постойте, постойте, перебилъ священникъ. — Читай кто нибудь одинъ. Читай хоть ты, Ивановъ.

Ивановъ сталъ читать молитву. Кто-то кого-то щипнулъ; тотъ фыркнулъ и, чтобъ скрыть смѣхъ, началъ кланяться въ землю. Послѣ молитвы всѣ стали подходить къ священнику подъ благословеніе и цѣловали у него руку.

— Кто это изъ васъ въ землю кланялся? Кто? спрашивалъ ященникъ.

— Это я, батюшка.

— Ты? Вѣдь ты это изъ шалости дѣлалъ? Признайся.

— Нѣтъ, батюшка, изъ усердія, отвѣчалъ ученикъ.

Ученики размѣстились кто какъ попало. Для нихъ въ кон- эренцiи не полагалось ни стульевъ, ни скамеекъ. Одни стояли кругъ стола, другiе сидѣли, прислонясь къ шкафамъ, на связ- ıхъ книгъ и на сумкахъ, а нѣкоторые даже лежали на полу, ложа подъ голову двѣ-три книги. Вонъ въ одномъ углу нача- ıсь игра въ фортунку и играющiе, чтобы узнать, кому вертѣть ортунку первому, считались. Одинъ тыкалъ пальцемъ въ грудь рающимъ и приговаривалъ: „яблочко катилось кругъ огорода, о его поднялъ, тотъ воевода, воеводскiй сынъ. Шишелъ-вышелъ, нъ пошолъ". На комъ слово „пошолъ" кончилось, тотъ и дол- енъ былъ вертѣть фортунку. Вся эта толпа, расположившаяся конференцiи въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, походила орѣе не на учениковъ, а на цыганскiй таборъ.

Вонъ Маримонда лѣзетъ подъ столъ и шепчетъ товарищамъ:

— Ежели батька меня вызоветъ, скажите, что меня нѣтъ, о я versäumt.

Сюда даже приходили и спасающiеся отъ уроковъ нѣмцы и еспокойно въ продолженiе часа или читали какую-нибудь кни- , или играли въ перья.

Священникъ, преподававшiй законъ божiй, былъ прекрасный, обрый старикъ, но самый плохой педагогъ. Относительно его оброты можно сказать то, что онъ во все время своего пре- давания въ нѣмецкой школѣ не высѣкъ ни одного ученика, огда какъ другiе учителя совершенно не могли обходиться безъ ого удовольствiя. Лѣнивыхъ шалуновъ онъ только записывалъ тадель, да и то иногда вычеркивалъ, ежели ученикъ просилъ

прощенія. Онъ былъ немного глухъ и очень близорукъ, такъ что въ пяти шагахъ не могъ узнать человѣка, но очковъ не носилъ, что очень мѣшало ему наблюдать за учениками. Во время урока онъ почему-то не поднимался со стула и просиживалъ на немъ отъ звонка до звонка; вслѣдствіе этого и происходило, что во время его урока въ конференцію прибѣгали спасаться изъ другихъ классовъ и не были имъ замѣчаемы; ученики, незнавшіе урока, кричали сами про себя, что ихъ нѣтъ въ классѣ, что они больны, а ежели и отвѣчали урокъ, то буквально считывали съ книги. Въ одномъ только священникъ походилъ на прочихъ учителей — любилъ, чтобы заданный урокъ отвѣчали слово въ слово, такъ, какъ напечатано въ книгѣ.

— Вѣдь кто книжку-то писалъ, не глупѣе тебя былъ, говорилъ онъ обыкновенно ученику: — для чего же ты берешься своими словами разсказывать?

Однажды онъ велѣлъ ученику привесть примѣръ священнаго преданія, которому слѣдуетъ православная церковь.

— А вотъ, батюшка, началъ ученикъ:—когда идешь мимо церкви, то нужно снять шапку и перекреститься.

— Шапку, шапку... заговорилъ священникъ: — а ежели у кого фуражка или шляпа? Точность нужна. Нужно сказать: когда мы идемъ мимо храма божьяго, то должно обнажить свою голову и осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ.

Священникъ сталъ задавать урокъ къ слѣдующему классу и объяснялъ его. Объяснивъ, онъ вытащилъ изъ кармана нотату— засаленную книжонку, и по алфавитному списку фамилій началъ вызывать учениковъ отвѣчать урокъ. Вызвалъ онъ и Маримонду. Тотъ самымъ комфортабельнымъ образомъ лежалъ подъ столомъ; заслыша свою фамилію, онъ крикнулъ:

— Его нѣтъ, батюшка! Боленъ и не скоро придетъ!

Вообще ученики умѣли священника очень ловко заговари-

вать, то-есть провести съ нимъ время въ разговорахъ и не дать ему времени на спрашиваніе урока. Это обыкновенно дѣлалось тогда, когда большинство не знало урока, и дѣлалось слѣдующимъ образомъ: когда священникъ раскрывалъ свою нотату, ему задавали вопросы, на которые просили объясненія.

— А что, батюшка, отчего въ постъ грѣшно ѣсть скоромное? спрашивалъ кто-нибудь

— Отчего въ нѣмецкихъ церквахъ органы поставлены? Развѣ это подобаетъ?

Лишь только священникъ кончалъ объясненіе, его снова спрашивали:

— А что, батюшка, я слыхалъ, въ иныхъ церквахъ кошекъ держатъ? Вѣдь кошка... какъ же это?

Иногда ученики сговаривались и просили его разсказать житіе какого-нибудь святого.

— Батюшка, какой это святой закрестилъ въ рукомойникѣ бѣса и съѣздилъ на немъ въ Іерусалимъ къ заутрени? Разскажите намъ его житіе.

Иногда священникъ разсказывалъ. Вообще житія святыхъ ученики слушали съ удовольствіемъ и съ видимымъ интересомъ.

Раздался звонокъ. Снова молитва.

Секунда. Ни классъ, ни ученики ничѣмъ не отличаются отъ терціи. Тѣ же зеленыя стѣны, тѣ же картины изъ естественной исторіи, тѣ же пульты. Густосъ на кафедрѣ и наблюдаетъ за порядкомъ въ классѣ. Ученики присмирѣли и ждутъ грозы. Сейчасъ начнется урокъ ариѳметики—предметъ, преподаваемый самимъ инспекторомъ Фельзакомъ. Ученики находятся въ какомъ-то томительномъ ожиданіи. Взоры ихъ устремлены на дверь. „Вотъ сейчасъ войдетъ“, думаютъ они: „каковъ-то онъ сегодня? Очень сердитъ, или не очень? Пьянъ, или трезвъ? Будетъ сѣчь, или не будетъ?“ Нѣкоторые русскіе закрываются книгою и изподтишка

крестятся. Но вотъ въ дверяхъ показалась фигура Фельзака. Медленно, еле передвигая ноги, вступалъ онъ въ классъ.

Инспекторъ, херъ Фельзакъ, по прозванію „жидъ“, былъ невысокаго роста, старикъ лѣтъ шестидесяти, съ длинными сѣдыми волосами и съ гладко выбритою физіономіею, на которой покоился объемистый красный носъ. Одѣтъ онъ былъ въ наваченное пальто безъ таліи; на шеѣ его былъ намотанъ бѣлый миткалевый платокъ, а на ногахъ, поверхъ сапоговъ, надѣты резиновыя калоши. Резиновыя калоши онъ носилъ и лѣтомъ и зимою. Говорили, что онъ ихъ носилъ для того, чтобы неслышною поступью приближаться къ ученикамъ, и такимъ образомъ заставать ихъ врасплохъ и подслушивать разговоры. И дѣйствительно, искуство это онъ довелъ до совершенства, и иногда—какъ изъ земли выросталъ передъ учениками и надѣлялъ ихъ подзатыльниками, оплеухами и ударами въ голову. Удары наносились золотымъ перстнемъ, который онъ носилъ на указательномъ пальцѣ правой руки. Ученики говорили, что нѣтъ тяжеле „жидовской руки“ и увѣряли, что она тяжела такъ оттого, что „жидъ“ перетягиваетъ ее у локтя ремнемъ. На наказанія, какъ мы увидимъ сейчасъ, онъ былъ очень изобрѣтателенъ, и живи онъ во времена свирѣпствованія инквизиціи, могъ бы занять почетное мѣсто среди инквизиторскихъ судей.

Неслышной походкой приблизился херъ Фельзакъ къ кафедрѣ, обратился лицомъ къ ученикамъ и началъ выбирать, кого бы вызвать къ доскѣ для дѣланія арифметическихъ задачъ. На кого падалъ его взглядъ, тотъ невольно опускалъ глаза, присѣдалъ на своемъ мѣстѣ и какъ-то сокращался.

Шесть человѣкъ были вызваны къ доскамъ. У остальныхъ отлегло отъ сердца.

— Wast lachst du, Schweinigel? обратился Фельзакъ къ какому-то улыбнувшемуся ученику.—Komm her!

Ученикъ подошолъ.

— Поближе (*).

Тотъ приблизился. Фельзакъ далъ ему щелчокъ въ носъ (Nasenstüber), и потомъ, схвативъ его за вихоръ, дернулъ вправо и влѣво.

— Теперь благодари за удовольствіе.

— Благодарю, геръ Фельзакъ, проговорилъ ученикъ.

Наказаніе это и не считалось у Фельзака наказаніемъ; это онъ считалъ въ нѣкоторомъ родѣ любезностію.

Фельзакъ началъ диктовать задачу. Вызванные шесть человѣкъ писали ее на доскахъ, остальные въ черновыхъ тетрадяхъ.

— Начинай! ты! крикнулъ Фельзакъ, обращаясь къ крайней доскѣ и, заложа руки на спину, началъ ходить по классу.

Ученикъ, стоявшій у крайней доски, сталъ рѣшать задачу и вслухъ говорилъ, что дѣлаетъ, вслухъ складывалъ, вычиталъ, умножалъ, дѣлилъ и говорилъ правила.

— Слѣдующій! крикнулъ Фельзакъ, и слѣдующій, не запинаясь, долженъ былъ продолжать. Тотъ немного запутался, но потомъ оправился. Это ему не прошло даромъ: Фельзакъ приблизился къ нему и два раза ударилъ его въ затылокъ перстнемъ.

Фельзакъ продолжалъ расхаживать по классу.

— Ты! крикнулъ онъ наконецъ, остановясь передъ сидящимъ у пульты ученикомъ, по прозванью Крыса.

Крыса былъ отставши, и не могъ продолжать. Поднявшись съ мѣста, онъ началъ считать то, что уже было считано. Фельзакъ схватилъ его за вихоръ и потащилъ къ большой доскѣ.

— Ну, продолжай вотъ здѣсь.

(*) Весь разговоръ происходилъ понѣмецки. Фельзакъ хотя и прожилъ въ Россіи тридцать лѣтъ, но по русски объяснялся съ большимъ трудомъ.

Крыса совсѣмъ потерялся, сломалъ мѣлъ и бормоталъ, помножая какія-то числа. Фельзакъ все еще держалъ его за вихоръ и раскачивалъ.

— Это что? спрашивалъ онъ, тыкая рукою въ дроби.

— Цѣлое число съ дробью и дробь, отвѣчалъ, ежась отъ боли Крыса.

— Что нужно сдѣлать?

— Помножить.

— Правило?

— Нужно помножить числителя первой дроби на числителя второй дроби и знаменателя...

— Врешь! Вертись!

Крыса перевернулся нѣсколько разъ на мѣстѣ. Прядь волосъ его, находившаяся все еще въ рукахъ Фельзака, скрутилась.

— Что нужно сдѣлать?

— Нужно помножить числителя...

Крысѣ было больно. Онъ уже самъ не зналъ, что говорилъ.

— Врешь! Кружись еще два раза!

Крыса кружился. Волосы его скрутились еще болѣе.

— Ну?

— Мнѣ трудно, геръ Фельзакъ... Я не могу этого объяснить по-нѣмецки, хотѣлъ было вернуться Крыса.

Онъ былъ русскій.

Фельзакъ приказалъ сказать правило другому ученику. Тотъ сказалъ.

— Повтори!

Крыса повторилъ, но переврал.

— Вертись! Еще, еще, говорилъ ему Фельзакъ.

Какъ Крыса ни былъ терпѣливъ, однако физическая боль

взяла свое. Къ лицу его прилила кровь и на глазахъ показались слезы. Кой какъ, наконецъ, сказалъ онъ правило.

— Теперь продолжай рѣшать задачу, приказалъ ему Фельзакъ, но волосъ его изъ руки не выпускалъ.

Отъ боли Крыса не могъ продолжать.

— Вертись!

Крыса перевернулся еще разъ.

— Еще.

Больше онъ не могъ вертѣться. Волосы его совсѣмъ закрутились. Онъ стиснулъ зубы, заскрежеталъ ими, замычалъ, и схвативъ обѣими руками руку Фельзака, прижалъ ее къ своей головѣ, стараясь этимъ облегчить боль.

— А когда такъ, крикнулъ Фельзакъ: — такъ иди же въ конференцію и попроси у шульдинера, чтобъ онъ отсчиталъ тебѣ двадцать пять!..

При этомъ онъ выпустилъ изъ рукъ волосы Крысы и пихнулъ его въ шею. Тотъ отправился въ конференцію. Фельзакъ пошолъ за нимъ и въ отворенную дверь крикнулъ шульдинеру:

— Двадцать, да покрѣпче!

— Что-то будетъ! шептались ученики. — Многимъ сегодня достанется.

— Онъ пьянъ.

— Нѣтъ, не пьянъ. Развѣ немножко...

Урокъ продолжался. Въ примѣ — классѣ, находящемся рядомъ съ секундой, преподавалось чистописаніе по такту. Ученики писали буквы и пѣли: разъ, два, три. При первомъ утолщеніи буквы пѣлось: разъ, при второмъ — два и т. д. На тонкіе же штрихи приходились паузы. Заливались альты и тенора, хрипѣли и ревели басы. Все это слышалось въ секундѣ, отдѣленной отъ примы стеклянною дверью. Это злило Фельзака; онъ раза два входилъ въ приму и приказывалъ, чтобы пѣли

тише, но приманеры не унимались, а замѣтивъ, что это злитъ инспектора, кричали еще громче.

Фельзакъ разозлился не на шутку и сталъ вымещать свою злобу на секундането. Онъ то и дѣло вызывалъ учениковъ и приказывалъ продолжать рѣшеніе задачи. Оторопѣвшіе ученики сбивались и, получая щелчки въ носъ, удары въ голову перстнемъ, отсылались въ конференцію для „полученія розогъ".

— Шмидтъ! вызвалъ Фельзакъ одного ученика.

Шмидтъ сталъ продолжать рѣшеніе задачи, но остановился и началъ немного соображать. Фельзакъ ударилъ его въ голову перстнемъ и вызвалъ другаго ученика.

— Бергъ, покажи ему, что нужно дѣлать.

Бергъ сталъ показывать, но и самъ спутался. Фельзакъ разразился бранью.

— Ослы! свиньи! кричалъ онъ, и перебравъ весь звѣринецъ ругательныхъ животныхъ, отдалъ слѣдующее приказаніе Шмидту и Бергу:

— Дерите другъ друга за волосы!

Тѣ схватили другъ друга за волосы и начали теребить.

— Крѣпче! Сильнѣе! кричалъ Фельзакъ, и видя, что его приказаніе исполняется плохо, оттаскалъ обоихъ учениковъ за волосы самъ и повелъ въ конференцію для сѣченія.

Вотъ что разсказывали объ издѣваніи Фельзака надъ учениками. За достовѣрность факта не ручаемся: можетъ быть, это и легенда. Про него ходило много легендъ.

Однажды, ученикъ, бывшій у него полупансіонеромъ, попросился тотчасъ послѣ обѣда идти домой, говоря, что ему нужно быть дома. Фельзакъ объявилъ ему, что не пуститъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отвѣтитъ уроковъ, заданныхъ на завтра. Ученикъ выучилъ уроки и, чтобы отвѣчать ихъ, пришолъ въ

кабинетъ Фельзака. Фельзакъ сидѣлъ на диванѣ, былъ пьянъ и ѣлъ яблоки. Ученикъ сказалъ, зачѣмъ пришолъ.

— А! проговорилъ Фельзакъ, и взявъ книгу, сталъ его спрашивать урокъ, придираясь и стараясь сбить, но сбить не могъ. Уроки были выучены хорошо.

— Можешь идти. Вотъ тебѣ угощеніе за это, проговорилъ онъ, подошолъ къ комоду, вынулъ оттуда три яблока и далъ ученику. Тотъ поблагодарилъ и хотѣлъ уходить.

— Нѣтъ, погоди. Ѣшь ихъ.

Ученикъ началъ ѣсть. Яблоки были большія. На третьемъ онъ уперся. Желудокъ его былъ полонъ отъ недавно съѣденнаго обѣда.

— Ѣшь! крикнулъ Фельзакъ.

Ученикъ кое-какъ доѣлъ.

— Вотъ тебѣ еще три. Ѣшь и эти.

Ученикъ понялъ, въ чомъ дѣло, и заплакалъ. Попробовалъ было ѣсть, но желудокъ не принималъ.

— Ѣшь! кричалъ Фельзакъ, и кормилъ ученика до тѣхъ поръ, что его начало рвать.

Нѣкоторые говорили, что Фельзакъ сумасшедшій, и какъ видится, говорили не безъ основанія.

Вотъ еще одинъ педагогъ,—учитель русскаго языка, Лурлей.

Лурлей былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, носилъ бѣлокурый парикъ съ хохломъ и фракъ со свѣтлыми пуговицами. Какой націи былъ Лурлей—неизвѣстно. Одни говорили, что онъ французъ, другіе—что онъ нѣмецъ, но кажется, онъ былъ швейцарецъ.

Вотъ онъ входитъ въ классъ, заложа руки въ карманы своихъ узенькихъ брюкъ и переваливаясь съ ноги на ногу. Ученики вскакиваютъ съ мѣстъ и кричатъ:

— Здравствуйте, господинъ Лурлей.

— Тише, тише, говоритъ Лурлей, морщась и махая руками.—Садитесь. Безъ шуму, пожалуйста: это ужасно дѣйствуетъ на мои нервы. Густосъ, смотри, чтобы не шумѣли, и кто будетъ шумѣть, доложи мнѣ. Я вышлю того въ конференцію и пусть господинъ инспекторъ его выдеретъ. Что я задалъ къ сегодня?

— Двадцать строкъ „Умирающій Тассъ", и изъ грамматики мѣстоимѣніе до конца, хоромъ отвѣтили ученики.

— Вы не врете? Густосъ, это правда?

— Правда, геръ Лурлей.

Лурлей никогда не помнилъ и не записывалъ, что онъ задавалъ. Случалось, что его обманывали и отвѣчали старый урокъ.

— Кто изъ васъ не знаетъ урока? Встаньте, кто не знаетъ, а то хуже будетъ.

Ученики молчали.

— Всѣ знаете? Хорошо. Вундтъ, отвѣчай урокъ. Стихи.

Вундтъ начинаетъ отвѣчать изъ середины только то, что задано къ сегодня.

«Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почести столь поздні награды, —
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады».

— Ты, кажется, почтенный, тамъ считываешь? говоритъ Лурлей.—Подойди сюда и отвѣчай здѣсь, около меня.

Вундтъ подходитъ и читаетъ снова. Сидящій на стулѣ Лурлей начинаетъ дремать. Голова его склоняется на грудь. Сзади стоитъ Густосъ и чертитъ меломъ на фалдѣ его фрака какую-то рожу. Корова нажевалъ бумаги, и ввернувъ въ нее нитку съ привѣшеннымъ къ ней вырѣзаннымъ изъ бумаги паяцомъ, кинулъ на потолокъ. Жеваная бумага прилипла къ потолку и паяцъ

болтается въ воздухѣ, какъ разъ надъ головою дремлющаго Лурлея.

«Соренто! Колыбель моихъ печальныхъ дней,
Гдѣ я, какъ трепетный Асканій,
Отверженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ ея объятій и лобзаній.
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я?»

Читаетъ Вундтъ, но видя, что Лурлей дремлетъ и начинаетъ всхрапывать, показываетъ ему языкъ, фигу и, наконецъ, читаетъ слѣдующіе стихи:

«Какъ въ саратовскомъ трактирѣ,
Разыгрались мы на лирѣ
Очень хорошо! Очень хорошо!»

— Сволочь несчастная! говоритъ онъ, убѣдясь, что учитель спитъ.

— Что? спрашиваетъ очнувшійся Лурлей.

— Я кончилъ-съ.

— А! Хорошо. Грамматику знаешь?

— Знаю-съ.

— Склоняй: я лѣнивый оселъ.

— Я лѣнивый оселъ, меня лѣниваго осла, мнѣ лѣнивому ослу...

— Довольно. Федоровъ, продолжайте!

Федоровъ продолжаетъ, но видя, что Лурлей начинаетъ снова дремать, склоняетъ:

— Тобою лѣнивымъ осломъ, о тебѣ лѣнивомъ ослѣ, и при этомъ указываетъ пальцемъ на Лурлея.

Ученики захохотали. Учитель опять проснулся и крикнулъ:

— Что за шумъ! Густосъ, чему смѣются? Кто смѣялся?

— Не знаю-съ. Всѣ смѣялись.

Федоровъ между тѣмъ склонялъ:

— Мы лѣнивые ослы, насъ лѣнивыхъ ословъ.

— Вундтъ, Федоровъ, Кристофъ, Блюмъ и какъ тебя... маленькій рыжій... говорилъ Лурлей: — спрашивайте на своихъ скамейкахъ у товарищей уроки, и кто не знаетъ, скажите мнѣ: того я прикажу высѣчь. Только тихо, безъ шуму.

Началось спрашиваніе уроковъ, а Лурлей снова задремалъ. Въ классѣ послышалось мычаніе, сначала тихое, но потомъ становилось громче и громче. Надъ головою Лурлея висѣлъ уже не одинъ паяцъ, а пять. Фалды его фрака были оплеваны и замараны мѣломъ.

— Что за шумъ? проговорилъ онъ, очнувшись отъ дремоты, но въ классѣ уже было тихо, мычаніе прекратилось. — Спросили? Знаютъ? обратился онъ къ ученикамъ, занимавшимся спрашиваніемъ урока.

— Всѣ знаютъ.

— Хорошо. Скажите густосу, чтобъ онъ записалъ васъ въ лобъ. Густосъ! диктуй всѣмъ, а вы пишите. Вотъ съ этой строчки, и Лурлей ткнулъ пальцемъ въ книгу.

Густосъ началъ диктовать, а Лурлей опять погрузился въ дремоту. Черезъ пять минутъ раздался звонокъ и прекратилъ занятія. Лурлей потягивался и говорилъ:

— Къ слѣдующему классу приготовьте „Умирающаго Тасса“ до конца и письменныя склоненія: „который лѣнивый ученикъ“ и „она развратная дѣвочка“. Грамматику сегодня не успѣлъ объяснить, объясню въ слѣдующій классъ, и переваливаясь съ ноги на ногу, Лурлей сталъ выходить изъ класса.

Два часа. Классы кончились. Приходящіе ученики, напяливъ на себя пальтишки и шубы и перекинувъ черезъ плеча сумки и связки книгъ, выбѣгаютъ на училищный дворъ. У дверей стоятъ густосы, останавливаютъ записанныхъ въ тадель и не пускаютъ

ихъ домой. Тѣ отводятъ густосовъ въ сторону и просятъ вычеркнутъ ихъ изъ таделя, сулятъ принести завтра булки, яблоки.

— Я тебѣ гривенникъ дамъ и отличный ремень подарю, пропусти только, говоритъ кто-то.

Вотъ и Шоттъ. Онъ долженъ сегодня остаться.

— Пусти, говоритъ онъ густосу.

— Нельзя, Шоттъ, ты ужь три раза удиралъ.

— И опятъ удеру.

— Мнѣ же вѣдь можетъ за тебя достаться. Посиди два часа—неважное дѣло.

— Не хочу. Такъ не пустишь?

— Не пущу, потому что тебя самъ жидъ оставилъ. Онъ можетъ тебя хватиться.

— Такъ держись же, проговорилъ Шоттъ, и рванулъ дверь.

Густосъ схватилъ его за рукавъ и не пускалъ. Густосы другихъ классовъ, также стоявшіе у дверей, стали подсоблять, заслонили собой дверь и бросились на Шотта. Шоттъ рвался, но его успѣли повалить и сѣли на него. Лежа на полу, онъ барахтался, лягался, кусался и, наконецъ, изловчившись, вскочилъ на ноги, пихнулъ одного въ грудь, другому заѣхалъ въ ухо и, отворивъ дверь, выбѣжалъ на дворъ, а съ двора за ворота.

— Вотъ-такъ чортъ! говорили густосы, и о побѣгѣ Шотта рѣшили доложить дежурному гувернеру.

— Ничего, проговоривъ гувернеръ.—Какъ получитъ завтра т р и д ц а т ь с ъ р а з д ѣ в а н і е м ъ, такъ перестанетъ бѣгать.

Но Шоттъ получилъ должное въ тотъ же день. Фельзакъ, видѣвшій его побѣгъ, послалъ за нимъ домой двухъ шульдинеровъ, но тѣ, по указанію нѣкоторыхъ учениковъ, нашли его въ мелочной лавочкѣ, находящейся рядомъ съ школою, гдѣ онъ покупалъ фунтъ ватрушки, схватили его, привели обратно въ школу, гдѣ

онъ и получилъ не тридцать, а сорокъ съ раздѣваніемъ, и всетаки просидѣлъ два часа, но предварительно у него отняли шубу, шапку и книги.

Въ кварту вваливались ученики и несли съ собой шубы, шапки, калоши, книги, сумки. Это попавшіе въ продолженіе дня въ тадель, за что и должны просидѣть въ школѣ лишнихъ два часа. Ихъ ожидалъ уже дежурный воспитатель, французъ Ланьо, онъ же и учитель французскаго языка въ двухъ младшихъ классахъ: въ квинтѣ и квартѣ. Ланьо былъ статный среднихъ лѣтъ мужчина, франтъ и носилъ бороду á la Napoleon. Онъ былъ истый французъ — веселый, поминутно что нибудь напѣвающій или насвистывающій. Про него говорили, что во Франціи онъ былъ солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію, ѣздилъ по ярмаркамъ, показывалъ какую-то панораму мѣстностей Европы, потомъ служилъ прикащикомъ въ какомъ-то французскомъ магазинѣ и, наконецъ, опредѣлился воспитателемъ и учителемъ въ нѣмецкую школу. Ланьо сидѣлъ на стулѣ и что-то насвистывалъ. Штрафованные ученики размѣщались по пультамъ. Къ Ланьо приходили густосы и вручали ему списки оставшихся. Получивъ списки, Ланьо началъ перекличку. Человѣкъ десяти не оказалось; они, говоря языкомъ учениковъ, удрали. Ланьо записалъ ихъ фамиліи.

Медленно тянется время. Ученики играютъ въ фортунку, въ крестики и нолики, въ трубочисты. Въ послѣднюю игру играютъ по двое и попеременно угадываютъ другъ у друга, въ которой рукѣ спрятанъ кусокъ грифеля. Ежели угадано, то угадавшій ученикъ пишетъ на грифельной доскѣ букву т, ежели нѣтъ, то то же самое пишетъ прятавшій. Потомъ, такимъ же порядкомъ, пишется р, у и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока не

напишется слово трубочистъ. Кто скорѣе достигнетъ этого, тотъ и выигралъ. Проигравшій долженъ былъ облизать языкомъ грифельную доску и награждался, по условію, двадцатью-тридцатью щелчками въ кисть руки. Въ трубочисты играли также и на перья.

Вонъ Журавль ничего не дѣлаетъ, и чтобы какъ нибудь провести время, выворачиваетъ себѣ вѣки, растягиваетъ пальцами ротъ, ноздри. Иные, положа голову на руки, дремлютъ.

Въ первомъ ряду пультъ, противъ Ланьо, сидятъ ученики постарше: секунданеры, приманеры. Ланьо ведетъ съ ними разговоръ.

— Чертоплясъ, который тебѣ годъ? спрашиваетъ онъ одного ученика ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Восемнадцать.

— Ты не женатъ?

— Нѣтъ еще, мосье Ланьо.

— Отчего?

Чертоплясъ глупо улыбается.

— Какъ порусски l'amante? спрашиваетъ Ланьо.

— Любовница, душенька, переводитъ кто-то.

— А душенька у тебя есть?

— Нѣтъ еще.

— Отчего?

— Не обзавелся еще. Обзаведусь... отвѣчаетъ Чертоплясъ.

— Мусье Ланьо, слышится чей-то голосъ съ задняго ряда пультъ.

— Что тебѣ?

— Велите мнѣ дать десять ауфъ ди хозенъ, да отпустите домой.

— Нельзя. Ежелу хочешь, ауфъ ди хозенъ дамъ, а домой нельзя.

Ученики смѣются.

— Господинъ Шоттъ, что вы такой скучный? пристаетъ къ Шотту Ланьо.

— Онъ, мосье, баню получилъ сегодня, говоритъ кто-то.

— Это хорошо. Онъ это любитъ. Шоттъ, ты любишь розги?

— Тебѣ бы хорошо вкатить, бормочетъ Шоттъ.

— Что ты говоришь?

— Ничего, проѣхало...

— Твоя жена теперь плачетъ. Ты ей скажешь, что получалъ розги? А?

— Молчи, лягушечникъ!

— Что это лягушечникъ?

— Кто лягушекъ ѣстъ. Лягушка.... grenouille.... поясняютъ ему.

— Это хорошо. Это вкусно.

Противъ Ланьо сидитъ Варлецкій, школьный поэтъ и мечтатель. Его поэтическія наклонности были открыты случайно. Варлецкій всячески скрывалъ ихъ. Онъ былъ пансіонеръ. Однажды онъ сидѣлъ въ углу на крайней пультѣ, закатывалъ подъ-лобъ глаза, что-то шепталъ себѣ подъ носъ, теръ лобъ и грызъ перо. Передъ нимъ лежалъ листъ бумаги. Увидавъ его въ такомъ положеніи, товарищи подошли къ нему и спросили, что онъ дѣлаетъ. Варлецкій тотчасъ же скомкалъ бумагу и спряталъ ее въ карманъ, а такъ-какъ этого по правиламъ товарищества дѣлаться не должно, то бумагу у него отняли и прочли слѣдующія строчки:

Я помню домикъ сѣренькій,
Тамъ дѣвушка жила,
Глаза имѣла черные,
Красавица была.

Съ этихъ поръ Варлецкому не было нигдѣ проходу. Ученики

выучили эти четыре строчки и дразнили его ими при каждомъ удобномъ случаѣ. Онъ сердился и ругался.

— Мосье Ланьо, хотите картинку посмотрѣть? говоритъ Варлецкій и подаетъ ему изображеніе голой женщины.

Ланьо былъ охотникъ до подобныхъ картинъ и долго любовался ею.

— А вы эдакія видали? проговорилъ онъ и вынулъ изъ кармана небольшой альбомъ. Онъ показывалъ альбомъ избраннымъ ученикамъ. Въ альбомѣ были картины самаго циническаго свойства.

— Варлецкій, чеши мнѣ немного голову, проговорилъ Ланьо.

Варлецкій былъ любимымъ его ученикомъ, за то, что довольно сносно говорилъ пофранцузски. Онъ вынулъ изъ кармана гребенку и сталъ причесывать Ланьо.

— Хотите, мосье Ланьо, я вамъ анекдотъ разскажу, проговорилъ Чертоплясъ, и вполголоса сталъ разсказывать какой-то сальный анекдотъ, главными дѣйствующими лицами котораго были попъ, попова дочка и работникъ. Непонятныя для Ланьо фразы Варлецкій переводилъ пофранцузски. Чертоплясъ зналъ множество такихъ анекдотовъ и частенько ими забавлялъ Ланьо. У Чертопляса была и тетрадка съ тщательно переписанными стихотвореніями Баркова.

А полупансіонеры и пансіонеры гуляли между тѣмъ на дворѣ. Погуляли они съ часъ, поиграли въ снѣжки, въ краденую палочку, и надоѣло имъ.

— Кошекъ гонять! Кошекъ бить! предложилъ кто-то.

Предложеніе было принято. Вооружились палками, комками снѣгу, кусками льду. Одни отправились въ подвалы выгонять кошекъ, другіе стали у входа въ подвалы. Наконецъ, показались двѣ кошки. Съ крикомъ бросились за ними ученики и бросали въ нихъ палками, кусками льду. Одна кошка убѣжала, другую

убили. Трофей побѣды таскали долго по двору и, наконецъ, зарыли въ снѣгъ.

Воспитатель или гувернеръ, какъ его называли въ школѣ, наблюдавшій за учениками, озябъ и скомандовалъ идти въ классъ. Толпа повалила по лѣстницѣ въ классы.

До обѣда еще долго. Что дѣлать ученикамъ? Сдвинули они пульты въ сторону и, опроставъ мѣсто, начали играть. Вотъ идетъ игра въ котлы. На полу начерчены мѣломъ клѣтки. по клѣткамъ этимъ прыгаютъ ученики на одной ногѣ и носкомъ сапога ведутъ плоскій камешекъ или черепокъ. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобы черепокъ или камешекъ провести по всѣмъ клѣткамъ, но такъ, чтобы онъ не попалъ на черту, и чтобы самому не наступить на нее. Журавль ходитъ по классу съ запечатанной коробкой, въ крышкѣ которой прорѣзана небольшая дырка, и маклачитъ на построеніе кабака.

— На построеніе кабака! гнуситъ онъ, проходя между играющими.

Доброхотные датели опускаютъ въ коробку старыя и новыя перья. Изъ маленькихъ, то-есть квинтанеровъ, ежели кто упрямился дать свою лепту, такъ Журавль его принуждалъ силой.

— Давай перо, а то вздую!

Квинтанеръ, припертый къ стѣнѣ и видя передъ своимъ носомъ мускулистый кулакъ Журавля, достаетъ перо и опускаетъ въ коробку.

Мармотка затѣялъ лотерею, носится съ реэстромъ и предлагаетъ взять билетъ. Разыгрываются два карандаша, булка съ вареньемъ и пеналь. Цѣна билету пять новыхъ стальныхъ перьевъ или двѣ копейки.

Вообще лотереи были въ большомъ употребленіи въ школѣ и находили на нее, какъ и жеваніе клячки, въ родѣ эпидеміи; лишь только одному стоило сдѣлать лотерею, какъ уже дѣлалъ

другой, третій и всѣ, у кого только было что разыгрывать. Разыгрывались учебники, грифельныя доски, перочинные ножи; нѣкоторые притаскивали изъ дому для розыгрыша чернилицы, портмоне и вообще разныя бездѣлушки. Вырученныя деньги проѣдались. Случалось, что кто нибудь, розыгравъ въ лотерею книги, переставалъ учиться, потому что учиться было непо чему.

Чтобы добыть книгу, онъ кралъ ее у товарища, соскабливалъ фамилію и обрывалъ переплетъ, для того, чтобы настоящій владѣлецъ книги не могъ признать ее за свою.

Любители пѣнія сгруппировались вмѣстѣ и поютъ хоромъ:

Ich weiss nicht was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin.

Пѣніе идетъ довольно согласно. Въ нѣмецкой школѣ обучали нотному пѣнію, и были ученики, которые пѣли очень порядочно, особливо нѣмцы.

— Was ist das deutsche Vaterland? кричитъ кто-то, когда первая пѣсня была спѣта.

И запѣли: „Was ist das deutsche Vaterland?“ „Ist Preussenland!“ выводятъ тонкіе голоса, „ist Schwabenland!“ вторятъ басы. Пѣвчихъ окружаютъ ученики и слушаютъ пѣніе. Кто-то изъ неумѣющихъ начинаетъ подтягивать и фальшивитъ. Регентъ-любитель приказываетъ ему молчать; тотъ не унимается.

— Отдую! кричитъ регентъ и бросается на непрошеннаго пѣвчаго.

Начинается свалка, драка. Пѣніе прекращается. Дерущіеся подставляютъ другъ другу ноги, вцѣпляются въ волосы и, наконецъ, обнявшись падаютъ на полъ.

А вотъ другаго рода пѣніе.

— Давайте въ колокола звонить! кричитъ кто-то.

Человѣкъ пятнадцать разсаживаются по пультамъ и на-

пают звонить. Дѣлятся на три партіи: одни выговаривая скороговоркой „четверть блина, четверть блина“, другіе немного рѣже „полъ блина, полъ блина“ и, наконецъ, третьи протяжно басятъ „блинъ, блинъ“. Все вмѣстѣ взятое походитъ немного на колокольный звонъ.

Въ углу у окна стоитъ Маклакъ, ученикъ, прозванный такъ за свои торговыя и промышленныя наклонности, и показываетъ желающимъ панораму, — десятокъ транспарантовъ, изображающихъ ландшафты. Плата за посмотрѣніе — два новыхъ пера или копейка.

Маклакъ — замѣчательный человѣкъ въ школѣ. Прозвищемъ этимъ его зовутъ не только товарищи, но даже и учителя. Маклакъ въ школѣ нѣчто въ родѣ маркитанта. Захочется проголодавшемуся ученику съѣсть булку съ масломъ, бутербродъ съ колбасой или полакомиться леденцами, онъ тотчасъ же обращается къ Маклаку.

— Маклакъ, дай булку съ масломъ въ пять копѣекъ.

— Сейчасъ, говоритъ Маклакъ, и черезъ нѣсколько времени доставляетъ покупателю булку.

Маклакъ пансіонеръ и имѣетъ небольшой шкафчикъ; въ шкафчикѣ этомъ и хранятся съѣстные припасы. Между книгъ, тетрадей, разныхъ картинъ, коробокъ, лежатъ булки, тюрики съ кедровыми орѣхами, съ леденцами, куски колбасы и сыру, завернутые въ бумагу. Стоитъ банка съ брусничнымъ вареньемъ, жестянка изъ-подъ сардинокъ съ коровьимъ масломъ и жестяная копилка съ деньгами. Всѣ эти съѣстные припасы онъ продаетъ за перья, за карандаши, за деньги. Вѣрнымъ людямъ Маклакъ продаетъ и въ долгъ, а также занимается и ростовщичествомъ, даетъ пятиалтынные и гривенники подъ залогъ книгъ. Кромѣ того, онъ торгуетъ бумагой, тетрадями, карандашами, перьями. Маклакъ старожилъ нѣмецкой школы, сидитъ

въ ней десятый годъ и уже добрался до примы. Онъ уже взрослый парень лѣтъ девятнадцати съ пробивающимися усами и бакенбардами. Маклакъ чрезвычайно скупъ и жаденъ. Для себя онъ никогда не употребляетъ своихъ товаровъ. Ежели онъ голоденъ, то дѣлаетъ набѣгъ на младшіе классы, на кварту и квинту. Врывается въ классъ и отыскиваетъ глазами какого нибудь ученика, утоляющаго голодъ булкой или чѣмъ нибудь съѣдобнымъ. Завидя такого, онъ бросается на него, вырываетъ у него булку и скрывается. Кромѣ вышесказанной торговли, Маклакъ устраиваетъ лотереи, показываетъ панораму, разные фокусы и занимается дѣланіемъ фортунокъ, которыя и продаетъ.

А вотъ еще развлеченіе. Сидитъ уже взрослый самодуръ-безобразникъ. Передъ нимъ стоитъ маленькій бѣлокурый мальчикъ.

— Чухна, цалуй мои сапоги, а то отдую!

Чухна наклонился и цалуетъ сапогъ.

— Вотъ тебѣ за это перо. Обмакни три раза палецъ въ чернилицу и оближи его — четыре дамъ.

Чухна макаетъ въ чернилицу палецъ и облизываетъ.

Чухна былъ замѣчателенъ тѣмъ, что, какъ страусъ, могъ глотать и ѣсть совершенно неперевариваемые желудкомъ предметы. Не говоря уже о мѣлѣ и угольяхъ, онъ ѣлъ бумагу, карандашныя стружки, грифеля, мелкіе камешки и пилъ чернила.

Стемнѣло. Гувернеръ захлопалъ въ ладоши и крикнулъ: обѣдать! Толпа проголодавшихся учениковъ побѣжала истреблять пищу. Столовой не было, и обѣдали въ одномъ изъ классовъ. Послѣ обѣда началось приготовленіе уроковъ. Трудно сейчасъ послѣ обѣда приниматься за дѣло: желудокъ полонъ, во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то лѣнь, но что дѣлать — таковъ ужъ порядокъ нѣмецкой школы.

Тускло свѣтятъ съ потолкла четыре лампы на сидящихъ за пультами, потягивающихся и зѣвающихъ учениковъ. Въ первыхъ

рядахъ сидятъ младшіе классы, въ послѣднихъ — старшіе. На кафедрѣ гувернеръ читаетъ газеты и ковыряетъ въ зубахъ перомъ въ бисерномъ чехлѣ. Происходитъ приготовленіе письменныхъ и зубреніе устныхъ уроковъ. Въ одномъ концѣ слышится: „je suis, tu es, il est“, въ другомъ—кто долбитъ граматическое правило, повторяя одну и ту же фразу по нѣскольку разъ для того, чтобы фраза эта, слово въ слово, засѣла въ голову; а вотъ трое, соединившись вмѣстѣ, учатъ французскіе стихи и читаютъ ихъ по книгѣ всѣ въ разъ, хоромъ, увѣряя, что такъ скорѣе заучивается. Какихъ-какихъ только способовъ не придумывали ученики для легчайшаго затверженія урока! Было даже повѣрье, что кто съ вечера не можетъ выучить урока, тоесть заболтается, какъ выражались ученики, то нужно на ночь положить съ собою книгу подъ подушку, и тогда на утро урокъ будетъ сидѣть въ головѣ какъ свая въ землѣ. Но время идетъ. Въ семь часовъ встанетъ отъ своего послѣобѣденнаго сна инспекторъ Фельзакъ и придетъ спрашивать уроки. У приманеровъ идетъ споръ. Маклакъ увѣряетъ, что онъ можетъ Фельзака въ глаза обругать жидомъ и скотиной.

— Отчего же не мочь—можешь, только онъ тебя выдеретъ и изъ школы выгонитъ.

— Не выдеретъ и не выгонитъ. Идетъ на споръ? Ежели я обругаю —съ васъ по гривеннику, не обругаю —дуйте меня, какъ хотите.

Пари заключено. Пришолъ Фельзакъ. Прошолся по классу, далъ какому-то ученику щелчокъ въ носъ и повелъ приманеровъ въ конференцію спрашивать уроки. У дверей конференціи расположился шульдинеръ съ розгами и сталъ ожидать работы, какъ онъ выражался. Въ конференціи приманеры стали всѣ въ рядъ кругомъ стола. Маклакъ стоялъ первымъ съ краю и, слѣдовательно долженъ былъ первый начинать.

— Переводъ съ нѣмецкаго на русскій, проговорилъ онъ:— Lied von der Glocke—пѣснь о колоколѣ.

Fest gemauert in der erden
Steht die Form aus Lehm gebrannt,
Heute muss die Glocke werden!
Frisch Gessellen, seid zur Hand!

продекламировалъ онъ и сталъ будто бы переводить:

— Жидъ, огромная скотина, обитаетъ въ стѣнахъ школы. Онъ имѣетъ красное нюхало и питается плодами и сивухой. Полезно бы было поколотить его.

Все это было сказано ровнымъ и спокойнымъ голосомъ. „Молодецъ", подумали приманеры. Фельзакъ же и не думалъ, что его обругали: онъ такъ мало зналъ порусски, что не понялъ изъ этого ни слова, и даже по свойственной ему привычкѣ поправлять, поправилъ Маклака.

— Си-ву-хой, проговорилъ онъ, растягивая слово, и примолвилъ:—нужню яснѣе выговаривать.

Другіе приманеры, однако, побоялись ругать Фельзака и переводили „пѣснь о колоколѣ" какъ слѣдуетъ. Послѣ приманеровъ въ конференцію пришли секунданеры, и такъ далѣе, по очереди, перебывали всѣ классы.

— Сегодня что-то добръ былъ, говорилъ шульдинеръ про Фельзака, убирая розги:—только троимъ досталось, да и то по рукамъ.

Тѣмъ учебный день и кончился.

БИРЖЕВЫЕ АРТЕЛЬЩИКИ.

Тамъ, читатели, на томъ славномъ Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ, гдѣ живутъ въ обширныхъ хоромахъ биржевые купцы, разбогатѣвшіе вслѣдствіе выгодныхъ спекуляцій, гдѣ, по выраженію артельщиковъ, что ни плюнь, то купеческая контора, гдѣ на берегу Невы лежатъ два гранитные сфинкса и мечтаютъ о своемъ отечествѣ Египтѣ, гдѣ стоятъ университетъ и академія художествъ и гдѣ жрецы этихъ храмовъ науки и искусства гнѣздятся по угламъ и коморкамъ, отдаваемымъ въ наймы разными нѣмками „aus Wiborg", процвѣтаетъ особый мірокъ биржевыхъ артельщиковъ. Мірокъ этотъ, хотя и не превышающій двухъ тысячъ человѣкъ, играетъ на Васильевскомъ острову не послѣднюю роль. Онъ имѣетъ свои нравы, обычаи, развлеченія, пивныя, ямки, т. е. погребки, и въ массѣ, не безъ основанія, считаетъ себя кореннымъ жителемъ своего острова.

Въ то время, читатели, когда еще не существовало никакого ученія о соціализмѣ, когда еще политическая экономія была во младенчествѣ и когда еще не было написано ни одного проэкта объ ассоціаціяхъ, на сѣверѣ Европы, и именно въ Петербургѣ, ассоціаціи уже существовали у простыхъ мужичковъ, пришедшихъ изъ деревень для заработковъ. Начало основанія биржевыхъ артелей относится ко времени Петра Великаго. Сначала образовалась одна артель, но потомъ, вслѣдствіе прибытія но-

выхъ членовъ и расширенія торговли при петербургскомъ портѣ, она раздробилась на двѣ; эти двѣ артели по мѣрѣ увеличенія работъ и рукъ снова дробились, и такъ далѣе. Въ настоящее время ихъ считается двадцать двѣ, исключая присяжной артели дрягилей, находящейся при выгрузкѣ товаровъ, и артели купоровъ, спеціальность которыхъ состоитъ въ откупориваніи и закупориваніи бочекъ и ящиковъ съ товарами при досмотрѣ ихъ таможенными чиновниками *). Каждая артель имѣетъ свой уставъ, впрочемъ мало отличающійся отъ уставовъ другихъ артелей, и управляется старостою и писаремъ, ежегодно избираемыми артельщиками изъ среды своей. Важныя дѣла, какъ-то: принятіе въ артель новика, исключеніе артельщика изъ артели, назначеніе ему за какой нибудь проступокъ штрафа, отписка **) его отъ артели за пьянство и нерадѣніе къ дѣлу, рѣшаются общимъ собраніемъ артельщиковъ по большинству голосовъ. Староста и писарь пользуются почетомъ и еще тѣми матеріальными преимуществами, что артель сверхъ слѣдуемаго имъ дувана, т. е. заработка, даритъ къ новому году по семидесяти и по сту рублей.

Артель работаетъ на купцовъ по таксѣ, установленной на это биржевымъ комитетомъ.

Артельщикъ во всемъ обезпеченъ: онъ имѣетъ постоянную работу, артельную квартиру и участвуетъ два или три раза въ годъ въ пирушкахъ, устраеваемыхъ на артельный счетъ; ежели

*) Вотъ названія главнѣйшихъ биржевыхъ артелей: Бароновская, Коломенская, Козухина, Пининская, Ярославская, Полуярославская, Спасская, Владимірская, Московская, Портеровая, Стюартова, Гленова, Метелкина, Шляпкина, Шилинская и др.

**) Отписать отъ артели значитъ то, что артельщикъ въ продолженіи мѣсяца, двухъ, трехъ, а иногда и болѣе лишается дувана, т. е. заработка, но не смотря на это, долженъ исполнять всѣ работы, которыя возложитъ на него староста.

заболитъ, то не неволитъ себя работой, а можетъ лечь въ больницу, не боясь, что по выходѣ изъ нея не будетъ имѣть угла и хлѣба, потому что даже и при долговременной болѣзни, продолжающейся около года, онъ не лишается права на полученіе за это время слѣдуемаго ему дувана. Ежели онъ закутитъ, запьетъ, артель старается объ его исправленіи: штрафуетъ его, отписываетъ отъ артели и даже увѣщеваетъ на собраніи; ежели во время его караула что нибудь окажется, несчастнымъ случаемъ, украдено изъ ввѣреннаго ему хозяйскаго товара и артель найдетъ его мало виновнымъ, то не вычитаетъ за все украденное изъ его денегъ, а половину, а иногда и болѣе, принимаетъ на себя.

Каждый новопоступающій артельщикъ долженъ вкупиться, т. е. внесть въ артель извѣстную сумму денегъ, ежели же онъ не внесъ вкупъ сполна, то долженъ зажить его. Вкупъ этотъ отъ 800 до 900 р. с. ему опредѣляетъ артель, глядя по его лѣтамъ и силѣ, въ какой степени онъ можетъ исполнять работы, исполняемыя другими артельщиками, для чего онъ получаетъ на содержаніе только одну половину дувана, другая же половина, за отчисленіемъ извѣстной суммы въ основной капиталъ, идетъ въ массу заработываемой суммы и дѣлится въ дуванѣ.

Старикъ-артельщикъ, зажившій свой вкупъ за вычетомъ расходовъ, именуемыхъ на ихъ языкѣ „большимъ ярлыкомъ", какъ-то на общественную квартиру, адресный билетъ и жестянку, получаетъ дувана отъ 200 до 400 р. с. въ годъ и болѣе; ежели же онъ захочетъ выйти изъ артели, то треть своего вкупа, даннаго имъ при поступленіи, получитъ тотчасъ же, а остальныя деньги ему выплачиваются въ продолженіи пяти или шести лѣтъ.

Почти всѣ артельщики крестьяне Архангельской, Ярославской, Владимірской и другихъ смежныхъ съ ними губерній. Вкупаются въ артель они въ очень молодыхъ лѣтахъ, по восемнадцатому,

по девятнадцатому году, а иногда и ранѣе, всегда весною, до открытія навигаціи. Очень немногіе имѣютъ при себѣ женъ и семейства; семейства ихъ живутъ по деревнямъ куда артельщики зимою, черезъ годъ или черезъ два, и ѣздятъ на побывку. Въ деревнѣ артельщикъ живетъ-гуляетъ, ходитъ по гостямъ, франтитъ сибиркой, фуляровыми платками и смазными сапогами, „знай де насъ, питерскихъ!“ и не прикоснется ни до какой деревенской работы: за него работаютъ его домашніе, за что и онъ ихъ отдариваетъ питерскими подарками и поитъ чаемъ, кофеемъ и водкой. Нерѣдко артельщики проживаютъ въ деревнѣ всѣ свои скопленныя въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ деньги, особливо ежели стремленіе его по части франтовства удовлетворено, а стремленіе это — енотовая шуба. Какъ скопитъ артельщикъ сто, полтораста рублей, сейчасъ покупаетъ себѣ енотовую шубу, — тогда уже и извощики величаютъ его не иначе, какъ купцомъ, а быть похожимъ на купца—это мечта каждаго артельщика. Въ житьѣ-бытьѣ и одеждѣ артельщики также стараются подражать купцамъ, какъ гимназисты студентамъ; особливо это удается артельщикамъ, живущимъ при конторахъ и имѣющимъ свои квартиры; ихъ жены, такъ же какъ и жены купцовъ, варятъ варенье, мочатъ яблоки и бруснику, настаиваютъ настойку и ходятъ по субботамъ въ баню; дочери ихъ очень мило танцуютъ французскія кадрили и польки, а сыновья играютъ въ горку не хуже своихъ тятенекъ. Тятеньки никогда не запишутъ ихъ въ артель, а стараются отдать куда нибудь въ мальчики, въ лавку, въ гостиный или на апраксинъ, чтобы потомъ они сдѣлались прикащиками, женились бы повыгоднѣе и на женнины деньги открыли бы свою торговлю. Цѣль и стремленіе артельщика—получить мѣсто при конторѣ съ окладомъ сверхъ дувана по десяти, по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, высшая точка — сдѣлаться амбарнымъ, т. е. такимъ артельщикомъ, которому хо-

зяинъ довѣряетъ свои амбары и препоручаетъ отпускать и принимать товаръ. Здѣсь амбарному есть отъ чего поживиться; онъ получаетъ отъ хозяина праздничные—подарки къ новому году и къ пасхѣ по сту или по полутораста рублей, да кромѣ того, состоя при пріемкѣ и отправкѣ товаровъ, онъ ублаготворяется въ нѣкоторой степени покупателями, пользуется отъ продажи старыхъ рогожъ и веревокъ, въ которыхъ приходитъ товаръ, покупаетъ ящики, дерюжку, клеенку и веревки для отправляемыхъ товаровъ и въ концѣ мѣсяца подаетъ въ контору счетъ. Счетъ этотъ ужь разумѣется не безъ грѣшка и составляется съ барышкомъ для себя; хозяева конторъ знаютъ объ этомъ барышкѣ, но не обращаютъ на это вниманія, они наживаютъ сами и даютъ нажить отъ себя артельщику.

I.

Лѣтнее воскресенье. Девять часовъ утра. По первой линіи Васильевскаго острова идетъ удалой развалистой походкой франтъ артельщикъ. На немъ новый черный длиннополый сюртукъ или такъ называемая сибирка, изъ задняго кармана которой торчитъ кончикъ цвѣтнаго фуляра, дутые козловые сапоги, черная бархатная съ синими и малиновыми разводами жилетка, на шеѣ атласный гастукъ и на головѣ шляпа, ухорски надѣтая на бокъ. Сапоги, бронзовая цѣпочка отъ часовъ и шляпа такъ и блестятъ на солнцѣ. Ему встрѣчается знакомый артельщикъ изъ другой артели, тоже франтъ, только одѣтъ немного иначе: темные брюки съ искрой выпущены поверхъ сапоговъ и суконная фуражка съ заломомъ.

— Вишь какимъ франтомъ идетъ, — и не узнаешь!.. Куда ваша милость ползетъ? Куда стремится сердце въ даль? спра-

шиваетъ артельщика въ шляпѣ артельщикъ въ фуражкѣ и подаетъ ему руку.

— Что я за франтъ, смотри, самъ-то ты какимъ вырядился! говоритъ артельщикъ въ шляпѣ и съ ногъ до головы осматриваетъ товарища. — Что, сибирку-то новую шилъ, что ли?

— Новую... по три съ полтиной аршинъ сукно покупалъ.

— Ну ужь, полно...

— Съ мѣста не сойти. Да ты смотри, сукно-то какое, — такъ на солнцѣ и серебрится, что твое воронье перо. Ужь не сшилъ бы такого, да на именинахъ у Федорова пять рублей въ трынку выигралъ, ну, думаю, деньги съ вѣтру достались—куплю получше сукно, покрайности вещь будетъ.

— Я вотъ тоже шляпу купилъ...

— Покажь-ка!

— Смотри.

Артельщикъ снимаетъ шляпу и подаетъ товарищу; тотъ начинаетъ ее примѣривать.

— Тебѣ, братъ, не къ рылу! говоритъ хозяинъ шляпы.

— Это отчего?..

— Такъ, ты въ фуражкѣ казистѣе выглядишь.

— Слышь, давай мѣняться: я тебѣ дамъ фуражку, ты мнѣ шляпу... Много ли придачи? Сейчасъ и деньги на бочку.

— Ну тебя къ лѣшему! Прощай!

— Ну какъ знаешь... Куда идешь-то?

— На артельную квартиру на спѣвку... Сегодня обѣдню будемъ пѣть у Екатерины Великомученицы.

— Ну прощай!

— Слышь, Кривоуховъ, придоди ко мнѣ — угощу. У насъ нынче праздникъ артельнаго образа.

— Ладно...

Два франта расходятся.

Почти всѣ артельщики, пѣвчіе-любители, собрались уже на артельной квартирѣ. Всѣ были въ праздничныхъ одеждахъ. Одни расхаживали по артельной залѣ, другіе сидѣли на стульяхъ, а третьи разсматривали картины, висѣвшія на стѣнахъ.

Въ залу вошелъ знакомый уже намъ франтъ въ шляпѣ.

— Ну, Подметкинъ, что такъ поздно?.. Только тебя и дожидаемся!

— Да невозможно было, братцы, и то со всею скоропалительностію на всѣхъ рысяхъ летѣлъ, — даже взопрѣлъ! проговорилъ Подметкинъ, вытеревъ лицо цвѣтнымъ фуляромъ, и началъ натирать рукавомъ свою шляпу.

— Что, шляпу купилъ?

— Новая?

— Сколько далъ?

Начали спрашивать другіе франты артельщики и окружили его.

У окна стояли два молодые артельщика изъ новиковъ. Они грызли орѣхи и бросали скорлупу за окошко.

— Откуда это орѣхи?

— Вчера въ третьемъ пакхаузѣ взялъ—Шельменъмейеру шесть бочекъ пришло. Я при досмотрѣ былъ и взялъ.

— Американку еще не получали, вотъ до тѣхъ орѣховъ такъ я больно лихъ!..

— Вишь какъ жрутъ!—рады, бестіи, что до чужаго добрались, говоритъ имъ почтенный артельщикъ съ окладистой бородой.

— Что вы ругаетесь, Трифонъ Иванычъ!

— Какъ же не ругать-то васъ! сейчасъ спѣвка будетъ, а вы орѣхи жрете! Черезъ это вѣдь першитъ. Собачьи дѣти, вѣдь вамъ честью говорятъ, вѣдь вы тенера!

— Ну такъ чтожь?..

— Какъ чтожь! ты старшихъ слушайся. Вамъ по яйцу сырому для голоса выпить слѣдуетъ, а не орѣхи ѣсть... Вѣдь вы не то, что мы: мы басы, намъ и стаканчикъ пропустить можно. Еще лучше съ хрипоткой голосъ будетъ—басистѣе.

— Да вѣдь вы и пропустили...

— Съ тобой говорить, что воду толочь, замѣчаетъ бородатый артельщикъ и, махнувъ рукой, отходитъ въ сторону.

— Ну, братцы, пора, начнемте спѣваться!.. говоритъ артельщикъ-регентъ съ русой клинистой бородой.—Стройтесь!

Начинаютъ строиться; басы къ стѣнѣ, тенора въ середину, мальчики-альты впередъ.

— Братцы, да бросьте разговоры, послѣ поговорите! Федоръ Иванычъ, что вы цѣпочку-то разглядываете? первый разъ въ жизни чтоли вы ее видите? Штанниковъ вѣдь ты октава, встань поближе къ альтамъ-то... Ну, теперь слушайте тонъ! командуетъ артельщикъ-регентъ.

Онъ какъ-то куснулъ камертонъ, потомъ приложилъ его къ уху и задалъ тонъ. Пропѣли: „Господи помилуй. Пріидите поклонимся и припадемъ“.

— Какая у васъ, братцы, привычка: какъ верхняя нота, сейчасъ всѣ басы кричать начнутъ. Половина берите вверхъ, половина внизъ. Какой у насъ сегодня прокименъ?

— „Пойте Богу нашему, пойте“, на пятый гласъ, отвѣчала сиплымъ голосомъ октава.

— Ну такъ, начинайте!

— Степанъ Макарычъ, чтожь вы камертономъ въ голову бьете! нешто можно драться? вскрикиваетъ альтъ.

— А ты не скули безобразно, а пой въ ладъ...

Артельщики спѣлись, отправились въ церковь къ Екатеринѣ Великомученицѣ и встали на клиросъ. Кончилась обѣдня. Свя-

щенникъ вышелъ изъ алтаря и направился къ артельному образу; пѣвчіе послѣдовали за нимъ. Начался молебенъ. Въ церкви остались только артельщики, семейства нѣкоторыхъ, да старухи, которыя положили себѣ за правило не выходить изъ церкви, пока не кончится все служеніе, будь то хоть заказная панихида... Пѣвчіе распѣлись — заливаются... Одинъ бравый артельщикъ басъ такъ и рубитъ „Правило вѣры и образъ кротости“, а самъ косится на старостину дочку; та смущается отъ его взгляда и усердно начинаетъ класть земные поклоны. Писарь, еще до обѣдни успѣвшій хватить „чашу спасенія“, стоитъ около старостихи и ораторствуетъ ей о почтеніи, которое должны къ нему питать артельщики, потому что онъ писарь, „всѣмъ булгактерскимъ дѣломъ правитъ и грамоту какъ есть произошолъ“. Старостиха отъ него все отодвигается и усердно крестится, а онъ, не останавливаясь, такъ и напѣваетъ ей о своей грамотности.

Молебенъ кончился. Артельщики вышли на паперть и собираются на пирушку въ трактиръ, которая въ этотъ день устраивается на артельный счетъ.

— Лука Андреичъ, пригласите Матвѣя-то Павлыча съ нами, шепчетъ старостѣ регентъ.

— Какого Матвѣя Павлыча?

— Да Янсенъ-Донерскаго-то амбарнаго.

— Не пойдетъ, я думаю, гдѣ ему съ нами!..

— Все-таки пригласите!

— Ну хорошо.

Староста подходитъ къ амбарному артельщику.

— Матвѣй Павлычъ, пожалуйте съ нами въ трактиръ, хлѣба соли откушать... Вся артель васъ проситъ.

— Да право не знаю, какъ... я вѣдь вотъ съ женой и дочерью... говоритъ отдуваясь и гладя свою широкую бороду, амбарный.

— Имъ не далеко дойти до дому; не махонькія, не заблудятся... а нѣтъ, мы парня отрядимъ проводить.

— Нѣтъ ужь, вы оставьте его, Лука Андреичъ, говоритъ старостѣ амбариха.—Ему домой нужно; у насъ у самихъ сегодня будутъ гости. Нарочно пирогъ съ сигомъ пекли.

— Ужь позвольте имъ. Пожалуйте же, Матвѣй Павлычъ.— У насъ Спиродоновъ главный, артельщикъ отъ Шпильманъ-Шнее и компаніи, будетъ. Хотя не на долго!

Писарь и другіе артельщики также начинаютъ его упрашивать. Амбарный начинаетъ сознавать свое достоинство; онъ гордо подымаетъ голову и гладитъ бороду. Въ немъ начинается бореніе, — борется гордость съ пріятностію выпить въ компаніи.

Амбарный, Матвѣй Павлычъ, важное лицо въ артели. Онъ любимецъ хозяина; въ продолженіе своего амбарствованія успѣлъ нажить копѣйку, и даже носятся слухи,—даетъ три тысячи приданаго за дочерью...

— Ну ужь, что съ вами дѣлать, — пойдемте, только жена меня ругать будетъ.

Вся артель направляется въ трактиръ. Въ толпѣ слышатся самые разнообразные разговоры.

— А важно мы дернули послѣ „Благочестивѣйшаго“ — и сохрани ихъ на многая лѣта! — Я думалъ, Петруха сорвется, анъ нѣтъ, говорилъ одинъ.

— Я пива пить не буду, а водки выпью, и то сладкой... слышится у другихъ.

— За головки онъ съ меня беретъ четыре рубля, а за сапоги шесть ставитъ, за то ужь и кожа же, ораторствуетъ третій артельщикъ, и ставитъ ногу въ новомъ сапогѣ на тумбу.

Когда артельщики вошли въ трактиръ, буфетчикъ въ поясъ поклонился имъ и поздравилъ съ праздникомъ,—почетные гости. Сѣли, заигралъ органъ и принялись половые таскать закуски,

чайники, графины съ водкой и бутылки съ пивомъ. Часовъ до четырехъ длилась пирушка, пока не пропили всѣхъ ассигнованныхъ на пропитіе денегъ. Староста заплатилъ счетъ и ушолъ изъ трактира. За нимъ, шатаясь, поплелись другіе артельщики; болѣе широкія натуры, еще недовольные угощеніемъ на артельный счетъ, остались кутить на свои деньги.

II.

Знакомый уже намъ франтъ, артельщикъ Подметкинъ, жилъ при какой-то маленькой нѣмецкой конторѣ. Не смотря на свои двадцат четыре года, онъ уже былъ пять лѣтъ женатъ. Жена у него была въ деревнѣ; жилъ онъ съ нею всего около года, и то въ разное время, когда пріѣзжалъ домой на побывку, и не смотря на это, имѣлъ, по его выраженію, годовалаго пискленка-мальчишку. Отецъ его женилъ потому, что въ домъ работница требовалась, а въ Питеръ въ артель вкупилъ, чтобы деньги зарабатывалъ да подати за все семейство платилъ. Подметкинъ былъ ярославецъ, какъ почти всѣ ярославцы, лихой малый, красавецъ собой, пѣсенникъ, что твой Молчановъ на Крестовскомъ, и Донъ-Жуанъ, гроза, и вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ воздыханій всѣхъ горничныхъ четырехъ-этажнаго дома, гдѣ помѣщалась контора. Товарищи говорили, что „противъ него никакая дѣвка не устоитъ". И точно, горничная ужь не попадайся ему подъ воротами или на лѣстницѣ—сейчасъ растопыритъ руки, въ охабку, и чмокъ въ щоку; та и не отбивается, бѣдняжка, а только шепчетъ: „оставьте, оставьте, неравно кто увидитъ".

При конторѣ, гдѣ жилъ Подметкинъ, было двое артельщиковъ: онъ, да еще старикъ Степанъ Ивановъ изъ петербургскихъ мѣщанъ, набожный холостякъ и начетчикъ, все свое свободное

время посвящавшій на чтеніе духовныхъ книгъ. Степанъ Ивановъ былъ хорошимъ товарищемъ для Подметкина: хотя подчасъ онъ и журилъ его за волокитство и „безобразныя пѣсни“, но по своей склонности къ домосѣдной жизни и къ сколачиванію копѣйки, частенько дежурилъ за Подметкина по воскресеньямъ въ конторѣ и позволялъ ему уходить со двора не въ чередъ. Въ день артельной пирушки Степанъ Ивановъ былъ тоже дома. Читалъ какое-то поученіе „Како мнѣ жить свято?“, пилъ чай и лежалъ въ своей комнатѣ на кровати. Комната, гдѣ жили Степанъ Ивановъ и Подметкинъ, была отгорожена отъ конторской прихожей ясеневой перегородкой, съ окнами вверху, сквозь которыя и проникалъ туда свѣтъ. У одной стѣны стояла кроватъ Подметкина; надъ кроватью висѣли: гитара, гравированный портретъ какого-то генерала въ треугольной шляпѣ съ перьями, зеркальцо, изображеніе какой-то католической церемоніи въ бумажной рамкѣ съ разбитымъ стекломъ; далѣе помѣщались: платяной шкафъ, посудный шкафикъ съ чашками, рюмками и стаканами, скрывавшій въ нѣдрахъ своихъ четвертную бутыль съ водкой, которая покупалась сообща обоими артельщиками. На противоположной сторонѣ стояла кроватъ Степана Иванова, покрытая засаленнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ самыхъ маленькихъ ситцевыхъ треугольниковъ, подаренное ему единственною его родственницею—крестницею, которую онъ и выдалъ замужъ, давъ за ней изъ своихъ скопленныхъ денегъ сто рублей на приданое. Въ углу передъ образами, съ заткнутой за ними запыленной вербой, съ восковымъ херувимомъ на желтой бумагѣ—горѣли двѣ лампады. Подъ одной изъ лампадъ висѣла цѣлая нитка фарфоровыхъ и сахарныхъ яицъ. Вотъ и все убранство комнаты.

Въ легкомъ хмѣлѣ, какъ говорится, съ мухой въ головѣ, возвратился Подметкинъ съ артельной пирушки; снялъ съ себя сибирку, бережно стряхнулъ ее и повѣсилъ въ шкафъ.

— Хозяина нѣтъ дома? спросилъ онъ лежащаго на кровати Степана Иванова.

— Нѣтъ; къ свояку обѣдать уѣхалъ.

— Вишь его носитъ!..

— Ну такъ что же?

— Такъ, ничего... Сегодня на пирушкѣ въ гостинницѣ Орлѣ былъ Янсенъ-Донерской амбарный. Ужъ ломался, ломался онъ, чортъ его дери! Наши жалѣли, что и пригласили. Подпилъ послѣ да наставленія намъ началъ читать. Петръ Чистякъ что-то ему поперечилъ, такъ того чортовой куклой обозвалъ.

— Что бѣса-то поминаешь, здѣсь, чай, образа есть!

— Ну такъ чтожъ?

— Тебѣ все, забубенной головѣ, ничего. Водку-то всю вынюхалъ? продолжалъ помолчавъ Степанъ Ивановъ. —Давеча я хватился рюмку выпить — глядь, а ужъ пусто. Я кухарку за полштофомъ посылалъ; двѣнадцать копѣекъ за тобой.

— Ладно, отвѣтилъ Подметкинъ, тряхнулъ волосами и вышелъ изъ комнаты въ прихожую.

Въ прихожей онъ отворилъ окно и началъ глядѣть на дворъ. Четверть часа глядѣлъ Подметкинъ въ окно, а въ это время успѣлъ много сдѣлать дѣла: посулилъ татарину, кричавшему на весь дворъ „халаты бухарскіе“, свиное ухо, обозвалъ кучера моющаго карету гужеѣдомъ и любезно бросилъ апельсинною коркою въ голову пробѣгавшей подъ ворота горничной. Татаринъ и кучеръ, какъ водится, обругали его, горничная остановилась, скосила глаза и проговорила: „какой вы шутникъ, Павелъ Герасимовичъ, право“... а шутникъ такъ и заливался смѣхомъ.

Раздался легкій стукъ въ дверь. Подметкинъ всталъ и отворилъ. Это былъ Кривоуховъ.

— А, Вася, живая душа, здорово!

— Какъ можешь? Что, давно дома? Я думалъ, что ты еще не возвращался; думалъ — зарядилъ въ трактирѣ, такъ такъ ужь и хороводишься!

— Нѣтъ, такъ, по малости выпилъ: душа не принимала... На Матвѣя Павлыча Янсенъ-Донерскаго больно озлился. Не удержи наши, кажется, изругалъ бы, какъ собаку!

— А что?

— Да вздумалъ намъ наставленіи читать. Нештo онъ имѣетъ на это право? Только что связываться-то съ нимъ не стоитъ,—подвыпилъ онъ.

— Всегда онъ такой, я ужь его знаю...

— Садись. Гдѣ побывалъ? спросилъ Подметкинъ.

— У Исакія за обѣдней былъ, пѣвчихъ слушалъ! Вотъ, братъ, басы, такъ басы!

— Чтожь, и у насъ въ хору тоже хорошіе голоса есть. Давеча такъ хватили „и всѣхъ и вся“, что паникадила ходуномъ заходила. Трамбучка не хочешь ли? У меня, братъ, важныя сигарки есть; у Гришки Смоленые Штаны купилъ. За полсотни рубль съ четвертакомъ далъ. Хочешь?

— Пожалуй...

— Или, слышь, теперь закуривать не стоитъ. Докурить не докуришь, а послѣ сигарка ни къ чорту годиться не будетъ. Въ трактиръ пойдемъ, тамъ и покуримъ.

При словѣ „чортъ“ за перегородкой послышался плевокъ Степана Иваныча.

— Вонъ у меня лѣшій-то дрыхнетъ, шопотомъ добавилъ Подметкинъ, кивнувъ головою на перегородку:—поэтому на квартирѣ ничѣмъ и не угощаю...

— Ну, такъ идемъ...

— А вотъ только сибирку натяну... Степанъ Иванычъ, я

пойду... проговорилъ онъ, входя въ свою комнату.—Вотъ только съ пріятелемъ на Петровскій погулять сходимъ.

— Ладно; ступай. Да только слышь, Павелъ, не нахлестывайся ты, пожалуйста,—знаешь, завтра деньги въ банкъ понесешь.

— Нешто платежъ есть?

— Есть. Августъ Карлычъ сказывалъ, никакъ тысячъ на пятнадцать.

— Ладно. Да нешто я когда пью безобразно?

— Все-таки лучше, какъ тебѣ скажешь.

— Ну, прощайте, Степанъ Иванычъ. Заприте за нами двери, проговорилъ Подметкинъ, надѣлъ на бекрень шляпу, выставилъ ради шику конецъ краснаго фуляра и вышелъ къ пріятелю.

Они отправились въ трактиръ.

III.

На Петровскомъ островѣ противъ вокзала, въ которомъ лѣтомъ услужливый антрепренеръ устраиваетъ для публики разные праздники съ канканомъ, завываніемъ цыганъ и акробатическими представленіями, есть небольшая площадка. Площадка эта не представляетъ собою ничего привлекательнаго: потоптанная и выжженная солнцемъ трава, гнилые пни, тоскливо глядящіе изъ земли, да нѣсколько сосенъ съ тощими вѣтвями на самой верхушкѣ, а между тѣмъ, это есть любимое мѣсто гульбища артельщиковъ. Сюда собираются они по вечерамъ, чтобы послушать даровую музыку, звуки которой довольно отчетливо доносятся изъ вокзала, погулять и полежать на травѣ. Это нѣкотораго рода лѣтній клубъ артельщиковъ; здѣсь даже есть и бу-

фетъ, — пріютился какой-то промышленный пряничникъ-костромичъ и продаетъ желающимъ кислыя щи, пряники, булки, рубецъ, печонку, пастилу и копѣечныя конфекты съ картинками, изображающими, обыкновенно, кавалера въ красныхъ штанахъ и даму въ зеленомъ платьѣ и жолтой шали, лихо откалывающихъ польку, а внизу французская надпись: „Amelie et Modeste“, или кавалера въ оранжевыхъ штанахъ, стоящаго на колѣняхъ передъ дамою въ малиновомъ платьѣ съ надписью: „deux amants“. Для большаго привлеченія публики пряничникъ врылъ даже двѣ скамейки, на которыя, впрочемъ, садятся только артельщицкія жены да молодые артельщики съ ихъ предметами, а одинокіе предпочитаютъ лучше полулежать на травѣ, подославъ подъ себя фуляры; да оно и удобнѣе такъ бесѣдовать, особливо ежели есть третій собесѣдникъ,—полуштофъ, съ какой нибудь крымской или бальзамной.

Семь часовъ вечера. На площадкѣ уже бродило, лежало и сидѣло до сотни артельщиковъ, когда явились туда Подметкимъ и Кривоуховъ. На одномъ концѣ играла шарманка, были разставлены ширмы и шло представленіе: извѣстный всѣмъ деревянный паяцъ Петрушка, подъ музыку „по улицѣ мостовой“, плясалъ съ своей женой Матреной, которой, по его увѣренію, „девяносто лѣтъ и ни одного зуба во рту нѣтъ, взглянетъ въ окошко, такъ три года собаки пролаютъ“, потомъ при всеобщемъ одобреніи убилъ нѣмца, отколотилъ по каскѣ полицейскаго и наконецъ попался въ лапы къ чорту, который и утащилъ его въ адъ, т. е. въ деревянный ящикъ. Казалось бы, что ничего здѣсь нѣтъ забавнаго, а между тѣмъ во все время представленія артельщики такъ и умирали со смѣху, хотя каждый изъ нихъ видѣлъ эту комедію по нѣскольку десятковъ разъ: „Вишь его угораздило собаку, — нѣмца убилъ. И по дѣломъ ему бестіи, такъ ему и нужно: не смѣйся надъ русскимъ“.

— Ежели бы русскаго такъ побить, такъ ничего бы, не умеръ.

— Еще бы, извѣстно, нѣмецъ сухопарый. Что русскому здорово, то нѣмцу смерть, дѣлали свои заключенія зрители.

Недалеко отъ шарманки стояла фортунка — лотерея аллегри, гдѣ по числу выбрасываемыхъ изъ стакана костей разъигрывались рюмки, стаканы, расписныя чашки съ надписями: „въ знакъ удоблетворенія“, „отъ сердца другу“, „ей на память“, иголькики, мундштуки для куренія сигаръ, наперстки и прочія бездѣлушки, между которыми, для привлеченія желающихъ испытать счастье, была серебряная чарочка и большая ваза для цвѣтовъ съ изображенною на ней полногрудой нимфою. Предметовъ этихъ впрочемъ никто не выиграетъ, потому что они помѣщаются подъ 37 и 38 №№, а этого числа никогда не выкинешь, потому что всѣхъ костей въ стаканѣ шесть.

Какой-то артельщикъ выигралъ наперстокъ.

— На кой онъ мнѣ песъ? спрашиваетъ онъ у содержателя фортунки.

— Подарить кому нибудь можете, презентикъ сдѣлать, любезно отвѣчаетъ тотъ.

— На носъ надѣнь, тебѣ въ самый разъ будетъ.

Наперстокъ могъ придтись дѣйствительно какъ разъ по носу выигравшему. У артельщика былъ самый маленькій носъ. Онъ обидѣлся.

— Не у всѣхъ же такой оглоблѣ быть, какъ у тебя, проговорилъ онъ: — у тебя вонъ не носъ, а топорище. Право, насади на него топоръ, приличнѣе будетъ, а то что ему у тебя даромъ на рожѣ-то пропадать! Табаку ты не нюхаешь; да ежели бы и нюхалъ, такъ не выгодно: цѣлую четверку нужно забить.

Острота эта понравилась, артельщики начали поддразнивать большой носъ.

— Да онъ и такъ у него даромъ не пропадаетъ. Вчера онъ и то ящикъ въ третій пакгаузъ вмѣсто крюка носомъ кантовалъ (*).

Большой носъ потерялся, не нашолся что сказать и отошелъ отъ фортунки. За нимъ послѣдовали и двое его пріятелей.

— Вотъ пожалуйте, посмотрите, говорилъ фортунщикъ: — вотъ и изъ вашей партіи человѣкъ вещь выигралъ. Вотъ вещь, такъ вещь!

Онъ подалъ одному молодому артельщику расписной чайникъ, какъ двѣ капли воды такой, какой обыкновенно пишутъ на дверяхъ разныхъ ресторацій и заведеній. Чайникъ былъ хорошъ и стоилъ по крайней мѣрѣ копѣекъ шестьдесятъ.

— Синепупымъ (**) вездѣ счастье! Изъ дерма шарьики катаютъ да продаютъ.

— А то что же! извѣстно, не то, что вы Псковичи: мякину сѣяли, да три года ждали, пока взойдетъ.

У пряничника тоже стояла толпа. Ломали пряники. Подметкинъ и Кривоуховъ подошли къ толпѣ.

— На споръ дѣло, кричалъ какой-то подгулявшій артельщикъ: — двугривенный за руки отдаю, пусть кто двѣнадцать пряниковъ сразу переломитъ! Только не кулакомъ.

— Давай я силы попробую, вызвался Подметкинъ. — Вотъ мой двугривенный, берите, у кого за руками деньги.

— Не свались съ каланчи! Рано похвалился! заговорила толпа.

— Виданное дѣло двугривенный, — не изъ послѣднихъ идемъ. Только не мягкіе ли пряники-то? спросилъ Подметкинъ.

(*) То есть катилъ.

(**) Синепупыми дразнятъ артельщиковъ Полуярославской артели. Они занимаются пріемкою красокъ и въ особенности индиго, отчего у нихъ во время работы передники бываютъ замараны синимъ.

— Хрупкіе, какъ есть... смѣло бей! Даве по десятку ломали, увѣрялъ пряничникъ.

Двое взяли за концы положенные одинъ на другой пряники. Подметкинъ засучилъ рукавъ сибирки, отставилъ правую ногу, размахнулся и хватилъ по пряникамъ.

— Переломилъ, какъ есть переломилъ! Лихо! Ай, да молодецъ! говорили державшіе пряники, а между тѣмъ терли себѣ покраснѣвшія отъ удара и напряженія руки.

— Пойдемъ, Вася, довольно! проговорилъ Подметкинъ и, взявъ съ собой два двугривенныхъ и пряники, пріятели отошли отъ толпы.

— Разшибъ! говорили имъ вслѣдъ.

— Еще бы не разшибить, — у него такая силища, что онъ хоть съ чортомъ на кулачки драться пойдетъ. Я самъ видѣлъ на дняхъ, какъ онъ во второмъ пакгаузѣ двухъ-пудовой гирей крестился, разсказывалъ артельщикъ.

— Врешь?

— Ну вотъ еще, стану я врать; взялъ вотъ, какъ она есть, двухъ-пудовую гирю и перекрестился.

Подметкинъ и Кривоуховъ подостлали подъ себя платки, прилегли на траву и, закуривъ сигары, начали глядѣть, какъ охотники до гимнастическихъ упражненій влѣзали на сосны, боролись между собою и во всѣхъ видахъ пробовали силу.

— Жалко, что съ собой косушечки не захватили, а то бы пріятно было рюмочку, другую на легкомъ воздухѣ выпить, говорилъ Подметкинъ.

— Не хочу я больше пить, Павелъ Герасимычъ. Ужь и то сегодня довольно пилъ.

— Ну такъ чтожь, что пилъ? Вѣдь не пьянъ, безобразія никакого не сдѣлалъ, значитъ и еще пить можно. Вѣдь пьяницей не сдѣлаешься. Вонъ у насъ старика Брыкалова отъ артели отпи-

сали на пятнадцать дней,—пьетъ безобразно. И на собраніи-то увѣщевали—ничего не внимаетъ, пьетъ, да и что хочешь!

— Вотъ тридцати рублей и лишился. Заработка-то теперь какая? Поди, рублей по шестидесяти въ мѣсяцъ.

— Да... Слышь, Вася, а нѣтъ,—хочешь, пойдемъ туда въ нутро, въ вокзалъ. Вонъ тутъ у бутаря можно по четверку контромарки купить. И дешево, и сердито. Цыганокъ послушаемъ, Молчанова; ноне онъ здѣсь поетъ.

— Пожалуй попозже пойдемъ, а теперь мнѣ нужно тебѣ слово сказать. Еще вѣдь восьми часовъ нѣтъ, успѣемъ нагуляться.

— Ну, говори!

Кривоуховъ помолчалъ.

— Ты, братъ, и не думаешь, что я тебѣ скажу.

— Ну...

— Я, братъ, женюсь...

— Врешь?

— Право-слово женюсь. Угадай, на комъ?

— Да кто жь тебя знаетъ, на комъ. Говори что ли!

— На дочери Матвѣя Павлыча Янсенъ-Донерскаго амбарнаго.

Подметкинъ вытаращилъ на него глаза.

— Что тебѣ жизнь-то, опостыла, что ли? Да онъ тебя поѣдомъ заѣстъ!.. Да ты врешь... по харѣ вижу, что врешь!

— Съ мѣста не сойти, женюсь! Дядя меня женитъ. Что жь, вѣдь, я не въ домъ къ нему иду, а своимъ домомъ жить буду. За невѣстой три тысячи: двѣ деньгами, да на третью приданаго. Дядя хочетъ, чтобы я лавку въ Андреевскомъ рынкѣ открылъ. Суровскими товарами да мелочами торговать буду. Двѣ тысячи мнѣ на заводъ даетъ. А вѣдь мнѣ это дѣло знакомо; я у Скрытникова два года при кладовой и при розничномъ дѣлѣ выжилъ; тоже продавалъ, какъ и всѣ.

— А какъ же изъ артели, выдешь?

— Выду; вотъ только лѣтніе мѣсяцы промаячу. Тутъ заработка хороша, да и новиковъ у насъ много. На меня десять новиковъ.

— Женись, братъ, женись, конечно, тебѣ хорошо: жена у тебя подъ бокомъ будетъ, съ нею жить будешь. А вотъ я, такъ только слава, что женатый: пять лѣтъ женатъ, а и году съ женой не жилъ. По девятнадцатому году женили меня; что я тогда понималъ? да ежели бы и заартачился, такъ показалъ бы мнѣ отецъ кузькину мать! Вотъ я теперь здѣсь въ Питерѣ пообжился, людей видѣлъ и пообразовалъ себя маленько, а жена моя баба, какъ есть тетёха. Пріѣзжай она сюда, такъ мнѣ съ ней и въ люди показаться будетъ совѣстно, потому что ужь она все не то, что я... Ежели бы мнѣ теперь жениться, такъ я бы себѣ и подругу по сердцу пріискалъ... А теперь что?

— Что, братъ, дѣлать, Павелъ Герасимычъ, ужь теперь не развѣнчаютъ...

— Въ томъ-то и дѣло, Вася, что не развѣнчаютъ, говорилъ Подметкинъ, разсматривая конецъ своего сапога: — а дорого бы далъ, что бы развѣнчали!

— Ой ли? Что жь, зазноба что ли какая есть?

— Да ужь есть ли она тамъ, нѣтъ ли, а ужь кажись — все бы отдалъ, только бы развѣнчали. Вставай, Вася, пойдемъ Молчанова слушать! проговорилъ Подметкинъ, быстро вставая съ травы.

Онъ вздохнулъ.

— Вижу, братъ, что у тебя есть что-то на душѣ, только другу разсказать не хочешь!

— Есть, братъ, Васюха, есть! когда нибудь подъ пьяную руку, можетъ быть, и проболтаюсь, а можетъ и такъ найдетъ стихъ, такъ разскажу. Вставай!

Кривоуховъ всталъ, и они отправились покупать у будочника контромарки.

Артельщики разгулялись; многіе подпили. Фортунщика успѣли уже уличить въ мошенничествѣ, „наклали въ шею“ и прогнали съ площадки. Какіе-то три воинственные парня задѣли двухъ проходящихъ мимо писарей и начали съ ними драку; писаря, видя превосходство непріятеля, все болѣе и болѣе отступали къ вокзалу. Группы начали рѣдѣть; гуляющіе расходились. Еще часъ — и на площадкѣ останутся только пьяные, изливающіе другъ другу свою душевную и сердечную привязанность.

IV.

По одной лѣстницѣ съ конторою, гдѣ служилъ Подметкинъ, только этажемъ выше, занималъ квартиру какой-то отставной раненый полковникъ. Полковникъ былъ вдовый, имѣлъ дочь, — дѣвочку лѣтъ четырнадцати, а всѣми домашними дѣлами управляла у него экономка, Марина Поликарповна, честная женщина, заботившаяся о хозяйскомъ добрѣ болѣе, нежели о своемъ собственномъ, и поднимавшая иногда такую баталію изъ-за какого нибудь куска, отданнаго кухаркою водовову, что, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси. У Марины Поликарповны была племянница, Марья Ивановна, хорошенькая бѣлокурая дѣвушка, лѣтъ восьмнадцати, только что взятая ею изъ какого-то пріюта, гдѣ та воспитывалась. Отъ Подметкина, какъ отъ Ловеласа, и вообще какъ отъ охотника до прекраснаго пола, обстоятельство это не ускользнуло: онъ замѣтилъ Марью Ивановну и началъ ее преслѣдовать.

Однажды онъ былъ на черной лѣстницѣ, сидѣлъ на окнѣ съ гитарою въ рукахъ, курилъ сигару или, по его любимому выра-

женію, трамбучокъ, и слегка пощипывалъ струны. На лѣстницѣ вверху послышалось шуршаніе туго накрахмаленнаго ситцеваго платья и чьи-то шаги. Подметкинъ встрепенулся; онъ вынулъ изо рта сигару, взялъ два-три акорда на гитарѣ и запѣлъ:

Маша, Маша, дай, другъ милый,
Ручку къ сердцу приложить!

Дѣйствительно, это была Марья Ивановна; она сходила съ лѣстницы. Подметкинъ тотчасъ же оставилъ играть и пѣть, всталъ и положилъ гитару на окно.

— Куда это вы такъ стремительно спѣшите, Марья Ивановна? спросилъ онъ, подбочениваясь.

— Въ табачную лавочку. Тетенька послала шолку купить, проговорила она, вся покраснѣвъ, и опустила глазки.

— А может и не за шолкомъ-съ? на это доказательство представить нужно-съ.

Подметкинъ загородилъ ей дорогу.

— Пустите пожалуйста я васъ прошу...

Лицо ея приняло серьезное выраженіе.

— Представьте доказательства.

— Да какое же вамъ дѣло; въ самомъ дѣлѣ? Пустите! Вамъ вовсе до этого дѣла нѣтъ.

— Какъ намъ дѣла нѣтъ-съ? Намъ есть дѣло, говорилъ неотвязчивый кавалеръ, все еще не давая ей дороги. — Намъ все знать нужно. Можетъ вы контробанду несете? Васъ ощупать требуется!

Марья Ивановна готова была заплакать. Губы у ней задрожали.

— Пустите! проговорила она еще разъ.

— Проходите, отвѣчалъ Подметкинъ и растопырилъ руки.

— Куда же я пойду, если вы не пускаете? Какъ вамъ не стыдно!

У Марьи Ивановны на глазахъ показались слезы; она постояла еще нѣсколько секундъ, но видя передъ собой все еще растопыренныя руки, и когда, въ довершеніе всего, Подметкинъ схватилъ ее за рукавъ, она дѣйствительно заплакала и побѣжала обратно наверхъ.

Подметкинъ остался одинъ. „Экая дѣвка, какая упрямая“, подумалъ онъ, садясь на окно, взялъ въ руки гитару, но играть не могъ. Ему стало жалко Марью Ивановну. Онъ оставилъ гитару и началъ курить, но и не курилось. „Хоть бы воротилась она, подумалъ онъ: — пусть проходитъ, теперь бы не тронулъ. Вишь какая слезливая!“ Но Марья Ивановна не шла. Прождавъ ее понапрасну съ четверть часа, Подметкинъ вошелъ въ комнаты. Проходя по кухнѣ, онъ сорвалъ сердце на кухаркѣ и обругалъ ее, та, какъ водится, не осталась въ долгу и обругала его.

Пришедши въ свою комнату, Подметкинъ повѣсилъ на стѣну гитару и легъ на кровать. Хотѣлъ заснуть, но не могъ: Марья Ивановна не шла у него изъ головы. Ему было ее очень жалко; онъ совѣстился самого себя за свой поступокъ. Онъ ясно видѣлъ, что она не изъ такихъ дѣвушекъ, съ какими онъ былъ до сихъ поръ въ сношеніи, и что то обращеніе съ женщинами, которое онъ имѣлъ до сихъ поръ, къ ней примѣнимо быть не можетъ. Думы эти смѣнялись другими. То вругъ ему, привыкшему къ побѣдамъ всевозможнаго рода, было досадно: какъ это она ускользнула изъ его рукъ, тогда какъ до сихъ поръ не дѣлала этого ни одна женщина, на которую онъ обращалъ свое вниманіе. Такъ близко, какъ сегодня, Подметкинъ видѣлъ ее въ первый разъ; она ему очень понравилась. Онъ всталъ съ кровати, вышелъ въ прихожую и началъ смотрѣть въ окно, думалъ: не пройдетъ ли она снова въ табачную лавочку, тогда онъ увидитъ ее проходящую подъ ворота. Но Марья Ивановна не шла. Подметкину вдругъ какъ-то сдѣлались противными всѣ горничныя

и кухарки, съ которыми онъ до сихъ поръ хороводился. Много ихъ проходило по двору и при видѣ его жеманилось и скашивало глаза, но ни одну не удостоилъ онъ, какъ то бывало прежде, какою нибудь галантерейною любезностію, въ родѣ подозрѣнія въ протаскиваніи контробанды. Совѣсть мучила Подметкина за его поступокъ; ему даже ночью во снѣ снилась плачущая Марья Ивановна. Проснулся онъ раньше обыкновеннаго и, лежа подъ одѣяломъ, началъ обдумывать свой вчерашній поступокъ. „Зачѣмъ она такая нѣжная да слезливая", думалъ онъ и рѣшился просить у ней прощенія. Съ нимъ сдѣлался нравственный переворотъ, онъ первый разъ въ жизни рѣшился преклониться передъ женщиной. Съ этихъ поръ онъ началъ искать встрѣчи съ Марьей Ивановной, но, какъ на зло, она нигдѣ ему не попадалась. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ на лѣстницѣ, дожидаясь ея, но она не являлась. Ему было ужасно досадно, онъ скучалъ. Такъ прошло съ недѣлю.

Однажды, по обыкновенію, Подметкинъ смотрѣлъ изъ окна прихожей на дворъ, смотрѣлъ самымъ равнодушнымъ взглядомъ на все; и на водовоза, несущаго вязанку дровъ, и на пробѣгавшихъ горничныхъ, на шарманку, наигрывающую романсъ „Подъ вечеръ осенью ненастной", и на оборваннаго малаго, изо всей силы акомпанировавшаго этой пѣснѣ на бубнѣ. Изъ подъ воротъ въ это время выходила Марья Ивановна. Подметкинъ тотчасъ же встрепенулся и побѣжалъ на лѣстницу. Когда она начала всходить по лѣстницѣ и увидала Подметкина, тотчасъ же покраснѣла, потупилась и остановилась. Она не могла рѣшиться, идти ей впередъ, или сходить обратно. Подметкинъ не двигался съ мѣста и смотрѣлъ на нее. Она была дѣйствительно хороша собой. Лиловая шляпка, бѣленькое ситцевое платье и драповый бурнусъ какъ нельзя болѣе шли къ ней.

— Оставьте меня пожалуйста, дайте мнѣ пройти, про-

говорила она наконецъ, бросивъ на Подметкина умоляющій взглядъ.

— Проходите, Марья Ивановна. Я вышелъ сюда вовсе не за тѣмъ, чтобы что нибудь сдѣлать вамъ, или не пропускать васъ пройти; я совсѣмъ за другимъ вышелъ, Марья Ивановна.

Она недовѣрчиво посмотрѣла на него и начала взбираться по лѣстницѣ.

— Я теперь вамъ позволю, чтобъ вы мнѣ руки связали. Я, Марья Ивановна, вышелъ сюда за тѣмъ, чтобы попросить у васъ прощенія за мои дурацкія обращенія. Простите меня дурака. Я совершенно не зналъ васъ, Марья Ивановна, потому такъ и поступилъ.

— Богъ васъ проститъ, какіе вы, право, странные, проговорила она, поровнявшись съ нимъ, и остановилась.

— Не сердитесь на меня пожалуйста. Бить меня слѣдуетъ, да бить-то некому. Я давно хотѣлъ у васъ прощенія просить, да нигдѣ васъ встрѣтить не могъ.

— Я на васъ вовсе не сержусь, только мнѣ тогда обидно показалось, что вы меня Богъ знаетъ за какую дѣвчонку приняли.

— Такъ значитъ вы на меня не сердитесь?

— Я вамъ сказала, что нѣтъ.

Подметкинъ повеселѣлъ.

— Марья Ивановна, удостойте взглядомъ, подарите улыбкой.

Галантерейность снова начала проявляться въ немъ, но онъ уже сдерживалъ ее.

При этихъ словахъ она улыбнулась.

— Ну вотъ такъ. Теперь словно рублемъ подарили. Прощайте, не сердитесь, а ужъ я попрошу кого нибудь изъ пріятелей, чтобъ они меня побили за мою провинность.

Она начала взбираться наверхъ. Повеселѣвшій Подметкинъ вошелъ въ комнаты. Теперь на душѣ у него было легко.

Прошло три недѣли. Въ это время много думъ перебывало въ головѣ Подметкина. Часто ему думалось: „какъ бы хорошо было, если бы я не былъ женатъ... Женился бы я теперь на Марьѣ Ивановнѣ, наняли бы квартиру и зажили бы припѣваючи. Кажется, ничего бы для нея не пожалѣлъ“. То вдругъ ему видѣлось во снѣ, что онъ вовсе не женатъ, и не былъ женатъ, а холостой; онъ просыпался, и дѣйствительность разочаровывала его. Подметкинъ былъ не злой человѣкъ, а часто подумывалъ о жениной смерти: онъ желалъ ея, въ ней онъ видѣлъ свое счастье. Желаніе это еще больше начало разжигаться при видѣ Марьи Ивановны, а видѣлъ онъ ее на лѣстницѣ довольно часто. Она останавливалась иногда и разговаривала съ нимъ. Обращеніе свое съ нею онъ измѣнилъ совершенно, даже съумѣлъ себѣ снискать расположеніе ея тетки, Марины Поликарповны: та не знала, что онъ женатъ, и начала на него смотрѣть, какъ на выгоднаго для племянницы жениха. Марья Ивановна тоже ничего не знала о его женитьбѣ.

Іюля 17-го Марина Поликарповна бывала имянинница.

Наканунѣ этого дня, возвращаясь отъ всенощной, она встрѣтила на лѣстницѣ Подметкина—онъ сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ на окнѣ, и пригласила его къ себѣ на имянины, на чашку чаю. Подметкинъ очень обрадовался этому новому знакомству и обѣщался быть „всенепремѣнно“.

На другой день, какъ только исправилъ онъ свои дѣла по конторѣ, то есть сходилъ на почту, въ Гостиный и на Апраксинъ за полученіемъ денегъ, на биржу къ старостѣ и къ экспедитору, тотчасъ же началъ сбираться на имянины. Сборы эти были довольно продолжительны: сально-пресально намазалъ онъ себѣ голову гвоздичной помадой, порасчесалъ свою бородку, нѣсколько разъ чистилъ сибирку и повязывалъ галстукъ и наконецъ собрался.

— Я пойду, Степанъ Иванычъ, на имянины... сказалъ онъ своему товарищу артельщику.

— Куда это? по обыкновенію угрюмо спросилъ тотъ.

— Къ Маринѣ Поликарповнѣ, полковницкой экономкѣ... я у хозяина спрашиваться не буду, пототу ежели понадоблюсь, такъ кухарку можно дослать, здѣсь не далеко.

— Ступай! какъ-то двусмысленно посмотрѣвъ на него, проговорилъ Степанъ Ивановъ.

Хотя нужно было только подняться пятнадцать, шестнадцать ступеней, однако Подметкинъ для шику надѣлъ шляпу. Отправляясь, онъ захватилъ съ собою что-то тщательно завернутое въ бумагу и обвязанное тесемкой. Это былъ подарокъ для Марины Поликарповны—шерстяной платокъ, который онъ купилъ сегодня на Апраксиномъ, когда ходилъ туда за полученіемъ. Для поддержанія знакомства онъ не пожалѣлъ даже и трехъ рублей, заплаченныхъ за него.

V

Гости у Марины Поликарповны были всѣ въ сборѣ, когда явился Подметкинъ. Они сидѣли въ маленькой однооконной комнатѣ, меблированной столомъ, нѣсколькими стульями, комодомъ и кроватями Марины Поликарповны и Марьи Ивановны, на стѣнѣ надъ которыми висѣли какъ колокола накрахмаленныя юбки и платья хозяекъ, завѣшенныя простынями отъ мухъ и пыли. На столѣ стояли: самоваръ, кофейникъ, чайный приборъ, полуштофъ съ водкой, бутылка хересу и тарелки съ вареньемъ, сухарями, булками, ветчиной, мармеладомъ и прочими яствами. За столомъ помѣщался краснолицый мужчина лѣтъ подъ сорокъ въ сѣрой сибиркѣ. Онъ пилъ чай, по временамъ подергивалъ

свою клинистую бородку и отиралъ руки о голову. Отъ него такъ и несло коровьимъ масломъ, которымъ была вымазана его голова. Другіе гости были: женщина въ мятомъ чепцѣ съ оранжевыми лентами и съ ребенкомъ на рукахъ, который сосалъ мармеладину и ревѣлъ на всю комнату, отставной солдатъ въ родѣ департаментскаго сторожа съ нашивками на рукавѣ, молодая деревенская баба въ розовомъ ситцевомъ сарафанѣ и бумажномъ платкѣ на головѣ, съ изображеніемъ на немъ скачущей во всю прыть пожарной команды, и двѣ жеманныя горничныя съ губами, сложенными сердечкомъ.

Вошедшій Подметкинъ подошелъ къ хозяйкѣ.

— Съ ангеломъ, Марина Поликарповна, честь имѣю васъ поздравить. Пожалуйте! проговорилъ онъ и подалъ ей пакетъ.

— Ахъ что это вы!.. напрасно безпокоитесь, Павелъ... какъ по отчеству-то? все забываю!

— Герасимовичъ.

— Напрасно, Павелъ Герасимовичъ... Ну, къ чему это изъяниться!

— Помилуйте, это даже и разговоровъ не стоитъ, такіе пустяки!

— Что за пустяки, какія же это пустяки! проговорила она, развязывая пакетъ: — смотрите намилость, байковый платокъ. Ну, какъ же вамъ не стыдно дарить меня, старуху, такими подарками!

— Ничего-съ, носите на здоровье...

Женщина въ чепцѣ съ оранжевыми лентами тотчасъ же подбѣжала къ платку, и съ самымъ язвительнымъ завистливымъ взглядомъ начала разсматривать доброту.

— Ну ужь коли такъ, такъ спасибо; позвольте мнѣ старухѣ за это поцаловать васъ, продолжала хозяйка. — Я думаю, съ молоденькими-то пріятнѣе бы было поцаловаться? — до этого вѣдь вы, какъ мухи до сахару, падки, молодые люди.

Подметкинъ три раза приложился къ рыхлымъ щекамъ Марины Поликарповны.

— Садитесь пожалуйста. Маша, дай сѣсть на стуликъ Павлу Герасимовичу.

— Не извольте безпокоиться, Марья Ивановна, я вотъ здѣсь на кроватку сяду, проговорилъ Подметкинъ, раскланиваясь;—съ имянинницей честь имѣю васъ поздравить, добавилъ онъ.

— Благодарю васъ. Садитесь пожалуйста здѣсь на стулъ; я только такъ присѣла, мнѣ поминутно по хозяйству нужно... Не садитесь на кровать, тамъ всѣ въ пуху перепачкаетесь.

— Ничего-съ, пухъ не смола, какъ пристанетъ, такъ и отстанетъ! отвѣчалъ Подметкинъ, машинально отеръ рукавомъ шляпу и, поставивъ ее на подушку, сѣлъ на кровать.—Это ваша постелька, Марья Ивановна?

— Моя-съ...

— Еще пріятнѣе, значитъ, сидѣть будетъ.

— Маша, да что же ты въ самомъ дѣлѣ! угощай Павла Герасимыча, вскрикнула Марина Поликарповна, все еще занятая до сихъ поръ разсматриваніемъ платка.—Вы чего выпьете, водочки, или хереску?..

— Чего угодно, все равно-съ, только, право, напрасно безпокоитесь... Лучше водочки-съ.

— Русскому здоровѣе водка, проговорилъ до сихъ поръ молчавшій солдатъ.

— Это точно-съ, потому водка даже отъ разныхъ болѣзней помогаетъ, въ разныя мази даже идетъ.

— Какъ же, не только что въ мази, даже во всѣ лекарства, продолжалъ солдатъ.—У насъ въ полку былъ одинъ солдатикъ, онъ изъ татаръ, крещеный только, такъ отъ всѣхъ болѣзней водкой лечилъ. Бывало велитъ водкой съ порохомъ натереться и водки выпить, и въ два, три раза—какъ рукой снимало. И къ

дохтору бывало нейдутъ, а все къ нему; развѣ ужь начальство замѣтитъ, такъ къ дохтору пошлетъ. Даже офицеры у него лечились. Одного капитана онъ у насъ отъ ломоты въ груди вылечилъ; лошадь ему подъ сердце копытомъ ударила,—такъ выпользовалъ.

— Да, это такъ, только кто ее, водку-то, во множествѣ пьетъ, такъ она вредъ человѣку приноситъ, вмѣшалась въ разговоръ Марина Поликарповна.

— Ничего-съ, ежели чистая водка. Вотъ когда мы въ Малороссіи стояли, тамъ вѣдь чистая водка, какъ масло какое (солдатъ даже чмокнулъ губами), такъ у насъ одинъ солдатикъ по штофу въ день выпивалъ.

Марья Ивановна поднесла Подметкину на подносѣ рюмку водки. Онъ еще разъ поздравилъ ее съ имянинницей и выпилъ.

— Вотъ закусить пожалуйте, ветчинки, вареньица...

— Закушу-съ...

— Ну ужь, Павелъ Герасимычъ, какъ вы мнѣ этимъ платкомъ угодили, право... говорила Марина Поликарповна, вдоволь налюбовавшись платкомъ и кладя его на комодъ, на которомъ были разставлены и другіе подарки: сахарница, двѣ апетитныя чашки и тарелка съ изображеніемъ разрѣзаннаго яблока и кисти винограда.—Вотъ видишь, Машенька, сонъ-то въ руку, что я тебѣ давеча разсказывала. А я видѣла сегодня во снѣ большущую собаку, будто я бѣгу, а она за мной, и схватила меня за ногу. Когда собаку видишь во снѣ, такъ это непремѣнно или къ письму, или къ подарку. Вотъ за это самое мѣсто такъ и укусила.

Старуха указала, за какое мѣсто ее укусила собака. Марья Ивановна покраснѣла, а горничныя захихикали.

— Нѣтъ, ежели собака укуситъ, да ея шерсти къ больному

мѣсту не приложишь, такъ долго болѣть будетъ, разсказывалъ солдатъ:—у насъ одного солдата укусила собака за ляжку, да и убѣжала, такъ тотъ, почитай, болѣе мѣсяца прохворалъ.

Подметкинъ пробылъ на имянинахъ часовъ до девяти, выпилъ еще три рюмки водки и развеселился, шутилъ съ Марьей Ивановной, съ горничными, подчивалъ водкой бабу въ платкѣ съ пожарной командой, и цаловался съ ней.

— О-ой! чтобъ тебя!.. полно!.. безобразникъ эдакой, оставь говорила та, отмахиваясь отъ него.

— Ничего, тетка, тебѣ не зазорно, ты въ замужествѣ состоишь, вонъ имъ такъ дѣло другое, да я и до нихъ доберусь, ежели имъ только противно не будетъ.

Въ девять часовъ Степанъ Ивановъ прислалъ за Подметкинымъ. Онъ началъ прощаться.

— Куда это вы! посидите еще... говорила Марина Поликарповна.

— Невозможно-съ, хозяинъ требуетъ.

— Такъ приходите послѣ, какъ справитесь.

— Ежели справлюсь, такъ забѣгу. Прощайте!

Онъ ушолъ.

Черезъ полчаса Подметкинъ управился съ дѣломъ и снова пришелъ на верхъ. Гости уже разошлись. Послѣдними уходили двѣ горничныя, и прощаясь цаловались съ Мариной Поликарповной и Марьей Ивановной.

— Вотъ тебѣ и нá, гости со двора, а я на дворъ! проговорилъ онъ, входя въ комнату.

— Милости просимъ, милости просимъ, чтожь такое, и они бы посидѣли, да нельзя, только до десяти часовъ отпросились, говорила Марина Поликарповна.

— Да какъ же-съ! стало быть, я какъ перстъ одинъ останусь. Вотъ скажутъ, до гостбища дорвался, и не выживешь?

— Прощайте, Павелъ Герасимычъ! говорили уходящія горничныя.

— Прощайте! Счастливаго пути, желаю вамъ по дорожкѣ попутчиковъ найти, чтобъ не такъ страшно было домой идти! сгалантерейничалъ онъ-таки, не утерпѣлъ, обращаясь къ горничнымъ.

— Садитесь, Павелъ Герасимычъ, проговорила Марина Поликарповна по уходѣ гостей.

— Да право совѣстно, надо бы ужь мнѣ и честь знать.

— Чтожь тутъ есть худаго, и онѣ бы посидѣли, да нельзя имъ. Кума своего, вонъ, что съ бородкой-то, я сама выпроводила. Онъ, знаете, какъ переложитъ лишнее, выпьетъ, сейчасъ въ мрачность начнетъ входить, а тогда съ нимъ просто бѣда:— дебошъ можетъ поднять. Ужь онъ и то началъ входить... А Митрій Гаврилычъ, солдатъ-то этотъ, онъ ужь у меня съ трехъ часовъ сидѣлъ... Мы вотъ съ вами сейчасъ кофейку выпьемъ. Маша, поди-ка свари кофею... Я въ хлопотахъ-то съ гостями ни одной чашки не выпила.

— Ну вотъ видите, значитъ мы вамъ помѣшали.

— Да развѣ вы одни! гостей-то у меня съ утра человѣкъ пятнадцать перебывало. Вотъ мы съ вами теперь выпьемъ по чашечкѣ, по другой. Или, послушай, Машенька, останься лучше съ Павломъ Герасимычемъ, я сама сварю кофей. Вамъ съ молодой-то пріятнѣе сидѣть будетъ... любезно добавила она, и вооружаясь кофейникомъ и кофеемъ, ушла въ кухню.

Подметкинъ и Марья Ивановна остались одни. Онъ молчалъ она тоже не находила разговору.

— Выкушайте еще рюмочку водки, предложила она ему наконецъ.

— Не могу-съ, я и то ужь много пилъ...

— Выкушайте...

— Хорошо, извольте, только на это мы свое условіе предложимъ... Марья Ивановна, дайте вашу ручку поцаловать, вотъ тогда я выпью за ваше здоровье.

— Ахъ, что это вы! проговорила она, вся зардѣвшись, и спрятала руки.

— Что же, идетъ такъ-съ, или нейдетъ? Я ужъ теперь своимъ рукамъ воли не дамъ,—проученъ отъ васъ.

— Ахъ, что вы какіе, право...

— Какой-съ? ровно такой-съ, какъ и всѣ. Что-же, дадите?

— Берите, только скорѣй!

Подметкинъ взялъ ея руку и поцаловалъ.

— Вотъ ручка, такъ ручка, что твой бархатъ леванской! Экой вы розанчикъ, Марья Ивановна. Чѣмъ больше на васъ смотришь, тѣмъ больше любуешься!... говорилъ онъ, не оставляя руки.—Марья Ивановна, скажите одно слово: пошли бы вы за меня замужъ? Да, или нѣтъ? бухнулъ онъ вдругъ.

— Ахъ, что вы это, Павелъ Гарасимычъ!

Она покраснѣла еще больше.

— Да, или нѣтъ?

— Право, ужь не знаю, пошла бы, только какъ тетинька.

— Значитъ я теперь самый несчастный человѣкъ.—Тетинькѣ объ этомъ знать не нужно-съ. И я бы на васъ женился, моя дорогая, да нельзя, моя голубка. Видно ужь доля моя такая, что не могу я имѣть подругу по сердцу. А ужь какъ бы зажили-то! говорилъ Подметкинъ и на глазахъ его блестѣли слезы; онъ отеръ ихъ рукавомъ.—Эхъ ма! вотъ ужь теперь выпью рюмку, только съ горя, Марья Ивановна, съ горя, а ужь послѣ за ваше здоровье.

Онъ залпомъ выпилъ рюмку водки. Марья Ивановна молчала. Она глядѣла на него и не могла понять, къ чему велись эти разговоры.

— Ну, теперь какъ будто повеселѣе, какъ рюмку выпилъ.

Вотъ, Марья Ивановна, отчего пьяницы пьютъ,—они горе запиваютъ! А теперь—за ваше здоровье!

Онъ выпилъ еще рюмку.

— Какое у васъ горе, Павелъ Герасимовичъ? робко спросила она, оправясь отъ смущенія.

— А такое горе, которому и помочь нельзя, ни чорта, ни дьявола нельзя сдѣлать... такое, которое меня будетъ мучить всю жизнь мою, какъ змѣя лютая будетъ сердце сосать. Одно только можетъ снять съ сердца моего горе, ежели она разлучница умретъ!... Марья Ивановна, я вѣдь женатъ, вотъ какое мое горе!

— Что вы говорите, полноте! проговорила она, поблѣднѣвъ.

— Женатъ-съ, пять лѣтъ уже женатъ... ребенокъ у меня даже есть. Жена моя въ деревнѣ... а вѣдь отъ живой жены я не могу жениться на васъ. Вотъ мое горе, вотъ что меня поѣдомъ ѣстъ!

Подметкинъ заплакалъ.

— Не плачте пожалуста, нехорошо, сейчасъ тетинька войдетъ, говорила Марья Ивановна.—Что же ваша жена, старая.

— Молодая и даже красивая, да что же мнѣ дѣлать, коли она мнѣ не по сердцу, коли пріѣзжай она сюда, такъ я и глядѣть-то на нее не могу! вѣдь она баба какъ есть, слова путнаго сказать не умѣетъ, а я ужь все мало-маля образовалъ себя. Ну, оставимте объ этомъ разговоръ, что и толковать, коли горю помочь нельзя! закончилъ онъ, махнувъ рукой.

Онъ отеръ глаза платкомъ. Вошла тетка; она внесла кофейникъ, и началось кофеепитіе. Выпивъ чашку, Подметкинъ простился и ушелъ къ себѣ внизъ. Степанъ Ивановъ спросилъ его кой что о гостяхъ; онъ отвѣтилъ два-три раза не впопадъ, и завалился спать...

VI.

Описывая биржевыя артели, читатели, я еще до сихъ поръ только разъ и то мимоходомъ заглянулъ на артельную квартиру. И такъ, заглянемте теперь, и прослѣдимте ихъ рабочій будничный день. На артельной квартирѣ живутъ только одинокіе артельщики, не имѣющіе мѣста при конторахъ и работающіе на биржѣ, да иногда староста и писарь.

Четыре часа утра. Понедѣльникъ. Солнце еще косвенно бросаетъ лучи свои и золотитъ ими только крыши домовъ да купола церквей и колоколенъ, а ужь на артельной квартирѣ началось движеніе. Встала кухарка и почесываясь набросила на себя сарафанъ, помолилась въ уголъ на икону и начала ставить самоваръ. Мощными руками подвинула она къ печкѣ огромный самоваръ, такой самоваръ, какой обыкновенно возятъ съ собою официанты на заказные обѣды и вечера, и влила въ него ведра два воды, потомъ, положивъ уголья, зажгла ихъ, наставила трубу и, позѣвавъ, снова улеглась на свою постель. Кухарка не долго лежала, самоваръ зашумѣлъ, она встала и пошла будить артельщиковъ. Позѣвывая, почесываясь и потягиваясь, начали вставать артельщики, крестились на образа, натягивали на себя будничныя одежды и выходили въ кухню умываться.

— Вылей-ка мнѣ, Аксиньюшка, на голову ковшикъ водицы, говорилъ одинъ артельщикъ съ опухшимъ лицомъ и красными глазами. Отъ него такъ и несетъ перегорѣлымъ виномъ.—Охъ, какъ скверно, такъ и трещитъ голова, словно на двое расколоться хочетъ.

— Экъ тебя, Прохоръ Михайлычъ, угораздило! Господь съ тобой, право! Нешто можно такъ напиваться?

— Что дѣлать, Аксиньюшка, что дѣлать, вчера подпилъ, а все эта проклятая артельная пирушка... Охъ, какъ трещитъ, насилу поднялся съ постели. Полей же скорѣй на голову-то!

Сердобольная кухарка беретъ ковшъ воды и начинаетъ ему лить на голову.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, словно какъ будто ожило маленько. Вылей-ка, умница еще ковшичекъ.

Кухарка вылила еще ковшъ.

— Что, скверенъ я вчера, Аксиньюшка, пришелъ? спрашиваетъ онъ, утираясь полотенцомъ и фыркая.

— Вишь тебя, даже и не помнишь. Какъ же не скверенъ, коли своей квартиры найти не могъ, въ чужія двери лѣзъ. Сосѣди насилу тебя выжили: за дворникомъ хотѣли посылать.

— Ничего не помню, ну вотъ хоть убей, ничего не помню.

Въ кухню входитъ еще артельщикъ.

— Что, братъ, Прохоръ Михайлычъ, трещитъ?

— Трещитъ....

— У меня, братъ, тоже... Никогда послѣ водки не нужно пивомъ напиваться, вотъ отъ того и ломаетъ. Дернуло это насъ въ портерную зайти!...

— Ужь и не говори!

Онъ махнулъ рукой.

— А вотъ что я тебѣ скажу, я твою манеру знаю: не опохмѣляйся, опять закрутишься...

— Оно слѣдовало бы... По крайности облегчишь себя...

— Да вѣдь на старыя-то дрожжи хуже разведетъ. Какой-же ты будешь работникъ послѣ того? Заработка-то теперь лѣтняя, штрафъ три рубля... Что за охота, какъ поставятъ!

Артельщики одѣлись, самоваръ вскипѣлъ. Иные подходили къ шкапчикамъ и опохмѣлялись по маленькой.

Началось чаепитіе. Артельщики обыкновенно пьютъ чай партіями по трое, по четверо.

— Чей чередъ сегодня насъ чаемъ поить? спрашиваетъ молодой артельщикъ.

— Гаврюхинъ. Вчера я мой заваривалъ, въ субботу ты, а сегодня его чередъ. Гаврюха, ступай заваривай!

— Да нешто мнѣ сегодня, братцы?

— А то кому же, извѣстно тебѣ. Вишь, жила московская, оттянуть хочешь.

Гаврило ушолъ въ кухню. Къ самовару, какъ неисчерпаемому источнику, то и дѣло подходили артельщики и нацѣживали чайники.

— Я, братцы, сегодня чаю не буду пить.

— Отчего?

— Да послѣ вчерашняго я и капли горячаго въ ротъ не могу взять—спалитъ; я вонъ все водой отдуваюсь. Пускай вонъ Михайло за меня пьетъ,—у нихъ трынка разрознилась. Мишка, кей за меня сегодня чай, я не буду пить.

— Ладно, спасибо вамъ... отвѣтилъ Мишка.

Въ залѣ собранія часы пробили пять. Пившіе чай заторопились. Начались разговоры объ ужинѣ. Въ лѣтніе мѣсяцы артельщики не обѣдаютъ, а только ужинаютъ часу въ девятомъ вечера; въ продолженіи же дня питаются сухояденіемъ въ видѣ саекъ съ колбасою, съ ветчиною и крутыми яицами. Все это покупается у саечниковъ, цѣлый день стоящихъ у таможни. Саечники эти и кромѣ вышеозначеннаго сухояденія держатъ борщъ, разные супы, бифштексъ, жареныхъ курицъ и телятину. Яства эти покупаются иногда таможенными чиновниками и экспедиторами, которымъ некогда бѣжать домой обѣдать.

— Что мы сегодня ужинать-то будемъ? спрашиваютъ другъ у друга артельщики.

— Вчера я свинины на щи купилъ, да кашу... Ну, братцы, какое же я масло вчера по двадцать двѣ съ половиной взялъ, —что твое сливочное. Чудо!

— Что же все щи со свининой да щи; ужь надоѣли они мнѣ, что бы нибудь другое.

— А то какихъ же тебѣ еще разносоловъ нужно? Вотъ въ четвергъ твой чередъ будетъ насъ кормить, такъ покупай говядины на супъ, да курицъ на жаркое. Не бойся, не обидимся, ничего не скажемъ, а еще поблагодаримъ.

— Еще бы, я знаю, вы на чужой-то каравай рады ротъ разѣвать!

— Братцы, не примите ли меня въ партію,—мнѣ не съ кѣмъ ѣсть, компанія наша разстроилась, остался я да Павлуха; тотъ къ Сырниковымъ братьямъ присталъ, а я одинъ остался.

— Чтожъ, примемте его...

— Пожалуй, да не много ли насъ будетъ?

— Что за много,—всего семь человѣкъ. Ладно, принимаемъ; значитъ, Гаранька нашъ!

Артельщики засбирались на биржу. Живо надѣли они сверхъ сертуковъ и сибирокъ передники, ради шику подоткнувъ одинъ конецъ за поясъ и прицѣпивъ къ боку свои доспѣхи: жестянку, крюкъ и мѣдную иглу для сшиванія рогожъ—вышли изъ квартиры. Вотъ идутъ они по тротуару первой линіи. Къ нимъ то и дѣло примыкаютъ другіе артельщики. Это женатые, живущіе на своихъ квартирахъ. Островской житель, завидя ихъ, ужь навѣрно сойдетъ съ тротуара, онъ знаетъ, что артельщики ни за что не уступятъ ему дороги. Поравнялись съ церковью Екатерины Великомученицы и начали креститься. Помолились, идутъ далѣе, нѣкоторые заходятъ подъ вывѣску „распивочно и на выносъ“— выпьютъ осьмушку и догоняютъ собратьевъ. Вотъ и биржа; пришли къ артельному образу, помолились и сѣли около него на скамейкѣ. У кабака около университета стояли уже поденьщики и такъ называемая ножовая артель *), въ самыхъ разнообраз-

*) Ножовой артелью называются поденьщики, соединившіеся въ артель; эта артель состоитъ больше изъ выгнанныхъ артельщиковъ биржевой артели, они знакомы съ биржевыми работами и потому охотнѣе нанимаются артельщиками и получаютъ больше обыкновенныхъ поденьщиковъ

ныхъ костюмахъ. Здѣсь мелькали и солдатскія кепи, и круглыя плюшевыя шляпы безъ дна, и таковыя же съ дномъ, но безъ полей, сибирки, пестрядинные халаты, опорки, лапти и даже та натуральная обувь, которая въ носкѣ не уступитъ никакимъ двойнымъ англійскимъ подошвамъ. Среди нихъ шмыгали артельные старосты и писаря и нанимали ихъ. Нѣкоторые изъ нанятыхъ, которые были маломальски знакомы старостѣ, выпрашивали у него четыре копѣйки впередъ и тотчасъ же несли ихъ въ кабакъ. Закопченая и захватанная руками дверь то и дѣло отворялась, хлопала, визжала своимъ блокомъ, въ видѣ кирпича въ тряпицѣ, и принимала желающихъ усладить себя извѣстною жидкостію, носящей названіе малороссійской, бальзамной, крымской и чуть ли не лекарственной, лечащей отъ всѣхъ болѣзней.

Мало по малу къ образу собралась вся артель, работающая на биржѣ. Староста съ писаремъ подрядили поденьщиковъ, идутъ къ артели и за ними двигается разношерстная толпа рѣшившихся за тридцать, за сорокъ копѣекъ весь день волочить телѣжку и вкатывать и втаскивать во второй этажъ пакхауза бочки и ящики, наполненные товаромъ.

Писарь началъ перекликать артель. Всѣ на лицо, не достаетъ только Прохора Михайлыча.

— Гдѣ онъ? спрашиваетъ писарь.

— Да не знаемъ, вѣрно куда нибудь отлучился. Отъ самой артельной квартиры шолъ съ нами вмѣстѣ, — вдругъ отсталъ, отвѣчаютъ артельщики.

— Что, онъ пьянъ былъ вчера?

— Кажись, что былъ выпимши маленько...

— Ну, такъ ужь пиши—пропало. Застрялъ гдѣ нибудь въ погребкѣ. Ахъ народецъ, народецъ!

Писарь записалъ его въ книжку.

— Эй вы, кто изъ ножовой артели? крикнулъ староста поденьщикамъ.

Изъ толпы вышло человѣкъ пять.

— Вы во второй пакхаузъ! масло выкатить надо; только осторожнѣй. Ну, да вы впрочемъ знаете это дѣло. Въ артели состояли?

— Состояли...

— Гаранька и Петръ Иванычъ съ ними. Только смотрите въ оба, шепнулъ онъ имъ: — тамъ есть ящикъ Миллера съ блондами; ужо будутъ набивать пульки *), такъ чтобъ ножовщина-то не стянула чего. Сидоровъ, Парфеновъ и Каравайкинъ, вы въ третьемъ пакхаузѣ на шолковый товаръ Шпильмана пульки набивайте, да поосторожнѣй пожалуйста, вчера его амбарный приходилъ жаловался — говоритъ: шесть кусковъ не заклеймено... Кладите по двѣ пульки на кусокъ. Вы, три новика, на караулъ. Крихачевъ, покажи имъ Іостовской товаръ. Ну, а вы остальные, тамъ нужно принять и отправить разные товары. Вотъ ваша гвардія! онъ указалъ на остальныхъ поденьщиковъ. — Григорій Степанычъ, сказалъ онъ писарю: — записки отъ хозяевъ у васъ, тамъ значится, какой товаръ, — распорядитесь.

Артель помолилась образу и отправилась на работу; за ней двинулись поденьщики. Староста остался у образа, къ нему подошелъ амбарный.

— Намъ нужно подъ невской пятерыхъ, говорилъ амбарный. — Сегодня послѣ двѣнадцати хлѣбъ принимать надо.

— Чтожь вы раньше, Семенъ Иванычъ, не сказали? ну гдѣ же я ихъ теперь возьму? Намъ самимъ здѣсь нужно, и то вонъ ножовыхъ набрали, а за ними только не догляди!

— А что мнѣ съ хозяиномъ дѣлать, — вчера только сказалъ.

*) То есть свинцовыя таможенныя клейма.

— Ну ужь вы съ вашимъ нѣмцомъ! Вѣчно ему приспичитъ. Скажи ему, что нѣтъ народу. Гдѣ я возьму?

— Да нельзя, вѣдь ты знаешь, какой онъ...

— Ахъ ты скверность какая, ну что теперь дѣлать! Семенъ Иванычъ, да нельзя ли какъ нибудь пообождать денекъ... проговорилъ заискивающимъ голосомъ староста и потрепалъ амбарнаго по плечу.

— Да ужь, право, не знаю, какъ и быть...

— Ну, пойдемъ въ трактиръ, потолкуемъ, можетъ, что и придумаемъ!

Амбарный только этого и ждалъ; они отправились въ трактиръ.

Двѣнадцать часовъ. На биржѣ работа въ самомъ разгарѣ: все куда-то бѣжитъ, стремится и тащитъ — настоящій муравейникъ. Между фуражками артельщиковъ и самыми разнообразными головными уборами поденьщиковъ замелькали то тамъ, то сямъ, форменныя фуражки чиновниковъ и членовъ, за ними взапуски гоняются артельные старосты, купора и экспедиторы.

— Иванъ Иванычъ, пожалуйте въ третій пакхаузъ, товаръ досмотрѣть нужно! тащитъ члена экспедиторъ.

— Чтожь, Иванъ Иванычъ, вѣдь вы къ намъ шли въ четвертый пакхаузъ, говоритъ староста: — тамъ господинъ экспедиторъ ужь дожидается, пожалуйте же... У насъ живо досмотрите; всего пятьдесятъ ящиковъ апельсиновъ.

Иванъ Иванычъ хорошій членъ для досмотра. Экспедиторы и артельщики его очень любятъ и всегда стараются, чтобы онъ именно досматривалъ товаръ. Онъ никогда не роетъ товара, посмотритъ сверху, и довольно; а то другой такъ велитъ вынуть изъ ящика да и ящикъ-то начнетъ разсматривать, такъ что послѣ придется часъ или два укладывать, особливо мелкій товаръ.

У воротъ таможни появились саячники и бабы съ яйцами, вареным картофелемъ и печенкою; артельщики выбѣгали къ нимъ и закусывали, а бѣдные поденьщики въ это время все тянули да тянули свои тяжеловѣсныя телѣжки съ товарами. Многимъ, можетъ быть, и поѣсть не на что, у нихъ не найдется и какихъ нибудь трехъ, пяти копѣекъ на хлѣбъ и картофель, потому что разсчетъ происходитъ послѣ закрытія таможни. Каково, читатель, проходить измученному голодному человѣку мимо всѣхъ этихъ яствъ, когда его обдаетъ пахучимъ паромъ, а бабы, какъ на зло, такъ и заливаются, выкрикивая достоинства своихъ товаровъ.

Пятый часъ. Присутствіе въ таможнѣ кончилось, чиновники любящіе выпить успѣли уже нѣсколько разъ сбѣгать въ подвалы пропустить по стаканчику самаго чистаго вина, неиспорченнаго еще, не передѣланнаго винными торговцами, и закусить апельсиномъ.

Артельщикамъ на этотъ счетъ на биржѣ также раздолье, но вотъ бѣда: на эти пункты староста сажаетъ только непьющихъ; забѣгаютъ сюда и пьющіе, но рѣдко — староста зорко смотритъ за этимъ. Караульный артельщикъ при винѣ, ежели захочетъ, то можетъ угостить кого нибудь и портерцомъ, и даже шампанскимъ; на каждые два ящика винъ, получаемыхъ въ бутылкахъ, полагается бутылка бою, вотъ этимъ-то артельщики и пользуются; они не откупориваютъ бутылку, а отобьютъ горлышко, выпьютъ вино, а стекло положатъ обратно; хозяева и претензіи на это имѣть не могутъ, потому что бой полагается, а стекло на лицо не раскупоренное, да и солома въ ящикѣ залита виномъ.

Шесть часовъ. Чиновничьи фуражки и блестящіе циммерманы экспедиторовъ исчезли изъ таможни. Какъ-то успѣшнѣе, съ большимъ рвеніемъ начали работать поденьщики; они почуяли

конецъ работы. Вотъ еще разъ протащатъ телѣжку и наступитъ время разсчета. Работы кончены, штемпеля отобраны отъ артельщиковъ, староста разставилъ гдѣ нужно караульныхъ и выходитъ изъ таможнни, за нимъ артельщики, а за артельщиками измученная и усталая толпа поденьщиковъ, жаждущаятридцатикопѣечной платы, чтобы па одну половину купить какой нибудь ѣды и набить брюхо, а вторую тотчасъ же пропить въ близь лежащемъ кабакѣ, оставивъ себѣ какія нибудь три копѣйки, чтобъ заплатить за убогій ночлегъ.

У воротъ, у выхода изъ таможни начинается осмотръ поденьщиковъ. Важно, съ какою-то административной миной на лицѣ, начинаетъ ихъ осматривать досмотрщикъ, иному даже велитъ и сапоги снять — ничего не нашолъ кромѣ двугривеннаго въ карманѣ.

— Возьми себѣ, почтенный, шепчетъ ему поденьщикъ, и двугривенный исчезаетъ въ обшлагѣ форменнаго сюртука досмотрщика, а между тѣмъ за поденьщикомъ только что сейчасъ ощупаннымъ, выступаетъ другой поденьщикъ; страданіе изображено на лицѣ бѣдняги и онъ хромаетъ.

— Что, аль ногу зашибъ? спрашиваетъ его досмотрщикъ.

— Зашибъ, телѣжкой переѣхало...

— То-то, братъ, вотъ все неосторожно, тяпъ да ляпъ. Ахъ ты бѣдный, бѣдный! Ну ужь проходи, проходи, гдѣ жь тебя больнаго человѣка осматривать. Поди больно до зашибеннаго-то мѣста дотронуться?

— Охъ, какъ больно! отвѣчаетъ поденьщикъ, и еще болѣе кривитъ рожу.

— Ну ужь, Богъ съ тобой, проходи, проходи!

Читатель можетъ быть думаетъ, что поденьщикъ и въ самомъ дѣлѣ хромаетъ, зашибъ себѣ ногу; ничуть не бывало, хроманіе и искривленіе рожи здѣсь притворное: въ сообществѣ поденьщи-

ка, который далъ досмотрщику двугривенный, онъ успѣлъ стянуть изъ ящика фунтовъ двѣнадцать сахарнаго песку, насыпалъ его въ штаны и сапоги и нагруженный такимъ образомъ пробирается до кабака. Кабакъ этотъ, не далеко лежащій отъ таможни, славится во всемъ околодкѣ; поденьщики сбываютъ тамъ все, что успѣютъ украсть въ таможнѣ: сахарный песокъ, кофе, табакъ, индиго, перецъ, и даже дорогія блонды и кружева, которыя также проносятся въ штанахъ и сапогахъ.

Но вотъ изъ таможни вышли всѣ артельщики, а за ними и поденьщикм; первые направились, какъ и по утру, къ артельному образу, а вторые построились въ шеренгу и староста началъ одѣлять ихъ деньгами. Поденьщики одѣлены, бросаются къ бабамъ торговкамъ и начинаютъ истреблять яица, печенку, рубецъ и прочія яства.

Къ этому времени у таможни также располагаются рыбаки и другіе разнощики: семейные артельщики покупаютъ у нихъ по дешовой цѣнѣ уснувшаго сижка или подлещичка, продернутъ сквозь жабры мочалку и несутъ домой.

Вотъ и восемь часовъ. Артельщики пришли на артельную квартиру, ужинаютъ. Послѣ ужина, кто отправляется на дворъ играть въ бабки, кто закуривъ курить, смотритъ на играющихъ въ окно. Со двора поминутно слышны возгласы: жохъ, ничка, плоцка и прочіе термины бабочной игры.

Пробило десять часовъ. На артельной квартирѣ тихо, всѣ, начиная отъ кухарки, завалились на боковую и спятъ крѣпкимъ сномъ, только и слышно, что подъ акомпаниментъ храпа и сапѣнья какой нибудь носъ выдѣлываетъ соло. Сладко спится артельщикамъ. Да какъ и не спаться послѣ двѣнадцати-часоваго труда! Правду гласятъ старинныя прописи, что „кто не знаетъ труда, тотъ не знаетъ и отдыха.“

VII.

Сентябрь мѣсяцъ на исходѣ. Листья осыпались съ деревьевъ. Артельщики уже давно перестали ходить гулять на Петровскій островъ. Осиротѣло ихъ любимое мѣсто гульбища! На биржѣ все еще кипитъ работа, но ужь не въ такой степени, какъ лѣтомъ. Пройдутъ еще недѣли три, уплывутъ послѣдніе запоздалые корабли, увезутъ русскіе продукты, закуэтъ морозъ Неву въ свои ледяныя оковы, и кончится дѣятельность артельщиковъ; правда, бываетъ работа и зимой, но что это за работа!—какой нибудь часъ или два въ день, а остатьное время сидитъ себѣ артельщикъ у артельнаго образа на линіи биржеваго гостинаго двора да дремлетъ, а кто мало мальски имѣетъ бодрый духъ, такъ играетъ въ шашки или отъ нечего дѣлать пишетъ на стѣнѣ мазилкой, которой обыкновенно ставятъ на кипахъ и ящикахъ клейма, различныя изреченія въ родѣ: „Васька Пахатовъ кобыла", „1864 октября 30, я былъ здѣсь П. Х.", „я картина, а Чижиковъ скотина.„ и т. п. Нѣкоторые читаютъ книжки, но рѣдко; большинство не любитъ чтенія, хотя и любитъ театръ, и посѣщаетъ его довольно часто; берутъ въ складчину ложу въ четвертомъ ярусѣ и набиваются въ нее человѣкъ по семи, или же просто идутъ „въ галлерейку" за двугривенный.

Большинство артельщиковъ на зиму разъѣзжается по деревнямъ въ свои семейства, и такъ какъ всѣ большею частію изъ одныхъ мѣстъ, то ѣдутъ партіями, человѣкъ по восьми и по десяти. Вотъ и теперь, хотя еще до закрытія навигаціи безъ малаго мѣсяцъ, а ужь у артельщиковъ только и разговоровъ, что объ отъѣздѣ въ деревню.

— Ты когда ѣдешь?

— Я-то?—да я еще не скоро. На Миколу поѣду, у насъ по деревнѣ праздникъ храмовой.

— Ну, братъ, тебя нынче женятъ, окрутятъ тебя молодца.

— Такъ сейчасъ я и женился... Ну, а коли и женюсь, такъ чтожь?

— Такъ, ничего... женатый будешь. А я такъ, какъ только Нева станетъ, такъ и удеру. Мы съ Петрой Цаплинымъ поѣдемъ; онъ отъ насъ всего десять верстъ.

Нѣкоторые артельщики такъ даже дѣлали „ерестики", сколько нужно купить подарковъ для домашнихъ, какіе именно и сколько нужно денегъ. Безъ подарковъ явиться артельщику въ деревню немыслимо.

Подметкинъ получилъ письмо; его тоже звали въ деревню. Вотъ что писалъ ему отецъ:

„Любезному сыну нашему Павлу Герасимовичу отъ родителя твоего Герасима Прохоровича и родительницы твоей Марьи Никитишны низкій поклонъ и посылаемъ свое родительское благословеніе на вѣки нерушимое. Увѣдомляемъ тебя сынъ нашъ дорогой Павелъ Герасимовичъ, что мы, слава Богу живы, здоровы и благополучны. И пріѣзжай ты къ намъ нашъ сыночикъ дорогой, какъ только свои дѣла покончишь. Нужно и о женѣ подумать, съ нею повидаться и ее поучить. Ты уже сынъ нашъ Павелъ Герасимовичъ на Николу будетъ два года, какъ у насъ не бывалъ. Попросись у хозяина, и пріѣзжай; и попроси его, чтобы онъ на время взялъ другаго артельщика, а послѣ, какъ ты пріѣдешь, такъ чтобъ не оставилъ своими милостями, и взялъ тебя снова. Дядя твой Федоръ Никитичъ съ любовію тебѣ кланяется и посылаетъ низкій поклонъ. Его на Успеньевъ день лягнулъ въ глазъ соврасый меринъ, тотъ самый, котораго онъ еще при тебѣ у дьячка вымѣнялъ, отчего и окривѣлъ. Сожительница твоя Акулина Степановна вкупѣ съ сыномъ твоимъ Гаврилою посылаетъ тебѣ поклонъ и съ любовію низко кланяются. Тетка твоя Анна Прохоровна и дядя твой Степанъ Яковлевичъ съ лю-

бовію тебѣ кланяются и посылаютъ низкій поклонъ. Братъ твой Степанъ Герасимовичъ и невѣстка твоя Марья Степановна съ любовію тебѣ кланяются и посылаютъ низкій поклонъ. Крестница твоя Марья съ любовію тебѣ кланяется и посылаетъ низкій поклонъ.

Отецъ твой

Герасимъ Прохоровъ Подметкинъ.

Подметкинъ прочиталъ письмо, скомкалъ его и запихалъ въ боковой карманъ. „Не поѣду“, подумалъ онъ.

Подметкинъ, познакомившись съ Мариной Поликарповной, еще чаще видался съ Марьей Ивановной и привязался къ ней еще болѣе. При первой же встрѣчѣ онъ объявилъ ей о письмѣ.

— Чтожъ, поѣзжайте, проговорила она.

— Не поѣду. Посылай тамъ они хоть десятъ, хоть сто писемъ, а я не поѣду! Не могу я ѣхать, потому что тогда я, Богъ знаетъ чего надѣлаю... Я тогда или съ собой, или съ женой порѣшу!

— Ахъ, что это вы говорите, Павелъ Герасимовичъ!

— Чтожъ дѣлать-то? Вы сами знаете, человѣкъ иногда самъ въ себѣ не властенъ.

Они замолчали. Марья Ивановна перебирала руками конецъ своего передника. Подметкинъ смотрѣлъ въ стѣну.

— Марья Ивановна, вы не повѣрите, кажется, я себя бы закабалилъ, все, что у меня есть, отдалъ, только бы ее мою разлучницу Богъ къ себѣ прибралъ, проговорилъ онъ и замолчалъ.— Марья Ивановна!!.

— Что?

— Вы не говорили Маринѣ Поликарповнѣ, что я женатъ?

— Нѣтъ еще.

— Такъ и не говорите... Я вамъ прямо скажу:—она можетъ меня за вашего жениха считаетъ, такъ я отъ того теперя и къ вамъ хожу, а то, какъ она узнаетъ, что я женатъ, такъ мнѣ

хуже будетъ. Кажется, который день я васъ не увижу, такъ мнѣ и кусокъ-то въ горло не пойдетъ.

— Что же вамъ теперь Павелъ Герасимовичъ... вѣдь ужь вы не можете на мнѣ жениться... Вамъ ужь теперь все равно...

— Нѣтъ-съ, не все равно... можно и не женившись, такъ жить, проговорилъ Подметкинъ, отвернулся и началъ смотрѣть въ стѣну.

Марья Ивановна покраснѣла и ничего не отвѣчала.

— Вѣдь можно? спросилъ онъ, украдкой взглянувъ на нее, и снова отвернулся.

— Ахъ, что вы это! Развѣ можно жить не въ законѣ? Вѣдь это грѣхъ...

— Грѣхъ, грѣхъ! передразнилъ ее Подметкинъ:—а это не грѣхъ будетъ, какъ я надъ собой что нибудь сдѣлаю?.. вѣдь это будетъ грѣшнѣе... Не губите меня, Марья Ивановна...

Разговоръ этотъ происходилъ на лѣстницѣ.

— Подметкинъ, иди, тебя хозяинъ спрашиваетъ! проговорила голова артельщика Степана Иванова, высынувшись въ полуотворенню дверь.

— О, чтобъ чортъ васъ подралъ! выругался Подметкинъ и вошелъ въ квартиру. Марья Ивановна побѣжала на верхъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ Подметкинъ совсѣмъ перемѣнился, сталъ разсѣяннымъ, сварливымъ, забросилъ гитару и началъ попивать. Его веселый характеръ перешелъ въ угрюмый. Степанъ Ивановъ замѣтилъ это.

Однажды, когда они легли спать, старикъ, полежавъ немного, обратился къ нему.

— Слышь, Павлуша, что я тебѣ хочу сказать-то.

Ну? спросилъ Подметкинъ и взглянулъ на Степана Иваныча. Свѣтъ лампады ударялъ прямо въ лицо старику. Лицо его, какъ и всегда, было угрюмо.

— Ты что это съ экономкиной-то дочерью затѣваешь? А?..

— Какъ что? Ничего.

— То-то, ты смотри... она не то вѣдь, что вся эта сволочь. Ты смотри... не загуби!

— Что вы это говорите!.. Я и въ понятіе взять не могу.

— Ну, да ужь ты не виляй. Я знаю, что говорю. Смотри, она дѣвушка хорошая... Это грѣхъ, а тебѣ кольми паче, ты вѣдь женатый.

— Старый вы человѣкъ, Степанъ Иванычъ, а на умѣ у васъ все пакость. Говорить-то бы посрамились, проговорилъ Подметкинъ и отвернулся къ стѣнѣ.

— Ты посрамись! мнѣ-то нечего срамиться. Я дѣло говорю. Что ты затѣваешь?.. собьешь ты дѣвку съ толку. Вѣдь ей замужъ выходить нужно. Она дѣвушка не балованная, не какъ другія. Да... Нешто я не вижу, что она все передъ тобой торчитъ. Куда тетка-то глаза дѣвала? —поприжала бы ей хвостъ, да и конецъ. Да...

Подметкинъ не возразилъ ни на одно слово.

На другой день Подметкинъ пошолъ въ почтамтъ за письмами. На дорогѣ ему встрѣтился Кривоуховъ.

— Вася! окликнулъ его Подметкинъ.

— А, Павелъ Герасимовичъ, тысячу лѣтъ не видались! Здоровъ ли?

— Что мнѣ дѣлается!

— Что такой скучный? Ужь хозяинъ не изругалъ ли?

— Нѣтъ, ничего, такъ. Что ко мнѣ не зайдешь?

— Какое, братъ, заходить, —некогда; и то съ кругу сбился. Вѣдь у меня черезъ недѣлю свадьба. Слышь, Павелъ Герасимовичъ, ужь ты не обидься, билета я тебѣ посылать не буду. Приходи такъ. Позвалъ бы въ шафера тебя, да нельзя, ты, братъ, женатый.

— Я, Вася, письмо получилъ, зовутъ меня въ деревню. Только не поѣду.

— Что такъ?

— Да вѣдь я тебѣ говорилъ, что мнѣ жена до того опротивѣла, что я, кажется, и взглянуть-то на нее не могу.

— Ну прощай! Какъ нибудь на недѣлѣ я къ тебѣ забѣгу. Мнѣ въ вашъ домъ нужно, тамъ одна моя родственница живетъ въ экономкахъ у полковника Хаплина.

— Есть, есть, живетъ надъ нами, только этажемъ выше, подхватилъ Подметкинъ, и лицо его прояснилось. — Еще у ней племянница молоденькая есть.

— Ужь ты не строчишь ли тамъ чего? а? Ну такъ вотъ ее позвать нужно на свадьбу. Я бы и не зналъ про нее, да дядя сказалъ. Вотъ, значитъ, еще одна дѣвушка для плясу есть. А я, братъ, французскую кадрель учился танцовать, да въ прокъ не пошло. Ходи себѣ да ходи взадъ да впередъ, — ничего не понялъ. Такъ только нѣмцу два рубля даромъ отдалъ. Ну прощай!

— Прощай!

Пріятели разошлись.

Дня за три до свадьбы Кривоуховъ былъ у Марины Поликарповны, принесъ пригласительный билетъ на свадьбу и приглашалъ лично. Онъ зашелъ къ Подметкину, но не засталъ его дома. Въ тотъ же день Марья Ивановна поминутно выбѣгала на лѣстницу, чтобы встрѣтиться съ Подметкинымъ, но его не было. Наконецъ, подъ вечеръ, она его увидала.

— Знаете что, Павелъ Герасимовичъ, сказала она ему: — у насъ сегодня былъ вашъ пріятель, Василій Григорьевичъ. Онъ намъ родственникъ приходится и насъ приглашалъ на свадьбу. Мы и не знали, что онъ вамъ пріятель.

— Вы пойдете? спросилъ ее Подметкинъ.

— Пойдемъ. Да слушайте, въ чемъ дѣло-то: вѣдь онъ сказалъ тетенькѣ, что вы женаты.

— Эхъ, Марья Ивановна, теперь ужь для меня все равно! Пущай! Онъ махнулъ рукой.

— Вы тоже будете у него на свадьбѣ?

— Буду. Да что же вамъ-то до этого? Вѣдь вы поди тамъ съ кавалерами танцовать будете... а я не танцую кадрелей...

— Такъ чтожь, я буду танцовать, а про васъ все помнить буду.

— Ну спасибо на добромъ словѣ. Ахъ, Марья Ивановна, что бы я только далъ, что бы я только далъ!.. Онъ не договорилъ, наклонился къ ней и обнялъ ее рукой за талію. Она слегка дрогнула, но не отвела руки.

— Умеръ бы здѣсь! пришепталъ онъ и проникъ губами къ ея щекѣ.

VIII.

Приближалось воскресенье, въ которое были назначена свадьба Кривоухова. Наканунѣ этого дня Марья Ивановна приготовляла себѣ бальный нарядъ: гладила бѣлое кисейное платье, чистила резинкой перчатки и достала у своей подруги два розана. Розаны эти предназначались одинъ для головы, другой для платья. Марина Поликарповна тоже достала у кого-то чепецъ и примѣривала его.

— Словно я ворона какая въ этомъ чепцѣ, говорила она племянницѣ. — Ты попросила Дуню, чтобъ она голову-то тебѣ пришла вычесать?

— Попросила.

— То-то, она ужь на это мастерица. Ужь куда привередлива

ея хозяйка—модница, упаси Богъ, какая, а вѣдь довольна же бываетъ. Дуня всегда ей чешетъ.

Тётка сѣла на стулъ и начала разсматривать чепецъ.

— Вѣдь поди жъ ты, какъ легко въ человѣкѣ ошибиться начала она, помолчавъ:—Павелъ-то Герасимычъ вѣдь на видъ совсѣмъ холостой, анъ на дѣлѣ-то вышелъ женатый. А я тебѣ по душѣ скажу:—я его, право, за жениха считала. Ходилъ это такъ часто, все съ тобой обращеніе имѣлъ, такой учтивый, вотъ мнѣ тоже платокъ подарилъ. Право, жалко!

— Ахъ, тетенька, да развѣ не можетъ человѣкъ такъ ходить; ну у него знакомыхъ нѣтъ, вотъ онъ и ходилъ. Чтожь, ему съ своими-то по трактирамъ сидѣть тоже вѣдь надоѣстъ.

— Да я ничего... только жалко, право, жалко.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

А Подметкинъ въ этотъ день былъ пьянъ. Вчера онъ, по принятому обыкновенію, былъ съ женихомъ въ банѣ. Въ баню были взяты водка и пиво. Пили много и поддавали виномъ на каменку. Не помня себя, добрелъ Подметкинъ домой и повалился на кровать. Степанъ Ивановъ хотѣлъ было ему читать наставленіе и даже приготовилъ уже въ головѣ нѣсколько текстовъ изъ Священнаго Писанія, приличныхъ этому, но онъ уже храпѣлъ самымъ отчаяннымъ образомъ, а на другой день, какъ только вышелъ со двора, опохмѣлился, пришолъ домой, покачиваясь, и поругался съ кухаркой. Это дошло до хозяина; тотъ, увидя его, далъ ему строгій выговоръ.

Насталъ день свадьбы Кривоухова. Подметкинъ, хотя и отпросился у хозяина на свадьбу, но съ уговоромъ—не напиваться. Тоже подтвердилъ и Степанъ Ивановъ.

Кривоуховъ вѣнчался въ церкви Благовѣщенія. Церковь была освѣщена. На клиросѣ пѣли благовѣщенскіе пѣвчіе, и были въ кафтанахъ. Гостей было много, публики смотрящей также было

много. Всѣ артельщики, мало мальски знающіе Кривоухова, были въ числѣ зрителей. „Ай да Кривоуховъ, важная у него свадьба. Что твой купецъ женится. Счастье ему собакѣ"! говорили они.

Вѣнчанье кончилось. Новобрачныхъ начали поздравлять. Подметкинъ тоже подошелъ къ нимъ.

— Поздравляю тебя, Вася! Счастливо тебѣ! и поцаловалъ новобрачныхъ.— Меня, братъ, на тебя глядя, инда зависть беретъ! Такъ и юлитъ вотъ здѣсь подъ сердцемъ.

— Чтожь, женитесь и вы... сказала новобрачная.

— Да онъ ужь пять лѣтъ женатъ, отвѣчалъ Кривоуховъ.

— Такъ что же вы?..

— Вася-то знаетъ, о чемъ я говорю, проговорилъ Подметкинъ и отошелъ отъ нихъ.

Балъ былъ на квартирѣ кухмистера. Гостей было болѣе ста человѣкъ. Въ десятомъ часу вечера въ залѣ танцовало паръ до двадцати. Новобрачная танцовала, но новобрачный сидѣлъ. Онъ было началъ танцовать первую кадриль, но все сбивался, и наконецъ въ третьей фигурѣ до того сбился, что оставилъ танцы. Главными танцорами были три писаря и два фельдшера, которые плясали до упаду и въ полькахъ неистово стучали каблуками. Дѣвицы, танцующія съ ними, такъ и млѣли: хоть и писаря, хоть и фельдшера, а все же въ формѣ, значитъ военные люди, а это не послѣдняя статья. Фрачниковъ было двое: какой-то артельщикъ франтъ, первый разъ надѣвшій фракъ, отчего онъ себя то и дѣло осматривалъ въ зеркало, и всѣмъ разсказывалъ, что ему вся пара обошлась тридцать рублей, и съ пушистыми бакенбардами камердинеръ какого-то графа. Остальные танцоры были въ сюртукахъ, и даже нѣкоторые въ цвѣтныхъ брюкахъ. Нетанцующіе стояли у стѣны и смотрѣли. Въ гостиной сидѣли маменьки, сплетничали, перебирали жениховъ, зѣвали во весь ротъ и набивали свои карманы яблоками и мармеладомъ для оставшихся дома ребяти-

шекъ. Нѣкоторыя вставали, подходили къ столику съ закуской, накрытому въ укромномъ мѣстѣ, и пропускали по маленькой очищенной.

Въ другихъ комнатахъ играли въ карты, все больше въ горку, и только на одномъ столѣ въ преферансъ. Артельщики вообще любители играть въ горку и горка возрасла до почтенныхъ размѣровъ. На столѣ лежали синенькія и зелененькія бумажки. Въ преферансъ играли: Матвѣй Павлычъ, отецъ новобрачной, купецъ, которому Матвѣй Павлычъ сбываетъ старыя рогожи, какой-то офицеръ, выслужившійся изъ солдатъ, и главный артельщикъ изъ большой конторы Шпильманъ Шпее и компаніи. Они уже были навеселѣ и острили. Ежели кто ходилъ дамой, то говорилъ: „дама прямо изъ Амстердама", ежели валетомъ, то „валетъ танцуетъ балетъ, а вотъ тузъ принесъ имъ арбузъ, девятка стала кроватка", бубны назывались „бубенчиками", трефы—„кладбищенской мастью" и т. д.

Въ углу стоялъ накрытый столъ съ закуской, бутылками винъ и двумя огромными графинами водки. Окола стола толпились гости. Вина какъ-то мало пили, а все уничтожали очищенное и пиво. Официанты то и дѣло наполняли графины.

— Я лучше тебя танцую, говорилъ одинъ фельдшеръ другому, затягиваясь папироской.—Ты совершенно не умѣешь даму брать: ухватишь ее въ охабку, да и носишь по залѣ. Тебѣ-то ничего, а вѣдь ей не ловко.

— Что всѣ эти плясы ваши французскіе, только даромъ брюхо растрясешь; вы бы лучше трепака откололи, вмѣшивается въ ихъ разговоръ артельщикъ:—по крайности душа радуется, сердце тѣшится, духъ занимается. Катай-валяй!... Здѣсь хоть и растрясешь брюхо, такъ не даромъ.

Фельдшера не обращаютъ на него вниманія.

— Нѣтъ, ты хуже меня танцуешь, продолжалъ все тотъ же

фельдшеръ.—Ты бери даму такъ, чтобъ ладонь руки прилегала прямо къ нижнимъ costae.

— Да у меня рука и то прилегаетъ къ costae.

— Нѣтъ, ты очень низко берешь, у тебя рука не на таліи лежитъ, а на pelvis.

Они видимо хвастались латинскими словами.

— По каковски это слово-то сказано? спросилъ его артельщикъ, разсуждавшій о русскомъ трепакѣ.

— По латынѣ, гордо отвѣчалъ фельдшеръ и отвернулся.

— А по херамъ говорить знаете? Тоже хорошій языкъ, на свинячій смахиваетъ. Сеня! Херъ-хо-херъ-чешь-херъ херъ-вы-херъ-пить-херъ херъ-вод-херъ-ки-херъ? крикнулъ онъ другому артельщику.

— Херъ-ла-херъ-дно-херъ. Херъ-на-херъ-ли-херъ-вай-херъ! отвѣтилъ тотъ.

— Херъ-ва-херъ-ляй-херъ! проговорилъ онъ, наливъ двѣ рюмки водки, и захохоталъ.—Что, каково? Хорошъ языкъ? Лучше всѣхъ вашихъ нѣмецкихъ и французскихъ языковъ!

Фельдшера пожали плечами, покосились на артельщиковъ и вышли изъ комнаты.

— Извѣстно—необразованность, мужики! проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Ахъ они коновалы эдакіе! возвысилъ голосъ Подметкинъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены. — Туда же козыря корчатъ, и разговаривать съ нашимъ братомъ не хотятъ. Да что они?—Коновалы, и больше ничего. Намъ милліоны повѣряютъ, а ихнему брату никто и рубля не повѣритъ. Наше званіе отъ Петра Великаго ведется!...

— А ну ихъ, брось! обратился къ нему артельщикъ, разговаривавшій о трепакѣ. — Ну ихъ къ лѣшему! Выпей вотъ лучше съ нами.

— Херъ-на-херъ-ли-херъ-вай-херъ!

Они выпили.

Балъ былъ въ самомъ разгарѣ. Многіе уже успѣли значительно подвыпить. Одинъ артельщикъ ворвался въ кругъ танцующихъ кадриль и началъ плясать въ присядку. Нѣкоторымъ это показалось забавнымъ, они начали кричать: „лихо, ай да молодецъ!“ но истиннымъ кавалерамъ-фельдшерамъ это не понравилось и они вывели его изъ круга. Артельщикъ началъ ругаться. Его окружили гости. Къ нему подошелъ новобрачный и началъ его уговаривать оставить ругань; даже вышелъ изъ-за картъ Матвѣй Павловичъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, насупился.

— Вотъ зови послѣ этого всякую дрянь, проговорилъ онъ.

Слова эти услыхалъ Подметкинъ. Онъ уже былъ порядочно подвыпивши.

— Чѣмъ же дрянь-то, позвольте васъ спросить, Матвѣй Павловичъ? обратился онъ къ амбарному.—Онъ такой же артельщикъ, какъ и вы. Что больно зазнались, что носъ-то подымаете? Важное кушанье? какъ же! Откажетъ хозяинъ, такъ также будете на биржѣ ящики кантовать.

Матвѣй Павловичъ побагровѣлъ.

— Не съ тобой разговариваютъ, ты молчи! проговорилъ онъ.

— Вы-то не со мной разговариваете, да я-то съ вами говорю. Что больно зазнались?

— Молчи! тебѣ говрятъ, здѣсь не въ трактирѣ!

— Знаемъ, что не въ трактирѣ, не съ пьяныхъ глазъ говоримъ, а вы-то вотъ въ трактирѣ въ Орлѣ разъ съ пьяныхъ глазъ ругались. Хотѣлъ было я тогда съ вами потолковать, да выпивши вы были.

Къ Подметкину подошелъ Кривоуховъ и началъ его останавливать. Подметкинъ насилу унялся.

— Тятинька, успокойтесь, видите, человѣкъ выпивши маленько, успокоивалъ новобрачный тестя.

— Я вотъ ему покажу! Ежели онъ мнѣ еще хоть слово скажетъ, я его выгоню вонъ!

— Нѣтъ, тятинька, ужъ вы этого не дѣлайте, потому что онъ мой пріятель, самый близкій пріятель, мы съ нимъ въ одинъ годъ и въ артель вкупились. Лучше ужъ вы вотъ что сдѣлайте: поругайте его завтра.

Тесть успокоился и пошелъ играть въ карты. Подметкинъ вошелъ въ залу, подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ, подбочинился и всталъ противъ нея.

— Что это вы на меня такъ смотрите, Павелъ Герасимычъ? спросила она его улыбаясь.

— Такъ-съ, ничего-съ, смотрю на васъ и любуюсь. Гляжу и думаю: экій вы розанъ, Марья Ивановна! Краше того, что у васъ въ головѣ воткнутъ-съ.

— Ахъ, что вы это, Павелъ Герасимычъ!

— Ей-Богу краше... Да и вы здѣсь всѣхъ дѣвушекъ краше: одно слово—розанъ, даже можно сказать—бутонъ.

— Ну ужь полноте!

— Вотъ теперича ежели бы я былъ писарь, али такъ французскую кадриль умѣлъ, такъ протанцовалъ бы съ вами, а то теперь что..? вы на меня и вниманія не обращаете...

— Что это, Павелъ Герасимычъ, вѣчно у васъ такія слова! Будто вы не знаете меня.

— Знать-то я знаю. А вы вонъ съ тѣмъ коноваломъ такъ долго разговаривали,—значитъ, онъ вамъ по нраву пришелся.

— Съ какимъ коноваломъ?

— Дасъ фельдшеромъ. Вонъ, что красная-то говядина на воротникѣ.

Онъ кивнулъ на фельдшера.

— Такъ вѣдь нельзя же мнѣ съ нимъ не говорить, ежели онъ

разговариваетъ. Садитесь, я и съ вами поговорю, отвѣтила Марья Ивановна.

Подметкинъ взялъ стулъ и сѣлъ. Раздался ритурнель кадрили. Танцующіе начали становиться въ пары. Фельдшеръ подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ и подалъ ей руку, чтобъ вести къ своему vis-a-vis. Подметкинъ пріосанился и гордо взглянулъ на него.

— А, такъ я пойду, Марья Ивановна, и выпью за ваше здоровье. До свиданія! проговорилъ онъ и подалъ ей руку.

Фельдшеръ съ самаго начала вечера обратилъ вниманіе на Марью Ивановну и началъ за нею ухаживать. Обстоятельство это не ускользнуло отъ опытнаго взгляда Марины Поликарповны: „вотъ бы славный женишокъ для Машеньки", мелькнуло у ней въ головѣ, и она начала обдумывать планъ, какъ заманить фельдшера къ себѣ въ домъ.

Черезъ нѣсколько времени Подметкинъ вошелъ въ залу, но ужъ замѣтно покачиваясь. Глаза его были красны, волосы сбились немного на лобъ. Онъ незамѣтнымъ образомъ всталъ у стѣны за стуломъ Марьи Ивановны. Кадриль все еще продолжалась. Фельдшеръ дѣлалъ соло пятой фигуры, кончилъ и сѣлъ рядомъ съ Марьей Ивановной. Подметкинъ пристально слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Онъ ревновалъ къ нему Марью Ивановну.

— Я вамъ скажу, говорилъ фельдшеръ, наклонясь къ Марьѣ Ивановнѣ: — многіе кавалеры никакого обращенія съ дѣвицами не понимаютъ. Разговоры у нихъ все какіе-то мужицкіе: то вдругъ дразнить чѣмъ нибудь дѣвицу начнутъ, или насмѣшки надъ ней дѣлать, или попрекать кѣмъ нибудь изъ мужчинъ. Ну скажите, развѣ это пріятно дѣвицѣ слушать? Дѣвицѣ пріятнѣе разговоръ имѣть о чувствахъ, о любви... Вѣдь у дѣвицы душа нѣжная, нѣжнѣе, чѣмъ у мужчинъ.

— Какъ же, извѣстно нѣжнѣе... Оттого вотъ мужчины насъ и обманываютъ, проговорила Марья Ивановна.

— Разные и мужчины бываютъ; вотъ напримѣръ я: у меня душа нѣжная. Ежели я, кажется, когда дѣвицу обижу, такъ за наказаніе себя на третью порцію посажу, овсянкой питаться буду.

— Зачѣмъ же такъ тиранствовать надъ собой?

— За наказаніе-съ. Ежели мнѣ дѣвица понравится, такъ я для нея все готовъ сдѣлать, и ежели она мнѣ что дастъ на память, такъ, кажется, я это пуще всякихъ драгоцѣнностей беречь буду, какъ какой нибудь рыцарь, которому королева бантъ пришпилила. Вы въ театрахъ часто бываете?

— Нѣтъ, не часто. Объ Рождествѣ прошлый годъ разъ ходили, да на масляной были.

— Я такъ часто бываю, каждую недѣлю. Вотъ тамъ такъ хорошо про любовь говорятъ. Я все еще не узналъ вашего имя и отчества! спохватился онъ.

— Марья Ивановна.

— Такъ какъ я, Марья Ивановна, въ этотъ вечеръ въ разговорахъ и обращеніи съ вами удовольствіе имѣлъ, подарите мнѣ на память тотъ розанъ, который покоится на груди вашей.

— Ахъ нѣтъ, какъ же это можно, что вы...

— Я бы его берегъ какъ драгоцѣнность и любовался бы на него только по праздникамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, чтого нельзя!

— Ну хоть одинъ листочекъ. Вотъ этотъ, и рука фельдшера протянулась къ груди Марьи Ивановны и указала на листокъ.

До Подметкина долетали нѣкоторыя слова фельдшера. Отъ этихъ словъ его такъ и коробило, но когда рука дерзкаго протянулась къ груди Марьи Ивановны, онъ не вытерпѣлъ, подбѣжалъ къ нему и схватилъ его за руку.

— Что рукамъ-то много воли даешь?.. Ты куда зашолъ?

— Тебѣ какое дѣло! закричалъ на него фельдшеръ, рванулся и освободилъ свою руку.

— Мнѣ есть дѣло,—ты здѣзь не безобразничай! Думаешь, что на воротникѣ красная говядина нашита, такъ и безобразничать можешь?! Я тѣ покажу!

— Дуракъ!

— Отъ дурака слышу! Вишь какой хлесткой? Тоже за это, братъ, съ лѣстницы спустимъ, не посмотримъ, что пуговицы-то блестятъ!

Фельдшеръ смѣшался, а Марья Ивановна до того сконфузилась, что не знала, что ей дѣлать: сидѣть ли, или идти къ теткѣ.

Кадриль на время прекратилась. Всѣ спрашивали о причинѣ спора и окружали спорящихъ. Подметкинъ разсказывалъ, въ чемъ дѣло, и ругалъ фельдшера. Нѣкоторые его останавливали, а нѣкоторые научали его, чтобъ онъ далъ фельдшеру „мятку". Къ Подметкину подошолъ Кривоуховъ и отвелъ его въ сторону.

— Эхъ, Павелъ Герасимычъ, что это ты дѣлаешь? Ахъ, какой безпокойный человѣкъ! говорилъ онъ ему. — Я тебѣ какъ другу скажу: — ты ужь порядочно пьянъ, нехорошо, сиди ты лучше въ тѣхъ комнатахъ, не выходи сюда.

Подметкинъ обидѣлся.

— Ежели ты хочешь, чтобъ я здѣсь не былъ, такъ чортъ же съ тобой! Прощай! Нога моя послѣ этого не будетъ въ твоемъ домѣ. Ты, братъ, прощалыгу какую-то на пріятеля промѣнялъ! Ахъ ты!...

Онъ вышелъ изъ залы, но домой не ушелъ, а обнялся съ какимъ-то артельщикомъ и направился къ столу съ закуской... Выпили. Хмѣль сильно забралъ его; онъ началъ ругаться, ругалъ Матвѣя Павлыча, Кривоухова, засучилъ рукава и сбирался поколотить фельдшера. Матвѣй Павлычъ, во что бы то ни стало, рѣшился спровадить Подметкина домой. Онъ попросилъ нѣкоторыхъ гостей, чтобъ его уговаривали,—но это не помогло, тогда онъ велѣлъ офиціантамъ вывести его силой.

— Пожалуйте, васъ тамъ спрашиваютъ, сказалъ Подметкину подошедшій официантъ.

— Гдѣ?

— На лѣстницѣ-съ.

— Кто?

— Человѣкъ какой-то-съ.

— Зови его сюда!

— Да онъ нейдетъ-съ.

— Врешь! Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло: меня домой хотятъ спровадить—шалишь, не удастся! Выводите силой! Подходи, много ли васъ? кричалъ Подметкинъ, и началъ махать руками.

Три официанта приблизились къ нему и взяли его за руки. Онъ рванулся и хватилъ ихъ кулаками по чему попало. Они оставили его. Подметкинъ отправился въ залу. Онъ былъ сильно пьянъ, отъ него сторонились. Онъ подошелъ къ официанту, разносившему варенье, положилъ не много наблюдечко и понесъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Она не рѣшалась, брать ли ей или не брать. Тетка подбѣжала къ ней.

— Она уже кушала, Павелъ Герасимычъ, ей довольно. Кушайте сами...

— Чтожь, Марья Ивановна, не хотите взять?.. Не хотите? Когда такъ, такъ вотъ что!..

Онъ хватилъ блюдечко объ полъ. Оно разлетѣлось въ дребезги. Фельдшеръ захохоталъ. Подметкинъ бросился на него и хотѣлъ его бить, но его схватили за руки и удержали. Къ нему снова подошелъ Кривоуховъ и просилъ уѣхать домой, давалъ провожатаго и свою карету. Онъ не соглашался.

— Павелъ Герасимычъ, сдѣлай ты это для меня; первый и послѣдній разъ прошу тебя. Вѣдь ты себя срамишь передъ всѣми. Ну что за охота?.. Дойдетъ до хозяина,—велитъ штрафъ поставить.

Подметкинъ молчалъ и думалъ.

— Чортъ съ тобой, прощай! проговорилъ онъ наконецъ.—А ужъ тестю твоему отъ меня достанется! Прощай! Онъ вышелъ изъ залы. Артельщикъ изъ одной съ нимъ артели поѣхалъ провожать его.

Въ четыре часа отужинали и балъ кончился. Новобрачные поѣхали домой. Начали собираться и Марина Поликарповна съ Марьей Ивановой. Фельдшеръ такъ и юлилъ около нихъ: подавалъ имъ салопы, пихнулъ въ шею какого-то пьянаго гостя, который чуть было не упалъ на Марину Поликарповну, и вообще услуживалъ имъ.

— Благодарю васъ... что это вы безпокитесь! говорила тетка.

— Помилуйте, какое же это безпокойство? Это обязанность каждаго образованнаго кавалера, рисовался фельдшеръ.

— Позвольте ваше имячко узнать? Какъ васъ звать-то?

— Александръ Христофорычъ.

— Къ намъ милости просимъ, Александръ Христофорычъ. Вы вотъ лечить-то знаете, а я все нездорова: стѣсненіе у меня все какое-то, грудь щемитъ. Мы вотъ здѣсь недалеко живемъ, въ третьей линіи, домъ Перехватова. Милости просимъ! приглашала его Марина Поликарповна.

— Непремѣнно-съ, почту даже за счастіе.

— Спросите только квартиру полковника Хаплина, тутъ мы и живемъ. Я въ экономкахъ у нихъ живу.

Александръ Христофорычъ вызвался даже проводить ихъ, вышелъ за ворота и во все горло началъ кричать извощика.

— А славный человѣкъ этотъ Александръ Христофорычъ, говорила Марина Поликарповна племянницѣ, когда онѣ ѣхали:— вотъ бы тебѣ, Машенька, женишокъ былъ хорошій.

— Ахъ, тетенька, все-то у васъ женихи. Каждый человѣкъ женихъ. Почемъ вы знаете, какой онъ тамъ?

— Хорошаго человѣка сейчасъ видно. Павелъ-то Герасимычъ какъ сегодня напился, да какой онъ буйный! Незнала я, что у него такой нравъ.

— Чтожь, съ каждымъ человѣкомъ можетъ это случиться. Велика бѣда, разъ-то въ жизни! отвѣтила племянница, отвернулась и надвинула на глаза байковый платокъ.

IX.

Большаго труда стоило на другой день Степану Иванову разбудить Подметкина. Онъ всталъ не вдругъ, и лежа началъ припоминать все то, что онъ дѣлалъ вчера. Многаго онъ даже совсѣмъ не помнилъ. Подметкинъ былъ гордъ: вспомнилъ онъ, какъ его вчера выпроваживали, какъ надъ нимъ смѣялись, и ему сдѣлалось больно и совѣстно. „Еще ничего бы, думалъ онъ:— ежели бы всего этого не видали Марина Поликарповна и Марья Ивановна, а то и онѣ видѣли. Что онѣ теперь скажутъ?“ и ему стало еще совѣстнѣе. Лишь въ одномъ поступкѣ оправдывалъ онъ себя, въ томъ, что поругался съ Матвѣемъ Павлычемъ.

Онъ всталъ. Голова у него болѣла нестерпимо. Степанъ Ивановъ принесъ чайникъ чаю. Подметкинъ началъ пить, выпилъ немного и отодвинулъ отъ себя чашку—горячее жгло ему ротъ.

— Что, палитъ нутро-то? спросилъ его до сихъ поръ молчавшій Степанъ Ивановъ.—Вотъ, Павелъ Герасимычъ, до чего ты себя доводишь! Посмотри-ка на себя въ зеркало-то, на кого ты похожъ?

— Ну ужь, оставьте!...

— Чего оставлять-то? Скверно, братъ, очень скверно! Зарядилъ частенько нынче. Вотъ какъ велитъ хозяинъ штрафъ поставить, или совсѣмъ тебя отошлетъ, такъ и будешь знать!

— Да ужъ оставьте, пожалуйста, самъ знаю, что скверно...

— То-то, вотъ знаешь, а дѣлаешь.

Степанъ Ивановъ пересталъ его журить, онъ видѣлъ: что Подметкинъ не противорѣчитъ ему и сознаетъ свой поступокъ. Когда Подметкина поутру увидалъ хозяинъ, то пристально посмотрѣлъ на него, но не сказалъ ни слова; по уходѣ же его на почту, спросилъ Степана Иванова:

— А что, Павелъ вчера домой пришелъ пьяный?

— Да не могу знать-съ, Августъ Яковличъ, отвѣтилъ артельщикъ:—онъ поздно пришелъ, я ужъ спалъ, ему лакей двери отворилъ. Можетъ немного и выпивши пришелъ.

Весь этотъ день Подметкинъ проходилъ, какъ угорѣлый. На черную лѣстницу совсѣмъ не выходилъ и избѣгалъ встрѣчи съ Марьей Ивановной. На другой же день къ вечеру привычка видѣться съ ней взяла свое, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отправился къ Маринѣ Поликарповнѣ, чтобы при ней и при Марьѣ Ивановнѣ пожурить себя за свои безобразія, извиниться и тѣмъ облегчить душу.

Марина Поликарповна встрѣтила его сухо, но пригласила къ себѣ въ комнату..

— Вотъ все браню, Марина Поликарповна, себя за свои безобразія на свадьбѣ. Страсть сколько я тамъ вертуновъ надѣлалъ. Ужь простите меня, ежели я что...

— И что вы!.. да вы ничего, кажется, дурнаго не сдѣлали?

— Нѣтъ, ужь сдѣлалъ-съ, я знаю, много сдѣлалъ-съ.

Вошла Марья Ивановна. Подметкинъ тоже самое сказалъ и ей.

— А ужъ что насчетъ этого коновалишки, добавилъ онъ:— такъ я себя не виню: какъ же, онъ вдругъ своею лапою хотѣлъ у васъ розанъ съ груди сорвать. Нешто это можно?

— Ну ужъ, не говорите, Павелъ Герасимычъ, извѣстно вы погорячились; онъ тутъ дурнаго ничего не сдѣлалъ.

— Какъ же, тетинька, ничего? За розанъ хотѣлъ схватить! возразила Марья Ивановна.

— Ну, да что объ этомъ толковать! Дѣло прошлое. Извѣстно, свадебное время, сказала тетка, и тѣмъ закончила разговоръ.

Побывъ у нихъ еще минутъ съ пять, Подметкинъ простился и ушелъ домой.

Въ воскресенье Подметкинъ уходилъ гулять. Возвращаясь домой, онъ увидалъ впереди себя подъ воротами фельдшера, того самаго фельдшера, съ которымъ онъ побранился и чуть не подрался на свадьбѣ у Кривоухова. Подметкина такъ и кольнуло. „Къ нимъ идетъ“, подумалъ онъ и прибавилъ шагу. Фельдшеръ вошелъ на лѣстницу, Подметкинъ за нимъ, и такъ проводилъ его до квартиры, гдѣ жила Марина Поликарповна. Зло взяло Подметкина,—онъ выругался. Пришелъ домой, снялъ сибирку и легъ полежать. „Поддѣлался чортъ, думалъ онъ про фельдшера:—теперь поди сидитъ тамъ, да бобы разводитъ. И что только въ немъ понравилось? такъ, мразь какая-то. А Машка-то, Машка-то! ахъ она чортъ эдакій! Вѣдь поди сама, стерва, его въ гости звала“. Онъ плюнулъ. Ревность сильно заговорила въ немъ. Онъ всталъ съ кровати, прошелся раза два по компатѣ и рѣшился идти къ Маринѣ Поликарповнѣ.

Въ кухнѣ Подметкина встрѣтила Марья Ивановна и покраснѣла.

— Ахъ, Павелъ Герасимычъ, милости просимъ! проговорила она, но не безъ замѣшательства.—Пожалуйте! и повела его въ комнату тетки.

Отъ кухни до комнаты Марины Поликарповны нужно было идти по маленькому корридорчику. Въ корридорчикѣ она остановилась и шопотомъ сказала Подметкину:

— А вѣдь у тетиньки тамъ гость сидитъ—фельдшеръ; тотъ самый, съ которымъ вы побранились на свадьбѣ; только, Па-

велъ Герасимычъ, вѣрите вы мнѣ, ей Богу я его не звала къ вамъ, а тетинька...

— Знаемъ мы, какъ не звала! Поди къ душѣ приставала: приходите да приходите! На кой песъ я вамъ теперь?—я человѣкъ женатый: женихомъ быть не могу. Знаемъ мы васъ тоже...

Онъ хотѣлъ было идти. Марья Ивановна схватила его за руку.

— Павелъ Герасимычъ...

— Что еще?

— Вы мнѣ не вѣрите, вы на меня сердитесь? Ей Богу, не я его звала, а тетинька. Она даже болѣзнь себѣ какую-то придумала и позвала его себя лечить. Вы не сердитесь? спросила она его еще разъ.—Скажите, что нѣтъ, и обняла его.

На душѣ у Подметкина стало немного полегче; онъ поцаловалъ ее и вошелъ въ комнату. Марья Ивановна послѣдовала за нимъ.

Въ углу на стулѣ сидѣлъ фельдшеръ и курилъ папиросу; у стола стояла Марина Поликарповна и разливала кофей.

— Здравствуйте! проговорилъ вошедшій Подметкинъ.

— Здравствуйте, Павелъ Герасимычъ, сухо отвѣтила Марина Поликарповна.

Лицо ея такъ и говорило: „ну, братъ, не во время пожаловалъ!“ Фельдшеръ постарался скрыть улыбку, но скрылъ худо. Онъ поклонился Подметкину, не вставая со стула.

— Садитесь пожалуйста, Павелъ Герасимычъ, просила его Марья Ивановна.

Подметкинъ сѣлъ.

— Шолъ запросто, а попалъ на гостей, проговорилъ онъ, вынимая изъ кармана сигару и спички.

Фельдшеръ протянулъ ему тлѣющуюся папиросу.

— Не требуется-съ, у насъ спички есть, отвѣчалъ Подметкинъ, и началъ царапать спичкою о сапогъ.

Марина Поликарповна покосилась на него.

— Такъ какъ же, такъ мнѣ и мазать грудь этимъ подельдокомъ? спросила она фельдшера, чтобъ замять рѣзкій отвѣтъ Подметкина.

— Да, да, втирайте. Теперь я вамъ не дамъ больше ничего, а черезъ недѣльку зайду, такъ можетъ чай грудной принесу.

Разговоръ на этомъ и прекратился. Подметкинъ видѣлъ, что онъ стѣсняетъ своимъ присутствіемъ, но не уходилъ, да и странно было бы уйти. Внутри у него кипѣло, но онъ старался быть хладнокровнымъ. Волненіе его было замѣтно только по частымъ затяжкамъ сигарою. На предложеніе Марины Поликарповны выпить чашку кофею онъ отказался.

— Ну, водочки?

— И водки не хочется.

— Мы вамъ здѣсь надымимъ, у васъ можетъ голова разболѣться, говорилъ фельдшеръ, обращаясь къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ничего, Александръ Христофорычъ, курите; мы привыкли къ табашному-то дыму, отвѣчала за нее Марина Поликарповна.

— Все-таки не хорошо-съ, учтивость требуетъ, чтобы мы оставили, отвѣчалъ фельдшеръ, и началъ гасить папиросу.

— А вы развѣ учтивы? спросилъ Подметкинъ, пристально глядя на него.

Фельдшеръ покраснѣлъ.

— Я по крайней мѣрѣ всегда стараюсь быть учтивымъ, когда съ дамами обращеніе имѣю.

— Это и похоже-съ. Нѣтъ, учтивый человѣкъ своимъ рукамъ много воли давать не станетъ.

— Что это значитъ? спросилъ фельдшеръ и поднялся со стула.

— Павелъ Герасимычъ, что вы это? Оставьте пожалуйста?.. останавливала его Марина Поликарповна.

— Нѣтъ ужь позвольте-съ, началъ, такъ и докончу. А вотъ что это значитъ. Нешто можетъ учтивый человѣкъ при всемъ народѣ хватать цвѣты съ груди дѣвушки? Нѣтъ, по нашему это не учтивость, а сиволапость. А еще учеными туда же прикидываетесь, на разныхъ языкахъ разговаривать суетесь!

Марья Ивановна незамѣтнымъ образомъ выскользнула изъ комнаты; тетка ея совершенно растерялась.

— Послушай, ты не забывайся! крикнулъ фельдшеръ и подошелъ къ Подметкину.

— Нисколько не забываюсь, велика ты фря! Есть передъ кѣмъ забыться! Голь-шмоль и компанія!

— Я тебѣ покажу, дуракъ, мужикъ эдакой! наступалъ на него фельдшеръ.

— А ну-ка покажи!? дразнилъ его Подметкинъ, складывая на груди руки.—А ну-ка покажи?! Хлесни, попробуй, такъ я тебѣ такую перекатку задамъ, что и своихъ не узнаешь!.. Даромъ что коновалъ, а съ недѣлю проваляешься.

Фельдшеръ схватилъ его за бортъ сибирки; Подметкинъ толкнулъ его въ грудь.

— Послушайте, Павелъ Герасимычъ, что это такое? проговорила Марина Поликарповна.—Я васъ прошу, оставьте!

— Не оставлю, не замолчу передъ нимъ! Мнѣ нечего его бояться! Дивлюсь я на васъ-то только, какъ послѣ всего, что онъ надѣлалъ, вы его въ домъ зовете!

— Это ужь мое дѣло, а не ваше, прошу меня не учить!

— Марина Поликарповна, что же это наконецъ? спрашивалъ фельдшеръ.

— Извините, Александръ Христофорычъ, ей-Богу я въ этомъ невиновата. Павелъ Герасимычъ, я вамъ послѣдній разъ говорю:—ежели вы не хотите молчать, такъ ступайте лучше домой!

— И пойду-съ, непрѣменно пойду! А вы оставайтесь здѣсь

съ нужнымъ человѣкомъ. Какъ же-съ, онъ вамъ нуженъ: человѣкъ холостой, такъ извѣстно нужный,—окрутить его можно.

Марина Поликарповна окончательно потеряла терпѣніе.

— Что? Что вы сказали? спрашивала она Подметкина.

Тотъ не отвѣчалъ и взялся за ручку двери.

— Такъ послѣ этого вотъ что: прошу васъ больше ко мнѣ не ходить! Вотъ, подумаешь, мужика-то сейчасъ видно. Слышите?—не ходите ко мнѣ.

— Слышу, слышу. А ты, братъ почтенный, подъ вечерокъ мнѣ не попадайся, задамъ мятку! закончилъ Подметкинъ, и вышедши изъ комнаты, хлопнулъ дверью.

Въ корридорѣ встрѣтила его Марья Ивановна.

— Что вы надѣлали, Павелъ Герасимычъ! вѣдь ужь теперь вамъ нельзя къ намъ ходить, сказала она ему.

— Да ужь теперь все одно! Что я? куда я теперь для вашей тетки гожусь,—изъ меня вѣдь шубу не сошьешь. Прощайте!

Пришедши домой и успокоившись, Подметкинъ началъ было раскаиваться, что изругалъ фельдшера; онъ ясно видѣлъ, что черезъ это онъ не можетъ болѣе ходить къ Маринѣ Поликарповнѣ, и съ Марьей Ивановной будетъ видѣться урывками, и то на лѣстницѣ; но вдругъ вспомнилъ, что его предпочли другому, что его чуть не выгнали, и зло закипѣло въ немъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать; бѣгалъ по комнатѣ, до кашля затягивался сигарой и наконецъ, схвативъ шляпу, ушолъ изъ дому, хотѣлъ было дожидаться фельдшера у воротъ, чтобъ еще болѣе обругать его, постоялъ минутъ съ пять и наконецъ ушелъ къ какому-то пріятелю артельщику. Подметкинъ не могъ быть дома, его душила ревность, злоба.

Подметкинъ возвратился домой на другое утро въ восемь часовъ и сильно пьяный. Степанъ Ивановъ началъ было его стыдить, но Подметкинъ ругался и шумѣлъ. Это дошло до хозяина;

онъ позвалъ его къ себѣ и объявилъ, что поставитъ ему штрафъ. Въ этотъ разъ онъ дѣйствительно исполнилъ это, и послалъ Степана Иванова объявить о штрафѣ артельному старостѣ. Но Подметкину было уже все равно: онъ потерялъ случай видѣться съ Марьей Ивановной, и могъ это дѣлать развѣ украдкой на лѣстницѣ. Въ тотъ же вечеръ онъ напился снова, и такъ продолжалъ попивать всю недѣлю, съ тою только разницею, что пилъ дома, подъ вечеръ и, сейчасъ же заваливался спать. Увѣщаній Степана Иванова онъ уже не слушалъ болѣе. Во всю недѣлю Подметкину удалось увидѣть Марью Ивановну только два раза. При послѣдней встрѣчѣ съ нимъ, она объявила, что тетинька очень сердится на него и запретила ей съ нимъ разговаривать, и что фельдшеръ былъ у нихъ еще разъ.

Подметкинъ скучалъ, его томила тоска. Онъ видѣлъ, что фельдшеръ ходилъ къ Маринѣ Поликарповнѣ. Это его злило и бѣсило. Онъ началъ пить и пилъ каждый день. Хмѣль уже мало дѣйствовалъ на него. Подметкинъ все былъ на ногахъ. Хозяинъ это видѣлъ, но молчалъ, наконецъ потерялъ терпѣніе и приказалъ артельному старостѣ обмѣнить ему артельщика. Для Подметкина это было ударомъ,—онъ потерялъ всякую возможность видѣть Марью Ивановну, а это для него было дороже всего. Онъ былъ уничтоженъ. Передъ переѣздомъ онъ даже стыдился проститься съ ней; ему стыдно было сказать, что ему отказали отъ мѣста за пьянство. Объявить другую причину было нельзя:— Марья Ивановна знала, какъ привязанъ къ ней Подметкинъ, и ни за что не повѣрила бы, что онъ самъ оставляетъ мѣсто. Онъ даже не повезъ самъ своихъ пожитковъ, ушелъ на артельную квартиру, а за вещами прислалъ другаго артельщика.

X.

Подметкинъ работалъ на биржѣ, но какъ-то вяло, и привычки попивать не бросилъ.

— Дивное дѣло! дивились на него старики артельщики: — изъ какого работящаго парня что сталось? и вѣдь вдругъ! И съ чего бы, кажись? съ шелопаями онъ не знался, компанію все съ хорошими парнями водилъ, а вѣдь свихнулся же. Гулялъ онъ и прежде, да вѣдь кто нынче не пьетъ?.. бабы и тѣ пьютъ, а вѣдь ужъ онъ безобразитъ. Лѣнь какая-то на него напала,—право, дивное дѣло!

Къ концу ноября всѣ артельщики, которые имѣли намѣреніе ѣхать въ деревню, накупили даровъ женамъ, матерямъ, теткамъ и разъѣхались. Подметкинъ опять получилъ изъ деревни письмо: его снова звали въ деревню и удивлялись, что онъ не ѣдетъ. „Ужъ здоровъ ли ты нашъ сынъ дорогой, Павелъ Герасимовичъ, писалъ ему отецъ: —мы стосковались въ неизвѣстности, вѣстей отъ тебя не получавши. Отвѣта ты намъ не отписалъ, оказіи отъ васъ никакой не было, и узнать о тебѣ было не отъ кого. Думаемъ, ежели бы ты, волею Божіею, померъ, такъ хоть бы артель отписала“. Письмо это тоже не сдѣлало ничего, и Подметкинъ твердо рѣшился не ѣхать въ деревню, однако послалъ письмо и тридцать рублей денегъ. Онъ писалъ, что въ эту зиму пріѣхать не можетъ,—артель не отпускаетъ.

Какъ штрафованнаго, Подметкина посылали въ караулъ караулить кипы съ хлопчатой бумагой. Сидитъ онъ на скамеечкѣ завернувшись въ тулупъ, а мысли у него такъ и бродятъ около Марьи Ивановны. „Что-то она теперь подѣлываетъ? думаетъ онъ.—Поди теперь обѣдаютъ?.. нѣтъ ужъ, отобѣдали. Можетъ у нихъ теперь фельдшеръ сидитъ, можетъ ужъ тетка скрутила его,

женихомъ сдѣлала?“ и при этой мысли сердце его болѣзненно сжималось. Подметкинъ старался не думать о фельдшерѣ, забыть его, но вѣдь мысли изъ головы не выкинешь. Недѣли уже двѣ не видалъ онъ Марьи Ивановны и наконецъ стосковался. Дорого бы далъ онъ, чтобъ увидѣть ее. Думалъ, думалъ онъ, какъ бы это сдѣлать, и накоцецъ придумалъ: въ первое же воскресенье онъ отправился къ Кривоухову. На его счастье, Матвѣя Павлыча, заходившаго постоянно по воскресеньямъ къ зятю, не было.

— Знаешь что, Вася? У меня, братъ, до тебя есть большая просьба, сказалъ онъ Кривоухову. — Ежели исполнишь, такъ вѣчно тебя любить буду и все, что попросишь, все для тебя сдѣлаю, только исполни, братъ.

— Ладно, ладно, ежели что могу, то сдѣлаю, а ужь не могу, такъ не взыщи. Ну?

— Длинная исторія, отъ Адама подымать нужно.

— Ну?

— Какъ другу тебѣ говорю. Помнишь, ты разъ на Петровскомъ пыталъ, есть ли у меня зазноба? Есть, братъ, твоя родственница, что, когда я жилъ при конторѣ, такъ надъ нами жила, Марьей Ивановной прозывается. Еще на свадьбѣ у тебя была.

— Знаю, знаю, я говорилъ тогда, что ты тутъ строчишь. Видишь, не мимо промахнулъ! Я еще на свадьбѣ догадался, когда ты этого фельдшера колотить хотѣлъ.

— Да ну ужь, полно, что тутъ... слушай! Я прежде къ нимъ ходилъ, а теперь повздорилъ со старухой, такъ не хожу. Сдѣлай, братъ, милость, Вася, сходи ты къ нимъ и скажи Марьѣ Ивановнѣ, чтобъ она въ воскресенье приходила къ обѣднѣ къ Благовѣщенію, только такъ скажи, чтобъ тетка не слыхала. Будь другомъ. Сходишь?

— Сходить-то я схожу, только, кажется, это тебѣ нужно бросить, Павелъ Герасимычъ.

— Да не могу я бросить. Вѣришь ли, двѣ недѣли я съ ней не видался, просто изнылъ весь. Вѣдь черезъ нее мнѣ и жена опротивѣла; черезъ это я и въ деревню не ѣду. Потому, что мнѣ тамъ дѣлать? Вонъ отецъ и второе письмо прислалъ, а не ѣду, потому, что мнѣ ѣхать, только грѣхъ одинъ. Кажется, какъ я увижу жену, такъ и начну ее бить, а можетъ еще что хуже сдѣлаю.

— Вижу, братъ, что ты въ самомъ дѣлѣ втюрился. Угораздило это тебя, Павелъ Герасимычъ!

— Такъ сходишь?

— Что ужь съ тобой дѣлать,—схожу.

— Ну, вотъ спасибо за это. А ужь я тебѣ удружу! и проговоривъ это, Подметкинъ поцаловалъ Кривоухова.

Кривоуховъ оставилъ его у себя обѣдать.

Подметкинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ воскресенья, даже бросилъ пить, и каждое утро, просыпаясь, считалъ дни, сколько осталось до воскресенья. „А вдругъ какъ она не придетъ? думалось ему. — Можетъ быть, она сердится на меня“. Но мысль эту, по возможности, онъ старался отстранять.

Въ четвергъ на биржу къ нему пришелъ Кривоуховъ.

— Ну, что? спросилъ его Подметкинъ.

— Ничего, былъ у нихъ, кланяется тебѣ.

— Придетъ?

— Придетъ.

— Ну, что она, какъ ты ей сказалъ?

— Да ничего, только застыдилась. Вы развѣ, говоритъ, знаете объ этомъ? Я говорю: знаю. Вѣдь ему некого было послать-то, кромѣ меня.

— Ну, а больше она ничего не говорила?

— Нѣтъ, говорила: ежели вы, говоритъ, Василій Григорьичъ, ему другъ, такъ посовѣтуйте, чтобы онъ не пилъ; можетъ онъ, говоритъ, васъ и послушаетъ.

— Ну, а тетка что?

— Да ничего.

— Обо мнѣ разговора не было? Не ругала она меня?

— Нѣтъ, ничего о тебѣ не говорила.

На душѣ у Подметкина сдѣлалось легко, отрадно.

— Ну, братъ, спасибо, Васюха! Теперь за тебя въ огонь и въ воду полѣзу. Спасибо, братъ!

Наступило воскресенье. Подметкинъ прифрантился: надѣлъ енотовую шубу, шляпу и отправился въ церковь. Подметкинъ пришелъ рано; обѣдня еще не начиналась, народу было еще очень мало. Онъ всталъ у входа и началъ смотрѣть на входящихъ. Отъ ожиданія, у него такъ и билось сердце. Кончились часы. Въ церковь вошла Марья Ивановна, молча поклонилась Подметкину и прошла далѣе. Отстоявъ полъ-обѣдни, Подметкинъ не утерпѣлъ и подошелъ къ ней.

— Здравствуйте, Марья Ивановна!

— Здравствуйте, Павелъ Герасимычъ! отвѣчала она.

— Марья Ивановна, выходите теперь изъ церкви, мнѣ нужно обо многомъ съ вами поговорить, шепнулъ онъ ей.

— Теперь никакъ нельзя, здѣсь есть знакомые, могутъ тетенькѣ передать, что я раньше вышла. Послѣ обѣдни мы поговоримъ. Павелъ Герасимычъ, отойдите отъ меня подальше. Не хорошо, кто нибудь увидитъ.

Онъ послушался ее.

Кончилась обѣдня. Подметкинъ вышелъ на паперть и ждалъ, когда выйдетъ Марья Ивановна. Къ нему подошли знакомые артельщики и звали его въ трактиръ чай пить.

— Нельзя, братцы; другой разъ я не отказываюсь, а сегодня нельзя.

— Да полно, пойдемъ! Вонъ Мышкинъ сегодня угощать будетъ.

— Да нельзя.

Его начали тащить подъ руки. Онъ упирался.

— Право, по дѣлу нужно сходить.

— А чортъ съ тобой, баба! монахомъ началъ прикидываться, Бросьте его братцы!

Пріятели оставили Подметкина. Изъ церкви вышла Марья Ивановна; онъ пропустилъ ее шаговъ на сто и тихонько пошелъ за нею. Она обернулась, Подметкинъ догналъ ее и пошелъ съ нею рядомъ.

— Словно меня озолотилъ кто,—такъ я обрадовался, васъ увидавши, началъ онъ.

Она молчала.

— Совѣстно мнѣ, Марья Ивановна, что я, уѣзжая съ квартиры, не простился съ вами. Простите меня. Дуракъ былъ, стыдно было признаться, что меня хозяинъ за пьянство отъ себя прогналъ. А все вы виноваты, черезъ васъ я пью.

— Чѣмъ же я-то виновата?

— А тѣмъ, что не хотите для меня сдѣлать, что я прошу.

— Не знаю, Павелъ Герасимовичъ, для васъ я, кажется, все дѣлаю.

— Нѣтъ не все-съ, не все-съ. Помните разговоръ на лѣстницѣ?

Марья Ивановна покраснѣла.

— Пойдемте на бульваръ, на средній проспектъ, тамъ потолкуемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ никакъ нельзя. Тетенька меня и то теперь ждетъ, узнать можетъ.

8*

— Скажите, что къ подругѣ заходили. Марья Ивановна... я возьму отдѣльную комнату въ гостинницѣ, а тетинькѣ вы скажите, что были у подруги.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, что вы это!

— Вотъ видите ли, вотъ для меня и этого сдѣлать не хотите, а говорите, что все дѣлаете. Зайдемте.

— Не просите, Павелъ Герасимовичъ, не могу...

— Вотъ что, Марья Ивановпа, я вамъ безъ обиняковъ говорить буду. Будемте-ка жить въ любви, все, что только пожелаете, я для васъ сдѣлаю: пить брошу. Вѣдь я черезъ это только и пью. Вѣдь вы меня, можно сказать, несчастнымъ дѣлаете. А тѣмъ временемъ можетъ Богъ приберетъ жену мою, тогда я и женюсь на васъ. Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, ежели я васъ послѣ этого брошу.

— Ахъ, что вы это!

— Марья Ивановна, согласитесь на это, не дайте погибнуть человѣку. Вѣдь я запью не то, буду пить и пить; пускай меня изъ артели выгоняютъ, все буду пить.

— Ахъ, Господи, что же мнѣ дѣлать?! проговорила она.

Голосъ ея порвался.

— Да что дѣлать,—осчастливить человѣка.

— Послушайте, Павелъ Герасимычъ, ну что изъ этого будетъ; я годъ съ вами проживу, два, тетинька меня все-таки замужъ выдастъ, и тогда все кончено. Противъ ея воли я не смѣю идти: она выростила меня, поитъ, кормитъ.

— Насильно нельзя никого повѣнчать; это только прежде бара своихъ крѣпостныхъ насильно вѣнчали. Ежели васъ тетка будетъ принуждать выходить замужъ, — уйдите отъ нея, я вамъ квартиру найму. Копѣйки на себя не издержу, все вамъ отдамъ! Ежели васъ тетка попрекать будетъ, что она васъ воспитала,—въ кабалу пойду, а выплачу ей, что она потребуетъ.

— Ахъ нѣтъ, не просите, этого нельзя, нельзя.

— Губите вы меня. Ну да ужь губите, одинъ конецъ! Двумъ смертямъ не быть, одной не миновать!

Они шли тихо, шагъ за шагомъ. Съ ними поравнялись два артельщика. Одинъ изъ нихъ поклонился Подметкину и, мигнувъ глазомъ на Марью Ивановну, свиснулъ и крикнулъ:

— На цугундеръ тащитъ! Знай артельщиковъ! Веди, веди ее!

Подметкинъ было бросился за нимъ, Марья Ивановна остановила его.

— Видите, вонъ уже всѣ замѣчаютъ. Прощайте, мнѣ домой нужно, проговорила она.

— Такъ какъ же, Марья Ивановна? Ну хоть въ другой разъ

— Нѣтъ, нѣтъ, не просите!

— Такъ значитъ кончено?.. Губите вы меня, Марья Ивановна! Прощайте!

Онъ подалъ ей руку.

— Хотите, такъ приходите въ будущее воскресенье въ церковь, я буду.

— Зачѣмъ же-съ, только себя растравлять. Прощайте!

Они разошлись.

Съ этого же воскресенья Подметкинъ запилъ снова, пилъ три дня и не являлся на биржу. Его оштрафовали. Въ средуонъ пришелъ на работу, но пьяный; староста и старики артельщики начали его усовѣщивать, онъ только махнулъ рукой да проговорилъ:

— Да вамъ-то что?.. Ставьте штрафъ, и дѣлу конецъ! и ушелъ съ биржи.

Прошло недѣли двѣ. Подметкнъ все еще пилъ. Онъ сильно перемѣнился: изъ красиваго лица сдѣлалось опухлое и блѣдное, одѣвался онъ грязно; что было денегъ—пропилъ и уже началъ продавать кой что изъ одежды. Старикп стали поговаривать, что надо посмотрѣть на него еще недѣлку, да ежели не-

остепенится, такъ отписать отъ артели, „а то и другіе на него глядя баловаться будутъ“. Какъ-то разъ Подметкинъ пришелъ на биржу пьяный. Староста этого не замѣтилъ и послалъ его въ караулъ; въ караулѣ онъ заснулъ, староста увидалъ это, передалъ старикамъ, и его рѣшились отписать отъ артели.

— Пусть на легкѣ мѣсяца два проходитъ, небось исправится, говорили они.—Эдакъ у насъ такъ раскрадутъ товаръ, что и капиталу не станетъ, чѣмъ отвѣчать.

Староста объявилъ объ этомъ Подметкину.

— Ладно, отписывайте! отвѣчалъ онъ, махнулъ по обыкновенію рукой и ушелъ съ биржи.

XI.

Подметкинъ въ больницѣ Маріи Магдалины. Онъ лежитъ въ безпамятствѣ и бреду. На черной дощечкѣ надъ его кроватью написано бѣлыми буквами: delirium tremens.

Послѣ того, какъ артель отписала Подметкина, онъ перестал ходить на биржу и слонялся такъ, гдѣ попало. Однажды онъ встрѣтился съ Кривоуховымъ.

— Знаешь что, Павелъ Герасимычъ? – Я тебѣ новость скажу: Марья Ивановна замужъ выходитъ.

Подметкина какъ будто что-то кольнуло и ударило въ жаръ.

— Врешь?! проговорилъ онъ.

— Выходитъ. И знаешь, за кого?

— За фельдшера?

— Ну да, за него самаго. Послѣ Рождества свадьба.

— Я зналъ, что тутъ дѣло будетъ. Тетка у ней такая ягода, что хоть кого окрутитъ.

— Вырвалъ, братъ, онъ у тебя кусокъ, изъ самой глотки

вырвалъ; а вѣдь кусокъ-то былъ лакомый, поддразнилъ его Кривоуховъ..

— А ну ее!.. Этого добра довольно, на каждомъ перекресткѣ найти можно, отвѣчалъ Подметкинъ. Онъ казался хладнокровнымъ.

Вѣсть эта однако имѣла вліяніе на Подметкина; онъ запилъ еще сильнѣе, и съ нимъ сдѣлалось то, что можетъ сдѣлаться съ каждымъ пьяницей. Сначала появилась безсонница и какая-то необъяснимая боязнь чего-то, наконецъ онъ сталъ заговариваться. Ему все что-то видѣлось и чудилось. Разъ ночью онъ вскочилъ съ постели, перебудилъ на артельной квартирѣ всѣхъ артельщиковъ и началъ имъ разсказывать, что сейчасъ приходилъ Янсенъ-Донерскій амбарный Матвѣй Павловичъ и хотѣлъ его зарѣзать, но испугался и спрятался подъ кроват.

— Вотъ онъ подъ кроватью сидитъ! Выгоните его, братцы, выгоните! кричалъ Подметкинъ. — И этотъ здѣсь, и коновалъ здѣсь! Братцы, что же вы за товарищи, и заступиться не хотите. Отымите хоть топоръ-то у него.

Артельщики недоумѣвали. Подметкинъ, какъ говорится, допился до чортиковъ и съ нимъ сдѣлалась бѣлая горячка. На утро его свезли въ больницу.

Вотъ уже четыре дня, какъ лежитъ Подметкинъ въ больницѣ. Его навѣщали: Кривоуховъ, Степанъ Ивановъ, даже пришла Марина Поликарповна, но онъ не узналъ ихъ. Сильныя крѣпкія натуры почти всегда выздоравливаютъ послѣ бѣлой горячки, особливо когда заболѣваютъ ею въ первый разъ. Подметкинъ имѣлъ такую натуру; можетъ быть, онъ бы и вѣздоровѣлъ, но независимо еще отъ бѣлой горячки онъ сильно простудился, натура его не выдержала и, пролежавъ въ больницѣ семь дней, онъ умеръ. Передъ смертью онъ немного пришелъ въ себя; Кривоуховъ былъ у него. Подметкинъ узналъ его и пожалъ ему руку.

— Вотъ что, Вася, ежели я умру, отпиши нашимъ... да поклонись ей... знаешь... Марьѣ Ивановнѣ.

Черезъ нѣсколько времени онъ снова впалъ въ безпамятство

Въ десятомъ часу утра по малому проспекту по направленію къ Смоленскому кладбищу пара еле-двигающихъ ноги клячъ въ драныхъ попонахъ тащила дроги. На дрогахъ стоялъ гробъ, въ гробу лежалъ Подметкинъ. Подметкина хоронили изъ больницы на казенный счетъ. Такъ какъ день былъ воскресный, то покойника провожало довольно много артельщиковъ.

— Экое время-то какое морозное, говорили они, кутаясь въ енотовыя, лисьи и бараньи шубы:—покойничекъ-то вѣдь не любилъ выпить,—не зайти ли намъ, не помянуть ли покамѣстъ до обѣдни-то?

Предложеніе это не отвергалось. Артельщики заходили подъ вывѣску „продажа лучшихъ водокъ", и послѣ догоняли дроги.

Кончилась обѣдня, отпѣли панихиду, артельщики подняли гробъ и понесли къ могилѣ. Впереди шелъ сторожъ и указывалъ дорогу. Наконецъ пришли. Могильщики приняли гробъ и опустили его въ могилу, священникъ отпѣлъ литію, дьячокъ затянулъ „вѣчную память", и артельщики начали бросать на гробъ мерзлую землю. Староста ходилъ отъ одного къ другому и приглашалъ на поминки въ гостинницу „Орелъ".

— Зарывай! крикнулъ кто-то.

Въ это время вдали на мосткахъ показались три фигуры: двѣ женщины и мужчина. Одна изъ женщинъ махала платкомъ.

— Погодите! закричали артельщики могильщикамъ.

Къ могилѣ подошли Марина Поликарповна и Марья Иванов-

на: онѣ перекрестились, бросили на гробъ по горсти земли, отошли и заплакали. Съ ними былъ фельдшеръ; онъ стоялъ поодаль.

Марина Поликарповна плакала такъ, по своей слезливой натурѣ, а Марья Ивановна... можетъ быть, она и любила Подметкина.

НАШИ ПИТЕРСКІЕ.

НАШИ ПИТЕРСКІЕ.

I.

ИЗВОЩИКЪ.

Изба. Вечеръ. На столѣ горитъ шестериковая сальная свѣча, вставленная въ желѣзный подсвѣчникъ, и тускло освѣщаетъ ужинающее крестьянское семейство: отца съ русой бородой, мать въ клѣтчатомъ ситцевомъ платкѣ на головѣ, дѣвушку лѣтъ шестнадцати съ ребенкомъ на рукахъ и косматаго мальчика лѣтъ пятнадцати. Слышится чавканье, схлебыванье съ ложекъ, да по временамъ грудной ребенокъ издаетъ какіе-то односложные звуки.

— Манька, что это Васютка Петькѣ ѣсть не даетъ?! Только я поднесу ему ко рту ложку, а онъ и столкнетъ съ нее, говоритъ дочь. Вѣдь эдакъ съ нимъ, съ голоднымъ всю ночь маяться будемъ.

— Васютка, да уймешься ли ты, пострѣлъ! крикнула мать.

— А вотъ я его уйму, проговорилъ отецъ и стукнулъ его деревянной ложкой по лбу.

Васютка насупился, положилъ ложку и сталъ отирать лобъ рукавомъ рубахи.

— Оболтался совсѣмъ. Въ Питеръ бы ужь его скорѣе, что ли, продолжала мать:—а то здѣсь отъ него окромя баловства ника-

кой пользы не видно. Даве дьячокъ и то жаловался: пѣтуху, говоритъ, крыло бабкой подшибъ...

— Не я, сосѣдскій Сашка, оправдывался было Васютка.

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ Сашку, какъ вихры-то натреплетъ, перебила мать.

Отецъ положилъ ложку, икнулъ и сталъ отирать о голову руки.

— Вотъ дядя Родивонъ къ Филиповкамъ поѣдетъ въ Питеръ, такъ мы его съ нимъ и отправимъ. Пусть его тамъ въ извозъ отдастъ, спокойно и съ разстановкой проговорилъ онъ и сталъ вылѣзать изъ-за стола.

Васютка нахмурился еще болѣе, положилъ на столъ руки и уткнулъ въ нихъ лицо. Матери стало жалко его, Она погладила его по головѣ.

Отецъ прошелся нѣсколько разъ по избѣ; зѣвнулъ, икнулъ еще разъ, и взглянулъ на печь, крикнулъ:

— Баушка, а баушка, ты бы похлебала!

Съ печи послышался кашель и старческій голосъ: „не хочется.“

— Ну какъ знаешь, а то бы похлебала, проговорилъ онъ и началъ молиться на образа; потомъ стащилъ съ палатей тулупъ, разостлалъ его на лавкѣ и сталъ укладываться спать.

— Кузьма, послышался съ печи голосъ старухи:—ты Васютку-то въ Питеръ не посылай, а отдай его въ монахи. Пусть наши грѣхи замаливаетъ.

— Ладно, баушка, спи, отвѣчалъ отецъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Черезъ четверть часа въ избѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ, кромѣ обыкновенно не спавшей по ночамъ старухи и Васютки. Это была едва ли не первая ночь въ его жизни, въ которую ему не спалось. Долго онъ ворочался съ боку на бокъ, по вре-

менамъ тихонько всплакивалъ и только подъ утро заснулъ тревожнымъ сномъ. Всю ночь ему снился Питеръ, о которомъ онъ зналъ по разсказамъ сосѣдей, занимавшихся тамъ извозомъ. Снился ему трактиръ, и снилась ему „часть“.

Трактиръ представлялся ему въ видѣ поповскихъ комнатъ, наполненныхъ народомъ, поющимъ пѣсни, играющимъ на гармоніи и пьющимъ чай и водку; часть же—какою-то обширною, мрачною землянкою, наполненною розгами, въ которой солдаты съ трубками въ зубахъ драли его сосѣдей, въ томъ числѣ и дьячка, сбирающагося натеребить ему вихры. Васютка смотрѣлъ на это и ждалъ своей очереди.

Все вышеописанное происходило въ селѣ Михайловѣ, верстахъ въ ста отъ Петербурга.

Прошелъ Михайловъ день. Въ селѣ Михайловѣ отпраздновали „престолъ,“ то есть храмовой праздникъ; лица нѣкоторыхъ поселянъ украсились синяками, выпалъ снѣгъ и занимающіеся по зимамъ въ Петербургѣ извозомъ засбирались въ путь. Сталъ сбираться и дядя Родивонъ, начали „сряжать“ и Васютку.

Наканунѣ отъѣзда, дядю Родивона и Васюткина отца можно было видѣть на крыльцѣ кабака. Оба они были пьяны, оба стояли безъ шапокъ и цѣловались.

— Такъ вотъ что, Родивонъ Иванычъ, ежели ты тамъ какъ что замѣтишь за нимъ насчетъ пьянства али какова ни-на-есть баловства—осади... говорилъ Васюткинъ отецъ.—Потому мы съ матерью въ надеждѣ...

— Будьте покойны... Въ самомъ лучшемъ видѣ... коснѣющимъ языкомъ отвѣчалъ дядя Родивонъ.

— Какъ что замѣтишь,—сгреби его за виски да и тереби...

— Господи, будьте покойны... какъ свое дитё...

— То-то... Посматривай... Какъ сгребетъ,—сразу таскай, а то вырвется. Онъ, братъ, парнишка шустрый! Охъ, шустрый!.. А нѣтъ,—ущеми голову въ колѣнкахъ, да возжами.

— Господи! Неужто ужь... Будьте безъ сумнѣнія...

Пріятели еще разъ обнялись, распрощались и стали расходиться. Васюткинъ отецъ прошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ вдругъ, какъ бы спохватившись, обернулся и крикнулъ дядѣ Родивону вслѣдъ, „Такъ ущеми же!“—но дядя Родивонъ не слыхалъ этихъ словъ: онъ шелъ безъ шапки, покачиваясь изъ стороны въ сторону, и твердилъ себѣ подъ носъ: „будьте покойны, безъ сумнѣнія, не допустимъ!“ Долго онъ искалъ по задамъ свою избу, но до нее не дошелъ и свалился гдѣ-то на дворѣ подъ навѣсомъ.

На другой день поутру, у избы Васюткина отца, стояли запряженные парой сани Родивона. Въ саняхъ лежало съ десятокъ пудовъ сѣна и куль овса. Въ избѣ происходила слѣдующая сцена.

Мать и сестра Васютки плакали. Самъ Васютка въ полушубкѣ, опоясанномъ кушакомъ, и валенкахъ стоялъ въ углу и дразнилъ кошку. На глазахъ его также блестѣли слезы. Мать то и дѣло гладила его по головѣ и цѣловала. Отецъ хмурился. Мало чѣмъ интересующаяся бабушка поминутно свѣшивала съ печи голову. По избѣ ходилъ дядя Родивонъ и самодовольно хлопалъ себя по бедрамъ. Онъ уже успѣлъ опохмѣлиться и былъ на-веселѣ. Въ углу на столѣ стоялъ образъ, полуштофъ съ водкой и лежала краюха хлѣба. Въ избѣбыли также три сосѣдскія бабы и дьячокъ. Бабы плакали и сморкались въ кончики го-

ловныхъ платковъ. Дьячокъ, какъ говорится, ни къ селу ни къ городу, говорилъ тексты изъ священнаго писанія и то и дѣло подходилъ къ полуштофу.

— Чтожь, долгіе проводы, — лишнія слезы. Благословите его образомъ, да и съ Богомъ, проговорилъ онъ.

— А вотъ сейчасъ... Прежде присѣсть надо, сказалъ отецъ.

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ, забормотали присутствующіе и сѣли.

— Ну, Господи благослови! сказалъ дьячокъ, первый подымаясь съ мѣста.

Встали всѣ и начали обрядъ благословенія, сначала образомъ, а потомъ хлѣбомъ.

— Въ ноги-то отцу кланяйся, въ ноги! надсажалась съ печи бабушка.

Васютка повалился въ ноги.

Перецѣловавшись со всѣми, Васютка и дядя Родивонъ вышли за ворота и стали садиться въ сани. Ихъ вышли провожать.

— Портянки-то положили-ли? сквозь слезы кричала какая-то баба.

— Положили! Положили!

Дьячокъ съ полуштофомъ въ рукахъ приставалъ „выпить на дорожку“. Выпили.

— Ну, съ Богомъ! сказалъ отецъ.

— Господи благослови! Прощайте! Крикнулъ дядя Родивонъ и стегнулъ лошадей. Лошади тронули. Мать побѣжала рядомъ и еще разъ успѣла поцѣловать сына. „Благоденственное и мирное“... для чего-то рявкнулъ было совсѣмъ уже пьяный дьячокъ; но тотчасъ же осѣкся, завидя идущую къ нему на встрѣчу и показывающую кулаки дьячиху.

Сани скрылись за угломъ.

На другой день вечеромъ дядя Родивонъ и Васютка пріѣхали въ Питеръ и остановились въ Ямской на извощичьемъ дворѣ. Дядя Родивонъ, какъ „зимнякъ", то есть ѣздящій въ извозъ только по зимамъ, ежегодно останавливался на этомъ дворѣ. Хозяинъ, занимающійся извозомъ и содержащій дворъ, былъ ему старый знакомый; давалъ ему за десять рублей въ мѣсяцъ харчи, нары для спанья, уголъ для лошадей и въ лѣтнее время хранилъ подъ навѣсомъ его городскіе сани.

— Что, братъ, и парнишку привезъ въ извощики? Твой что ли? спросилъ онъ дядю Родивона, когда тотъ помолившись на образа расцѣловался съ нимъ и съ работницей, суетившейся около печи.

— Нѣтъ, не мой, а въ сватовствѣ приходится, сказалъ дядя Родивонъ.—Возьми, коли нужно.

— Нѣтъ, этого добра довольно, отвѣчалъ хозяинъ: — а вотъ пойдемъ въ трактиръ, такъ тамъ поспрошаемъ, можетъ кому и требуется. Ну-ко, пораспариться съ дорожки-то! сказалъ онъ, и хотя сегодня пилъ чай чуть ли не десять разъ, тотчасъ же накинулъ на себя тулупъ и отправился съ дядей Родивономъ въ трактиръ. Васютка пошелъ также съ ними.

Трактиръ былъ биткомъ набитъ извощиками. Пахло тулупами, пригорѣлымъ масломъ, махоркой, потомъ. Отъ говора носился какой-то гулъ, звенѣла посуда, половые шлепали опорками, надѣтыми на босу ногу, кто-то затягивалъ пѣсню, въ углу читали письмо изъ деревни. „И ежели ты, сынъ нашъ любезный, двѣнадцать рублевъ денегъ на подати не вышлешь, то брата твоего Кузьму міръ стращаетъ вспороть", донеслось до Васютки, но онъ не обратилъ на это вниманія. Съ замираніемъ сердца, какъ бы въ святилище, вступалъ онъ въ трактиръ, въ это злачное и прохладное мѣсто, столь прославленное его земляками, и, увидавъ надъ стойкой образъ, началъ креститься, но дядя Ро-

дивонъ ткнулъ его въ загорбокъ и сказалъ: „проходи, здѣсь не церковь!“

— Молодецъ, собери-ка чайку на двоихъ, поскорѣе, да подай три чашечки! скомандовалъ извощичій хозяинъ половому.

Выпивъ чаю чашекъ восемь, дядя Родивонъ взялъ Васютку за руку и вывелъ на середину комнаты.

— А что, почтенные, обратился онъ къ сидящимъ за столами извощикамъ: —не слыхали, не требуется ли кому мальчонку въ извощичье дѣло? Вотъ этого самаго.

„Нѣтъ, не слыхать, не трафилось,“ послышалось съ разныхъ столовъ.

— Толкнись къ Митрофану Иванову: въ Бобылевомъ домѣ, у Глазова моста; кажись, ему требуется, откликнулся наконецъ съ дальнаго стола рыжебородый извощикъ.

— Требуется, это вѣрно. У него и лошадь такая для мальчонки есть: ты ее кнутомъ, а она хвостомъ! Двое изъ конюшни ведутъ, да двое ноги переставляютъ, съострилъ кто-то.

— Къ Митрофану Иванову? Слыхали. Спасибо. Толкнемся, поблагодарилъ дядя Родивонъ и сѣлъ пить девятую чашку.

На утро Васютка былъ принятъ въ работники хозяиномъ Митрофаномъ Ивановымъ на слѣдующихъ условіяхъ: первый мѣсяцъ безъ жалованья; на второй три рубля, армякъ и харчи хозяйскіе, а тамъ, что стоить будетъ, глядя по заработку. Первый день проболтался онъ такъ, шляясь по двору, а на второй снарядили его: дали рваный армякъ съ высокаго мужика, огромную четыреугольную шапку, вдвое больше его головы, купленную хозяиномъ лѣтъ пять тому назадъ въ придворныхъ конюшняхъ и превратившуюся изъ своего первоначальнаго пунцоваго цвѣта въ

желтый,—дали сани, кнутъ, клячу съ наглазниками и въ сообществѣ съ другимъ молодымъ, но уже бывалымъ парнемъ, отправили на промыселъ.

Утро. Еще не совсѣмъ разсвѣло. Лѣниво и зѣвая идутъ въ булочную за сухарями лакеи и горничныя, бѣгутъ труженицы охтянки молочницы, таща на коромыслахъ трехпудовую тяжесть, и выѣзжаетъ на первый промыселъ Васютка, въ сообществѣ бывалаго парня. Бывалый парень, обстоятельно распросивъ Васютку, какой онъ губерніи, уѣзда и деревни, когда „бываетъ у нихъ престолъ“ и есть ли красивыя дѣвки, даетъ ему наставленіе.

— Съ этой, братъ, лошадью иногда то трафится, что просто хоть зарѣжь—нейдетъ. Такъ ты ее норови за другими лошадьми, такъ она лучше... а то ее ничемъ не возьмешь: къ кнуту смерть не ласкова. Ежели поить понадобится, — спроси у другихъ извощиковъ—укажутъ. На кажинной канавѣ за копѣйку водопой есть. Да съ жару ежели поить будешь, заговоръ скажи: „пей воду, пей, брюха не жалѣй; напою опять, только на ноги не сядь“. Запомнишь?

— Запомню, отвѣчалъ Васютка и началъ задирать голову кверху, смотря на высокіе стоящіе шпалерами дома.

— По сторонамъ-то не зѣвай, а какъ ѣдешь, покрикивай: поди, поберегись! а то задавишь христіанскую душу, такъ за это въ части вспорютъ. Ну вотъ становись тутъ, у воротъ. Мѣсто бойкое, завсегда офицеры выходятъ. Рядить будутъ—проси двугривенный али четвертакъ, да, меньше гривенника не вози. Прощай! Въ девятомъ часу пріѣзжай на фатеру! закончилъ онъ, стегнулъ лошадь и помчался по улицѣ.

Нерадостно было начало для Васютки. Весь этотъ день, не привыкшій къ норову своей клячи, онъ выслушалъ изъ-за нее отъ сѣдоковъ столько ругательствъ, сколько другому не придется выслушать во всю свою жизнь. Кляча то и дѣло останавливалась,

вертѣлась или же бросалась въ сторону; разъ даже завернула на дворъ трактира. Сѣдоки соскакивали съ саней, не платя денегъ, грозили отправить въ часть и ругались. Васютка плакалъ.

Вечеромъ онъ еле отыскалъ свой дворъ и то только съ помощію другихъ извощиковъ, сказавъ имъ имя хозяина, и привезъ выручки три двугринныхъ. Хозяинъ не повѣрилъ въ такую малую выручку, велѣлъ Васюткѣ снять валенки, пошарилъ въ нихъ, стряхнулъ даже портянки, но не найдя тамъ ничего, далъ ему подзатыльника и обругалъ „кобылой".

Не скоро Васютка привыкъ къ Питеру, къ его улицамъ, къ извозу; не скоро сталъ онъ привозить „обстоятельную выручку", хотя хозяинъ и освободилъ его отъ клячи, продавъ ее за три рубля на живодерню татарамъ. Надували его и сѣдоки, уходя черезъ проходные дворы, подъѣзды или такъ въ глухомъ мѣстѣ соскакивали съ саней; отнимали и выручку, предварительно требуя сдачи; попадался онъ и въ участокъ, но черезъ полгода понемногу привыкъ и сдѣлался настоящимъ извощикомъ: научился ругаться, задѣвать прохожихъ, заламывать у станцій желѣзныхъ дорогъ съ пріѣзжаго, незнающаго Петербургъ, провинціала, за конецъ, стоющій пятиалтынный, „два двугривенничка", узналъ бойкія мѣста, научился попивать пивцо, баловаться трубочкой, утаивать изъ хозяйской выручки двугривенные и прятать ихъ туда, гдѣ самъ чортъ не сыщетъ; зналъ всѣ извощичьи трактиры, начиная отъ „Ершей" до такъ называемой „Казанки— извощичьяго клуба", и получалъ отъ хозяина полный извощичій окладъ, т. е. семь рублей въ мѣсяцъ. Дядя Родивонъ, узнавъ объ успѣхахъ Васютки относительно пивца и трубочки, хотѣлъ было вступить въ права, дарованныя ему при отъѣздѣ изъ де-

ревни отцомъ Васютки, для чего въ одинъ прекрасный день и явился на дворъ Митрофана Иванова, засучилъ рукава и хотѣлъ задать земляку трепку по всѣмъ правиламъ искусства, то есть „ущемя въ колѣнкахъ“ и т. д., но тотъ далъ ему такого тумака, что дядя Родивонъ отскочилъ аршина на два, погрозилъ издали кулакомъ и, ругаясь, ушелъ назадъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ.

Прошло пять лѣтъ съ перваго пріѣзда Васютки въ Питеръ, и Васютка совсѣмъ преобразился въ петербургскаго ухаря-извозка. Съѣздилъ въ деревню, свезъ дѣвкамъ три фунта пряниковъ и фунтъ сальныхъ свѣчей на посидѣлки, женился, пожилъ съ молодой женой мѣсяца три и снова пріѣхалъ въ Питеръ на заработки.

Вотъ онъ стоитъ вечеромъ у Палкина трактира и зазываетъ сѣдоковъ.

— Эхъ, ваше сіятельство, прокатилъ бы на шведочкѣ! Конь-то больно хорошъ! Самъ бы ѣздилъ, да деньги нужны! говоритъ онъ, размахивая руками въ желтыхъ рукавицахъ. — Барышня, не прокатить ли? Живымъ манеромъ доставимъ.

Франтъ франтомъ Васютка. Армякъ новый, валенки черныя, шапка хоть и кошачья, но новая, санки и сбруя хоть и не лихачскіе, но съ серебрянымъ украшеніемъ, лошадь сивая и хоть не красивая, но бойкая. Не пропуститъ Васютка никого, чтобъ не обозвать какъ нибудь. Прошли землекопы съ лопатами, — „мякину сѣяли“, кричитъ онъ имъ; прошелъ фонарщикъ — „масло казенное съ кашей сожралъ!“; прошли школьники — „что это колѣнки протерты? Вѣрно на горохъ ставили?“ Землекопы, фонарщикъ и школьники такъ и ругаются: „подлецъ! мерзавецъ!

Гужеѣдина проклятая!“ а ему весело, такъ и заливается смѣхомъ.

Отъ Палкина вышли двое купцовъ. Шубы енотовыя съ опушкой, воротники подняты кибитками. „Пріѣзжіе“, подумалось Васюткѣ: — „вотъ бы зацѣпить“.

— Прикажите подать, ваше степенство. Только васъ и дожидаюсь. Прокачу! учтиво, и говоря какой-то носовой фистулой, предложилъ онъ имъ и открылъ санную полость.

Купцы пошептались.

— Давай! сказалъ одинъ изъ нихъ.

Сѣли. Васютка вскочилъ на облучокъ.

— Куда прикажете?

— Вали прямо! послѣ скажемъ...

Васютка щелкнулъ возжами. Бойкая лошадь помчалась. Купцы начали разговаривать. Слышались слова: „Амалія, Берта... потерялъ адресъ, чортъ возьми“... Васютка пріудержалъ лошадь, обернулся въ полъ-оборота и сказалъ:

— Извините, ваше степенство. Вы это насчетъ дѣвочекъ изволите говорить? Прикажите только — найдемъ!

— А ты нешто знаешь?

— Господи! Пятый годъ въ Питерѣ маемся! Только прикажите, — къ такимъ предоставимъ, что отдай все серебро и мѣдныя! Къ арфянкамъ.

— Ой!? И поютъ онѣ?

— И поютъ на всѣ манеры и на разныхъ инструментахъ могутъ...

— Жарь!

— На чаекъ не обидите?

— Дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву!

И понеслась шведка по улицамъ Петербурга. Гикали купцы, гикалъ Васютка. Раздавались крики „поди, поберигися“,

кричали имъ городовые: „легче“, грозили кулаками, прохожіе посылали чертей, а шведка все неслась и неслась, семеня ногами и раскатывая на поворотахъ сани.

Въ Подъяческой Васютка остановилъ лошадь.

— Повремените маленько, ваше степенство. Сейчасъ схожу, узнаю: можно ли? Нѣтъ ли тамъ ихнихъ душенекъ, а то, чего добраго, бока намнутъ! проговорилъ онъ, лихо соскочивъ съ облучка, попросилъ городоваго подержать лошадь, побѣжалъ въ подъѣздъ и, взобравшись по лѣстницѣ, позвонилъ у дверей.

Ему отворила старуха, въ мѣховой кацавейкѣ.

— Михѣевна, барышни дома?

— Дома.

— Принимай гостей! Купцовъ привезъ. Только такъ даромъ и изъ саней не высажу. Давай рубль!

— Да впередъ покажи, какіе гости-то, можетъ и кутить не будутъ? сомнѣвалась старуха.

— Господи, не въ первой!.. Купцы первостатейные. Давай цѣлковый-то! Полно кочевряжиться—сочтемся.

Старуха зашлепала туфлями и вынесла рублевую бумажку. Изъ комнатъ въ прихожую выглянули два молоденькихъ женскихъ личика.

— Ну, крали, овецъ вамъ привезъ—стригите! проговорилъ онъ, убралъ рублишко и побѣжалъ внизъ

— Пожалуйте, ваше степенство! принимаютъ. Сегодня ихніе душеньки въ Царское Село уѣхали, такъ какъ они калегварды. Пожалуйте во второй этажъ, въ седьмой номеръ.

Купцы вышли изъ саней.

— На чаекъ бы... Ежели часъ мѣсто пробудете, я бы въ полпивной пару пива испилъ.

Одинъ изъ купцовъ сунулъ ему рубль.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше сіятельство! Черезъ часъ

здѣсь будемъ. Эй, принимай! крикнулъ онъ показавшейся на крыльцѣ старухѣ.

Въ эту ночь Васютка воротился домой въ три часа и съ тремя зелененькими за пазухой.

II.

ШВЕЙЦАРЪ.

Не высокомернаго и гордаго какъ индѣйскій пѣтухъ швейцара княжескихъ, графскихъ и другихъ аристократическихъ домовъ намѣрены мы изобразить въ настоящемъ очеркѣ; не ливрейнаго швейцара казенноучебныхъ заведеній, играющаго столь огромную роль между воспитанниками, а также и не швейцара дорогихъ гостинницъ, больницъ и другихъ богоугодныхъ заведеній. Этотъ типъ не принадлежитъ единственно Петербургу; его можно найти какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ и даже въ большихъ губернскихъ городахъ, однимъ словомъ: вездѣ, гдѣ существуютъ княжескіе дома съ раззорившимся или раззоряющимся княземъ, больницы, богадѣльни, гимназіи и т. п. Въ настоящемъ очеркѣ будетъ фигурировать швейцаръ отставной солдатъ — сторожъ, охраняющій подъѣздъ и лѣстницу, ведущую въ десять квартиръ огромнаго пятиэтажнаго дома.

И такъ начинаемъ...

Швейцаръ Иванъ Масловъ имянинникъ. Онъ только что воротился отъ ранней обѣдни и, засуча рукава своего новаго, отставнага военнаго сюртука, на груди котораго развѣшено съ полдюжины крестовъ и медалей, ставитъ въ своей каморкѣ самоваръ. На столѣ лежитъ просфора, завернутая въ бумажку, на которой крупными каракулями написано: помянуть за здравіе рабовъ Божіихъ: Ивана, Степаниду, Кузьму, Наталью, Петра и

т. д. до тридцати именъ. Маленькіе стѣнные часы московской работы съ расписаннымъ циферблатомъ и кирпичемъ въ мѣшкѣ вмѣсто гири,—пробили девять.

— Пора, пробормоталъ швейцаръ, раздулъ самоваръ, пофабрилъ маленько усы, причесалъ височки и, надѣвъ картузъ, отправился въ булочную, находящуюся въ томъ же домѣ, гдѣ и купилъ большой, такъ называемый имянинный крендель, заплативъ за него семьдесятъ пять копѣекъ.

Черезъ четверть часа швейцара Ивана Маслова можно было видѣть звонящаго у дверей квартиры втораго этажа, на которой была надпись: П. Г. Хрисанфовъ. Хрисанфовъ былъ отстаной генералъ.

Ивану Маслову отворилъ дверь лакей въ бѣломъ передникѣ и съ тряпкою въ рукахъ.

— Иванъ Кузьмичъ! Господи! и съ кренделемъ! воскликнулъ онъ.

— Имянинникъ... Поздравь, братъ.

Рукопожатіе, поздравленіе.

— Генералъ проснувшись?..

— Господи! экъ хватилъ! да онъ у насъ въ семь часовъ съ пѣтухами поднимается. Шестую трубку ужь куритъ. Какъ только генеральша его изъ спальни выпроводила и началъ онъ въ кабинетѣ спать, совсѣмъ сна на него по утрамъ нѣтъ. Эво какъ харкаетъ!

— Доложи, другъ, что молъ здѣшній швейцаръ имянинникъ и проситъ его превосходительство не погнушаться откушать хлѣба соли, проговорилъ Иванъ Масловъ и подалъ лакею крендель. Лакей взялъ, отправился въ комнаты и тотчасъ же вернулся.

— Иди, въ кабинетъ зоветъ!

Тщательно отеревъ ноги о половикъ и крякнувъ, швейцаръ учебнымъ маршемъ направился въ кабинетъ.

Генералъ сидѣлъ въ халатѣ и съ чубукомъ въ рукахъ. Около него съ серьезной, доходящей до мрачности миной на лицѣ стоялъ полковой цирюльникъ и брилъ генеральскій подбородокъ. Генералъ не терпѣлъ другихъ цирюльниковъ, кромѣ полковыхъ. Хорошо убранный кабинетъ былъ весь охарканъ, не взирая на то, что въ каждомъ углу было по плевательницѣ и одна даже стояла около генеральскаго кресла. На полу, на стульяхъ и на столахъ было разбросано до полудюжины фуляровыхъ платковъ, уже бывшихъ въ употребленіи.

— А, имянинникъ! Войди! сказалъ генералъ, увидя входящаго швейцара.—Встань тутъ, чтобъ я могъ тебя видѣть. У висковъ-то пройдись два раза! обратился онъ къ цирюльнику.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, отчеканилъ цирюльникъ.

Швейцаръ вытянулся въ струнку и всталъ передъ генераломъ.

— Ну, братъ, Степанъ, съ ангеломъ тебя!

— Благодаримъ покорно, ваше превосходительство! Не погнушайтесь нашего хлѣба-соли откушать.

— Степанъ Григорьевъ, кажется?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—Иваномъ Масловымъ значусь...

— Ну что, Иванъ Масловъ, давно въ отставкѣ?

— Третій годъ, ваше превосходительство!

— Вѣдь ты въ Двинскомъ пѣхотномъ полку былъ?...

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! Въ двадцать второмъ Балабаевскомъ пѣхотномъ.

Генералъ харкнулъ и плюнулъ.

— А, да! Вашъ полковой командиръ былъ мнѣ пріятель,—Хрунталеевъ!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—Кукловъ.

— А, да! Ну все равно! жена, дѣти здоровы?

— Холостъ, ваше превосходительство.

— Ну, вотъ тебѣ на имянины. Да и крендель съ собой возьми. Самъ съѣшь...

Генералъ подалъ швейцару двѣ рублевые бумажки.

— Много благодарны, ваше превосходительство.

— Битки на лафетномъ колесѣ дѣлать умѣешь?

— Не пробовалъ-съ, ваше превосходительство, а прикаже, сдѣлаю...

— Бравый солдатъ! Георгія за взятіе Карса имѣешь?

— Никакъ нѣтъ-съ,—за Силистрію.

— А! Ну, съ Богомъ!

Швейцаръ взялъ крендель, повернулся налѣво кругомъ и вышелъ изъ кабинета.

— Ужо, вечеркомъ, милости просимъ. Кой кто соберется, говорилъ онъ запиравшему за нимъ дверь лакею.

— Да ужь не знаю какъ.... Развѣ послѣ обѣда забѣжать, какъ идолъ-то спать уляжется, отвѣчалъ лакей и захлопнулъ дверь.

Такимъ порядкомъ швейцаръ обошелъ всѣхъ жильцовъ. Статскій совѣтникъ Елеосвященскій—уже шесть лѣтъ безнадежно жаждущій получить „дѣйствительнаго", выслалъ рубль и приказалъ сказать, чтобы впредь по пустякамъ не безпокоилъ, а шелъ съ грязной лѣстницы; купецъ Долотинъ вышелъ самъ въ халатѣ, вынесъ рубль, расспросилъ, какого сегодня святаго, и спросилъ швейцара, читалъ ли онъ когда нибудь въ церкви апостола?

— Славный басъ у тебя, это видно.... А ну-ка хвати, „ко Евреямъ посланіе".

— Не ловко, Матвѣй Ивановичъ, что вы? осклабился швейцаръ.

Содержанка француженка Бавардъ, называемая швейцаромъ „Бавардовой“, оказалась еще спящей; докторша Зибеншлегель выслала два пятиалтынныхъ и велѣла сказать, что мужа дома, нѣтъ. Швейцаръ про себя обругалъ ее стервой. Трое жильцовъ изъ купцовъ дали по рублю Крендель, разумѣется. вездѣ возвращался обратно. Оставалась еще одна жилица—полковница Дашкарева, занимающая квартиру въ пятомъ этажѣ, Швейцаръ отправился было къ ней, но на послѣдней площадкѣ лѣстницы раздумалъ:

— Чортъ ее дери! Эта пожалуй и крендель возьметъ, и ничего не дастъ. Ну ее прахомъ! Итакъ за ней двугривенный пропадаетъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ отдалъ за нее извощику, пробормоталъ онъ и сталъ спускаться внизъ.

Швейцаръ пришелъ къ себѣ внизъ, въ коморку, положилъ на столъ крендель и сталъ считать деньги. Оказалось семь рублей тридцать копѣекъ. Онъ тщательно завернулъ ихъ въ бумажку и спряталъ въ сундукъ, на внутренней сторонѣ крышки котораго были прилѣплены три-четыре золотыя бумажки съ картинками съ свадебныхъ конфектъ и лубочная картина изображающая кавалера въ желтыхъ брюкахъ и зеленомъ фракѣ съ подписью внизу: „франтъ съ Кузнецкаго моста“. Убравъ деньги, швейцаръ самодовольно сморкнулся въ руку, досталъ изъ-за кровати четвертную бутыль водки, налилъ рюмку, выпилъ и принялся за чай, то и дѣло вскакивая съ мѣста и выглядывая изъ коморки, ежели слышалъ, что хлопала подъѣздная дверь или раздавались на лѣстницѣ чьи-нибудь шаги. Въ коморку заглядывали почтальоны съ письмами и газетами, дворники, знакомые извощики, постоянно стоящіе у подъѣзда и

обложенные имъ за это право легкой данью. Все это поздравляло съ ангеломъ. Швейцаръ подчивалъ ихъ водкой...

Въ двѣнадцатомъ часу хлопанье дверью начало малу по малу умолкать. Газеты и письма подали, жильцы разошлись: кто въ лавки, кто въ департаменты. Допивъ шестой стаканъ чаю, швейцаръ разнесъ по квартирамъ письма и газеты, вышелъ на подъѣздъ, отогналъ и обругалъ „чужихъ извощиковъ“, взялъ метлу и сталъ подметать тротуаръ. Для „визитнаго шлянья“, какъ онъ выражался, было еще рано, тѣмъ не менѣе къ крыльцу подъѣхала развалюга-карета съ лакеемъ, въ драной гербовой ливреѣ. Швейцаръ подошелъ къ каретѣ. Изъ нея выглянула нарумяненная старуха въ цвѣтной шляпкѣ, на которой былъ наколотъ цѣлый огородъ разныхъ цвѣтовъ, лентъ и плодовъ.

— Госпожа Дашкарева у себя?

— Никакъ нѣтъ-съ, въ баню... тьфу! то есть въ церковь ушли.

— Будь осторожнѣе, милый. Такъ доложи ихъ человѣку, чтобы сказалъ барынѣ, что была княгиня Залихватская и велѣла сказать, что Биби, болонка Марьи Ивановны Цобель, что ей подарила Анюта, племянница графини Дорнъ, вчера скончалась. Сергѣй! На Сергіевскую, къ баронессѣ! приказала она лакею.

Карета тронулась. Швейцаръ плюнулъ...

— Чортъ знаетъ что! Вотъ людямъ-то дѣлать нечего, проиговорилъ онъ и пошелъ въ коморку убирать самоваръ...

— Эхъ! кряхтѣлъ онъ.—Вотъ кабы баба была, убрала бы она самоваръ, и полъ подмела бы, и обшила бы, и обмыла бы, и щей наварила. Да... Конечно, прачка купца Скалкина за полтину въ мѣсяцъ моетъ бѣлье, генеральская кухарка обѣдъ за два рубля даетъ, а все своя баба лучше. Заболишь ежели—испить дастъ,—травой напоитъ. А вотъ теперь заболи, да умри, такъ и похоронить

некому. Да вѣдь гдѣ ее, эту самую бабу, возьмешь то? Взять-то негдѣ! думалось ему.—Вѣдь бабы-то хорошія на улицахъ не валяются. Не поднимешь ихъ... Да... А вѣдь живу хорошо, уютно. Скопидомничаю, а для кого? Родныхъ нѣтъ. Одинъ какъ перстъ.

Онъ окинулъ взглядомъ свою коморку. Коморка дѣйствительно была уютная. Подъ окномъ, задернутымъ бѣлымъ коленкоромъ, виситъ клѣтка съ скачущимъ чижикомъ, на подоконникѣ золотое дерево и шишка кактуса въ горшкакъ, въ углу на табуреткѣ котъ. У образа въ серебряномъ окладѣ теплится лампада съ привѣшеннымъ къ ней фарфоровымъ яицомъ; за образомъ, какъ водится, заткнута запыленная верба съ неизбѣжнымъ восковымъ херувимомъ. Въ другомъ углу русская печь; недалеко отъ печи кроват съ подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ, заставленная ширмами, оклеенными обоями и картинками „Сына Отечества“; — комодъ съ посуднымъ шкапикомъ, въ стеклянныя дверцы котораго виднѣются стоящіе стаканы и расписныя чашки и наконецъ самоваръ. Ежели мы ко всему сказанному прибавимъ столъ, четыре стула, нѣсколько военныхъ лубочныхъ картинъ, прилѣпленныхъ къ стѣнѣ жеваннымъ хлѣбомъ, и зеркало въ черной рамкѣ, имѣющее особенность—самое прямое лицо дѣлать криворотымъ и косоглазымъ, то коморка будетъ описана.

Прибавимъ отъ себя, что швейцару Ивану Маслову было сорокъ три года, что онъ былъ скопидомъ, изъ своего двѣнадцати-рублеваго жалованья еле проживалъ восемь, имѣлъ безгрѣшные доходы отъ жильцовъ, и даже въ его сундукѣ хранились скопленные имъ въ продолженіи всей своей жизни два пятипроцентные билета.

— Одинъ какъ перстъ! и къ чему это все добро? къ чему? твердилъ онъ, расчувствовался и по его заскорузлой щекѣ заскользила слеза. Онъ, какъ бы испугавшись, отеръ ее обшлагомъ рукава, помолчалъ, стиснулъ зубы, хватилъ по столу кулакомъ инотч и крикнулъ:

— Бабу нужно! Бабу!

Вечеромъ того-же дня, у швейцара Ивана Маслова были гости. На столѣ горѣла лампа, были разставлены тарелки съ орѣхамм, пряниками, порогомъ съ рисомъ, колбасою; стоялъ графинъ водки, полуштофъ сладкой малиновой. У стола сидѣли гости: старшій дворникъ въ чуйкѣ, съ головой, намазанной деревяннымъ масломъ, то и дѣло потѣвшій и отиравшій полотенцомъ лицо и шею; кучеръ купца Малыгина съ расчесаной бородой, въ красномъ фулярѣ на шеѣ и въ новыхъ сапогахъ, издающихъ неимовѣрный скрипъ при малѣйшемъ движеніи. Далѣе помѣщались: генеральская кухарка въ ковровомъ платкѣ—пожилая женщина, и ея племянница, молодая дѣвушка, полная, бѣлая, румяная—кровь съ молокомъ, только что сегодня нанявшаяся въ горничныя къ купцу Долотину и случайно попавшая на имянины по приглашенію своей тетки. На окнѣ стояли подарки, принесенные гостями: граненый стаканъ, чашка съ надписью: „въ полный апетитъ“ и тарелка съ изображеніемъ стрѣляющаго въ небо охотника. Гости, какъ водится, разговаривали о хозяевахъ: кухарка ругала „самого“, кучеръ жаловался на скаредное усчитываніе овса, дворникъ больше молчалъ и только раза три повторилъ все одну и туже фразу: „нынче насчетъ адресныхъ билетовъ страсть какія строгости пошли, — въ гробъ вколотятъ“. Самъ хозяинъ Иванъ Масловъ, въ ожиданіи другихъ гостей, раздувалъ въ углу самоваръ и то и дѣло подчивалъ гостей, приговаривая: „откушайте, пригубьте, прикусите“.

— Эхъ, чтобъ ему! не горитъ! крикнулъ онъ у самовара.

— А ты бъ сапогъ снялъ да голенищей... Сейчасъ разгорятся, посовѣтовалъ кучеръ.

— Нѣтъ, тутъ нужна снаровка. Позвольте, у меня сейчасъ закипитъ, проговорила Маша, кухаркина племянница, вскочила съ мѣста и шаромъ подкатилась къ самовару.

— Ахъ, что вы это! какъ возможно... Зачѣмъ вамъ свои ручки пачкать?.. загородилъ ей швейцаръ дорогу, молодцовато покрутилъ усъ и украдкой бросилъ взглядъ на ея мощный корпусъ.

— Ну, была бы честь предложена... кокетливо отвѣчала та и сѣла на мѣсто...

„Эхъ дѣвка-то славная!„ подумалось швейцару и въ груди его какъ бы что перевернулось.—„Вотъ кабы...“

Черезъ четверть часа гости, въ томъ числѣ и новоприбывшіе—генеральскій лакей и „содержанкина горничная“—пили чай. Лакей сидѣлъ съ ней рядомъ, курилъ папиросу, кобянился на стулѣ, подчивалъ орѣхами и любезничалъ съ ней, пересыпая рѣчь словами въ родѣ: „мерси съ бонжуромъ... толстое почтеніе съ кисточкой“ и т. п.

— Ахъ, что вы это такія необразованности говорите! жеманилась та.

— Ахти, идти! подинашъ-то ужъ проснулся! проговорилъ лакей, выпивъ три рюмки водки и два стакана чаю, и поднялся съ мѣста.

— Что еще онъ у васъ все чудитъ? спросилъ кучеръ.

— Чудитъ еще хуже. Какъ-же, нынче былъ въ циркѣ и увидалъ, какъ тамъ китайцы ножи въ цѣль бросаютъ. Понравилось. На другой день накупилъ этихъ самыхъ ножей, и ну въ стѣну кидать. Весь кабинетъ испортилъ. „Положи, говоритъ, Гаврила, на стѣну руку, да растопырь пальцы—я тебѣ между пальцевъ воткну и руку не задѣну“. Нѣтъ, говорю, покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство,—хоть озолотите, а мнѣ жизнь дороже. Однако пора! Почтеніе съ благодареніемъ! и, щипнувъ „содержанкину горничную“, лакей выбѣжалъ изъ коморки.

Разговоръ какъ-то пересталъ вязаться. Съ дворника катитъ чудь-ли не двадцатый потъ. Подъѣздная дверь хлопнула и послышался плачь ребенка.

Кумъ! проговорилъ швейцаръ и отворилъ дверь.

Въ коморку ввалилась толстая женщина въ заячьемъ салопѣ, сбросила съ себя платокъ, выказала мятый чепецъ съ желтым красныими и синими лентами и затараторила. Сзади шелъ ея мужъ, отставной солдатъ сторожъ при институтѣ и сослуживецъ Ивана Маслова. Одной рукой онъ держалъ годовалаго ребенка, въ другой несъ узелъ. Начались цѣлованія, поздравленія. Ребенокъ ревѣлъ. Маша, кухаркина племянница, тотчасъ же бросилась къ солдату, выхватила у него ребенка и начала качать. Ребенокъ присмирѣлъ. Это не ускольнуло отъ наблюдательности хозяина. „Ишь, какъ дѣтей-то любитъ“, подумалось ему и въ груди его опять что-то какъ бы перевернулось. Новопришедшіе гости начали разоблачаться. Началось цѣлованіе.

— Отъ Смольнаго-то часъ цѣлый шли. Шли, шли и конца не видать!.. Инда сопрѣла вся!.. какъ-бы сыпя каленые орѣхи на тарелку, затараторила сторожиха.

— А вотъ съ дорожки-то водочки... Она прохлаждаетъ, угощалъ хозяинъ.—Откушайте...

— Я-то выпью, а ужъ ему, ради всѣхъ святыхъ, не давайте: недѣли еще нѣтъ, какъ только ее бросилъ проклятую, проговорила сторожиха и въ два пріема выпила рюмку.

— Одну-то можно... крякнулъ сторожъ.

— Ни-ни... знаемъ мы эти одни-то!

— Анна Степановна, такъ какъ вы мнѣ кума и я имянинникъ, дозвольте ему одну ошарашить, упрашивалъ швейцаръ.

— И не просите! Пусть чаемъ опивается.. Чтожъ ты пнемъ-то стоишь! Доставай подарокъ-то! крикнула она на мужа.

Тотъ вынулъ изъ узла чайную чашку...

— Напрасно безпокоитесь, право, бормоталъ швейцаръ, взялъ чашку и поставилъ ее на окно.

Черезъ четверть часа сторожиха совершенно овладѣла

нитью разговора, начала вкупѣ съ кухаркой перемывать кости какой-то общей знакомой, маіорши, у которой она стирала и въ увлеченіи не замѣтила даже, какъ мужъ протянулъ къ водкѣ руку, налилъ полъ-стакана и выпилъ...

— Ахъ ты, мерзавецъ! всплеснула она руками, когда тотъ уже крякнулъ и отиралъ губы.

Начались ругательства. Водка развязала языкъ и мужу. Онъ началъ также отругиваться и храбро выпилъ еще двѣ рюмки. „Содержанкина горничная" скорчила гримасу, простилась и ушла домой. Начала сбираться домой и Маша. Хозяинъ, выпившій также порядочно, сдѣлался развязнѣе; подалъ ей салопъ, досталъ съ окна яблоко обтеръ его обшлагомъ и подавая ей сказалъ: „въ претензикъ„.

Черезъ четверть часа ушла и генеральская кухарка. Остались только мужчины и сторожиха. Сторожъ совсѣмъ уже пьяный, требовалъ у хозяина водки и сбирался графиномъ „разутюжить" женино лицо. Его удерживали хозяинъ. кучеръ и дворникъ. Сторожиха плакала. На кровати ревѣлъ ребенокъ...

Черезъ полчаса сторожа, его жену и ребенка швейцаръ съ помощію гостей усаживалъ на извощика...

Пшелъ къ оберъ-полицмейстеру! Кричалъ сторожъ извощику. Упаду ему въ воги и скажу: Ваше пр... освободите меня отъ нежны... Жить не возможно...

Сани тронулись...

Въ эту ночь швейцару долго не спалось. Образъ Маши, племянницы генеральской кухарки, такъ и стоялъ передъ его глазами. „Вотъ кабы"... думалось ему.—„Дѣвка славная".

Прошло три недѣли, Маша уже жила въ горничныхъ у купца Долотина. Встрѣчаясь съ нею, швейцаръ Иванъ Масловъ всегда ей оказывалъ видимое уваженіе, крутилъ усъ и улыбался.., Од-

нажды встрѣтившись съ ней на лѣстницѣ, онъ окликалъ ее, нѣсколько разъ откашлялся и проговорилъ:

— А что, Марья Даниловна, не въ обезсудъ вамъ, выхоте-ка за меня замужъ...

Маша зардѣлась.

— Ахъ, что вы это? какъ возможно! заговорила она, закрыла передникомъ лицо и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ, гремя туго накрахмаленнымъ ситцевымъ платьемъ.

Черезъ недѣлю швейцаръ, встрѣтившись съ нею, опять повторилъ ту же фразу и прибавилъ:

— Заживемъ лихо! Припѣваючи! У меня и на черный день припасено. Два билета сторублевыхъ въ сундукѣ хранятся... Войдите въ коморку, посмотрите. Сейчасъ покажу...

Маша остановилась, потупилась и сказала:

— Чтожь, Иванъ Кузьмичъ, нешто я антиресанка какая, что вы мнѣ про билеты говорите?

— Такъ рѣшайте! да, или нѣтъ? Чтожъ меня мучить-то... По рукамъ, чтоли?

Маша съ минуту помолчала.

— Чтожъ, я согласна, проговорила она наконецъ. Скажите тетинькѣ.

Швейцаръ приблизился къ ней и обнялъ ее.

— Ахъ ты голубка моя сахарная! Краля писанная! прошепталъ онъ.

Горячія губы Маши два раза поцѣловали швейцаровы жесткіе усы.

Черезъ часъ швейцаръ былъ въ кухнѣ у генеральской кухарки и говорилъ.

— А что, Андреевна, вѣдь ты дичь-то щиплешь, такъ перо-

то чай есть... Припасла бы мнѣ перышка-то на перину, я ужъ бы отблагодарилъ...

— Да что ты, Иванъ Кузьмичъ! Уже не жениться ли сбираешься!

— Женюсь, братъ, вотъ тѣ крестъ! Подь-ка, скажу на комъ. Онъ отвелъ ее въ сторону и шепнулъ:

— На твоей племянницѣ, Марьѣ Даниловнѣ... Иди къ ней сегодня вечеромъ да скажи, чтобъ къ свадьбѣ сбиралась и сряжалась.

Генеральская кухарка такъ и всплеснула руками.

Вечеромъ швейцаръ пилъ чай у Маши. Купецъ Долотинъ, узнавъ, что она выходитъ замужъ за швейцара, вызвался быть посаженымъ отцомъ и далъ свою квартиру для свадебнаго пиршества.

На утро вся прислуга пятиэтажнаго дома знала, что Маша невѣста.

Черезъ мѣсяцъ была свадьба, было до тридцати человѣкъ гостей, выпито до трехъ ведеръ водки. Много было пьяныхъ, въ томъ числѣ и посаженый отецъ, купецъ Долотинъ. Развеселившись, онъ даже плясалъ трепака. Въ числѣ гостей былъ и кумъ—сторожъ изъ Смольнаго, но пиршенствовалъ не долго. Въ половинѣ вечера онъ началъ буйствовать и сбирался бить гостей. Его связали и свезли домой.

III

МАРКЕРЪ.

Начинается туманнное сѣрое петербургское утро, такое утро, въ которое половина Петербурга, обыкновенно, просыпается или съ головною болью, или съ ломотою въ поясницѣ, или вообще съ хандрою и злобою на все окружающее. Плохо живется въ это утро всякому подначальному человѣку: начальники распекаютъ чиновниковъ, мужья недовольны женами и мысленно по-

сылаютъ ихъ ко всѣмъ чертямъ; городовые злобно кричатъ на извощиковъ, извощики съ особымъ остервененіемъ бьютъ клячъ; торговцы-лавочники „разначиваютъ“, т. е. ругаютъ прикащиковъ, а тѣ, въ свою очередь, отпускаютъ мальчикамъ лишнюю порцію встрясокъ, выволочекъ, волосянокъ и подзатыльниковъ. Ежели въ училищахъ совершаются „порки“, то въ эти дни совершаются всегда съ особеннымъ рвеніемъ и знаніемъ дѣла. Въ эти дни также хорошо мечтается, ежели человѣкъ спокоенъ, не озабоченъ и сидитъ въ теплой, хорошей комнатѣ. Живо возстаютъ передъ нимъ картины прошлаго и яркими красками рисуются въ воображеніи.

Въ это сѣрое и туманное утро, маркеръ чистой половины трактира „Китай“, Прокофій Прохоровъ, проснулся позже обыкновеннаго и то только послѣ третьяго оклика и толчка никогда непросыпающаго узаконенный часъ буфетчика.

— Прокофій, что ты словно дурману опился! Вставай! Господи Боже мой! Не воды же подъ тебя подливать... Девять часовъ... гдѣ это видано?.. говорилъ буфетчикъ, стоя передъ ошалѣвшимъ отъ сна маркеромъ, сидящимъ на бильярдѣ, который по ночамъ замѣнялъ ему кровать.

— Чтожъ, подлили бы, такъ сами бы за сукно и отвѣтили, проговорилъ маркеръ; зѣвая и почесываясь, соскочилъ, съ бильярда и сталъ одѣваться.

— Народецъ, нечего сказать, —слова не скажи... пробормоталъ буфетчикъ и важно пошелъ изъ бильярдной, скрипя новыми сапогами.

Одѣвшись, убравъ постель, умывшись и помолившись на образъ, маркеръ заварилъ чаю и сѣлъ въ бильярдной въ уголокъ услаждать себя горячею влагою.

Тихо въ комнатѣ; только и слышно, какъ стучитъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, да раздается всхлебываніе съ блюдечка или рѣзкій звукъ откусыванія сахара. Пьетъ маркеръ чай и думаетъ:

„что-то у насъ теперь въ деревнѣ дѣлается?“ и при этой мысли родныя картины возстаютъ въ его воображеніи.

Видится ему его родное село въ Ярославской губерніи, Любимовскомъ уѣздѣ; видится на горкѣ бѣлая церковь съ зелеными куполами. Воскресный день. Вотъ онъ съ матерью у обѣдни, стоитъ передъ большимъ темнымъ образомъ съ серебрянымъ вѣнчикомъ, поверхъ котораго навѣшены ленты, и молится, стараясь не глядѣть на образъ. Образъ ему кажется страшнымъ. Дрожь прохватываетъ его, когда онъ взглянетъ на эти густыя морщины и большіе глаза. Онъ старается глядѣть или на полъ, или въ спину стоящаго недалеко отъ него мужика. Медленно идетъ служба, гнусливо поютъ дьячки и прихожане любители. Онъ усталъ, переминается съ ноги на ногу и теребитъ въ рукахъ свою шапку съ надорваннымъ козырькомъ.

— Усталъ, голубчикъ... Присядь, ничего... Сядь на полъ-то.. Младенцамъ можно, говоритъ ему мать и гладитъ его по головѣ...

Онъ садится къ стѣнкѣ подъ образомъ и начинаетъ разглядывать свои пальцы, сапоги, ситцевую рубашечку съ крапинками, набожно молящуюся мать и ея яркій платокъ съ большими разводами.

Но вотъ обѣдня кончилась. Народъ выходитъ изъ церкви. Вышелъ и онъ съ матерью. Къ нимъ подходитъ нарумяненная, только что вышедшая за мужъ дьяконица, взятая дьякономъ „изъ городскихъ“ и замѣчательная тѣмъ, что ежели начинала говорить, то послѣ десятаго слова, сказаннаго ею, навѣрно попадалось слово „гусаръ“ или „уланъ“. Страсть ея къ этимъ словамъ и даже самъ дьяконъ никакъ себѣ не могъ уяснить иначе, какъ солдатскимъ постоемъ въ томъ городѣ, гдѣ она провела свою первую юность. Дьяконица подходитъ къ нему и къ матери, гладитъ его по головкѣ и цѣлуетъ.

— Ахъ, какой мальчикъ хорошенькій! красавецъ просто! Какъ тебя зовутъ, ангелъ? спрашиваетъ она.

— Прошей, скажи... говоритъ за него мать.

Онъ молчитъ и начинаетъ кутаться въ материну юбку.

— Когда выростешь большой и сдѣлаешься совсѣмъ красавцемъ, проси мать и отца, чтобы они отдали тебя въ гусары!—Заглядѣнье будешь! продолжаетъ дьяконица.

Мать обижается...

— Что вы, матушка! Зачѣмъ въ гусары?! говоритъ она.— Богъ милостивъ... Ежели ужь и на самомъ дѣлѣ такое несчастіе стрясется—откупимся. Животы продадимъ — да охотника купимъ. Господи, что вы это пророчите!.

— Такъ чѣмъ же ты будешь? пристаетъ дьяконица.

— Скажи, извѣстно молъ чѣмъ: прислужающимъ въ трактирѣ... въ Питеръ поѣду подъ руку къ тятенькѣ, такъ какъ онъ у насъ въ буфетчикахъ состоитъ, научаетъ его мать, но ребенокъ молчитъ и кутается въ ея юбку...

— Ай, ай! Что за радость быть лакеемъ! восклицаетъ дьяконица.

— Не лакеемъ, а служителемъ. Ужъ такое у насъ заведеніе, матушка, что всѣ при трактирахъ или при погребкахъ служатъ. Все село этимъ занимается, говоритъ мать.—Ничего, ему у тятеньки подъ рукой хорошо будетъ...

Но не суждено было маленькому Прошѣ попасть подъ руку къ тятенькѣ.

И вотъ картина перемѣняется... Видитъ онъ чисто вымытую избу, устланную половиками, выбѣленную печь, рыдающую мать, съ выбившимися изъ-подъ платка волосами и распростертую на лавкѣ, пригорюнившихся плачущихъ сосѣдокъ и сидящаго за столомъ ихъ сосѣда, пріѣхавшаго въ деревню на побывку, длиннаго мужчину въ синемъ сертукѣ и желтомъ фулярѣ на шеѣ.

Сосѣдъ по складамъ читаетъ письмо, въ которомъ хозяинъ трактира увѣдомляетъ семейство о смерти отца. Самъ Проша тоже плачетъ. Хоть и мало видѣлъ онъ отца, постоянно жившаго въ Питерѣ и пріѣзжавшаго только года въ два разъ на мѣсяцъ или на два на побывку, но ему все-таки его жалко... Планы его „жить прислужающимъ у тятеньки подъ рукой"—рушились. Сосѣдъ по складамъ читаетъ письмо, и каждое слово его камнемъ ложится на сердце Проши.

Въ письмѣ стояло слѣдующее:

„Достопочтенной Аннѣ Селиверстовнѣ отъ хозяина трактира сожителя вашего Прохора Иваныча, у котораго оный въ буфетчикахъ жилъ, посылаемъ нашъ нижайшій поклонъ и желаемъ всякаго благополучія въ дѣлахъ вашихъ, съ душевнымъ прискорбіемъ души и тѣла увѣдомляя васъ о кончинѣ супруга вашего Прохора Иваныча, послѣдовавшаго въ субботу, на Фоминой недѣлѣ, въ скоропостижной смерти, послѣ пришествія своего изъ бани съ приставленіемъ на затылокъ трехъ банокъ, безъ всякой болѣзни, такъ какъ оная смерть оказалась за питіемъ чая. Христіанское погребеніе на имущество оставшееся послѣ оной смерти, а именно енотовой шубы, совершено на Волковомъ кладбищѣ съ подобающею честію въ дубовомъ гробѣ съ священнослужителемъ при выносѣ, а также и приличной его званію поминовеніемъ закуской. При семъ желаемъ вамъ добраго здоровья и утѣшенія въ скорбяхъ утраты сожителя, а также присовокупляемъ, что посылку съ остальнымъ имуществомъ содержащимъ двѣ пары сапогъ, испорченные серебрянные часы, образъ и прочее носильное платье вручитъ вамъ податель сего письма Вавило Васильевъ, а также четыре рубля, зажитые до смерти".

„Купецъ Николай Степановъ Хатыгинъ руку приложилъ".

Тяжелая картина извѣстія о смерти отца смѣняется не менѣе для него тяжелой картиной. Прокофію живо представляется пер-

вая ночь, проведенная имъ въ трактирѣ, въ который онъ отданъ землякомъ въ прислужающіе.

Трактиръ запертъ. Темно. Слабый свѣтъ лампады, висящей у образа надъ буфетомъ, тускло озаряетъ спящаго на стойкѣ буфетчика среди разныхъ полуштофовъ и бутылокъ и издающаго горломъ и носомъ какой-то неестественный храпъ; въ сосѣдней комнатѣ храпятъ комфортабельно развалившіеся на диванахъ половые, сопятъ мальчики, свернувшіеся на составленныхъ стульяхъ. Весь трактиръ спитъ, утомленный осьмнадцатичасовымъ бодрствованіемъ и бѣганьемъ, но не спится ему, Прокофію. Ему страшно. Страшно отъ этого раскатистаго храпа, отъ мрака, отъ монотоннаго удара маятника стѣнныхъ часовъ. Съ боку на бокъ ворочается онъ на своемъ войлочкѣ, постланномъ въ углу, творитъ молитву, крестится, но ему все-таки не спится. Слезы подступаютъ ему къ горлу, онъ не удерживаетъ ихъ и плачетъ, плачетъ. Только подъ утро засыпаетъ крѣпкимъ сномъ.

— Вставай! Полно дрыхнуть! раздается надъ нимъ возгласъ, и онъ ощущаетъ пинокъ, отпущенный ему въ бокъ чьимъ-то сапогомъ. Онъ открываетъ глаза,— передъ нимъ стоитъ буфетчикъ. Сладокъ утренній сонъ; какъ ни жалко разставаться съ постелью, но онъ живо вскакиваетъ съ войлока и таращитъ свои заспанные глазенки.

— Ванюшка! кричитъ буфетчикъ...

Является мальчикъ...

— Покажи ему, какъ подмести комнаты и все эдакое... Да смотри у меня вникать въ дѣло! обращается онъ къ Прошѣ.

И вотъ онъ, Прокофій, съ щеткой въ рукахъ подметаетъ комнату. Въ трактиръ то и дѣло прибываютъ мастеровые и извощики, жаждущіе утренняго чая.

— А, новикъ! какъ васъ тамъ, ярославцевъ, дразнятъ-то? Пятно смывали, что ли? говоритъ какой-то маляръ, съ бородою,

забрызганною бѣлой краской, и останавливается передъ нимъ. Вишь гриву-то отпустилъ! остригись, а то хозяинъ трепать будетъ, добавляетъ онъ и запускаетъ въ шелковистые волосы Прокофья свою мощную длань.

Живо возстаетъ въ памяти Прокофія этотъ день, крики „кипяточку", „на копѣйку сахару" и бѣганье въ кухню и въ буфетъ за кипяточкомъ и за сахаромъ. Живо помнится ему, какъ его призвалъ къ себѣ хозяинъ, велѣлъ перетрясти ему изъ своей старой сибирки сертученко и приказалъ буфетчику перевести его на чистую половину.

И вотъ Прокофій на чистой половинѣ въ бильярдной, подъ рукой у маркера. Какой-то щедрый баринъ далъ ему пятиалтынный, на этотъ пятиалтынный онъ купилъ себѣ гребешокъ—первую вещь, заработанную трудомъ. Помнитъ онъ, какъ онъ впервые сразился на бильярдѣ съ какимъ-то пьянымъ гостемъ и обыгралъ его на цѣлковый, переложивъ себѣ шары, помнитъ онъ и тотъ день, когда они съ маркеромъ нашли подъ бильярдомъ бумажникъ съ деньгами и подѣлили между собою, то есть маркеръ взялъ двадцать пять рублей, а ему далъ три рубля. Быстро проносится все это въ его памяти. Вотъ онъ уже получаетъ жалованье, лихо играетъ на бильярдѣ и франтитъ на выигранныя деньги красными галстуками, бронзовой цѣпочкой черезъ шею и пестрыми брюками. „А вѣдь какимъ соплякомъ былъ! Совсѣмъ соплякомъ! Ну, похожъ ли я теперь на прежняго Прошку?" думается ему. Онъ самодовольно улыбается, встаетъ съ мѣста и подходитъ къ зеркалу. Въ зеркалѣ отражается его статная фигура, красивое лицо съ русыми волосами, мягкимъ усомъ и плутоватыми карими глазами. „А вѣдь хорошъ мальчикъ, не дуренъ", думаетъ онъ, улыбается, закладываетъ за жилетъ руку, причесывается гребенкой и даже для чего-то высовываетъ языкъ...

Прокофій можетъ быть еще долго бы стоялъ передъ зерка-

ломъ и наслаждался лицезрѣніемъ своей физіономіи, но въ бильярдной щелкнула дверь и раздался голосъ: „Прокофій, ставь пирамиду! Клевое дѣло есть!“

— Сію минуту-съ!.. Николаю Иванычу почтеніе! проговорилъ онъ, спрятавъ гребенку въ карманъ, и бросился къ ящику, гдѣ лежали шары.

Николай Иванычъ былъ высокій брюнетъ восточнаго типа, съ длинными черными усами, во фракѣ и сѣрыхъ брюкахъ съ лампасами. Въ трактирѣ „Китай“ онъ былъ каждодневнымъ посѣтителемъ — завсегдатаемъ.

Прокофій ставилъ на бильярдъ шары. Николай Иванычъ подошелъ къ нему и хлопнулъ его по плечу.

— Клевое дѣло, говорю, есть... Купецъ одинъ со мной. Деньжищъ куча!.. Такъ вотъ его на лѣвую ногу обдѣлать нужно... Помоги, проговорилъ онъ.

— Извольте... За чѣмъ же дѣло стало? Только не плошайте, отвѣчалъ Прокофій, отодвинулъ отъ пирамиды шаръ, нацѣлился въ него кіемъ и сдѣлалъ въ уголъ.

— Онъ ужъ и теперь немного хмѣленъ, да его еще накатить надо, продолжалъ Николай Иванычъ.—Я съ нимъ сначала на рейнвейнъ начну,—такъ ты смотри мою рюмку-то выплескивай! Полоскательную-то чашку не убирай—пригодится...

— Ужъ будьте покойны!

— Да въ случаѣ чего, — шара переложи на мою долю... отъ борта отставь, и все эдакое... А ужъ я тебя не забуду.

— Господи! Не въ первой! Знаемъ, какъ кобелей-то брѣютъ!..

— Такъ то-то!

Николай Иванычъ направился къ двери. Маркеръ окликалъ его.

— Что еще?

— Все это такъ-то,—такъ, Николай Иванычъ, только я меньше, какъ изъ третьей доли, и мараться не буду.

— Дура! Да вѣдь тутъ можетъ сотенной пахнетъ. Красную дамъ. Чего-жъ тебѣ еще?..

— Нѣтъ, Николай Иванычъ, не стоитъ! Изъ третій доли, да должокъ ежели пять рублей отдадите, тогда такъ... отчеканилъ маркеръ и отвернулся къ оконку...

— Экъ дьяволъ, алчный какой! Ужъ варгань, варгань! Что съ тобой дѣлать! и Николай Иванычъ дружески растрепалъ маркеру волосы.

— Вотъ давно бы такъ, а то еще разговариваете, отвѣчалъ тотъ. Ведите корову-то поскорѣй—выдоимъ, добавилъ онъ и сталъ сравнивать пирамиду.

Черезъ пять минутъ въ бильярдной щелкали шары. Николай Иванычъ игралъ съ купцомъ на двѣ бутылки рейнвейну, которыя и стояли на столѣ. Прокофій, опершись на машинку, слѣдилъ за игрой. Николай Иванычъ видимо дожидался выиграть партію на послѣднемъ шарѣ. Купецъ игралъ плохо, раза три „скиксовалъ“ и хотя былъ уже изрядно выпивши, но послѣ каждаго сдѣланнаго шара подходилъ къ бутылкамъ и, какъ онъ выражался, „на радостяхъ поддавалъ на каменку“. Играли „такъ и такъ„, безъ дачи впередъ. Николай Иванычъ выигралъ на послѣднемъ шарѣ и предложилъ купцу сыграть на пять рублей, предлагая пять очковъ впередъ. Купецъ началъ отказываться, но къ нему подошелъ маркеръ и въ то время, когда партнеръ отвернулся, таинственно подмигнулъ глазомъ и прошепталъ:

— Играйте, — выиграете; только десять впередъ берите...

— Десять впередъ, продолжалъ купецъ:—тогда такъ...

— Идетъ! ставь пирамиду!

Купецъ проигралъ и потребовалъ еще бутылку рейнвейну. Вино его окончательно разобрало.

Слѣдующая партія шла пятнадцать впередъ на двадцать пять рублей. Купецъ опять проигралъ, выругался и сталъ играть на

три красненькія и двадцать пять впередъ. Прокофій стянулъ съ бильярда тринадцатый шаръ и положилъ Николаю Ивановичу. Купецъ опять проигралъ. Такимъ манеромъ играли они три часа и играли бы можетъ быть и больше, но въ бильярдную начали набираться посѣтители. Маркеръ толкнулъ Николая Ивановича и шепнулъ.

— Кончайте! Народу много! Не вышло бы чего...

Игра кончилась... Купецъ просилъ было „реваншику", но Николай Иванычъ на отрѣзъ отказался. Купецъ былъ уже окончательно пьянъ, ругалъ себя за проигрышъ и вдругъ, ни съ того ни съ сего, запѣлъ себѣ „вѣчную память". Маркеръ началъ его уговаривать замолчать.

Черезъ четверть часа купецъ съ бутылкой рейнвейну въ рукахъ стоялъ на подъѣздѣ трактира и во все горло кричалъ: „извощикъ! въ Среднюю Мѣщанскую!"; а наверху въ трактирѣ Николай Ивановичъ отсчитывалъ маркеру сорокъ рубликовъ „долевыхъ" да пять рублей долгу.

Прошло шесть лѣтъ со времени пріѣзда Прокофія въ Петербургъ. Въ эти шесть лѣтъ онъ успѣлъ совершенно опериться; нашилъ себѣ платья, купилъ енотовую шубу, часы съ цѣпочкой, золотой перстень съ печаткой и правдой и неправдой скопилъ триста рублишекъ. Сдѣлавъ все это, онъ сталъ собираться на побывку въ деревню. Къ тому же и мать прислала письмо и звала его домой. „Пріѣзжай сынъ нашъ любезный, и обзаконься, какъ православному подобаетъ", писала она. „Полно тебѣ по Питеру холостымъ-то бѣгать! Женатый человѣкъ завсегда къ дому рачительнѣе. У меня для тебя и невѣста на примѣтѣ есть. Славная такая, грудастенькая. Напередъ знаю, что по нраву придется. Пава—павой. Такъ козыремъ и ходитъ. Къ тому же и

стара я стала и слаба и мнѣ за домомъ не углядѣть. Невѣстка есть, да что невѣстка?.. Та кажинный годъ дѣтей приноситъ, такъ какъ дядя твой завсегда при ней состоитъ. Она все больше съ ребятишками возится и мнѣ подмога плохая".

„А что, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ мнѣ пора жениться", подумалъ Прокофій, „по крайней мѣрѣ хоть три мѣсяца въ сласть проживу". Отпросился у хозяина, взялъ зажитыя деньги, закупилъ даровъ для родни, сластей для дѣвокъ и передъ Троицынымъ днемъ укатилъ въ деревню, получивъ отъ хозяина обѣщаніе по возвращеніи въ Питеръ быть вновь принятымъ на свое старое маркерское мѣсто.

„Надо будетъ нашимъ деревенскимъ форсу задать. Залить маленько", думалъ маркеръ Прокофій, подъѣзжая къ родной деревнѣ, и на послѣдней станціи вычистилъ себѣ сапоги, надѣлъ чистую манишку, галстукъ съ красными и зелеными полосами и фильдекосовыя перчатки.

— Такъ ничего, казисто будетъ, проговорилъ онъ, посмотрѣвшись на себя въ станціонное загаженное мухами зеркальцо, и поверхъ перчатки надѣлъ перстень съ печаткой...

Былъ вечеръ, когда Прокофій подъѣхалъ къ околицѣ деревни. Солнце садилось и золотило верхушки деревьевъ и соломенныя крыши избъ. Бѣлоголовые, босоногіе ребятишки играли у околицы въ бабки...

— Эй вы, толстопузы! Отворяйте ворота! крикнулъ имъ Прокофій.

Ребятишки отворили ворота и затянули: „дай, дядинька, пятачокъ на пряники!" Прокофій кинулъ имъ три пятака, надвинулъ на бекрень свою фуражку, закурилъ папиросу, избоченился фертомъ и велѣлъ ямщику гнать что есть духу. Таран-

тасъ въѣхалъ въ деревню и помчался по пыльной дорогѣ Нахлыстанныя лошади мчались быстро. Ребятишки бѣжали за тарантасомъ. Изъ оконъ избъ выглядывали головы и смотрѣли вслѣдъ. Какой-то проходящій мужикъ снялъ шапку, схватилъ за вихоръ одного изъ бѣгущихъ мальчишекъ и остановилъ его на мѣстѣ. Мальчишка заревѣлъ. Сидящіе за воротами у избъ старики и бабы вставали и кланялись. Прокофій также кивалъ имъ, но такъ гордо, какъ только киваютъ въ курильной комнатѣ театровъ директоры департаментовъ, случайно встрѣчаясь тамъ съ своей разной подначальной чиновной мелюзгой.

— Вотъ налѣво, у той избы, гдѣ свинья-то стоитъ, остановишься, сказалъ Прокофій ямщику и еще больше искобенился, такъ какъ замѣтилъ, что противъ избы на какихъ-то бревнахъ сидѣло пять—шесть дѣвушекъ.

Ямщикъ ловко подкатилъ къ воротамъ и осадилъ лошадей. Изъ окна избы выглянула женская голова, повязанная темнымъ платкомъ, крикнула: „Проша!“ и, заморгавъ глазами, тотчасъ же скрылась. Прокофій вылѣзъ изъ тарантаса и раскланялся съ сидѣвшими на бревнахъ дѣвушками, но тѣ не отвѣтили на поклонъ, повскакали съ мѣстъ, пошептались между собою, при чемъ слышны нѣсколько разъ повторенныя слова: „Иванихинъ сынъ“, и опрометью бросились въ разныя стороны, какъ-будто бы въ нихъ кто-нибудь бросилъ начиненную бомбу. Между тѣмъ къ тарантасу сбѣгался народъ и говорилъ: „это что ли Иванихинъ-то сынокъ? Экъ его какъ выгнало!“ Изъ воротъ выбѣжала мать Прокофія, крикнула: „Проша!“ и, заплакавъ, повисла на шеѣ у сына.

— Тише маменька... Господи! Манишку изомнете, проговорилъ тотъ, отстранилъ ее за плечи и, троекратно поцѣловавшись съ ней, вошелъ въ ворота.

Ямщикъ и зрители понесли за нимъ чемоданъ и мѣшки.

Черезъ четверть часа въ избѣ на столѣ стоялъ самоваръ. За столомъ на лавкѣ сидѣлъ Прокофій, его дядя по отцѣ Леонтій и сосѣдъ Кузьма Данилычъ, отецъ той самой „грудастенькой“ дѣвушки, о которой мать писала Прокофію и прочила ему ее въ невѣсты. Кузьма Данилычъ, благообразный сѣдой старикъ съ окладистой бородою, былъ также питерскій, лѣтъ десять тому назадъ вернувшійся въ деревню на покой и прежде бывшій „прикащикомъ на отчетѣ“ въ какомъ-то винномъ погребѣ. Разговоръ свой онъ пересыпалъ словами въ родѣ: „формально, мораль и великатно“. Мать Прокофія, жена дяди Леонтія и Леонтьевы ребятишки сидѣли и стояли поодаль. Тутъ-же толпились и какія-то сосѣдскія бабы.

Прокофій выпилъ двѣ чашки чаю и всталъ съ мѣста.

— Позвольте теперь, Кузьма Данилычъ, домашнимъ презентики отпустить, проговорилъ онъ, распоролъ мѣшокъ и сталъ одѣлять присутствующихъ подарками.

Матери далъ на сарафанъ и платокъ, дядѣ Леонтью на сибирку, теткѣ на сарафанъ, ребятишекъ и сосѣдскихъ бабъ одѣлилъ по двугривенному, а Кузьмѣ Данилычу подалъ фуляровый платокъ съ портретомъ Наполеона.

— Позвольте и вамъ гостинецъ презентовать! Не побрезгуйте, проговорилъ онъ, подавая ему платокъ.—Съ Наполеономъ... Тутъ и патретъ военный изображенъ....

Послѣдовало общее цѣлованіе. Кузьма Данилычъ разсматривалъ платокъ и говорилъ:

— Великатная вещь! Великатно. А что, позвольте спросить, какъ объ немъ, этомъ самомъ Наполеонѣ, теперь слышно? обратился онъ къ Прокофію.

— Присмирѣлъ, крѣпко присмирѣлъ, послѣ того какъ турецкій султанъ ему манифестъ выпустилъ, отвѣчалъ Прокофій и сѣлъ снова пить чай...

— Да вѣдь и какъ не присмирѣть, вставилъ свое слово дядя Леонтій,—вѣдь ужъ старъ онъ. Ему, почитай, больше чѣмъ сто годовъ есть...

— Въ вѣдомостяхъ-то что нонѣ пишутъ? Какъ?.. спросилъ Кузьма Данилычъ.

— Да разное. Англія тамъ, Франція, Азія и все эдакое...

— Ужъ не знаю, какъ нонче, какія газеты, а въ мою пору, какъ я, значитъ, въ Фениксѣ, что въ Толмазовомъ, служилъ, такъ „Сѣверноя Пчела" въ ходу была, заговорилъ снова дядя Леонтій.—Какъ бывало гость въ трактиръ придетъ,—сейчасъ трубку и „Пчелу" требуетъ...

— Нонче „Искра" и „Петербургскій Листокъ" больше въ ходу, потому тамъ на купечество мораль напускаютъ, такъ оно ими и интересуется, отвѣчалъ Прокофій и, обратясь къ матери, сказалъ:—маменька, что-жъ вы водочки-то? Изобразите, Бога ради...

Появился полштофъ водки. Бесѣда пошла еще оживленнѣе.

— А что, скажите, какъ нонче насчетъ кіатру? Въ мою пору все больше „Ермака" играли, проговорилъ Кузьма Данилычъ.

— Играютъ и „Ермака," только рѣдко, отвѣчалъ Прокофій:—а теперь больше мода пошла на „Елену прекрасную", ее только одну и жарятъ. Тутъ какъ-то Блонденъ наѣзжалъ, на канатѣ ходилъ въ триста саженъ вышины...

— Эка махина, Господи! Ужъ тутъ не безъ бѣса!

— Что еще: хотѣлъ канатъ протянуть изъ Петербурга въ Кронштадтъ и по немъ ходить. „Съ связанными, говоритъ, ногами пройду", да ужъ оберъ-полиціймейстеръ запретилъ, потому, рыбаки прошеніе подали, что рыба пужается.

Кузьма Данилычъ и дядя Леонтій разводили руками, качали головами и говорили: „Господи! Ишь ты до чего человѣкъ доходитъ! Скоро люди по воздуху летать будутъ!"

— Летаютъ-съ... Недавно двое купцовъ съ Апраксина двора обанкрутились и улетѣли... на слюдовыхъ крыльяхъ и улетѣли... Теперича за эти самыя крылья все одно, какъ за фальшивыя бумажки — сейчасъ въ Сибирь.

Въ десять часовъ Кузьма Данилычъ распрощался и ушелъ домой... Прокофій легъ спать. Засыпая, онъ думалъ, какіе ему завтра надѣть брюки: клѣтчатые или полосками, и какой галстукъ: черный съ зелеными крапинками, или красный. Рѣшивъ надѣть клѣтчатые брюки и красный галстукъ, онъ заснулъ. Во снѣ ему снилось, что онъ леталъ по деревнѣ на слюдовыхъ крыльяхъ, а Кузьма Данилычъ бѣгалъ за нимъ съ навозными вилами и сбирался ему пропороть брюхо.

На другой день поутру Прокофій еще спалъ, а ужъ въ домѣ все приготовлялось къ его пробужденію. Топили баню, чтобъ онъ выпарился съ дороги, ставили самоваръ, загибали пирогъ съ яйцомъ, варили въ горшкѣ курицу и услали ребятишекъ за сморчками. Проснувшись, онъ сходилъ въ баню, послѣ чего напился чаю и сталъ обѣдать.

— Кушай, батюшка, кушай, говорила ему мать: — только вѣдь, чай наше деревенское стряпанье-то не понравится...

— Ужъ, конечно, мы къ этому непривычны, потому мы въ Питерѣ все больше супъ прянтанъ, бикштесъ съ мадерой, хренъ брюле и все эдакое... отвѣчалъ сынъ, однако отворотилъ полъ-пирога и съѣлъ чуть ли не цѣлую курицу.

Вечеромъ послѣ работъ дѣвушки по обыкновенію собрались у бревенъ и сѣли пѣть пѣсни. Прокофій началъ собираться идти къ нимъ и сталъ одѣваться.

— Сходи, батюшка, погуляй, позабавься съ дѣвушками-то,

суетилась около него мать и поцѣловала его въ голову.—Вонъ эта чернявинькая-то, что съ краю сидитъ, Кузьмы Данилыча дочька. Паласться къ ней. Не безприданница какая нибудь; невѣста хорошая...

— Маменька, да неужто ужъ я не знаю, какое нужно обращеніе съ дѣвицами имѣть! воскликнулъ сынъ, одѣлся и вышелъ изъ избы.

Хотя погода была хорошая и на дворѣ была пыль, но Прокофій [illegible]ъ за нужное присовокупить къ своему наряду калоши съ мѣдными машинками, дождевой зонтикъ и изъ заднихъ кармановъ выставилъ по кончику фуляровыхъ платковъ, малиноваго и желтаго.

— Я ужъ насчетъ Пашеньки-то, что ты къ ней свататься будешь, намекнула Кузьмѣ Данилычу, крикнула ему вслѣдъ мать.

— Ужъ насчетъ чего другаго, а насчетъ глупостевъ-то васъ хватитъ, огрызся сынъ и вышелъ за ворота.

Дѣвушки, пѣвшія пѣсни, завидя Прокофія, замолчали. Онъ подошелъ къ нимъ и раскланялся. Онѣ захихикали, закрылись платками и уткнулись другъ въ друга.

— Дозвольте компанію раздѣлить. Уступите мѣстечка на полтину, проговорилъ онъ.

— Что вамъ съ нами сидѣть: вы питерскій, а мы деревенскія.

— Ничего-съ, мы питерскіе не кусаемся. Дозвольте присѣсть—политичнымъ разговоромъ займемся...

— Садитесь,—мѣста не купленныя, проговорила одна изъ бойкихъ.—Только вѣдь наши разговоры простые.

— Изъ алыхъ губокъ простые разговоры не исходятъ...

— У насъ черныя губы. Мы чернику ѣли...

— Это все одно, потому скусъ одинъ... Теперича, къ примѣру,

зачѣмъ чернику? Мы можемъ и насчетъ конфектъ презентъ сдѣлать... Пожалуйте...

Прокофій вынулъ изъ кармана фуляръ, въ которомъ были завернуты конфекты, и подалъ дѣвушкамъ.

Тѣ сначала было не брали, но потомъ взяли.

— Намъ ужасно совѣстно, потому вы подумать можете, что мы какія нибудь корыстницы...

— Помилуйте, это намъ плевать! отвѣчалъ Прокофій, сѣлъ на бревно и сталъ просить дѣвушекъ спѣть пѣсни.

— Мы вашихъ питерскихъ пѣсенъ не знаемъ, поломались дѣвушки, однако пропѣли одну пѣсню.

Во время пѣнія, Прокофій притопывалъ въ тактъ ногой и смотрѣлъ на Пашу, дочку Кузьмы Данилыча. „А вѣдь въ самомъ дѣлѣ дѣвка-то хороша! Завтра же буду свататься...“ думалось ему. По окончаніи пѣсни, онъ подошелъ къ ней, досталъ изъ кармана второй фуляръ съ пряниками и высыпалъ ей въ колѣна. Дѣвушки начали просить, чтобъ онъ въ свою очередь спѣлъ пѣсню. Онъ откашлялся и началъ:

„Какъ пошли наши подружки,
Вдоль по Невскому старушки“.

Дѣвушки смѣялись. Старуха мать, заслыша голосъ Прокофія, вышла изъ избы, тихонько подошла къ нему сзади и, снявъ съ него картузъ, начала его гладить по головѣ... Сынъ разсердился...

— Ужъ коли путеваго обращенія не понимаете, такъ сидѣли бы лучше дома, проговорилъ онъ, вынулъ гребенку, причесался и, надѣвъ картузъ, сталъ прощаться съ дѣвушками.

Бесѣда кончилась. Мать, какъ наказанная, съ понуренной головой слѣдовала за сыномъ домой...

На другой день подъ вечеръ Прокофій встрѣтился съ Пашей „на задахъ“. Онъ окликалъ ее. Она остановилась.

— Прасковья Кузьминишна! Херувимъ! Я за васъ свататься буду, потому у меня теперь сердце будто прострѣлено... проговорилъ онъ.

— Чтожъ, сватайтесь... отвѣчала она, покраснѣвъ, и вдругъ бросилась отъ него бѣжать.

— Ангелъ! крикнулъ ей въ слѣдъ Прокофій и захлопалъ въ ладоши.

Черезъ три дня Прокофій посватался, было „рукобитіе и Пашу пропили“, а черезъ двѣ недѣли была свадьба... Пиръ былъ велій, вина было выпито много. Дядя Леонтій, возвращаясь домой, наткнулся на уголъ избы и перешибъ себѣ переносье, другой не менѣе почтенный гость—дьячокъ очутился за шесть верстъ отъ деревни въ канавѣ, и какъ туда попалъ—не помнитъ. Послѣ свадьбы Прокофій пожилъ съ молодой женой три мѣсяца и снова уѣхалъ въ Питеръ. Уѣзжая, онъ сказалъ женѣ:

— Ну, Паша, коли рожать будешь,—рожай мальчика и какъ выростимъ—сейчасъ его въ маркеры.

IV.

ПРАЧКА-ПОДЕНЬЩИЦА.

Тяжелъ и непосиленъ для женщины трудъ прачки-поденьщицы. Тринадцати-часовое согбенное положеніе въ сырой, парной прачешной надъ грязною лоханкою, наполненною щелокомъ и вонючею водою, или полосканіе бѣлья на рѣчномъ плоту, при двадцати градусномъ морозѣ—трудъ каторжный. И за весь этотъ каторжный трудъ, прачка-поденьщица получаетъ тридцать пять, сорокъ

копѣекъ въ день и кой-какіе харчи. Результатомъ трудоваго дня бываютъ: разъѣденныя щелокомъ и растрескавшіяся руки, ломота въ спинѣ, воспаленіе глазъ; валовымъ результатомъ: ревматизмъ, горячка, тифъ. Что вы скажете на это, любезная читательница, трудящаяся надъ вязаніемъ мужу бисернаго кошелька?

Матрена впервые увидѣла свѣтъ въ одной изъ деревень Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда. Помнитъ она свою мать, коренастую женщину, торговавшую у деревенскаго кабака булками, огурцами и жареной рыбиной; помнитъ материну развалившуюся избу на краю деревни, черную трубу и разбитое окно, залѣпленное синею бумагою. Мать ея, кромѣ торговли, занималась и ловлею плывшихъ по рѣкѣ Мстѣ дровъ, вытаскиваніемъ изъ воды кулей съ хлѣбомъ и прочаго товару, ежели на знаменитыхъ Боровичскихъ порогахъ разбивалась или, по мѣстному выраженію, „ломалась“ барка. Послѣднимъ промысломъ занималась вся деревня. Обитатели ея какъ праздника ждали сломавшейся барки и, какъ вороны на падаль, бросались вытаскивать изъ воды плывущіе предметы.

Отца Матрена не помнитъ; но помнитъ, что подгулявшіе мужики, выходя изъ кабака, указывали на нее пальцами, избочениваліcь и говорили: „вотъ эта самая дѣвчонка у насъ отъ солдатскаго постою зародилась“. При этихъ словахъ мать ея обыкновенно начинала переругиваться съ мужиками и успокоивалась только тогда, когда тѣ покупали у ней копѣечную булку или пару соленыхъ огурцовъ.

На тринадцатомъ году Матрена сдѣлалась сиротою. Мать ея, во время вытаскиванія изъ воды куля, выпала изъ лодки и утонула. Помнитъ Матрена ея посинѣвшее тѣло, вынутое изъ воды, ея безжизненные полуоткрытые глаза и похороны на деревен,

скомъ погостѣ. Помнитъ она и плачущихъ женщинъ, гладящихъ ее по головѣ и говорящихъ: „добре бы возлюбилъ Богъ Матрешку и прибралъ ее къ себѣ". Ночь эту она провела у попа; тотъ ее взялъ къ себѣ „изъ хлѣбовъ пѣстовать робятъ".

Некрасива была Матрена: рыжіе волосы, мутные глаза съ красными вѣками и изрытое оспою лицо. Ребятишки всей деревни звали ее „теркой, прянишной формой и рыжей сукой". Матрена, разумѣется, плакала и жаловалась попу. „Терпи, говорилъ ей попъ:—потому и самые святые угодники заушеніе и плеваніе претерпѣвали". И Матрена терпѣла. Такъ она прожила два года; но вотъ на лѣтнее время къ попу пріѣхали сыновья изъ семинаріи и, не взирая на некрасивость Матрены, стали съ ней заигрывать и щипали ее, встрѣтясь съ нею гдѣ-нибудь за амбарами. Послѣдствіемъ всего этого было то, что попъ сыновьямъ „далъ встряску", а Матрену „удалилъ отъ соблазна". Матрена поступила въ работницы къ деревенскому писарю, но и здѣсь писариха приревновала ее къ мужу, разцарапала ей лицо и выгнала вонъ. Матрена начала жить гдѣ день, гдѣ ночь, шляясь по деревнѣ и помогая бабамъ въ домашнихъ работахъ и въ няньчаньи ребятъ. Такъ промаячила она опять годъ. Годъ этотъ былъ тяжелый для крестьянъ: „прогнѣвался на насъ Господь Богъ, говорили они;—почитай, что совсѣмъ барочекъ въ это лѣто не ломалось. Чѣмъ-то жить будемъ?" Ко всему этому присоединился неурожай. Ждали голода—и голодъ наступилъ. Хлѣба хватило только до рождественскаго поста. И вотъ повелись изъ деревни проданныя за безцѣнокъ кулакамъ-мѣщанамъ лошади, коровы, овцы, но и вырученныхъ за это денегъ не хватило на пропитаніе. Рождество Христово крестьяне встрѣчали разговляясь хлѣбомъ, къ которому была примѣшана мякина и рубленная солома, снятая съ крышъ. Люди мерли какъ мухи. Къ Благовѣщенью не хватило уже мякины и соломы; къ мукѣ начали примѣшивать

глину. „Въ Питеръ! въ Питеръ! завопила вся деревня. Здѣсь съ голоду подохнемъ!“ и все, что только имѣло силы, потянулось въ Петербургъ, въ этотъ обѣтованный городъ. Къ толпѣ примкнула и Матрена. Въ Питерѣ она поступила на огородъ въ „пололыцицы“: копала гряды, садила и поливала розсаду и рада—рада была, что хоть до-сыта могла наѣдаться хлѣбомъ. „Какъ возможно, въ Питерѣ не въ примѣръ жизнь лучше“, думала она и сколотила себѣ синенькую бумажку на сарафанъ и башмаки.

Но вотъ наступила осень, огородники распродали товаръ и поѣхали въ свой родимый Ярославскій Ростовъ, разсадникъ всѣхъ огородниковъ. Пололыцицы остались безъ дѣла.

— Что мы теперь, дѣвки, дѣлать будемъ? Куда работать пойдемъ? спрашивали онѣ другъ у друга.

— А вотъ стойте, къ Никольскому рынку пойдемъ,—тамъ завсегда работницъ нанимаютъ, проговорила одна бывалая и повела съ собою товарокъ.

И вотъ Матрена у Никольскаго рынка. Стоитъ она день, стоитъ другой, третій, но никто ее не нанимаетъ. Она загрустила. „Господи, что-жъ это? Неужто и въ Питерѣ съ голоду подохнуть придется?“ думалось ей, но съ голоду подохнуть не пришлось. Однажды она стояла впереди своихъ товарокъ, такъ же какъ и она жаждущихъ найма, и смотрѣла на шныряющій народъ. Мимо ея проѣхалъ порожній извощикъ, посмотрѣлъ на нее пристально, потомъ осадилъ лошадь, обернулся и крикнулъ:

— Матрена! Ай, это ты? Подь-ко сюда! Матрена подошла къ извощику.

— Вы, умница, не изъ Коновалова ли будете? спросилъ онъ.

— Изъ него самаго. А что?

— Вѣдь земляки приходимся. Неужто Петра Сидорова не узнаете?

— Господи, Петръ Сидорычъ!.. Какъ же, помню... Да вы безъ бороды были?..

— За этимъ дѣло не станетъ. Не отвалится голова, такъ выростетъ и борода. Что вы тутъ топчетесь?

— Да вотъ въ работницы нанимаемся. Только попусту: потому четвертый день маемся. Что только и будетъ!..

— Ступайте къ намъ, въ артель, въ работницы... Мы теперича значитъ безъ стряпухи, потому нашу стряпуху доктора въ больницѣ уморили.

Лицо Матрены прояснилось.

— Что жъ, пожалуй, коли ладно будетъ. Вы гдѣ стоите?

— Садись—довезу, потому я на фатеру ѣду, проговорилъ извощикъ, и повезъ Матрену въ Ямскую.

Матрена поступила въ извощичью артель работницей, или такъ называемой „маткой“. За три рубля въ мѣсяцъ, она должна была стряпать имъ кушанье, принести дровъ, воды, печь хлѣбы и стирать бѣлье на двадцать человѣкъ. Много было работы, но время, прожитое у извощиковъ, Матрена считала счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни. Какъ шаръ каталась она на работѣ: два ведра воды на коромыслѣ подымала какъ перышко, притащить вязанку дровъ—считала за ничто. Извощики то и дѣло хвалили ее.

— Ай да Матрена, ай да огонь-дѣвка! говорили они, трепля ее по плечу.—Ну, ребята, сложимся по гривеннику съ рыла и къ празднику купимъ ей платокъ.

Такъ жила Матрена у извощиковъ и прожила пять лѣтъ; справила себѣ два ситцевыхъ сарафана, расписной платокъ, шугай на заячьемъ мѣху и имѣла на черный день зашитую въ полу шугая десяти-рублевую бумажку. Жить бы жить Матренѣ у извощиковъ, не терпѣла бы она горя, но случилось одно обстоятельство, которое окончательно перевернуло ея жизнь. Къ ней

посватался солдатъ. Дѣло это случилось слѣдующимъ образомъ: въ Ямскую весной, передъ ежегоднымъ майскимъ парадомъ, былъ назначенъ обычный солдатскій постой. Съ неудовольствіемъ очищали жители и безъ того свои тѣсныя жилища, приготовляли для казенныхъ лошадей конюшни, выводя своихъ лошадей подъ наскоро сколоченные навѣсы, и припрятывали подъ надежные запоры свой домашній скарбъ, стараясь его сохранить отъ расхищенія. Все суетилось и ругалось, кромѣ торговцевъ; только тѣ радостно потирали руки, въ ожиданіи барышей, и запасались лишнимъ пудомъ махорки, лишней бочкой водки и сапожнымъ товаромъ. Солдаты вступили. На извощичью квартиру, гдѣ жила Матрена, также были поставлены четыре солдата. Одинъ изъ нихъ, съ щетинистыми усами, пожилой, рослый дѣтина, съ перваго же дня началъ за ней ухаживать, то есть обхватывалъ ее поперекъ тѣла, щипалъ и со всего размаха хлопалъ по спинѣ... Матрена отбивалась и на отмашь хлопала его кулакомъ по чему попало, на что солдатъ только улыбался и говорилъ:

— Эка рука-то какая тяжелая, — словно у нашего брата солдата.

— А вотъ только тронь еще, такъ тàкъ тресну, что все зубье изъ рта повысыпится, огрызалась Матрена, но въ глубинѣ души была рада ухаживанью солдада, и за обѣдомъ въ его чашку со щами бросала лишній кусокъ мяса.

Солдатъ видѣлъ все это, крутилъ усъ и рѣшился свататься къ Матренѣ, такъ какъ осенью, по случаю своего перевода въ гвардію, долженъ былъ служить въ Петербургѣ. Къ тому же, ему почему-то сдавалось, глядя на скопидомство Матрены, что у ней есть деньги.

Разъ вечеромъ, передъ выходомъ изъ Петербурга, онъ стоялъ у столба навѣса и курилъ трубку. Изъ извощичьяго дома

вышла Матрена. Она несла выливать ведро съ помоями. Солдатъ началъ зубоскалить и схватилъ ее за руку.

— Оставь, служивый! Что за безобразіе! Вотъ какъ оболью помоями, тогда и будешь знать, какъ хвататься, кричала она.

— А что-жъ,—облей! Эка бѣда! сказалъ солдатъ и потянулъ ее къ себѣ за руку.

— Такъ на-же, коли такъ...

Матрена нагнула ведро и вылила солдату помои на ноги. Солдатъ выпустилъ ея руку. Матрена принялась бѣжать. Солдатъ окликалъ ее. Она остонавилась.

— Подь, дура, сюда. Поговорить надо. Ей Богу не трону, сказалъ онъ.

Матрена подошла.

— Что, чай, пужаешься одна-то? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не пужаюсь.

— А все, чай, безъ мужа-то страшно?..

— Нѣтъ, не страшно... Еще поваднѣе.

— Это оттого, что ты скусу настоящаго не понимаешь. Выходи-ка за меня замужъ. Я съ осени въ Питерѣ служить буду.

Матрена ничего не отвѣтила, закрылась передникомъ и бросилась бѣжать отъ солдата.

Ночью, когда извощики поужинали и улеглись спать, солдатъ опять повторилъ Матренѣ свое предложеніе.

— Ты въ Питеръ-то приходи, а потомъ и сватайся, сказала она ему и толкнула его въ грудь, такъ какъ онъ простеръ къ ней руки.

Солдатъ почесалъ въ затылкѣ и началъ укладываться на лавкѣ спать. Легла спать и Матрена, но ей не спалось. Она всю ночь проплакала.

Черезъ два дня солдатъ, простившись съ Матреной, высту-

пилъ съ полкомъ изъ Петербурга. На прощаньи Матрена сшила ему ситцевый нагрудникъ и дала два рубля денегъ.

Солдатъ сдержалъ слово и къ осени явился въ Петербургъ, а черезъ мѣсяцъ была его свадьба съ Матреной. Въ день свадьбы солдатъ напился пьянъ и ночью избилъ Матрену, требуя отъ нея денегъ. Денегъ Матрена не дала, потому что у ней ихъ не было. Солдатъ обшарилъ ея сундукъ, перетрясъ платья, бѣлье, но, не найдя денегъ, поколотилъ ее еще разъ и угомонился, то есть уснулъ.

На утро молодые дѣлали визитъ эскадронному командиру. Молодая была съ подвязаннымъ глазомъ, такъ какъ надъ нимъ красовался преогромнѣйшій синякъ. Эскадронный далъ рубль. Молодой этотъ рубль пропилъ въ тотъ же день, а къ вечеру стянулъ у жены головной платокъ и также пропилъ.

Съ этого дня жизнь Матрены совершенно измѣнилась. По требованью мужа она перемѣнила сарафанъ на платье; по требованью мужа же начала ходить стирать бѣлье и мыть полы и сдѣлалась прачкой-поденьщицей. Весь заработокъ, который она доставала, мужъ у ней отнималъ и пропивалъ, и рѣдко когда ей удавалось утаить какой нибудь двугривенный на кофеишко.

Такъ промаялась Матрена пять лѣтъ..

— Господи Боже мой! Мать Богородица! хоть бы умеръ онъ, что-ли, говорила она иногда, плача послѣ мужниныхъ побоевъ, и молитва ея была услышана. Мужа ея разбили лошади. Онъ былъ свезенъ въ гошпиталь, гдѣ и умеръ.

Послѣ его смерти, какъ воспоминаніе о бракѣ, у Матрены остались: пара сапожныхъ колодокъ, обручальное кольцо, двухгодовалая дѣвчонка Машутка и огромный шрамъ на лбу отъ удара полуштофомъ.

Похоронивъ мужа, Матрена прежде всего дала себѣ зарокъ ни за что не выходить больше замужъ и, когда синяки у ней всѣ зажили, начала искать мѣста; но на мѣсто съ ребенкомъ ее никто не бралъ. „Связала меня по рукамъ, по ногамъ эта дѣвчонка“, говорила она и занялась поденною работою; стирала бѣлье и мыла полы, такъ какъ въ Петербургѣ у ней уже были кой-какіе знакомые давальцы.

Въ эпоху, которую мы будемъ сейчасъ описывать, Матрена жила въ подвальномъ этажѣ огромнаго пятиэтажнаго дома, гдѣ у одной такой же солдатки, какъ и она, нанимала за полтора рубля уголъ. Хозяйка ея шила въ рынокъ ситцевыя рубахи, а мужъ ея былъ носильщикомъ и ежедневно ходилъ на свою биржу къ Казанскому собору къ памятнику Барклай-де Толли. Кромѣ Матрены, у хозяйки были еще постояльцы — отставные солдаты — носильщики, товарищи ея мужа по ремеслу.

Уголъ свой Матрена содержала чисто. Жестяной кофейникъ, стоящій на висячемъ шкапчикѣ, помѣщавшемся надъ ея постелью, горѣлъ жаръ-жаромъ. Наволочки на подушкахъ и ситцевая занавѣска, скрывающая кровать, покрытую одѣяломъ, сшитымъ изъ разноцвѣтныхъ шерстяныхъ треугольниковъ, были всегда чистыя, а передъ образомъ наканунѣ праздниковъ теплилась лампада. Матрена любила свой уголъ и съ наслажденіемъ отдыхала въ немъ послѣ своихъ дневныхъ трудовъ.

Воскресенье. Матрена сидитъ въ своемъ углу за столомъ и пьетъ кофій. На постели спитъ Машутка.

— Что, Матрена дома? послышался за дверьми визгливый голосъ...

— Дома, дома, отвѣчала Матрена...

Въ комнату вбѣжала курносая кухарка купца Блюдечкина. На ней было розовое ситцевое платье и синяя сѣтка.

— Кофій да сахаръ! Иззябла совсѣмъ! А я къ тебѣ, про-

говорила она, потирая руки. Ты свободна? У насъ завтра стирка.

— Свободна-то свободна, только ужъ ты бы шла къ своей Степанидѣ. Потому вѣдь это обидно, въ самомъ дѣлѣ. Какъ у васъ постирушка, вы Степаниду берете, а какъ стирка — меня подавай. Что я вамъ, ломовая лошадь, что-ли!

— Да не я... Нешто я?.. Хозяйка. Потому ей Степанида на картахъ гадаетъ. У насъ самъ-то вѣдь опять зачертилъ. Во вторникъ пришелъ домой пьяный и давай самою теребить. Молодцы насилу отняли.

— Ай-ай-ай! закачала головой Матрена. — Да вѣдь онъ, кажись, съ мѣсяцъ только какъ бросилъ.

— Бросилъ, а теперь опять сосать началъ...

— Мать Пресвятая Богородица! Съ чего бы это?

— Да на товарѣ его, кажется, кто-то надулъ, — вотъ онъ и обозлился.

— Ужасти, ужасти!.. По себѣ знаю... Мой покойникъ бывало тоже — охъ какъ... Вотъ, дѣвушка, не выходи замужъ. Лучше вѣкъ въ дѣвкахъ маячить... Кажется, присватайся ко мнѣ теперь хоть золотой мужчина, — ни въ жизнь не пойду, сказала Матрена.

— Чтожъ, бываютъ вѣдь и хорошіе, отвѣчала кухарка.

— Богъ знаетъ, бываютъ ли ужъ?... А ежели и бываютъ, такъ вѣрно на томъ свѣтѣ.

— Такъ чтожъ, стирать-то будешь у насъ завтра?

— Ладно, буду... Только чтобы Степаниды не было...

— Нѣтъ. Зачѣмъ Степаниду?.. Анисья кривая тебѣ въ подмогу будетъ, пробормотала кухарка. — Такъ приходи же сегодня съ вечера, да пораньше, потому золу на щелокъ выгребать нужно. У насъ кстати и поужинаешь, добавила она и выбѣжала изъ комнаты.

Вечеромъ Матрена надѣла ватную юбку, толстые шерстяные чулки, мужскіе сапоги, линючее старое платьишко и, захвативъ съ собою Машутку, отправилась ночевать къ купчихѣ Блюдечкиной.

Стѣнные часы въ столовой купца Блюдечкина не били еще четырехъ часовъ, а ужъ въ дверь, ведущую съ лѣстницы въ кухню, ломился дворникъ. Кухарка накинула на себя одѣяло и отворила двери.

— Вставайте! Четыре часа... проговорилъ дворникъ.

— Ну, такъ чтожъ, знаемъ! Что съ одного-то ломишься!

— Протри буркулы-то, промнись отъ сна! Съ жиру бѣситесь! Черти! Вѣдь сами же вчера просили разбудить въ четыре часа.

— Знаемъ, не ополоумѣли... Только завсегда можно поделикатнѣе стучаться, отвѣчала кухарка и захлопнула дверь передъ самымъ носомъ дворника.

Придя въ кухню, кухарка зажгла свѣчку и начала будить прачекъ, спящихъ на полу на узлахъ съ грязнымъ бѣльемъ.

— Анисья! Матрена! Вставайте! Четыре часа! толкала она ихъ.

Позѣвывая и почесываясь и жмуря отъ свѣту глаза, прачки встали отъ сна и наскоро, покрестившись на образа и вспleснувъ лица водою, начали варить на таганѣ кофій...

— А что, много сегодня бѣлья-то? спросила Матрена.

— Почитай больше десяти корзинъ будетъ, отвѣчала кухарка.

— Эка страсть! Такъ надо поторопиться, а то пожалуй и къ девяти часамъ вечера выстирать не успѣемъ.

— Гдѣ успѣть эку махину? вставила свое слово Анисья.— Ты приходи помогать-то, обратилась она къ кухаркѣ.

— Ладно, приду, отвѣчала та.

Матрена также попросила кухарку присмотрѣть за Машуткой. Та обѣщала.

Въ пять часовъ прачки засвѣтили фонарь, взвалили узлы съ грязнымъ бѣльемъ на плечи и пошли въ прачешную.

И начался трудовой рабочій день прачки-поденьщицы... Сначала варка бѣлья въ щелокѣ, потомъ стирка въ первой водѣ, стирка во второй...

— Ну, дѣвушка, наплясались мы съ тобой сегодня, говорила въ пять часовъ вечера Матрена Анисьѣ.—Всю спинушку у меня разломило, а руки такъ ужъ и говорить нечего—до крови растрескались.

— Саломъ смазать надо, отвѣчала Анисья,—а то такъ гусинымъ жиромъ. Возьми на пятачокъ въ аптекѣ.

— На пятачокъ? Шутка сказать! Пятачки-то вѣдь на полу не валяются... Посмотри-ка, много ли еще бѣлья-то осталось?..

— Анисья заглянула въ котлы.

— Много еще, часовъ до восьми стирать хватитъ. Нужно понавалиться, проговорила она, вздохнула и принялась стирать, затянувъ какую-то заунывную пѣсню о миломъ дружочкѣ на чужой сторонѣ.

Въ девятомъ часу стирка кончилась. Прачки заперли прачешную и разбитыя и изломанныя, какъ послѣ тяжкой болѣзни, отправились ужинать. Но усталость послѣ пятнадцатичасоваго ломоваго труда была такъ велика, что имъ не ѣлось. Кой-какъ похлебали онѣ щей и какъ снопы повалились на полъ на свои постилки и заснули крѣпкимъ, но тяжелымъ сномъ.

Рабочій день кончился. Тридцать пять, сорокъ копѣекъ были заработаны.

Но это еще не все, читатель! Завтра предстоитъ не менѣе тяжелый трудъ полосканія бѣлья на рѣкѣ, въ студеной водѣ, будутъ коченѣть еще сегодня привыкшія къ горячему щелоку руки, будетъ затекать кровью голова отъ согбеннаго положенія, опухнутъ глаза и еще вдвое „заложитъ“ поясницу. А тамъ подсиниванье бѣлья въ не менѣе холодной водѣ, развѣшиванье его на холодномъ чердакѣ и катанье на каткѣ съ пяти-пудовою тяжестію...

Четыре дня проработала Матрена у купчихи Блюдечкиной и на пятый пришла домой съ полутора рублями въ карманѣ. Она была такъ уставши, что проспала почти весь день и даже не слыхала плача своей Машутки. Бездѣтная квартирная хозяйка, какъ могла, утѣшала ее и пихала ей въ ротъ то кусокъ хлѣба, то чашку съ молокомъ. Къ вечеру Матрена отдохнула, взяла Машутку и отправилась въ баню.

Однажды вечеромъ Матрена пришла домой „съ мытья половъ и оконъ“. Она работала у какой-то тароватой хозяйки. Та дала ей рубль. Матрена, довольная, что въ одинъ день заработала такую сумму, рѣшила этотъ рубль отложить на покупку шерстянаго платья. Пріобрѣтеніе шерстянаго платья было ея давнишнею завѣтною мечтою. Чтобы не истратить этотъ рубль, она рѣшилась его зашить въ подушку, куда, по мѣрѣ заработка, впослѣдствіи и прибавлять гривенники и пятиалтынные. Машутка спала. Предварительно задернувшись занавѣской, Матрена сѣла на кровать, распорола наволочку, вложила туда рубль и принялась его туда зашивать. Матрена совершенно была увѣрена, что операцію эту кромѣ ея самой никто не видалъ, и потому спокойно легла спать и уснула. Но она жестоко ошиблась. Преда-

тельская занавѣска выдала. Сцену зашиванія рубля въ подушку видѣлъ жилецъ, живущій съ Матреной въ одной комнатѣ, отставной солдатъ-носильщикъ. Во время зашиванія онъ лежалъ на своей койкѣ и сквозь дырку занавѣски жадно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Матрены. Шелестъ новенькой бумажки ясно доносился до его слуха. Настроенное воображеніе подсказало ему, что въ подушкѣ зашитъ не рубль, не два и не три рубля, а можетъ быть сто или полтораста рублей, вслѣдствіе чего ему всю ночь спалось плохо и онъ ворочался съ боку на бокъ. Во снѣ ему снились: красненькія и синенькія бумажки, кабакъ, открытый на эти бумажки гдѣ нибудь за городомъ, и ломившіеся въ кабакъ покупатели.

Онъ до того былъ увѣренъ, что въ подушкѣ зашито рублей сто или болѣе, что къ утру рѣшился завладѣть этими деньгами. Украсть онъ не рѣшался, а потому и рѣшился завладѣть деньгами вмѣстѣ съ сердцемъ Матрены.

На другой день поутру, проснувшаяся Матрена пріятно была удивлена, увидя на своемъ столѣ цѣлый ворохъ нащипанной лучины. Въ углу сидѣлъ солдатъ жилецъ, курилъ трубку и улыбался.

— Кто это столько лучины-то нащепалъ? Господи! ни къ кому особенно не обращаясь, проговорила Матрена.

— Это я-съ, отвѣчалъ изъ-за угла солдатъ, всталъ съ мѣста и изъ учтивости спряталъ трубку за спину.

— Что-жъ, для меня, что-ли?

— Собственно для васъ-съ, такъ какъ, зная, что вы это самое малодушество къ кофію имѣете и вамъ подъ таганъ стало быть лучина требуется.

— Спасибо тебѣ, Демьянычъ, спасибо, поблагодарила она его.

Вечеромъ того же дня солдатъ, воротившись съ работы, подошелъ къ Матренѣ и проговорилъ:

— Слышь Матрена, у тебя вонъ, я вижу, сапоги-то поизносились. Семъ-ка, я тебѣ ихъ зачиню, потому по вечерамъ я все равно безъ дѣла маюсь. А свое чеботарство я крѣпко знаю...

— Зачини, голубчикъ, зачини. Я тебѣ за это и на осьмушку дамъ...

— Зачѣмъ на осьмушку? Нешто мы безчувственные какіе?.. Тоже, чай, сердце есть... отвѣчалъ солдатъ и принялся чинить Матренины сапоги.

Съ этого дня обязанность щипать лучину для Матрены солдатъ Демьянычъ принялъ на себя и былъ до того внимателенъ, что даже няньчилъ по вечерамъ Машутку.

Однажды вечеромъ Матрена сидѣла у себя въ углу и что-то шила. Демьянычъ былъ также дома и отъ нечего дѣлать курилъ трубку и смотрѣлъ на Матрену. Въ комнатѣ они были одни. Демьянычъ съ остервененіемъ затягивался махоркой и видимо что-то хотѣлъ сказать Матренѣ. Онъ уже нѣсколько разъ откашливался, шевелилъ губами, но начать говорить все не рѣшался. Наконецъ, громко кашлянувъ и плюнувъ, онъ заковырялъ у себя въ носу и заговорилъ:

— А что, Матрена, посмотрю я на тебя, скучно тебѣ одной-то... день-то деньской маешься, маешься... Къ тому же и дѣвчонка у тебя, и все эдакое... Ей-Богу... что такъ зря-то жить... Право... Вотъ и я одинъ какъ перстъ... потому теперь въ чистой состою и носильществомъ занимаюсь... Наше дѣло трудное, потому возьми теперь портупьяны носить... каково? Что бъ намъ съ тобой перевѣнчаться?—Зажили-бы...

Матрена не смутилась. Видя всѣ услуги, оказываемыя ей Демьянычемъ, она уже ждала такого предложенія.

— Вотъ что, Демьянычъ, я тебѣ скажу, отвѣчала она ему: все это хорошо, только ужъ больно мнѣ первое-то замужество солоно пришлось, такъ я его и боюсь теперь какъ огня. Конечно,

я знаю, ты человѣкъ хорошій, непьющій, да вѣдь и первый-то мужъ въ женихахъ-то хорошимъ казался, а мужемъ какъ сталъ, такъ вонъ какъ лобъ-то мнѣ раскроилъ... И теперь еще мѣтка осталась. На, полюбуйся.

Солдатъ какъ будто обидѣлся.

— Что касается до драки, то ни-ни... Мы этого и въ мысляхъ не имѣемъ, будьте покойны, проговорилъ онъ.

— Погоди маленько, дай мнѣ подумать. Потому, видишь ты, я зарокъ дала замужъ не выходить, а зарока-то этого преступить мнѣ не хочется... Погоди, вѣдь надъ нами не каплетъ, закончила Матрена и замолчала.

— Ну, коли подождать, то подождемъ, только ты смотри, думай, отвѣчалъ солдатъ, потолокся въ комнатѣ еще съ четверть часа и отправился въ кабакъ.

— А что, почтенный, ежели этого самаго вина у васъ больше взять?.. Почемъ вы возьмете?.. спрашивалъ онъ у целовальника, сидя у стола за косушкой...

— Рубль двадцать четверть, бойко отвѣчалъ целовальникъ.

— Нѣтъ, а ежели больше?..

— Три съ полтиной взять можно...

— Нѣтъ, а ежели еще больше? Потому намъ свадьбу играть требуется, допытывался солдатъ.

— Ежели три ведра возьмете, по гривнѣ скинемъ.

— И вино будетъ хорошее?

— Ужъ будьте покойны, первый сортъ... Что на княжескихъ свадьбахъ подаютъ.

— Такъ.

Солдатъ крякнулъ, выпилъ косушку и ушелъ.

Болѣе мѣсяца думала Матрена, выходить-ли ей замужъ за Демьяныча, или не выходить, и наконецъ уже хотѣла преступить зарокъ, но судьба распорядилась иначе и не дала ей преступить этого зарока. Какъ-то передъ Рождествомъ она въ трескучій морозъ полоскала бѣлье и простудилась. День она кой-какъ перемоглась, но вечеромъ пришедши домой слегла. На утро она впала въ безпамятство. Съ ней сдѣлалась горячка. Квартирные хозяева свезли ее въ больницу.

Спустя недѣлю, по набережной Обводнаго канала, по направленію къ Волковскому кладбищу, сѣрая мохнатая лошадь тащила роспуски. На роспускахъ стоялъ бѣлый гробъ, въ гробу лежала Матрена, а на гробѣ сидѣла Машутка, укутанная въ материну кацавейку и большой платокъ. За гробомъ шла квартирная хозяйкя, одѣтая въ салопъ и мужскіе сапоги, и несла въ рукахъ чашку съ кутьей, завернутую въ бѣлую тряпицу.

— Тетенька Акулина, я ѣсть хочу, кричала Машутка квартирной хозяйкѣ.

— Ишь дура! У ней мать умерла, ей бы плакать, а она объ ѣдѣ думаетъ... Молчи, дрянь! пригрозила ей хозяйка, однако купила у саечника двухкопѣечную булку и сунула дѣвочкѣ.

Дѣвочка принялась ѣсть булку.

— Почтенненькій, я присяду тутъ на саняхъ. Вишь оно идти-то какъ снѣжно, говорила квартирная хозяйка завернувшемуся въ рогожу мужику, который шелъ около лошади.

— Присѣсть-то бы оно ничего, отчего не присѣсть, отвѣчалъ мужикъ:—да вишь дорога-то какая тяжелая: изъ ухаба въ ухабъ, а тамъ и еще тяжелѣе будтъ.

Женщина продолжала идти пѣшкомъ. Звонили къ обѣднѣ.

По дорогѣ попадались продавцы могильныхъ вѣнковъ и крестовъ изъ моху съ бумажными цвѣтами.

— Изъ больницы подваливаютъ! говорили они.—Голь перекатная! этимъ и предлагать не стоитъ. Господи Боже мой! Вѣдь задастся же эдакій денекъ, что ни одного обстоятельнаго покойника! Ну ужъ торговлишка!

V.

ОХТЯНКА.

Что такое Охта,—петербуржцы знаютъ. Для провинціаловъ же скажемъ, что Охта есть селеніе въ одной изъ зарѣчныхъ частей Петербурга. Занятіе охтянъ: мужчины—столяры, мебельщики или лодочники; женщины же, всѣ безъ исключенія, молочницы, снабжающія чуть ли не полъ-Петербурга молокомъ. При словѣ охтянка у петербуржца сейчасъ является представленіе о торковкѣ молокомъ. Охтяне народъ трудолюбивый, какъ мужчины, такъ и женщины. Женщины же еще трудолюбивѣе мужчинъ, и этотъ трудъ даетъ имъ самостоятельность. Охтянки трудятся и содержатъ себя сами.

Охта. Раннее утро мая. Семь часовъ. Ярко свѣтитъ съ неба солнце и освѣщаетъ сѣренькій, слегка покачнувшійся на бокъ домикъ, нѣкогда зеленые облупившіеся ставни, ворота съ врѣзаннымъ въ перекладню мѣднымъ складнемъ, дворъ, слегка поросшій травой, навѣсъ, бурую корову, привязанную подъ навѣсомъ, кудахтующую курицу, возвѣщающую о произведеніи на свѣтъ новаго яйца, сани, стоящіе подъ навѣсомъ съ поднятыми кверху

оглоблями, и золотистаго пѣтуха, старающагося влетѣть на эти оглобли. У крыльца толпятся женщины въ темныхъ кубовыхъ ситцевыхъ платьяхъ и такихъ же платкахъ. Онѣ то входятъ въ домъ, то выходятъ изъ него и стараются говорить хотя шопотомъ, но шопотъ этотъ слышнѣе всякаго громкаго говора. Между женщинъ ходитъ старая мохнатая собака и самымъ меланхолическимъ образомъ обнюхиваетъ подолы ихъ платьевъ.

— Ну что? слышится у женщинъ.

— Да чему быть-то? Мучается. Эво, слышите, какъ кричитъ-то. Конечно, первые роды, а все-таки не сдобровать ей. Шутка ли, съ вечера мучиться...

— Ахъ грѣхи, грѣхи! Послать бы въ церковь, чтобъ царскія двери отворили, чтоли...

— И, матушка, ужъ чего-чего не дѣлали! И царскія врата отворяли, и богоявленской водой кропили—ничего не помогаетъ. Даве кожу съ угря содрали и опоясали ее, голубушку, и то ничего...

— Ахъ, трудно нашей сестрѣ съ этими самыми родами! Самъ-то убивается?..

— Извѣстно ужъ... Это у ней съ побоевъ. Говорятъ, не своевременно. Двухъ недѣль не хватаетъ. Какъ же, теперича, вчера поутру какъ онъ ее лудилъ! Боже упаси! Теперь теверезому-то, извѣстно, жалко. Какъ тѣнь ходитъ. Эво, у окна-то на верстакѣ-то сидитъ.

Женщины начали заглядывать въ окно и качали головами. На дворъ забѣжала было партія ребятишекъ, но ихъ тотчасъ же выгнали вонъ. На крыльцо выбѣжала раскраспѣвшаяся женщина въ платкѣ, съѣхавшемъ на затылокъ.

— Гдѣ Вавилиха? спросила она.

— Здѣсь, отвѣчалъ голосъ.

— Ивановна, подь къ ней. Пособи какъ нибудь, али поправь ее. Ты знаешь—слава Богу, разъ десять рожала.

— Нѣтъ, братъ, четырнадцать, подымай выше! Только чтожъ я тамъ подѣлаю, коли повитуха ничего не можетъ? Карповна-то ужъ на томъ стоитъ, отвѣчала коренастная пожилая женщина.

— Да поди, хоть посмотри на нее...

— Ладно, пойду. Только мнѣ сейчасъ въ городъ... По мѣстамъ молоко нести нужно, проговорила Вавилиха и вошла въ сѣни.

— Коли это не съ побоевъ, такъ безпремѣнно или съ глазу, или съ порчи, говорили женщины.

Въ воротахъ показалась охтянка, молодая бабенка, со всѣми атрибутами своего ремесла: съ коромысломъ на плечѣ, съ корзинками, привѣшенными къ этому коромыслу, и съ выглядывающими изъ корзинокъ кувшинами съ молокомъ, составляющими по крайней мѣрѣ двухъ-пудовую тяжесть.

— Что, еще не разрѣшилась? крикнула она, не входя во дворъ.

— Нѣтъ еще! Гдѣ! И ахъ какъ мучается! отвѣчали въ одинъ голосъ женщины.

— Страсти! Пусть бы попомнила, нѣтъ ли на ней грѣха какого нибудь особеннаго? Покаешься, такъ, говорятъ, помогаетъ.

— Все перепробывали, родная. Ты въ городъ, чтоли?

— Въ городъ. А-то даве мнѣ пастухъ сказывалъ... Тутъ у кладбища солдатикъ одинъ живетъ. Митріевымъ звать. Сапожникъ онъ. Такъ очень, говоритъ, свѣдущій. Всѣ заговоры знаетъ. Микулиха ломотой мучалась, ходить не могла, — такъ въ три дня поднялъ. Гдѣ самъ-то? Сказать ему...

Женщины подошли къ окну и начали манить на дворъ мужа родильницы, сидящаго на верстакѣ.

На дворъ вышелъ среднихъ лѣтъ мужчина съ русой бородой и съ всклокоченной головой. Онъ былъ въ ситцовой рубахѣ и въ опоркахъ на босу ногу. Мохнатая собака бросилась къ нему и завиляла хвостомъ. Онъ далъ ей пинка.

— Павелъ Кузьмичъ, пошли за солдатикомъ-то. Солдатикъ такой свѣдующій есть, крикнула ему женщина съ коромысломъ и сообщила, какъ солдатика звать и гдѣ онъ живетъ.

Мужъ какъ бы оживился.

— Какъ же, какъ же... Безпримѣнно нужно... Чтожъ раньше не сказала? заговорилъ онъ и тотчасъ же бросился за ворота.

— Шапку-то захвати! Шапку-то! кричали ему вслѣдъ женщины, бросились въ домъ и вынесли шапку.

Черезъ полчаса Павелъ Кузьмичъ воротился домой и привелъ съ собой „свѣдующаго солдатика". Солдатикъ былъ рослый свирѣпаго вида мужчина въ солдатской шинели безъ погоновъ, не взирая на лѣто, въ ватномъ ситцевомъ нагрудникѣ и говорилъ басомъ. Они направлялись къ крыльцу. Все еще стоящія у крыльца женщины тотчасъ же разступились. Дойдя до крыльца, солдатъ сѣлъ на него и сказалъ хозяину:

— Смотрѣть родильницу не стоитъ, потому все равно... Я знаю, что тутъ порча. Первое дѣло, посылайте за полштофомъ.

Хозяинъ бросился въ кабакъ.

— Стаканъ воды, три уголька, три камешка махонькихъ и серьгу изъ уха! скомандовалъ онъ женщинамъ.

Тѣ тотчасъ же бросились исполнять его приказаніе.

Черезъ пять минутъ, полштофъ, вода и все проче требованное стояло на крыльцѣ около солдата. Самъ онъ важно покуривалъ трубку и самымъ безцеремоннымъ образомъ плевалъ на подолы платьевъ стоящихъ около и съ подобострастіемъ взирающихъ на него женщинъ. Выкуривъ трубку, онъ выколотилъ ее о

каблукъ сапога, спряталъ въ карманъ, взялъ стаканъ и, опустя въ него угольки, камешки и серьгу, началъ что-то шептать.

— Аминь! закончилъ онъ, и, обратясь къ женщинамъ, сказалъ:—снесите эту воду къ повитухѣ, да скажите ей, чтобъ спрыснула родильницу. Да сразу, чтобъ испужать ее, значитъ.

— Приказаніе было исполнено, но успѣха не было. Солдатъ рѣшился прибѣгнуть, по его мнѣнію, къ послѣднему средству. Онъ полѣзъ на дерево, досталъ изъ гнѣзда галченка, свернулъ ему голову и прибилъ его крыльями къ подворотнѣ. Это средство хоть и не совсѣмъ, но помогло. Въ полдень раздался крикъ ребенка. Крикъ этотъ возвѣщалъ Павлу Кузмичу о рожденіи дочери и о смерти жены. Бабы завыли. Солдатъ допилъ полуштофъ и, сбираясь уходить, сказалъ:

— Значитъ, этотъ самый человѣкъ, который родильницу испортилъ, умерши. Тутъ ужъ никакой заговоръ не силенъ. Пригони хоть баталліонъ лекарей—и тѣ ничего не подѣлаютъ

— Спустя три дня, умершую похоронили, а новорожденную окрестили и назвали Акулиной.

Акулька родилась хиленькою и слабенькою. Какъ только она остлась жива—одному Богу извѣстно. Начать съ того, что тотчасъ, послѣ ея появленія на свѣтъ, сосѣдки въ сообществѣ съ повитухой рѣшили, что она не доношена и что ей надо „дозрѣть“; для чего замѣсили ржаное тѣсто, обмазали имъ ее, и положивъ въ лукошко, поставили ее на нѣсколько минутъ въ печь, гдѣ она по мнѣнію ихъ дозрѣла. Первые, дней пять шесть, Акульку кормила грудью одна сострадательная сосѣдка, имѣвшая груднаго ребенка, а послѣ этого срока ее уже начали питать рожкомъ, соской и просто жованнымъ хлѣбомъ. Попеченіе это взяла на себя ея тетка Марья, бездѣтная вдова брата Павла Кузьмича, жившая съ нимъ въ одномъ домѣ; а такъ какъ теткѣ одной было управиться трудно, потому что она, по

примѣру всѣхъ охтянокъ, торговала молокомъ и каждый день должна была ходить „въ городъ на мѣста“, то въ подмогу ей, была взята „изъ-за хлѣбовъ и одежи“ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Аришка, которая и вынянчила Акульку.

Акулька помнитъ себя съ семи лѣтъ. Въ это время тетка Марья уже начала ее приучать къ работѣ: приказывала выгонять къ пастуху коровъ, заманивать на дворъ хлѣбомъ по приходѣ ихъ съ поля, и посылала ее, въ сообществѣ другихъ ребятишекъ, въ сосѣдній лѣсъ за черникой и брусникой. Ягоды эти продавались въ городѣ, а слѣдовательно Акулька уже съ малыхъ лѣтъ, по мѣрѣ силъ, зарабатывала себѣ на пропитаніе. Отца Акулька помнитъ очень хорошо. Помнитъ его столярничанье, визгъ пилы, стукъ молотка, свистъ рубанка и ремешекъ на его головѣ. Помнитъ она его и пьянаго, когда онъ возвращался изъ города, отвезя туда работу. Придетъ и начнетъ бурлить.

— Ложись ты спать, дьяволъ! Ишь натесался, неугомонный! крикнетъ бывало на него тетка Марья и топнетъ ногой.

И Акулька сдѣлаетъ то же самое, по ея примѣру.

— Ложись, тятька, спать! Ишь натесался! крикнетъ и она въ свою очередь и также топнетъ ножкой.

Отцу это нравилось. Онъ бралъ дѣвочку на руки, цѣловалъ ее и ложился съ ней вмѣстѣ, но тетка Марья тотчасъ же вырывала ее у него.

— Самъ напоганился, такъ и ребенка, ангельскую душеньку, поганить нужно. Народецъ! Выпьютъ на грошъ, такъ на рубль веревокъ надо! Вдругъ бы ты уронилъ ребенка и на вѣкъ уродомъ сдѣлалъ? Что тогда!

Случалось, что отецъ раздражался и кидалъ въ тетку Марью рубанкомъ, молоткомъ, но та была не робкаго десятка, сильная, мощная, и пускала въ него сама, что попадало подъ руку, а подчасъ, призвавъ на помошь сосѣдей, связывала его.

Когда Акулькѣ минуло восемь лѣтъ, отецъ началъ учить ее читать, для чего купилъ азбуку, выстрогалъ изъ дерева указку и вырвалъ изъ метлы пукъ розогъ. Все это было положено на столъ и Акулька посажена за науку. Но ученіе шло плохо. Отецъ и самъ былъ плохой грамотѣй, а ужъ въ учетеля окончательно не годился. Въ зиму кой какъ дошла она до молитвъ. Отецъ былъ горячъ и сердился на все, даже на то, что дѣвочка, пришепетывая, не могла выговорить „пречистому твоему образу", а говорила „плечистому".

— Съ тобой только грѣхъ одинъ! Еще Богъ за эту науку накажетъ! говорилъ онъ.

Съ письмомъ было то же самое. Разъ онъ далъ дочери карандашъ и сказалъ:

— Ну, напиши: мнѣ Богъ.

Дѣвочка нарисовала кружечекъ, вопросительно взглянула на отца и спросила:

— Тятенька, а глаза нужно написать?

Въ простотѣ души она думала, что ей нужно было нарисовать Бога, какъ его рисуютъ, обыкновенно, на образахъ. Отецъ разсердился и далъ ей подзатыльника. На томъ наука и кончилась.

На одиннадцатомъ году Акулькиной жизни съ отцомъ ея вдругъ случилось что-то недоброе. Прежде онъ пилъ и напивался только по большимъ праздникамъ, да при полученіи денегъ за работу, теперь-же вдругъ затосковалъ и началъ пить ежедевно. Работа перестала спориться. Визгъ пилы и стукъ молотка раздавались все рѣже и рѣже. Тетка Марья рѣшила, что его „испортили", и при этомъ сообщила Акулькѣ, что отецъ пьетъ оттого, что ему захотѣлось жениться, а ни одна изъ охтянскихъ невѣстъ за него нейдетъ, потому что всѣ знаютъ его за пьющаго человѣка и драчуна. На другой-же дѣвушкѣ, кромѣ охтянки, жениться онъ не хотѣлъ, опасаясь взять не работящую и боясь,

что та его „объѣстъ и обопьетъ“. Объ намѣреніи жениться онъ даже самъ проговорился Акулькѣ, пришедши однажды домой пьяный.

— Ну братъ, Акулька, хотѣлъ тебѣ въ домъ мамку привесть, да нейдетъ за меня... Шабашъ!

— Полно, тятька, зачѣмъ мнѣ мамка? У меня тетка Марья есть, сказала Акулька.

— А вотъ такъ чортъ его опуталъ. Вотъ онъ и чудитъ, добавила тетка Марья.—Ну, какой ты, ко псамъ, женихъ? Развѣ съ висѣлицы какая за тебя за пьяницу пойдетъ. Вѣдь прожилъ десять лѣтъ безъ жены! Отслужи-ко ты лучше молебенъ Сергію Преподобному. Авось онъ съ тебя эту блажь сниметъ.

Отецъ разсвирѣпѣлъ.

— Блажь? Блажь? Какая же это блажь, коли человѣку бабу нужно? Нѣтъ, ужъ это дѣло плохо! коли за меня ни одна дѣвка замужъ не хочетъ идти! кричалъ онъ.—Значитъ на живодерню пора! Пора! Пора! закончилъ онъ во все горло и, накинувъ на себя чуйку, побѣжалъ въ кабакъ.

Тетка Марья только руками разводила.

— Съ ума спятилъ! Совсѣмъ спятилъ! Нѣтъ, тутъ дѣло не просто. Его навѣрно испортили! Потому человѣку такъ, зря бѣсноваться не возможно.

Вечеромъ отецъ явился домой, но явился безъ чуйки. Чуйка была пропита. Такъ какъ стояли сильные морозы, то онъ простудился и на утро не могъ подняться съ постели. Кромѣ всего этого, у него оказались отмороженными уши и пальцы на рукахъ и на ногахъ. Къ вечеру съ нимъ сдѣлался бредъ и онъ впалъ въ безпамятство. Сосѣди рѣшили, что у него горячка и, переждавъ ночь, стащили его въ госпиталь. Въ госпиталѣ онъ умеръ.

Акулина помнитъ ревъ тетки Марьи и сосѣдокъ причитанья, помнитъ, что и сама она плакала, помнитъ, что женщины гла-

дили ее по головѣ по шерсти и противъ шерсти и говорили: сирота! круглая сирота! Помнитъ похороны на охтянскомъ кладбищѣ, чашку съ кутьей и то, что она подавала нищимъ грѳши и по совѣту тетки Марьи говорила: „помяни за упокой новопреставленнаго Павла“.

Послѣ смерти отца тетка Марья и Акулина остались въ домѣ безъ мужчины. Первое, что они сдѣлали послѣ совершенія поминокъ,—продали столярный станокъ, инструменты и сухой лѣсъ и прикупили корову, второе же рѣшили взять въ домъ жильца, такъ какъ „безъ мужчины не возможно,“ да и Акулькѣ одной за домомъ не углядѣть, а тетка Марья должна была каждый день ходить въ городъ съ молокомъ. Выборъ палъ на знакомаго отставнаго солдата, занимающагося добываніемъ сажи, дѣланіемъ птичьихъ клѣтокъ и обученіемъ разнымъ фокусамъ чижей, снигирей, скворцовъ и тому подобныхъ птицъ. Жилецъ переѣхалъ и въ домѣ запахло солдатомъ, т. е. махоркой, онучами, сапожнымъ товаромъ и вообще всякой дрянью. Относительно дома женщины были теперь покойны. Солдатъ былъ не пьющій, не буянъ и ежели и безпокоилъ хозяевъ, то только тѣмъ, что по ночамъ, просыпаясь, вздыхалъ во всю ширину своей мощной груди, и при этомъ громко восклицалъ: „о Господи! Мать пресвятая!.. Святители!“ Тетка Марья каждый день ходила въ городъ съ молокомъ, Акулина присматривала за домомъ, стряпала и задавала кормъ коровамъ и курамъ. По вечерамъ солдатъ имъ разсказывалъ ужасы крымской кампаніи, про „страженія“ и иногда завирался до послѣдней степени. Разъ онъ разсказывалъ, что „одинъ солдатикъ“ въ рукопашной схваткѣ до того разсвирѣпѣлъ, что схватилъ чью-то валяющуюся оторванную ногу и началъ ею бить непріятеля и при этомъ билъ такъ удачно, что положилъ на мѣстѣ семь „супостатовъ“. Женщины охали и удивлялись. Акулинѣ, обыкновенно, послѣ этихъ разсказовъ, снились

страшные сны. Снился непріятель въ видѣ гиганта, наводящій на нее пушку, зарѣзанныя коровы и пожаръ.

Такъ жили двѣ женщины, работали, трудились и питались. Акулинѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ. Она развилась вполнѣ. Бѣлая, полная, румяная, высокая, работящая. „Красавица дѣвка“ говорили сосѣди.—„Изъ подъ руки посмотрѣть стоитъ,“ и желали ей хорошаго жениха; но сама Акулина и не думала еще выходить замужъ. Она помнила пьянаго буянившаго отца и видѣла замужнихъ сосѣдокъ съ „потставленными подъ глаза фонарями“, видѣла пьяныхъ воинственныхъ сосѣдей, разгоняющихъ весь домъ и выбрасывающихъ за окно горшки и плошки, и бракъ представлялся ей, не испытавшей даже гнета родительской власти, какою-то кабалою. Она была довольна своей судьбой, была свободна, никому не давала отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшила, ежели ужъ и выходить замужъ, то выходить не иначе, какъ за такого человѣка, про котораго она вполнѣ узнаетъ, что онъ не мотъ, не буянъ и не пьяница. А такихъ между охтянами было очень мало.

— Кажется, ежели бы я была замужняя женщина да меня мужъ хоть пальцемъ бы тронулъ, такъ я сейчасъ бы отъ него убѣжала. Убѣжала бы куда глаза глядятъ! часто говорила она теткѣ.

— Полно, дура! Найдемъ и хорошаго. Что впередъ-то загадывать! А теперь еще тебѣ замужъ рано. Еще успѣешь съ ребятами-то нянчится... отвѣчала на это тетка. Теперь вотъ тебѣ къ торговлѣ пріучаться надо, потому я стара стала, ломота въ ногахъ, да и силы той нѣтъ. Заболю, такъ что тогда? Вотъ Богъ дастъ, наступитъ весна и пройдетъ ледъ, такъ возьму я тебя съ собой въ городъ, да покажу мѣста и покупателей. Пора, матка, и за дѣло! Полно дома-то сидѣть! рѣшила она и въ одинъ „легкій день“, то есть во вторникъ сходила съ Акулиной

къ ранней обѣднѣ, отслужила молебенъ, снабдила ее коромысломъ съ корзинками и кувшинами и взяла съ собой въ городъ.

Акулина скоро привыкла къ торговлѣ. Черезъ мѣсяцъ она уже знала всѣ „мѣста", т. е. покупателей, пріобрѣла даже новыхъ, сошлась съ кухарками и за чайную чашку сливокъ получала иногда отъ нихъ цѣлую груду хлѣбныхъ объѣдковъ, которые впослѣдствіи шли для корма коровамъ. Знала, гдѣ и какъ купить повыгоднѣе сѣна и отрубей для коровъ, овса для куръ и кофею и сахару для себя. Вообще она была очень экономна и торговалась какъ любой мѣщанинъ-кулакъ. Въ дѣлѣ торговли она пошла даже дальше тетки Марьи. Ежели она рано успѣвала распродать молоко, то тотчасъ отправлялась въ рынокъ, покупала на вырученныя деньги ягодъ, яблокъ, или грибовъ, ходила съ этимъ товаромъ по дворамъ и, выкрикивая на всѣ лады его названіе, продавала его. Такимъ образомъ капиталъ оборачивался два раза.

Трудовой день Акулины проходилъ слѣдующимъ порядкомъ. Поутру она вставала въ пять часовъ, мыла и чистила коровъ, задавала имъ корму, поила ихъ, потомъ доила и ставила молоко въ ледникъ. Далѣе шло снимапіе съ молока сливокъ, разливка ихъ, питье кофею — единственная роскошь, которую она и тетка Марья дозволяли себѣ, и уборка комнаты. Сдѣлавъ все это, Акулина, въ сообществѣ тетки, нагруженная двухъ-пудовою тяжестію, отправлялась съ молокомъ въ городъ, гдѣ избѣгавъ съ полтора десятка лѣстницъ, и вообще сдѣлавъ съ десятокъ верстъ, часамъ къ двумъ измученная возвращалась къ обѣду домой. Далѣе слѣдовалъ обѣдъ, кофеепитіе, а тамъ опять попеченіе о коровахъ, а иногда сбиваніе масла, дѣланіе творогу, не говоря уже о томъ, что по вечерамъ нужно было шить себѣ бѣлье и платье, а также и мыть его. Во время отсутствія обѣихъ женщинъ наблюденіе за домомъ поручалось, разумѣется, жильцу. Изъ всего этого читатель можетъ видѣть, что жизнь, судя по ломовому труду, не легкая, особливо

если принять въ соображеніе самый ограниченный заработокъ. Еще лѣтомъ—ничего, сносно, но зимой, въ сильные морозы, вышеописанныя экскурсіи въ городѣ для охтянокъ бываютъ просто нестерпимы и оканчиваются ревматизмами, а иногда и отмороженіемъ членовъ. Въ эти морозы охтянки, обыкновенно, передъ отправленіемъ въ путь натираются перцовкой, намазываютъ лица и руки гусинымъ саломъ и ходятъ партіями, наблюдая по пути другъ друга, не побѣлѣли-ли у кого носъ и щеки.

Но что же дѣлала Акулина по праздникамъ? По праздникамъ она не ходила въ городъ, но вставъ также въ пять часовъ и сдѣлавъ все нужное коровамъ, которыхъ она берегла, какъ зеницу ока, наряжалась въ „матерчатое", т. е. шелковое платье, накидывала на голову двуличневый платокъ и отправлялась одна или съ теткой къ обѣднѣ на Охтенское кладбище, смотрѣла похороны, покупала на возвратномъ пути на пятачекъ пряниковъ, кедровыхъ орѣховъ или подсолнечныхъ зеренъ и днемъ „забавлялась" ими. Лѣтомъ по вечерамъ она въ сообществѣ сосѣдскихъ дѣвушекъ, ходила на Безбородкину дачу или на Тимофѣевку слушать музыку. Безбородкинскіе дачные ловеласы очень хорошо знаютъ румяныхъ охтенскихъ дѣвушекъ, не разъ дававшихъ имъ полновѣсныя затрещины за ихъ волокитскія поползновенія. Охтянки женщины нравственныя, что, надо сказать, рѣдкость въ петербургскихъ подгородныхъ селеніяхъ.

Акулинѣ минуло девятнадцать лѣтъ, но сердце ея, какъ говорится въ нѣкоторыхъ романахъ, все еще было свободно. Охтенскіе парни, одинъ за другимъ, засылали къ ней свахъ и сватовъ, но свахи и сваты уходили ни съ чѣмъ. Всѣмъ имъ Акулина говорила про себя, что она еще молода, хочетъ насладиться дѣвической жизнію, а о замужествѣ пока еще не думаетъ. Жениховъ

это злило. „Погоди, царевна недотыка! Прочванишься и выдешь за самаго что ни-на-есть ледащаго парня! говорили они между собою. Ишь какъ разборчива! Словно купчиха съ Калашниковой пристани!“ Говоръ этотъ доходилъ и до Акулины, но она не обращала на него вниманія и думала: „пусть ихъ брешутъ, что хотятъ! Плевать мнѣ на нихъ! Чтожь, и въ дѣвкахъ останусь, такъ хлѣба у нихъ не попрошу“.

Но хотя Акулина и „плевала“ на всѣхъ парней, однако нашелся одинъ, на котораго она обратила вниманіе. Обстоятельство это случилось слѣдующимъ образомъ. У нихъ былъ сосѣдъ, домъ котораго отдѣлялся отъ ихъ дома небольшимъ проулкомъ. Сосѣдъ этотъ былъ старикъ столяръ-лодошникъ, имѣлъ жену молочницу и сына тоже столяра, работающаго на корабельной верфи. Сынъ не жилъ съ родителями и приходилъ на Охту только изрѣдка по праздникамъ. Въ одинъ прекрасный день старикъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Старуха, похоронивъ его, осталась одна, начала тосковать и звать къ себѣ сына. Сынъ оставилъ работы на верфи и, поселившись въ родительскомъ домѣ, сталъ продолжать ремесло отца: дѣлалъ ботики, душегубки, гички и тому подобныя мелкія лодки, вслѣдствіе чего Акулина, до сего времени видѣвшая изъ своего окна трудящагося за верстакомъ плѣшиваго старика, вдругъ начала созерцать молодаго красиваго парня съ чуть пробивающеюся бородкой, съ серебряной серьгою въ ухѣ и съ щегольскимъ ремешкомъ на головѣ. Молодой сосѣдъ звался Митрофаномъ Даниловымъ, франтилъ розовыми ситцевыми рубашками, плисовыми шароварами, картузомъ и козловыми сборчатыми сапогами. Акулина и прежде знавала его, но знавала мальчикомъ до его четырнадцати-лѣтняго возраста, пока онъ не былъ отданъ въ ученье. Видала она его впослѣдствіи, и взрослымъ, когда онъ приходилъ въ гости къ родителямъ, но видала мелькомъ, такъ какъ онъ приходилъ, обыкновенно, на

короткое время. Тогда Акулина не обращала на него вниманія, но теперь, когда онъ каждодневно былъ у ней передъ глазами, она украдкою изъ своего окна начала заглядываться на него и думала: „ишь вѣдь изъ сопляка-мальчишки какой красивый парень выровнялся!“ То же самое, кажется, думалъ и Митрофанъ про Акулину. При встрѣчѣ они обмѣнивались поклонами.

Однажды весною, Акулина, пришедши изъ города, отработавъ все нужное по дому, сѣла въ своей комнатѣ у открытаго окна и принялась штопать чулокъ, вздѣтый для удобства работы на стаканъ. Взглянувъ на сосѣдскій домъ, она увидѣла Митрофана стоящаго у окна. Онъ скручивалъ папироску изъ газетной бумаги. Митрофанъ поклонился ей. Она отвѣтила на его поклонъ, покраснѣла и тотчасъ-же опустила глаза на работу. Митрофану хотѣлось, чтобы она опять взглянула въ его сторону. Чтобы достичь этого, онъ запѣлъ пѣсню, но Акулина всетаки не глядѣла на него. Это злило его. Такъ какъ уже было восемь часовъ вечера, то онъ кончилъ работать, надѣлъ картузъ, сибирку, вышелъ изъ дома и, пройдя мимо окна, у котораго сидѣла Акулина, сказалъ:

— Что это вы слѣпитесь? гулять бы выходили. Эко погода-то какая благодать!

— Какая же тутъ гулянка, коли работать надо? отвѣчала она, не подымая головы.

— Съ работой-то можно и пошабашить! Работа не медвѣдь,— въ лѣсъ не убѣжитъ.

Акулина промолчала, а Митрофанъ, положивъ два пальца въ ротъ, какъ-то ухарски свиснулъ самымъ пронзительнымъ образомъ и пошелъ своей дорогой. Она подняла голову и посмотрѣла на его молодецкую походу.

„А вѣдь парень-то хорошъ“, подумалось ей.

Дня черезъ два, Митрофанъ, замѣтивъ ее опять у окна, снова прошелъ мимо ея и въ полголоса сказалъ:

— Эки вы сахарныя, Акулина Павловна!

Она опять промолчала и бросилась было запирать окно, но онъ придержалъ раму и проговорилъ:

— Уйду, уйду! Ахъ Господи! Ужъ и сказать ничего нельзя, и отходя запѣлъ:

Черноока, прежестока
У окна одна сидитъ.

Въ комнату вошла тетка Марья.

— Ишь парень-то голосистый какой! Словно соловей! сказала она.

— Чудной только такой. Все ко мнѣ съ разговорами пристаетъ и работать мѣшаетъ, отвѣчала Акулина.

— А ты чтожь съ нимъ не поговоришь? Потѣшь его. Онъ парень хорошій, непьющій, работящій. Женихъ хоть куда!

— Всѣ они до поры до времени непьющіе, а какъ женятся, такъ и пить начнутъ, и буянить, и драться. Вонъ Федорова Даша никакихъ провинностей за своимъ женихомъ не знала, какъ замужъ выходила, а теперь синяки съ тѣла не сходятъ.

— Сама виновата. Зачѣмъ мужу потрафить не можетъ.

— Да! потрафишь пьяному... какъ же!..

Въ это время въ переулкѣ раздались звуки гармоніи. Акулина взглянула въ окно и снова увидала Митрофана. Онъ сидѣлъ на окнѣ, и косясь на нее, наигрывалъ какую-то пѣсню.

— Вонъ видишь, покончилъ работу и въ трактиръ нейдетъ, а сидитъ себѣ дома да гармоніей забавляется, сказала тетка Марья, кивая на Митрофана, и поплелась изъ комнаты.

Разъ вечеромъ Акулина доила корову. Случайно взглянувъ изъ-подъ навѣса на высокій заборикъ, которымъ былъ обнесенъ ихъ дворъ, она шагахъ въ десяти отъ себя увидала голову Митрофана, пристально смотрящаго на нее черезъ заборъ. Она вздрогнула и чуть не опрокинула подойникъ.

— Митрофанъ Данилычъ, уйдите Бога ради! заговорила она оправившись.—Ну, слыханное ли это дѣло, чтобъ мужчина смотрѣлъ, какъ корову доятъ. Вѣдь эдакъ можно испортить ее. Что тогда будетъ?

Митрофанъ оскалилъ бѣлые зубы и поправилъ на головѣ картузъ.

— А что дадите, коли уйду? спросилъ онъ.

— Ахъ Господи, да нешто можно теперь говорить! Уйдите!

— Ну, ладно. Только приходите къ Панфилову дому за воротами сидѣть. Тамъ Панфиловы дочери сидятъ. Придете? Да, или нѣтъ?

— Да, да... Боже мой!.. Что вы за срамникъ такой!

Голова Митрофана скрылась.

Подоивъ коровъ, Акулина разсказала обо всемъ случившемся теткѣ Марьѣ. Та покачала головой, улыбнулась и сказала:

— Ахъ, какой безстыдникъ! Ну, Акулина, смотри! Тутъ дѣло не просто. Что-то не даромъ онъ около тебя ластится. Быть тебѣ послѣ Петровокъ подъ вѣнцомъ. Ужъ потѣшь его, сходи. Полно тебѣ неприступной-то быть, а то чего добраго, изведешь малаго.

— Вы, тетенька, надо статься, сами въ него влюблены, коли такъ говорите; а я, право, не знаю, что въ немъ ужъ такого и хорошаго-то есть, пробормотала Акулина, однако надѣла кофточку, покрылась платочкомъ и отправилась къ Панфилову дому.

У Панфилова дома за воротами на скамейкѣ сидѣли три

дѣвушки и грызли орѣхи. Около них, облокотясь на колѣно, помѣщался Митрофанъ и заглядывалъ имъ въ лица. Завидя подходящую Акулину, онъ тотчасъ же вскочилъ со скамейки и снявъ картузъ сказалъ:

— Честь и мѣсто! Присядьте пожалуйста! Не будьте спѣсивы.

Акулина сѣла.

— Орѣшками позабавиться не желаете ли? Прошу покорно.

Митрофанъ досталъ изъ кармана сибирки тюрюкъ съ орѣхами и подалъ его ей. Она взяла.

— Эко счастье! Господи! Акулина Павловна моимъ гостинцемъ не побрезговала.

— Какъ вамъ не стыдно насмѣшки-то творить!—вы вотъ что лучше скажите, проговорила Акулина и закусила нижнюю губу, старалась не улыбнуться...

— Господи, какія серьезныя! Акулина Павловна, осчастливьте взлядомъ, подарите улыбкой!

Митрофанъ отошелъ нѣсколько шаговъ и сталъ смотрѣть на нее въ кулакъ, изображая имъ зрительную трубку. Акулина не выдержала и засмѣялась. Митрофанъ захохоталъ въ свою очередь.

— Ну, намъ только этого и нужно, проговорилъ онъ.—Теперь насъ хоть три дня хлѣбомъ не корми, такъ мы и то сыты будемъ.

„А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ веселый парень-то, да и хорошій, кажется“, подумалось Акулинѣ.

Вѣсь этотъ вечеръ Митрофанъ провелъ съ дѣвушками, игралъ на гармоніи, пѣлъ пѣсни и даже плясалъ, показывая, какъ въ театрѣ одна актерка танцовала. Часовъ въ одинадцать онъ проводилъ Акулину домой и остановясь у воротъ спросилъ:

— Придете опять къ Панфиловымъ-то?

— Не знаю, отвѣчала Акулина, потупившись, и потомъ поднявъ на него глаза, спросила:—А вы не будете черезъ заборъ смотрѣть?

— Не буду.

— Ну такъ приду, прошептала она, улыбнулась и передъ самымъ его носомъ захлопнула калитку.

Тетка Марья уже ложилась спать, когда явилась домой Акулина.

— Вотъ васъ и знай дѣвушекъ-то, сказала она:—сначала и хулила-то человѣка, и то и се, а теперь смотрика до которыхъ поръ просидѣла. Ужъ ежели не любъ бы былъ человѣкъ, такъ небось тотчасъ бы домой прибѣжала.

— Я съ Панфиловыми сидѣла. Панфиловы не отпускали.

— Да я развѣ что говорю? Я даже рада. Парень хорошій. Кажись, присватайся онъ къ тебѣ, такъ я и руками и ногами перекрещусь.

— У васъ только и на умѣ, что свадьба!

— Ну такъ чтожъ? Это и хорошо. На него, матка, всѣ наши невѣсты зубы тачатъ... Человѣкъ хорошій.

Тетка Марья повернулась къ стѣнѣ и кончала творить молитву.

Въ эту ночь Акулинѣ снился Митрофанъ.

Прошло недѣли двѣ. Въ это время Акулина нѣсколько разъ ходила къ Панфиловымъ сидѣть за воротами. Каждый разъ тамъ бывалъ и Митрофанъ и видимо оказывалъ ей во всемъ предпочтеніе передъ другими дѣвицами: чаще чѣмъ къ другимъ обращался къ ней съ вопросами, садился всегда съ нею рядомъ, ежели пѣлъ пѣсню про „красну дѣвицу“, то ужъ навѣрное

вставлялъ туда имя „Акулина,“ а когда являлся съ гостинцами, то отдавалъ тюрюкъ именно ей и при этомъ приговаривалъ: „кралѣ писанной съ почтеніемъ въ руки.“ Акулина видѣла все это и это ей нравилось. Какъ-то разъ Акулина проговорилась при Митрофанѣ, что ей нужно сундукъ покупать. Митрофанъ тотчасъ же рѣшился сдѣлать и подарить ей сундукъ и дѣйствительно, на утро принялся за работу, а вечеромъ, когда она сидѣла у открытаго окна и шила, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы, Акулина Павловна, сундукъ этотъ самый не покупайте, потому я его вамъ дѣлаю и завтра онъ уже готовъ будетъ.

— Это еще зачѣмъ? такъ я отъ васъ и взяла! Что за глупости! Зачѣмъ это?

— Какъ зачѣмъ-съ? Приданое копить.

— Не нужно мнѣ приданое, потому я не хочу замужъ...

— Это за всегда такъ дѣвушки говорятъ. Порядокъ извѣстный.

На другой день Митрофанъ сказалъ, что сундукъ готовъ.

— Принимайте, добавилъ онъ. – Сейчасъ притащу.

— Съ чего вы это взяли? Вѣдь я сказала, что не возьму...

— Куда-жъ я то съ нимъ дѣнусь?..

— Продайте...

— Ну ужъ это старуха надвое сказала, потому я его не съ тѣми мыслями дѣлалъ. Не на продажу. Такъ не возьмете?

— Ей Богу не возьму.

Акулина перекрестилась.

— Ну такъ значитъ вышло дышло. Шабашъ! сказалъ Митрофанъ, почесывая затылокъ, отправился въ домъ и, вытащивъ оттуда сундукъ, началъ его рубить передъ окномъ Акулины, приговаривая: — Пропадай прахомъ, коли въ милыя руки не попалъ!

Случай этотъ, говоря возвышеннымъ слогомъ, разжегъ оба

сердца. „А вѣдь онъ крѣпко любитъ меня“ думалось Акулинѣ и она искала случая чаще видѣться съ нимъ. Митрофанъ, раззадориваемый неудачей или „непристуностію“, какъ онъ выражался, усугубилъ свое ухаживаніе до того, что сосѣдки окончательно рѣшили, что „послѣ Петровокъ Акулинѣ быть замужемъ за Митрофаномъ“.

Однажды вечеромъ Акулина была у себя на дворѣ и стирала у забора бѣлье.

— Акулина Павловна! раздалось надъ ней.

Она подняла голову и увидала Митрофана, перевѣсившагося черезъ заборъ. Она не смутилась.

— Господи, что за безобразіе! Опять? Хорошо же вы свое обѣщаніе соблюдаете, что черезъ заборъ лазать не будете, сказала она. — По настоящему за это васъ мокрымъ бѣльемъ бы слѣдовало...

— Чтожъ, ударьте. Отъ милыхъ ручекъ еще пріятнѣе будетъ.

Она улыбнулась.

— Не стоитъ мараться-то только. А я вотъ лучше къ Панфиловымъ перестану ходить. Слѣзайте прочь, коли не хотите, чтобъ я работу бросила.

— Не слѣзу, потому я по дѣлу... по самому что ни на-есть нужнѣйшему...

— Знаемъ мы... Опять глупости какія-нибудь. Слѣзайте, а то неравно кто увидитъ и на меня мараль понапрасну пойти можетъ.

Митрофанъ вздохнулъ.

— Ахъ, Акулина Павловна, не тотъ вы про меня сюжетъ въ своихъ мысляхъ имѣете. Ей Богу... Я человѣкъ — простыня, а вы подъ меня все съ подвохомъ...

— Вольножъ вамъ обо мнѣ такъ думать... Совсѣмъ напротивъ... Не туда попали.

— Богъ знаетъ-съ... Вы вотъ какъ-то говорили, что всѣ мужья больше на счетъ драки и наровятъ, какъ бы издѣвку надъ женой сдѣлать, а почемъ знать, можетъ есть такіе люди, которые не токма, что васъ пальцемъ тронуть, а въ божницу бы васъ поставили да и молились бы на васъ.

Акулина слегка покраснѣла и потупилась. Митрофанъ продолжалъ.

— Это вѣрно-съ. Такіе есть... Это вѣрнѣе смерти. Одинъ и теперича вотъ передъ вами на заборѣ виситъ. Акулина Павловна, выходите за меня замужъ, брякнулъ онъ вдругъ.

Акулина зардѣлась еще больше, молчала и перебирала пестрядинный передникъ.

— А ужъ какъ бы зажили-то! Какъ бы я любилъ-то васъ! Скажите одно слово: да, или нѣтъ? Ежели нѣтъ, такъ брошу все и уйду опять на верфь работать, а мать пускай сестра замужняя беретъ.

Акулина все таки молчала. Митрофанъ приставалъ.

— Господи, неужто трудно сказать: да. Завтра я бы и сватовъ заслалъ.

— Подумать нужно, проговорила наконецъ Акулина.

— Подумать... Думаютъ только индѣйскіе пѣтухи, а не ангельскія дѣвушки.

— Чтожъ дѣлать! А все таки нужно подумать.

На рѣсницахъ ея блеснули слезы.

— Когда же отвѣтомъ-то порадуете?

— Въ воскресенье. Приходите въ воскресенье на кладбище, къ обѣднѣ, прошептала она и начала его упрашивать, чтобъ онъ слѣзъ съ забора.

— Три дня, значитъ, мучаться надо, сказалъ Митрофанъ, и вздохнувъ, спустился съ забора.

Оставшись одна, Акулина заплакала, но слезы эти были не

слезы горести, не слезы радости,—это были какія-то особенныя слезы.

За ужиномъ Акулина хотя и сидѣла, но до ѣды не дотрогивалась.

— Аль не можется? спросила тетка Марья.

— Нѣтъ, такъ что-то... Голова что-то болитъ...

— Все-таки безъ ѣды невозможно. Позобли чего нибудь. Тамъ, на погребѣ, простоквашка есть. Ее поклюй...

— Не... не хочется...

— Сглазилъ кто нибудь тебя, вотъ что. Вонъ къ Панфиловымъ-то все бѣгаешь... А тѣ дѣвочки шустрыя.

— Господи, да что это вы все несообразное какое-то говорите! съ сердцемъ проговорила Акулина, выскочила изъ-за стола и начала ложиться спать.

Черезъ нѣсколько времени къ ней подошла тетка Марья и сказала:

— Натерлась бы чѣмъ или богоявленской водицы испила, что ли...

— Не нужно, и такъ пройдетъ, отвѣчала Акулина и отвернулась къ стѣнѣ.

— Дивное дѣло, все дѣвка была здорова и вдругъ что-то стряслось!.. разводила руками тетка Марья и также отправилась спать.

Акулинѣ не спалось. Она ворочалась съ боку на бокъ и все думала о Митрофанѣ. Она любила его и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась выходить за него за мужъ. То представлялся онъ ей красивымъ, ласкающимъ ее парнемъ, и хорошо было ей въ эти минуты, то видѣлся онъ ей пьянымъ, растрепаннымъ, съ спустившимися на лобъ волосами и сбирающимся ее бить. Она вздрагивала и рѣшалась отказать ему, но изображеніе улыбающагося, статнаго Митрофана снова возставало передъ ней. Уничтоженіе

сундука она истолковывала то въ дурную, то въ хорошую сторону. То казалось ей, что онъ изрубилъ сундукъ изъ любви къ ней, то изъ буйства и строптивости. „Господи, помоги мнѣ рѣшить“! молилась она и вдругъ, оставя молитву, начинала гадать, сводя другъ къ другу указательные пальцы рукъ или считала бахрому платка, загадывая, если четъ, то—да, если нечетъ, то—нѣтъ. Выходило то—да, то—нѣтъ. „Если завтра поутру первою въ стадѣ пойдетъ черная корова—то откажусь, ежели другой масти—то выду за него“, рѣшила она и начала принуждать себя заснуть, для чего читала молитвы, счита про себя до тысячи, но заснуть ей все-таки не удавалось. Митрофанъ какъ живой былъ у ней передъ глазами. „Если я за него не выду,—онъ женится на другой и что тогда“? При этой мысли ревность сжимала ея сердце. Пропѣли первые пѣтухи, пропѣли вторые, закудахтали куры, а Акулинѣ все еще не спалось. Только къ утру заснула она и проснувшись была совершенно какъ больная. Затрубилъ пастухъ, Акулина выбѣжала за ворота. Первою въ стадѣ шла красная корова. У Акулины отлегло отъ сердца. Скажу ему: да, рѣшила она и даже повеселѣла, но ненадолго,—надо было такъ случиться, что вечеромъ прибѣжала къ нимъ съ плачемъ и воемъ растрепанная и избитая какая-то Савельиха и стала просить ихъ жильца солдата идти съ ней вязать пьянаго мужа. Сердце Акулины, какъ говорится, упало. „Господи, а что, ежели и со мной тоже будетъ, что, ежели и я также буду мучиться“? задавала она себѣ вопросы и задумала отказать Митрофану, но въ субботу снова передумала и рѣшила просить его подождать мѣсяца три, четыре. „По крайности я пригляжусь къ нему и побольше его узнаю“, успокоивала она себя.

Настало воскресенье. Акулина посмотрѣла на себя въ зеркало и увидала, что за эти три дня она похудѣла. Одѣвшись въ праздничное платье, покрывшись кокетливо платочкомъ и надѣвъ

нитяныя сѣренькія перчатки, она отправилась въ церковь на кладбище. Тетка Марья осталась дома. Когда Акулина подошла къ оградѣ, у ограды стоялъ Митрофанъ. Когда она поровнялась съ нимъ, онъ поклонился ей и сказалъ:

— Ну, чѣмъ-то обрадуете?.. Я нарочно и къ Панфиловымъ не ходилъ.

— Послѣ, послѣ... Ступайте въ шестой разрядъ въ поле и ждите меня тамъ у часовни. Я постою немножко въ церкви и приду къ вамъ.

— Ладно, потолкуемъ, только что-то вы сдѣлаете: или бархатомъ по сердцу погладите, или обухомъ по лбу ударите, вздохнувъ проговорилъ онъ и, доведя ее до церкви, отправился въ шестой разрядъ.

Акулина недолго стояла въ церкви, сердце у ней билось, руки тряслись и она не могла молиться, а какъ-то безсмысленно разсматривала рисунокъ ситцеваго платья и головной платокъ съ изображеніемъ пожарной команды, надѣтые на какой-то бабѣ, стоящей впереди ея. Постоявъ съ четверть часа, Акулина перекрестилась три раза, покланилась въ землю и, вышедъ изъ церкви, направилась на мѣсто свиданія. Митрофанъ еще издали увидалъ ее, когда она только что покаоалась на мосткахъ. Замѣтивъ, что она пристально смотритъ на него, онъ началъ какъ-то гарцовать передъ ней, ежели можно такъ выразиться, хвастаться своей силою, мощностью и молодечествомъ. Увидавъ врытую въ землю деревянную тумбу, онъ выкачалъ ее и отбросилъ въ сторону, потомъ поднялъ валяющійся кирпичъ и высоко, высоко кинулъ его вверхъ. „Смотри дескать, что я за парень есть“. Говорятъ, что подобнымъ же образомъ, хвастаясь прыжками и силой, левъ старается обратить на себя вниманіе львицы, тигръ—тигрицы, а фазанъ прельщаетъ самку эволюціями и красотою своихъ перьевъ.

Акулина подошла къ Митрофану. Онъ сложилъ на груди руки и спросилъ.

— Ну что? Радоваться, или печалиться?

— Пойтемте.

Они пошли. Дорога шла въ поле, поросшее кустарникомъ. Незамѣтнымъ образомъ они вышли изъ калитки и молча шли уже по полю. Акулина начала первая.

— Митрофанъ Данилычъ, я васъ Христомъ Богомъ умоляю: подождите мѣсяца три-четыре... Я не могу вамъ сказать ни да, ни нѣтъ...

Митрофанъ потрясъ головой.

— Значитъ нашему брату конецъ! сказалъ онъ.

— Да нешто я отказываю? Подождите малость... Ну что три мѣсяца? А я, по крайности, пригляделась бы къ вамъ.

— Да что приглядываться-то! Приглядывайтесь! Весь тутъ.

— Не то... Не въ томъ дѣло, голубчикъ. Очень ужъ мнѣ не хочется съ дѣвическою-то жизнью разставаться. Теперь я вольная птица—куда хочу, туда лечу, никто меня пальцемъ не смѣетъ тронуть, никто мнѣ приказать и запретить ничего не можетъ, а тамъ какъ знать? Что будетъ? Тогда ужъ я мужнина жена...

— Да ежели я... Съ мѣста не сойти!.. Лопни глаза!.. Сейчасъ умереть"... послышались Митрофановы клятвы. Акулина, испугавшись, схватила его за рукавъ.

— Господи, что это вы себя клянете, а вдругъ какъ Богъ накажетъ! проговорила она и начала упрашивать, чтобъ онъ подождалъ рѣшительнаго отвѣта три-четыре мѣсяца.

Они подошли къ широкому и густому кусту ивы.

— Сядемте хоть, что-ли... Посидите со мной со злосчастнымъ рядкомъ.

Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и, разостлавъ на травѣ подъ кустомъ, сказалъ:

— Садитесь. Хоть часокъ съ вами на единѣ пробыть.

Акулина сѣла. Митрофанъ помѣстился съ нею рядомъ.

— Такъ значитъ, Акулина Павловна, шабашъ! Значитъ, ждать нужно и терзаться? заговорилъ онъ.—Значитъ, нашему брату теперь на верфь корабельную, опять въ работники. А вѣдь я думалъ, что вы меня любите...

Онъ замолчалъ, снялъ съ головы картузъ и началъ его мять въ рукахъ. Сердце Акулины билось, кружилась голова и почему-то подступали къ горлу слезы. Въ такомъ положеніи пробыли они съ минуту, но вдругъ Акулина бросилась къ нему на шею, обхватила его руками и съ шопотомъ: „люблю, люблю, голубчикъ, люблю, соколъ мой ясный, голубь мой сизый“, начала его цѣловать. Митрофанъ также сжалъ ее въ объятіяхъ.

Въ травѣ весело трещали кузнечики, пригрѣтые солнцемъ, въ кустахъ пѣлъ заблякъ, порхали бабочки, обгоняя другъ друга.

Митрофану и Акулинѣ также было хорошо, также было радостно.

На другой день вечеромъ, въ обычную пору, Митрофанъ подошелъ къ окну Акулины и предварительно увѣрившись, что въ комнатѣ никого, кромѣ ея, нѣтъ, сказалъ:

— Чтожъ, Акулина, порадуй отвѣтомъ. Когда-жъ сватовъ-то засылать?

— Голубчикъ, погоди... Ну, что тебѣ?.. Успѣемъ еще... Дай мнѣ къ тебѣ приглядѣться, а пока поживемъ такъ... упрашивала она его.

— Да вѣдь такъ-то, говорятъ, грѣхъ жить...

— Грѣхъ! А не грѣхъ будетъ, ежели я за тебя замужъ выду, да потомъ свою жизнь проклинать буду? Это еще грѣшнѣе.

— Странная ты какая! Другія дѣвки наровятъ какъ бы скорѣе замужъ выдти, а ты все подожди да подожди.

— Ужъ такая я уродилась особенная!

— Ну, такъ приходи къ Панфиловымъ.

— Не пойду я и къ Панфиловымъ. У насъ, слава Богу, своя скамейка за воротами есть. Поди, садись—я сейчасъ выду.

Митрофанъ отошелъ отъ окна.

— Тетенька, я за вороты выду, съ Митрофаномъ Данилычемъ посидѣть, сказала Акулина, покрываясь платочкомъ.

Тетка Марья улыбнулась.

— Ступай, голубка, ступай! Я рада, что ты съ нимъ поладила. Парень хорошій.

— Ну ужъ, пошли... У васъ только и на умѣ, что свадьба, огрызнулась Акулина, вышла за ворота и просидѣла тамъ съ Митрофаномъ весь вечеръ.

Съ этого дня, ихъ каждый вечеръ можно было видѣть вмѣстѣ за воротами и по праздникамъ въ церкви и гуляющими по кладбищу. Все это дало поводъ, разумѣется, къ толкамъ и сплетнямъ сосѣдей. Сплетничали невѣсты, потерявшія выгоднаго жениха, сплетничали матери, старающіяся выдать замужъ дочекъ. Нѣкто охтенскій пьянчушка Михѣйка хвастался даже, что его подкупали вымазать ворота Акулинина дома дегтемъ, чтобы этимъ опозорить Акулину но, онъ, Михѣйка, не соглашался это сдѣлать меньше чѣмъ за красненькую бумажку. Объ этомъ пріятели донесли Митрофану.

— Ахъ онъ мерзавецъ! Ну, нужно сдѣлать, чтобъ онъ и за красненькую не согласился, сказалъ Митрофанъ... Ужо я его подлеца!.. И черезъ день Михѣйку видѣли уже съ подбитымъ носомъ, съ подвязанной скулой и синяками подъ глазами.

Прошло лѣто и наступала осень. Съ деревьевъ падалъ желтый листъ, понеслись журавли въ далекіе теплые края. Митрофанъ каждую недѣлю спрашивалъ у Акулины! „Когда же свадьба?“ и всякій разъ получалъ отвѣтъ: „подожди... Куда торопиться?..“

— Да вѣдь сама же сказала, что только три мѣсяца ждать...

— Ну подожди еще немного, голубчикъ! упрашивала его Акулина.

— Жди, жди, а гдѣжъ мы зимой-то видѣться будемъ? Да къ тому же, вдругъ, ежели ребенокъ?..

Дѣло было вечеромъ, въ Августѣ, было темно. Она зажала ему рукою ротъ и сказала:

— Молчи насчетъ ребенка. А свадьбу—подожди.

Ежели бы не было темно, то Митрофанъ видѣлъ бы, какъ покраснѣла Акулина при словѣ ребенокъ.

Спустя дня два она объявила ему, что беременна. Митрафона это обрадовало.

— Ну такъ что же, веселымъ пиркомъ, да и за свадебку, сказалъ онъ цѣлуя ее, и получилъ въ отвѣтъ опять „погоди“.

— Ну что за радость сплетки на себя взводить, что за радость, чтобъ каждая дрянь надъ тобой насмѣхалась? Ангелъ мой, краля моя, перевѣнчаемся поскорѣе! упашивалъ ее Митрофанъ... Ужъ, кажется, знаешь, какой я человѣкъ есть?

— Завтра рѣшимъ. Завтра воскресенье,—приходи на кладбище, тамъ и покончимъ, сказала она, поцѣловала его и стремглавъ бросилась черезъ калитку на дворъ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни, на кладбищѣ въ шестомъ разрядѣ, происходила слѣдующая сцена:

— Поклянись, что меня ни бить не будешь, ни буянить, ни издѣвки творить, говорила Митрофану Акулина. —Наложи заклятіе...

— Ахъ Господи! Да вотъ лопни глаза!.. Умереть на этомъ мѣстѣ!..

Митрофанъ снялъ шапку и перекрестился на крестъ церкви.

— Голубчикъ, ты не сердись на меня за это.., Что же дѣлать?.. Я не такая вѣдь, какъ другія... Я съ измалѣтства толчка не видала, ругани, не говоря уже о побояхъ. Жила всю свою жизнь, какъ птица вольная. Сама себѣ была госпожа: куда хотѣла — туда шла, что хотѣла — то дѣлала.

Она улыбнулась, поцѣловала Митрофана и продолжала:

— А ежели же ты меня обманешь и бить будешь или ругать, — тогда прощай! Убѣгу, куда глаза глядятъ и нигдѣ ты меня не сыщешь.

— Да будетъ тебѣ, будетъ! Вѣдь ужъ положилъ зарокъ... Ты лучше скажи, когда сватовъ-то засылать? допытывался Митрофанъ.

— Когда знаешь. Засылай хоть завтра.

— Ну вотъ за это люблю дѣвку! крикнулъ Митрофанъ и въ радости кинулъ въ воздухъ свою шапку.

Веселая возвратилась Акулина домой и объявила теткѣ Марьѣ, что къ ней, т. е. къ Акулинѣ, посватался Митрофанъ и на дняхъ зашлетъ сватовъ.

Тетка Марья такъ обрадовалась, что даже прослезилась и бросилась цѣловать племянницу.

Черезъ двѣ недѣли въ воскресенье была свадьба Акулины и Митрофана. Гости перепились, нѣкоторые поколотили своихъ женъ и еще въ понедѣльникъ вечеромъ похмѣлялись по трактирамъ и кабакамъ, справляя „узенькое воскресенье“.

Передъ вѣнцомъ Акулина вывела тетку на дворъ, такъ какъ въ комнатахъ были гости, и объявила ей, что она беременна. Тетка такъ и отшатнулась.

— Кто же онъ? Кто мерзавецъ? Чтожъ ты мнѣ раньше не сказала. Я бы ему всѣ глаза выдрала...

— А я бы не дала, потому это былъ Митрофанъ. Ну-ко, кто сильнѣе? сказала Акулина.

Она протянула кулаки, улыбнулась и стала цѣловать тетку Марью.

Сыгравъ свадьбу, молодые зажили припѣваючи. Работы у Митрофана было много. Акулина по прежнему продолжала торговать молокомъ и торговала хорошо. Были у ней, правда, и легкія облачки печали, но вслѣдствіе стычекъ съ свекровью. На стычки съ нею, какъ женщиною, Акулина мало обращала вниманія. Мужъ къ ней былъ ласковъ, предупредителенъ, „не пилъ безобразно“, не буянилъ и даже не замахивался на нее. Акулина была довольна имъ. На шестомъ мѣсяцѣ послѣ свадьбы у нихъ родился сынъ. Это дало поводъ къ сплетнямъ на нѣкоторое время, но сплетни эти вскорѣ прекратились, такъ какъ болѣе благоразумныя женщины рѣшили, что „грѣхъ прикрытъ“, а слѣдовательно и толковать тутъ нечего. Ребенка окрестили и назвали Митрофаномъ. Митрофанъ — отецъ былъ такъ радъ рожденію сына, что на крестинахъ плясалъ въ присядку.

Жизнь потекла опять по старому. Акулина кормила ребенка, на день сдавала его на руки свекрови и отправлялась въ городъ съ молокомъ.

Однажды, это было послѣ рожденія сына, Митрофанъ получилъ большой заказъ на рамы для новостроющагося какого-то дома. Запивая съ подрядчикомъ въ трактирѣ литки, онъ напился и явился домой сильно пьяный. Акулина такъ и всплеснула руками, увидавъ его въ такомъ положеніи. Войдя въ домъ и не снимая ни шубы, ни шапки, онъ остановился въ дверяхъ.

— Что глядишь! Аль не узнала? проговорилъ онъ коснѣющимъ языкомъ и вперяя въ Акулину мутные, посоловѣвшіе глаза.

Та молчала. Митрофанъ сѣлъ къ столу, вынулъ изъ кармана шараваровъ задаточныя деньги и началъ ихъ раскладывать по столу, хвастаясь ими.

— Акулина Павловна, подойдите къ намъ да поцѣлуйте насъ, а мы вамъ на платьице подаримъ.

Акулина все таки молчала. Митрофанъ возвысилъ голосъ и продолжалъ:

— Чтожъ нейдешь? Али ступня-то золотая?

Въ начинающійся споръ вмѣшалась мать Митрофана.

— Чтожъ, дура, сказала она: — разрѣшись словечкомъ. Языкъ-то вѣдь не прилипъ.

— Оставьте, манька! Плюньте на нее, вставилъ Митрофанъ. Это у нихъ завсегда съ жиру такъ бываетъ. Ужь коли пьянъ будто, такъ человѣка и приголубить нельзя.

— Дуракъ! отчеканила Акулина, плюнула и ушла въ другую комнату, хлопнувъ за собою дверью.

— Рысь показываетъ! Ну, да пущай! Прочванится, мигая на дверь, сказалъ Митрофанъ.

Мать начала его разжигать.

— Нѣтъ, не прочванится, не таковская баба, говорила она.—Это идолъ какой-то. А все отчего? Оттого, что не учишь. Поблажку даешь... Не стоитъ она и подарка-то, что ты ей сулилъ, потому сама никому ни на грошъ не даритъ. Даве прибѣжала изъ города—сейчасъ теткѣ Марьѣ фунтъ кофею, а мнѣ за то, что я съ ейнымъ ребенкомъ нянчусь, хоть бы плюнула когда нибудь.

— Ну ужъ это не ваше дѣло...

— Нѣтъ, не мое, а твое, потому ее учить надо. Вотъ оттого-то она и плюетъ на тебя, да еще погоди, и каверзы натворитъ... Да и стоитъ, потому какой-ты мужъ, коли женѣ къ себѣ подойти приказать не можешь? Не мужъ ты, а полѣно...

— Кто, я полѣно? Нѣтъ, врешь, манька, врешь! возвысилъ Митрофанъ голосъ и стукнулъ по столу кулакомъ.

Изъ кармана появилась осьмушка водки. Митрофанъ выпилъ ее изъ горлышка залпомъ и спустя минутъ пять крикнулъ:

— Акулина, поди сюда!

Отклика не было. Онъ повторилъ. То же самое.

— Иди же сюда, стерва, коли тебѣ говорятъ! заоралъ онъ во все горло и, шатаясь, направился въ комнату, гдѣ была Акулина. Послышалась брань, пронзительный крикъ, ударъ по щекѣ и что-то тяжелое рухнулось на полъ.

— Дуракъ! дуракъ! Вѣдь ты ее испортишь, баба ребенка кормитъ, завопила опомнившаяся Митрофанова мать, но было уже поздно... Акулина получила первые побои.

На утро, какъ только опомнился Митрофанъ, первымъ его дѣломъ было просить у жены прощенія. Онъ обнималъ ее, цѣловалъ, но она отталкивала его и молчала.

— Эпитемію какую хочешь на себя наложу, при попѣ зарокъ дамъ капли въ ротъ вина не брать, говорилъ онъ, но тщетно: Акулина не отвѣчала ни слова.

Два дня она тосковала, не пила, не ѣла, не ходила въ городъ, не могла даже ребенка кормить грудью, то и дѣло плакала. На третій день поутру она подошла къ мужу и сказала:

— Митрофанъ Данилычъ, коли ты меня хоть крошечку любишь и хочешь, чтобъ я жива была, отдай мнѣ ребенка и отпусти меня жить къ тетенькѣ Марьѣ.

Мужъ выпучилъ глаза.

— То есть какъ это я понимать долженъ?

— Очень просто: я не хочу съ тобой жить, а хочу жить по прежнему съ теткой...

— Ни за что на свѣтѣ! заговорилъ мужъ и даже заплакалъ.

Весь день онъ ее упрашивалъ успокоиться и остаться; въ отвѣтъ Акулина не проронила ни одного словечка, а на слѣдующеее утро опять повторила свою просьбу отпустить ее къ теткѣ.

Митрофанъ начиналъ сердиться.

— Нѣтъ, этого ни въ жизнь не будетъ! Что ты хочешь, сказалъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ надо мной послѣднiй мальчишка смѣялся? Да меня вся Охта засмѣетъ. Ишь дурь какая въ голову запала! Гдѣ это видано? Или ужъ земля-то иначе вертѣться стала. Не бывать этому! закончилъ онъ и въ волненiи сталъ ходить по комнатѣ.

— Это конецъ твоихъ рѣчей будетъ? Послѣднее слово? спросила Акулина.

— Послѣднее... отвѣчалъ онъ.

— Ну жалко... чуть слышно промолвила она, склонила на бокъ голову и, зарыдавъ, вышла изъ комнаты.

Къ вечеру Акулина пропала. Ее начали искать. Митрофанъ въ слезахъ бѣгалъ по сосѣдямъ и спрашивалъ у нихъ объ ней. Съ ревомъ бѣгала и тетка Марья, слезилась и свекровь. У всѣхъ переспросили, обыскали всѣ закоулки въ домѣ и наконецъ вспомнили о сѣновалѣ. Митрофанъ перекрестился, полѣзъ на сѣновалъ и онъ остолбенѣлъ отъ ужаса. Въ углу на веревкѣ, привязанной къ балкѣ, висѣла уже съ почернѣлымъ лицомъ Акулина. Бѣдная женщина удавилась.

VI.

ПАРИКМАРХЕРСКИЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Относительно своего отца Гришутка зналъ только одно, что онъ лежитъ на Волковомъ кладбищѣ, что надъ нимъ стоитъ покрившiйся зеленый деревянный крестъ съ врѣзаннымъ въ него

мѣднымъ складнемъ и что на крестѣ есть надпись, гласящая слѣдующее: „подъ симъ мѣстомъ лежитъ тѣло отставнаго рядоваго Степана Савельева послѣдовавшее 7-го Марта 1855 года. Уповай въ свиданіе тамъ“. Когда Гришутка съ матерью бывалъ на могилѣ отца, каждый разъ надпись эту по просьбѣ матери прочитывалъ какой-нибудь проходящій грамотный мастеровой или писарь. Мать, обыкновенно, слезилась, заставляла Гришутку молиться, выпивалала косушку водки и, съ причитаніями, минутъ пять валялась по могилѣ.

Дѣтство свое Гришутка провелъ на дворѣ одного каменнаго дома въ Ямской, гдѣ они жили съ матерью въ углу, въ подвалѣ и откуда та „ходила поломойничать“ и „стирать въ люди“. Занятія Гришутки ежедневно состояли въ гоняніи съ помойной ямы кошекъ, дѣланіи самострѣловъ изъ старыхъ бочечныхъ обручей и бѣганіи въ кабакъ за водкой для сосѣднихъ мастеровыхъ. Въ награду за послѣдній трудъ Гришутка получалъ обыкновенно копѣйку на пряники, а иногда и просто „встряску“ за то, что здорово живешь. Правда, началъ было его учить грамотѣ живущій съ ними на квартирѣ солдатъ, но дойдя до многосложныхъ словъ „преподобіе, богоявленіе“, вырвалъ у него изъ головы клокъ волосъ, съ добрый кавалерійскій усъ, и бросилъ ученье.

Когда Гришуткѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ и когда вышесказанныя „встряски“, расточаемыя ему мастеровыми, начали въ обильномъ количествѣ расточаться за разныя „безобразія“ дворниками, водовозам и ижильцами каменнаго дома, мать начала поговаривать, что Гришутку пора отдать въ ученье. Необходимость отдачи въ ученье усиливалась еще тѣмъ, что Гриштку перестали пускать съ матерью въ женскія бани. „Эво, какой жеребецъ выросъ, а ты его съ собой по банямъ водишь“, говорили моющіяся женщины.

— Да вѣдь онъ, родныя, еще младенецъ. Гдѣ ему?. слезливо говорила мать и при этомъ сознавала потребность отдачи въ ученье.

Хотя Гришутку и началъ брать съ собою въ мужскую баню живущій съ ними жилецъ-солдатъ и вопросъ объ ученьи на время замолкъ, но черезъ годъ онъ снова возобновился, такъ какъ Гришутка совершилъ неподобающую дерзость, а именно: свернулъ чьему-то цыпленку голову и, ощипавъ его, изжарилъ на заднемъ дворѣ на кирпичахъ. Случай этотъ возмутилъ весь дворъ.

— Тащи его къ регенту церковному, пусть пѣвческому ремеслу пріучается! кричалъ размахивая руками солдатъ.

— Волоки въ сапожники. Тамъ у него дурь-то выбьютъ! ревѣли дворники.

— Въ портные его! Портные хоть и пьяницы, а все кусокъ хлѣба!

— Ня фабрику веди, въ шпульники! Тамъ сейчасъ съ четвертака въ день начнетъ... По крайности деньги... визжали женшины.

— Къ регенту не води! Онъ Иванихину племяннику камертономъ темя пробилъ, слышался чей-то голосъ.

— На то наука, а за всякимъ тычкомъ не угонишься, басилъ солдатъ.

— Толкнися въ цирюльнику, рядомъ. Рукомесло хорошее, оттуда и въ лакеи и во что хошь годится, потому завсегда съ господами... подалъ совѣтъ какой-то живущій безъ мѣста поваръ.

Послѣ нѣкотораго обдумыванья, мать рѣшила отдать Гришутку въ цирюльники, для чего въ одно воскресенье предварительно сводила его къ ранней обѣднѣ, поставила свѣчку угодникамъ Козьмѣ и Демьяну и приложила къ образамъ. Совершивъ все это, она отправилась съ нимъ въ цирюльню.

Парикмахеръ Доримедонтовъ только еще возсталъ отъ сна, но былъ уже во фракѣ и въ клѣтчатыхъ брюкахъ, у которыхъ оставалась только одна единственная пуговица на поясѣ. Онъ сидѣлъ у стола за стаканомъ кофею и выпрашивалъ у жены восемь копѣекъ на похмѣлье. Та не давала и „костила" его возгласами въ родѣ: „мерзавецъ, пьяница и безстыжіе твои глаза." Сцена эта длилась съ полчаса. Наконецъ Доримедонтовъ, потерявъ терпѣніе, вскочилъ съ мѣста, подобно тигру, бросающемуся на добычу, бросился къ комоду, схватилъ лежащій на немъ женинъ платокъ и, съ словомъ „такъ ладно же", выбѣжалъ изъ комнаты къ кухню, намѣреваясь оттуда пробраться на дворъ, а тамъ въ кабакъ, но въ кухнѣ наткнулся на Гришутку и его мать, которая, поклонившись въ поясъ, сунула ему въ руки полуштофъ какой-то красной водки, который она захватила съ собой для задобриванія парикмахера, такъ какъ сосѣди очень много наговорили ей объ „малодушествѣ этого самого парикмахера къ этому самому вину". Парикмахеръ не только остановился, но даже остолбенѣлъ, почувствовавъ въ рукахъ своихъ полуштофъ, до того остолбенѣлъ, что не замѣтилъ даже, какъ настигнувшая его жена вырвала у него платокъ и привскокнувъ ударила по щекѣ. Парикмахеръ инстинктивно спряталъ полуштофъ въ боковой карманъ фрака и, оправившись, спросилъ Гришутку и ея мать: что они за люди?

— Сосѣди, батюшка, поломойствомъ занимаемся... Не побрезгай нашей хлѣбомъ-солью. Да вотъ не возмешь ли паренька въ ученье. Сыночикъ онъ мнѣ будетъ, заговорила Гришуткина мать, закланялась и толкнула сына въ загорбокъ, то-есть—кланяйся.

Парикмахеръ приободрился, даже подбоченился.

— Парикмахерскому ремеслу?. Есть, правда, у насъ мальчишка, да можно другаго взять, важно сказалъ онъ и спросилъ:—

ну а много ли ты за него можешь дать? Тридцать рублей можешь?..

— Откуда, батюшка? Какіе у насъ достатки! Четвертакъ въ день заработаешь, такъ, и ладно!

— Ну двадцать?

— Возьми, родимый, такъ за дарма.

— Ну, нѣтъ, за дарма-то нынче даже и не сѣкутъ человѣка, а для того, чтобъ изъ него всю эту дрянь вышибить, нужно, почитай, цѣлый возъ розогъ. Ты справься на пожарномъ-то дворѣ: почемъ нынче?

— Да онъ парнишка шустрый; онъ и безъ порки привыкнетъ.

— Ужъ это мы знаемъ, привыкнетъ-ли! Не больно что-то они безъ этого привыкаютъ, отвѣтилъ парикмахеръ.

— Возьми, родимый, за дарма, а я, значитъ, тебѣ по своему рукомеслу хоть десять стирокъ за него отстираю, проговорила женщина, повалилась въ ноги и потащила за собой Гришутку.

— Эхъ, глупая ты, я вижу, баба! сказалъ парикмахеръ и, придерживая рукой полуштофъ, спрятанный въ карманѣ, подошелъ къ женѣ для совѣта.

— Чтожъ, возьми. Одного подмастерья откажемъ. Все барышъ... А она намъ по крайности пятнадцать стирокъ отстираетъ, шепнула жена.

— Да вѣдь какъ же такъ, зря-то? Даромъ, значитъ? недоумѣвалъ парикмахеръ.

— Дубина! Кто тебѣ паршивцу и пьяницѣ деньги дастъ? Гдѣ дураковъ-то найдешь? прошипѣла жена ему прямо въ ухо.

Парикмахеръ колебался. Ему жалко было разстаться съ полуштофомъ; въ настоящее время онъ ему былъ дороже денегъ. Гришуткина же мать не могла внести за сына ничего кромѣ

своего труда, и откажи онъ ей въ пріемѣ сына, она потребовала бы полуштофъ обратно.

Парикмахеръ началъ сдаваться и сказалъ женѣ:

— Да вѣдь его поить, кормить и одѣвать нужно. А у этихъ самыхъ мальчишекъ такія бездонныя утробы, что въ нихъ что хочешь пихай—все мало.

— Ну ужъ молчи! Закрой пропасть-то свою поганую, а то изъ нея, какъ изъ помойной ямы, несетъ! оборвала его жена, толкнула въ грудь и, подойдя къ Гришуткиной матери, спросила: — Ну а какая у него одежа есть?

— Да вотъ что на немъ... Потому мы по бѣдности.

Парикмахерша взглянула на Гришутку. Тотъ былъ въ ватной кацавейкѣ, валенкахъ и держалъ въ рукахъ кавалергардскую фуражку, подаренную ему какимъ-то деньщикомъ.

— Вишь вы какъ объ своихъ-то дѣтищахъ заботитесь, сказала она.—Сертукъ надо...

— Взять негдѣ, родная, хоть въ петлю полѣзай, и взять негдѣ.

— Ну ужъ оставляй его, Богъ съ тобой! А завтра приходи стирку стирать.

Гришуткина мать повалилась въ ноги и, вставъ, погладила по головѣ сына и сказала:

— Ну, Гришутка, смотри—люби и слушайся хозяина.

— Ну это невсегда слѣдуетъ. Коли за водкой посылать будетъ, такъ не слушайся, а приди и спроси прежде меня, вставила снова парикмахерша.

Гришутка поступилъ въ науку, но за эту науку его мать должна была отстирать не десять и не пятнадцать стирокъ, а стирала цѣлый годъ. Какъ только она хотѣла отказаться отъ стирки, ей сейчасъ-же говорили, чтобъ она брала прочь Гришутку,—и женщина покорялась.

Парикмахерская, куда поступилъ Гришутка, находилась въ подвальномъ этажѣ каменнаго дома въ Ямской, за Мясными рядами. Хотя на вывѣскѣ и стояло: „залъ для стрижки и завивки волосъ", но зала никакого не было, а была трехсаженная конура съ двумя загаженными мухами зеркалами, имѣвшими особенность такъ отражать физіономіи, что и сами владѣльцы оныхъ отказывались признать ихъ за свои собственныя. На входныхъ дверяхъ были также прибиты вывѣски: на одной сторонѣ былъ изображенъ мужчина въ бѣломъ галстукѣ съ взбитымъ хохломъ, на другомъ сидящая на стулѣ невѣста въ брачномъ вуалѣ, изъ протянутой руки которой фонтаномъ била кровь въ тарелку, поддерживаемую мальчишкой въ желтыхъ брюкахъ и зеленомъ фракѣ. Надъ головами невѣсты и жениха, т. е. мужчины въ бѣломъ галстукѣ, были изображены: банка съ піявками, оселокъ съ лежащей на немъ бритвой и какіе-то громадные клещи. Внизу гласила подпись: „дергаютъ зубы и кровь пущаютъ". Послѣдняя отрасль, т. е. „дерганіе" и „пущаніе", только и поддерживала парикмахерскую, которую, впрочемъ, никто не называлъ парикмахерскою, а просто цирульнею. Этимъ отраслямъ не много помогало бритье или стрижка, что-же касается до завивки, то послѣдняя случалась даже не каждый день, а только по большимъ праздникамъ, когда купеческіе сынки забѣгали „подвить вихры". Разъ какъ-то хозяина цирульни позвали куда-то „убирать голову" и случай этотъ сейчасъ-же былъ извѣстенъ во всемъ околодкѣ. Отправляясь на практику и захватя съ собой мальчишку и всѣ нужные инструменты, хозяинъ предварительно забѣжалъ въ мелочную лавочку, въ табачную, въ лабазъ и даже въ кабакъ и вездѣ сообщилъ объ этомъ небываломъ происшествіи. Владѣльцы вышесказанныхъ заведеній отнеслись къ сообщаемому факту довольно сочувственно, а цѣловальникъ даже прибавилъ:

— Что-жъ, долбани осьмушечку для вѣрности руки...

Но хозяинъ отказался: онъ хотѣлъ совершить свое дѣло хорошо и въ трезвомъ видѣ. Совершилъ ли онъ его хорошо— неизвѣстно, но потомъ долго всѣмъ и каждому разсказывалъ, что поставилъ онъ „эдакую пирамиду на самое темя, а по вискамъ крендели пустилъ, въ видѣ эдакихъ собачьихъ ушей. Точь въ точь, какъ у польскихъ собакъ. Взглянула въ зеркало, ахнула и ну благодарить“.

На другой день поутру, послѣ поступленія на мѣсто, Гришутка началъ свою парикмахерскую науку. Проспавшійся, протрезвившійся хозяинъ рѣшилъ, что Гришутку прежде всего нужно преобразить, для чего тотчасъ же велѣлъ ему сбросить ватную кацавейку и облекъ въ свой старый фракъ, предварительно обрѣзавъ у него рукава и фалды. Мимоходомъ скажемъ, что фракъ этотъ, до сего времени валявшійся подъ брачнымъ ложемъ парикмахерской четы Доримедонтовыхъ, имѣлъ ту особенность, что невозможно было съ точностію опредѣлить, чего на немъ было больше: дыръ или пятенъ. Относительно же стоимости его скажемъ, что годъ тому назадъ татаринъ, торгующій старымъ платьемъ, съ охотою давалъ за него четвертакъ, но не болѣе. Въ вышесказанномъ нарядѣ, то есть въ импровизованной курткѣ, Гришутка былъ выпущенъ въ пріемный залъ, гдѣ приказано ему было снимать и подавать посѣтителямъ шубы. Гришутка исполнялъ свою обязанность съ охотою и рвеніемъ и пріучался къ ремеслу, т. е. подавалъ горячую воду для бритья, спичку, ежели посѣтителю вздумается покурить, и слушалъ, какъ скребутъ бритвы объ бороды, какъ вздыхаетъ брѣемая особа и какъ звенятъ ножницы. Посѣтителями поутру большею частію были прикащики, бѣжавшіе въ лавки и зашедшіе побриться, мелкіе чиновники, лакеи отъ имѣющихся близъ кухмистеровъ, „пріуготовляющихъ свадебные столы съ офиціантами,“ и солдаты. Солдаты обыкновенно заходили, останавливались въ дверяхъ и спрашивали:

— А что, почемъ рыло скоблите?

— Съ кого пять,—съ тебя четыре. Садись! отвѣчалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не рука! Ежели за двѣ копѣйки мальчишкѣ прикажете выскоблить, такъ—такъ.

— Эхъ, служба, полно скупиться. Давай три копѣйки. Вѣдь на копѣйку мыла пойдетъ.

— Ну вотъ, заговаривай зубы!

— Садись, садись, хоть на четвертную квасу съ тебя выручить!

— Скупишься! Гдѣ солдату взять? Солдату взять негдѣ... говорилъ солдатъ и опускался въ кресло.

Приходили и купцы въ лисьихъ шубахъ, со вздохомъ садились и говорили:

— Вихры манехонько подравнять-бы. Правда, сожительница надѣвала на меня горшокъ и по горшку ровняла, да безъ подубритія, а мнѣ чтобы затылокъ подбрить малость.

Днемъ посѣтителей совсѣмъ не было; развѣ забѣгалъ какой нибудь мѣщанинъ и говорилъ:

— Пришлите кого нибудь въ нѣмецкія бани. Кровь наружу просится, такъ мнѣ бы пять-шесть банокъ на брюхо накинуть...

Послѣ чего мѣщанинъ давалъ двугривенный задатку и опять уходилъ. Къ вечеру опять показывались прикащики, шедшіе изъ лавокъ, или чиновники изъ департамента.

Въ сниманіи шубъ и т. п., но еще не допускаясь до парикмахерскихъ работъ, провелъ Гришутка мѣсяцъ, послѣ котораго, въ одинъ прекрасный день, хозяинъ, обратясь къ нему, сказалъ:

— Ну, паршивецъ, пора тебѣ и брить пріучаться. Снимай штаны.

Гришутка заревѣлъ. Ему вообразилось, что его будутъ драть и воображенію представилась цѣлая груда розогъ.

— Простите, Иванъ Филипычъ! Ей Богу не буду! завизжалъ онъ и упалъ хозяину въ ноги.

Хозяинъ пихнулъ его въ бокъ ногой.

— Дуракъ, вставай! Нешто я тебя драть буду? Я тебя брить учить буду. Снимай штаны!

Гришутка недовѣрчиво спустилъ штаны. Его товарищъ, другой мальчишка, стоялъ въ углу и фыркалъ въ кулакъ.

— Садись и подыми колѣнку, сказалъ хозяинъ.

Гришутка сдѣлалъ все требуемое.

— Ну теперь мыль колѣнку и потомъ брѣй ее. Вотъ тебѣ бритву! Да смотри, брѣй гладко и не задѣнь, а задѣнешь, такъ тебѣ же будетъ больно.

Такъ пріучался Гришутка къ бритью. Въ послѣдствіи, когда уже онъ достаточно наторѣлъ брить колѣнку, хозяинъ началъ его посылать на пожарный дворъ, на даровую практику, гдѣ онъ и скоблилъ подбородки пожарныхъ и разсыльныхъ солдатъ.

Къ стрижкѣ и завивкѣ Гришутка пріучался слѣдующимъ образомъ: такъ какъ ихъ, мальчишекъ, было двое, то они поперемѣнно, то одинъ, то другой, стригли и завивали другъ друга или затаскивали для этой операціи различныхъ мальчишекъ со двора. Хозяинъ или подмастерье обыкновенно наблюдали за этими операціями и командовали: локти свободнѣе, гребенку круче, ножницы свончѣе!

Черезъ годъ Гришутка почти постигъ науку. Ловко правилъ бритвы, ловко брилъ и когда въ мастерской бывалъ одинъ, то бойко и звонко выкрикивалъ къ посѣтителю хозяина или подмастерье пронзительнымъ возгласомъ: „въ залъ!“ или „господину стричься“! Одно только ему не удавалось—не было бѣглости въ пальцахъ при стрижкѣ, но эта бѣглость, этотъ парикмахерскій

шикъ, заключающійся въ бойкомъ и равномѣрномъ постукиваніи ножницами, по увѣренію самихъ парикмахеровъ, достается только долголѣтнимъ опытомъ. Видя такіе успѣхи въ своемъ ученикѣ, хозяинъ началъ посылать его въ ближайшія четвертныя бани, гдѣ сидѣли раздѣвающіеся и одѣвающіеся; тамъ онъ предлагалъ имъ свое искуство, звонко выкрикивая: „постричь, побрить, усъ поправить, молодцомъ во всю стать поставить"! Случалось, особливо въ субботніе дни, что послѣ такой визитаціи онъ приносилъ хозяину даже цѣлковый, разумѣется утаивъ гривенникъ или пятиалтынный на свои собственныя нужды. Хотя хозяинъ, обыкновенно, и обыскивалъ его, но деньги никогда не находились, такъ какъ прятались въ самыя сокровеннѣйшія мѣста.

Хозяинъ былъ доволенъ Гришуткой, хвалилъ его и за провинности дралъ рѣдко, а большею частью обходился подзатыльниками, тасками и тому подобными наказаніями, не отнимающими много времени.

Гришутка прожилъ у хозяина пять лѣтъ, на верхней губѣ у него началъ пробиваться усъ. „Нужно жалованье просить", рѣшилъ онъ и съ этимъ приступилъ къ хозяину. Тотъ посулилъ три цѣлковыхъ. Гришуткѣ этого было мало; онъ началъ искать новаго мѣста и наконецъ нашелъ на Разъѣзжей улицѣ.

Вторая парикмахерская, куда поступилъ Гришутка, превратившійся уже въ Григорія, хотя и называлась также „заломъ", хотя и не походила также на залъ, но за то была довольно чистая просторная комната. Хотя на вывѣскѣ и не было изображенія невѣсты, пускающей себѣ кровь, но за то на окнѣ стояла кукла, невѣста въ парикѣ, съ роскошно взбитою прическою и для чего-то свернутою на бокъ головою. Подмастерья въ этой парикмахерской были франты, щеголяли клѣтчатыми брюками,

цвѣтнымъ галстукомъ и ярко вычищенными мѣдными часовыми цѣпочками. Отъ нихъ Григорій позаимствовался лоскомъ, шикомъ и скоро перещеголялъ ихъ даже и въ франтовствѣ, такъ какъ постоянные посѣтители, большею частію купеческіе сынки и прикащики изъ Гостинаго двора, любили его за то, что онъ умѣлъ „потрафлять ихъ нраву", и щедро давали ему на чай.

И въ самомъ дѣлѣ Григорій умѣлъ потрафлять каждому посѣтителю. Во время парикмахерской операціи, онъ всегда разсказывалъ какой нибудь анекдотъ, случай или происшествіе, и всегда разказывалъ кстати и по вкусу посѣтителя. Нѣкоторые купеческіе сынки до того его полюбили, что даже повѣряли ему тайны своихъ ловеласовскихъ похожденій.

Придетъ, напримѣръ, въ воскресенье передъ обѣдней побриться и „поправить" волосы какой нибудь купчикъ. Григорій тотчасъ же спѣшитъ къ нему съ пеньюаромъ, усаживаетъ въ кресло и начинаетъ сообщать новости.

— Петръ Иванычъ сейчасъ были и завивались. Разсказывали, что въ пятницу у Болдарева на свадьбѣ пировали и тридцать рублей на четъ и нечетъ выиграли.

— Ему всегда счастье.

— Богъ знаетъ-съ! Вотъ насчетъ женскаго полу — такъ что-то несчастье... Сегодня опять жаловались. Юнкеръ что-ли какой подвернулся. Пудры положить прикажете?

— Клади, да прежде обмой одеколономъ...

— Ужъ безъ этого невозможно. Такъ сдѣлаемъ, что съ тѣмъ возьмите, годъ носите и починка даромъ, остритъ Григорій и немного спустя начинаетъ: — Василій Кузьмичъ, а я товаръ новый открылъ.

— Врешь?!

— Ей Богу-съ. Важныя дѣвочки. Третьяго дня къ намъ шиньоны завивать приносили. Я вчера завилъ и обратно имъ отнесъ.

— Гдѣ же живутъ?

— Здѣсь, не далеко, въ Поварскомъ...

— И хороши?

— Увидите, такъ не разстанетесь. Отдай все серебро и мѣдныя!

— Брюнетки или блондинки?

— И то, и другое. Одна блондинка, а другая брюнетка— какъ есть вороново крыло. На содержаніи. Душеньки у нихъ изъ гусарскаго званія.

— Гриша, другъ, смаклери, встрепенувшись, восклицаетъ купчикъ.

— Позвольте-съ, ухо обожгу. Сидите смирнѣе. Отчего-же не смаклерить? Смаклерю. Мнѣ ихъ не въ прокъ солить.

Результатомъ сообщенія такой новости бывало, обыкновенно, полученіе на чай полтинника, а иногда за завивку отдавался купчикомъ и рубль безъ требованія сдачи. Григорій также ходилъ брить и на домъ, къ отставнымъ военнымъ, къ чиновникамъ. Ежели лицо это было серьезное, то Григорій и тутъ находился. Онъ разсказывалъ городскія происшествія, про убійство, про грабежи, про какого-нибудь арестанта, „повинившагося въ загубленіи тридцати трехъ душъ", про сундукъ съ жабами и лягушками, найденный въ Новгородской губерніи при рытьѣ колодезя. При этомъ сообщалось, что въ сундукѣ была записка, изъ которой было узнано, что жабы эти зарыты еще царемъ Иродомъ и, по вынутіи, оказались живыми и т. п. Правда, что Григорій большею частью сочинялъ эти разсказы, но разсказы эти нравились слушателямъ. Одинъ отставной маіоръ до того полюбилъ Григорія, что однажды, когда тотъ принесъ ему въ даръ гдѣ-то пріобрѣтенную фотографію самаго скоромнаго содержанія, воскликнулъ:

— Ну, Григорій, ищи себѣ невѣсту и женись, а я тебѣ дамъ триста рублей на открытіе заведенія.

Григорій началъ думать объ открытіи своего заведенія. Помочь ему обѣщались и знакомые купеческіе сынки, нашелъ онъ себѣ и невѣсту, довольно миловидную мастерицу, работавшую въ ихъ же домѣ въ швейномъ магазинѣ, но случилось одно обстоятельство, которое совершенно перевернуло его мысли и намѣренія.

Однажды на святкахъ хозяинъ далъ ему адресъ и велѣлъ идти „убирать голову“. Въ адресѣ стояло: „вдова купчиха Баловалова, по залихватской улицѣ, въ собственномъ домѣ“. Григорій отправился. Вдова оказалась женщиной уже не первой молодости, но женщиной здоровой и жаждущей житейскихъ наслажденій. Григорій, „убравъ ей голову“, съ улыбочкой вернулся домой и принесъ купчихинъ шиньонъ для завивки и десятирублевую бумажку, данную ему на чай, вслѣдствіе чего въ эту ночь ему спалось плохо. Онъ ворочался съ боку на бокъ и про себя говорилъ:

— Стой, братъ! Стой! Мы до тебя доберемся. Ты баба-то благонадежная и обстоятельная!

На другой день вечеромъ онъ понесъ ко вдовѣ шиньонъ, воротился оттуда ночью и съ золотымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ. Хозяинъ, какъ водится, обругалъ его, но Григорій, къ удивленію прочихъ подмастерьевъ, началъ огрызаться. Ношенія шиньоновъ ко вдовѣ съ каждой недѣлей все учащались и учащались и по мѣрѣ учащенія ихъ у Григорія появлялись— то золотая цѣпочка, то часы, то булавка съ брилліантикомъ, то запонки.

— Эко счастье нашему Григорію привалило! толковали его товарищи. — Вѣдь это лучше, чѣмъ свою парикмахерскую открыть. Деньжищъ куры не клюютъ. Вчера открылъ бумажникъ, такъ тамъ рублей сто, ежели не больше. Лафа! Просто лафа!

Григорій началъ кутить, а хозяинъ—ругаться. Разъ дѣло

чуть не дошло до драки и кончилось тѣмъ, что Григорій сказалъ хозяину:

— Черти тебя дери съ твоимъ и мѣстомъ-то! Плевать я на него хотѣлъ! Давай расчетъ и вычитай себѣ рубль на чай! Мнѣ купчиха Баловалова даетъ у себя въ домѣ такую квартиру, какая тебѣ и во снѣ не снилась. По крайности бариномъ жить буду.

Получивъ расчетъ и накинувъ шубу, Григорій ушелъ къ Баловаловой, гдѣ и поселился.

Прошелъ мѣсяцъ со времени ухода Григорія изъ парикмахерской. Товарищи подмастерьи перестали уже объ немъ толковать и начали забывать, такъ какъ его нигдѣ уже не было видно, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный воскресный день къ парикмахерской подъѣхали лихачскіе сани съ великолѣпнымъ рысакомъ и медвѣжьею полостью. Изъ саней вышелъ Григорій, крикнулъ лихачу: „обороти назадъ“ и вошелъ въ парикмахерскую.

— Здорово, ребята! сказалъ онъ входя, бросилъ на стулъ бобровую шапку и разстегнувъ пальто на собольихъ лапкахъ, крикнулъ: — Мальчикъ, бери шубу!

Мальчикъ подбѣжалъ и началъ снимать шубу.

Григорій далъ ему по затылку. Тотъ заплакалъ.

— Не реви, поросенокъ. Обижу и награжу! На̀, на пряники!

Три пятиалтынныхъ были брошены на полъ.

— Ну какъ дѣла, Гриша? Какъ живешь? обступили его подмастерьи.

— Григорій Степанычъ, а не Гриша! поправилъ Григорій, растолкалъ бывшихъ товарищей и сѣвъ въ кресло передъ зеркаломъ, крикнулъ: побриться и завиться, да скорѣе! Полтину на чай?

Началось бритье, а потомъ завивка. Григорій сидѣлъ и ло-

мался, разъ пять нарочно тушилъ папиросу и требовалъ огня и наконецъ приказалъ мальчику выдти на улицу и взять изъ саней бутылку шампанскаго.

Мальчикъ принесъ. Григорій велѣлъ откупорить бутылку, налить въ стаканъ и когда все было исполнено, началъ прихлебывать изъ стакана, то и дѣло отдавая приказанія въ родѣ слѣдующихъ: „на вискахъ покрѣпче завивай, на усы брильянтину и гонгруазъ положи!“

Прежніе товарищи по ремеслу смотрѣли на него въ недоумѣніи. Григорію должно быть сдѣлалось стыдно за свое поведеніе, потому что къ концу онъ не выдержалъ своей роли и спросилъ:

— Ну какъ поживаетъ мой прежній хозяинъ?

Подмастерьи пріободрились и снова начали обступать Григорія.

— Да ничего, слава Богу, живетъ. Теперь на бѣгъ уѣхалъ. Тройки сегодня гоняются, такъ ихъ посмотрѣть, заговорили они всѣ вдругъ.

— Ишь старый песъ, — издыхать пора, а онъ тройки смотрѣть.

— Ну какъ живешь, Григорій Степанычъ? Какъ дѣла? Ишь, разбогатѣлъ, такъ и зазнался. А ужъ мы думали, живъ ли ты? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Живъ. Что мнѣ дѣлается! А живу какъ у Христа за пазухой. Вдова моя меня такъ любитъ, что кажись зашиби я палецъ, такъ ей больно будетъ.

— Чтожъ ты теперь дѣлаешь?

— Да ничего—проклажаюсь. Иногда ей голову чешу, шиньонъ завиваю и за все за это мнѣ идетъ квартира, освѣщеніе, отопленіе, одежа, пища и сто рублей мѣсячнаго положенія.

— Ахъ жидъ тя задави! Вотъ счастье-то!

— Это еще что! Обѣщала мнѣ домъ подарить на Петергофской дорогѣ, ежели я только пить не буду.

— Такъ брось, вѣдь ты не врагъ своему счастью...

— Ладно, подаритъ и такъ! похвастался Григорій и когда завивка кончилась, послалъ мальчишку за двумя бутылками хересу и тутъ же распоилъ ихъ бывшимъ товарищамъ.

Уходя, онъ простился и сказалъ:

— Кланяйтесь хозяину. Григорій Степанычъ не поклонъ завозилъ и велѣлъ сказать, коли молъ вы прогорать будете, такъ онъ не только что все ваше заведеніе, но и васъ самихъ купитъ. Эхъ гуляй! Намъ деньги ни почемъ! раздался его возгласъ.

Черезъ пять минутъ рысакъ мчалъ Григорія по Невскому проспекту.

VII.

БУКИНИСТЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Такъ и блестятъ зеркальныя стекла магазиновъ гостинаго двора. На окнахъ то въ симметрію, то въ живописномъ безпорядкѣ развѣшены и разложены товары. За стеклами стоятъ завитые франты-прикащики съ англійскими надушеными бакенбардами, съ закрученными и острыми, какъ шпильки, усами, съ тщательно расчесанными бородами и фатовскими, но почему-то называемыми англійскими, проборами на затылкѣ. По галлереѣ проходятъ разряженныя барыни съ лакеями и безъ лакеевъ, съ собачонками на шнуркѣ и съ собачонками на рукахъ, проходятъ бѣглымъ шагомъ артельщики, пробѣгаютъ за покупками дѣвушки-магазейщицы, прогуливаются шелопайствующіе франты въ

бобрахъ и франты въ илькахъ, офицеры, гремящіе саблями и обивающіе себѣ и проходящимъ ноги, и среди этой пестрой толпы ковыляетъ старичекъ въ короткой енотовой шубѣ, опоясанной краснымъ кушакомъ, въ валенкахъ и высокомъ, какъ имянинный сливочный пирогъ, котиковомъ картузѣ. Черезъ плечо у него перекинуты два холщевые мѣшка, въ рукахъ вязанка книгъ.

— Букинистъ идетъ! Фомичъ идетъ! кричитъ товарищамъ прикащикъ, завидя старичка и, высунувъ въ дверь голову, зоветъ его въ лавку.

Старичекъ останавливается, но входитъ не вдругъ.

— Что угодно-съ? спрашиваетъ онъ.

— Войди, войди, книжки нужно.

— Ежели Поль-де-Кока, то нѣтъ-съ.

— Другихъ какихъ нѣтъ ли? Войди, купимъ, говоритъ прикащикъ и втаскиваетъ старичка въ лавку.

Его окружаютъ прикащики.

— Что долго было тебя не видать, Фомичъ? Гдѣ пропадалъ? А что, Монфермельскую молочницу обѣщался принесть... Принесъ? закидываютъ они его вопросами.

— Позвольте!.. не тарантите... сейчасъ... сейчасъ... скороговоркой говоритъ Фомичъ, снимаетъ съ головы картузъ и, отыскавъ въ углу образъ, набожно крестится. — Что пропадалъ-то? Разнемогся какъ-то... старость... Три дня дома сидѣлъ, а то по другимъ мѣстамъ ходилъ.

— Ну нѣтъ ли чего изъ романчиковъ? Показывай!

— Есть-съ... есть... Какъ не быть! отвѣчаетъ Фомичъ и снимаетъ съ плеча мѣшки. — Графиня де-Монсоро есть, Сорокъ пять, Три мушкатера... Королева Марго на дняхъ будетъ... Нужно — такъ принесу? Романы хорошіе, занятные... господина Дюма сочиненіе... Божественныя есть...

Прикащики разсматриваютъ книги, торгуются.

— Ну, а нѣтъ ли картинокъ-сквозничковъ съ голенькими дамочками? спрашиваетъ кто-то.

Фомичъ обижается.

— Не стыдно это вамъ? Нѣтъ-съ, я такимъ дѣломъ не занимаюсь... не занимаюсь... говоритъ онъ...

— Отчего же? Вѣдь выгодно...

— Ахъ, Господи! Да развѣ я?.. Богъ съ ней съ этой выгодой! Богъ съ ней!

— Ну, что еще есть? Что мѣшокъ-то прикрылъ? Показывай! Палача Сансона нѣтъ ли?

— Сансона нѣтъ-съ, а тѣ для васъ непригодны будутъ... совсѣмъ не пригодны... Расколъ и старообрядство господина Щапова... Фохтъ... и все эдакое... Семь смертныхъ грѣховъ на примѣтѣ есть... Требуется, такъ доставлю.

— Чаю, Фомичъ, не хочешь ли?

— Можно... можно... Иззябъ. Два раза пилъ, а все иззябъ.

Напьется Фомичъ чаю, купятъ у него прикащики какой ни на есть романчикъ, побалагурятъ съ нимъ и отпустятъ. И снова заковыляетъ онъ по гостиному двору, то и дѣло сгоняемый съ галлереи городовыми стражами, на томъ основаніи, что „по линіямъ съ поносками ходить воспрещается, потому безобразіе и господамъ тревожно".

Лукьянъ Фомичъ или Фомичъ, какъ его обыкновенно называли, былъ маленькій, лысенькій старичекъ, лѣтъ семидесяти, съ сѣдой, перешедшей уже въ желтизну, клинистой бородкой и сѣренькими подслѣповатыми глазками. Въ былые годы Фомичъ былъ дворовымъ человѣкомъ одного очень богатаго помѣщика и служилъ ему въ качествѣ домашняго актера танцовщика, но впослѣдствіи, навлекши на себя за что-то барскій гнѣвъ, въ наказаніе, а также въ видахъ барской потѣхи, былъ травленъ собаками. Загрызенный до полусмерти, онъ впослѣдствіи хотя и

выздоровѣлъ, но охромѣлъ навсегда, вслѣдствіе чего и не могъ уже болѣе служить хореографическому искусству. Барская власть дала новое назначеніе его дѣятельности. Такъ какъ онъ былъ грамотенъ, то его сдѣлали библіотекаремъ, которымъ и пробылъ онъ лѣтъ десять. Фомичъ былъ женатъ, но въ ранней молодости лишился жены, не имѣя отъ нея дѣтей, и какимъ-то чудомъ остался вдовцомъ, такъ какъ помѣщикъ, въ видахъ приращенія крѣпостныхъ душъ, имѣлъ обыкновеніе тотчасъ же женить каждаго человѣка, хоть мало-мальски способнаго къ брачной жизни. Когда Фомичу было лѣтъ сорокъ, случай помогъ ему освободиться отъ крѣпостной зависимости. Дѣло было вотъ какъ. Еще бывши любимцемъ барина, Фомичъ окрестилъ у старосты своей деревни старшую дочку. Староста—человѣкъ зажиточный, впослѣдствіи выдалъ свою дочь, крестницу Фомича, замужъ за какого-то торговаго мѣщанина, разумѣется, предварительно выкупивъ ее у барина. Крестница же Фомича, въ свою очередь, выкупила отца крестнаго. Получивъ вольную, Фомичъ уѣхалъ, въ Петербургъ, унеся изъ своей родины вѣчную ненависть не только къ своему бывшему владѣльцу, но и ко всѣмъ помѣщикамъ вообще.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Фомичъ опредѣлился прикащикомъ въ какой-то книжный магазинъ, потомъ торговалъ на Апраксиномъ канцелярскими принадлежностями, проторговался, закрылъ лавку и, наконецъ, занялся продажею книгъ въ разноску, мало по малу пріобрѣтая знакомыхъ покупателей. Знакомство у него было самое разнообразное; студенты, прикащики, купцы, охотники до старинныхъ духовныхъ книгъ краковской и львовской печати, священники, учителя. Онъ ходилъ по домамъ; ему поручали порыться въ рынкѣ и отыскать какую нибудь книгу. Онъ рылся въ лавкахъ, въ разномъ хламѣ, продающемся въ Толкучемъ рынкѣ, на такъ называемомъ развалѣ, и нерѣдко достав-

лялъ такія сокровища для библіофиловъ и библіомановъ, которыя цѣнились десятками рублей. Фомичъ также и мѣнялъ книги: старые учебники на новые, духовныя книги на романы. Фомичъ всегда зналъ, кому что требуется. Ежели у него накоплялись романы и повѣсти, онъ шелъ въ гостиный дворъ; попадались ему медицинскія книги, онъ шелъ къ медицинской академіи, становился у подъѣзда и предлагалъ книги входящимъ и выходящимъ студентамъ. Знакомымъ онъ и въ долгъ вѣрилъ, и давалъ на прочтеніе за самую незначительную плату. Лѣтомъ ходилъ Фомичъ и по дачамъ, но больше для того, какъ онъ выражался, чтобъ „благодати понюхать, птицъ небесныхъ послушать и на травкѣ полежать.“

Фомичъ зимой и лѣтомъ ходилъ въ валенкахъ и въ высокомъ котиковомъ картузѣ. Въ картузѣ у него помѣщались: клѣтчатый бумажный платокъ, табакерка съ портретомъ Наполеона, кой-какія брошюры, которыя нужно было особенно сохранять отъ любопытнаго ока. Брошюры эти были завернуты въ тряпицы и пришиты къ подкладкѣ картуза.

Фомичъ жилъ въ Ямской, на Лиговкѣ, и нанималъ комнату у какой-то вдовы-ямщички, занимающейся также и отдачею угловъ. Кромѣ его, въ домѣ были и еще жильцы: прачка, занимающаяся поденною работою, бывшій дворовый человѣкъ Флегонтъ Михайловъ, извѣстный въ околодкѣ за „кабацкаго засѣдателя,“ извлекающій средство къ жизни изъ приготовленія птичьихъ клѣтокъ и какого-то состава „для таракановъ,“ и сапожныхъ дѣлъ мастеръ Петръ Ивановъ, вывѣскою котораго и украшались ворота дома. Вывѣска эта была замѣчательна тѣмъ, что съ равносильною пользою могла помѣщаться надъ какимъ угодно заведеніемъ. На грязно-сѣромъ фонѣ было намалевано бурое пятно, походящее скорѣе на провѣсный балыкъ, на окаменѣлость, на еловое полѣно, но отнюдь не на сапогъ, что именно хотѣлъ изобразить жи-

вописецъ. Внизу была подпись „са-це-ма. П. И.“ что и означало: сапожнаго цеха мастеръ Петръ Ивановъ. Петръ Ивановъ акуратно каждый праздникъ напивался пьянъ, причемъ выбрасывалъ на дворъ колодки, горшки, весь свой домашній скарбъ и сбирался убить жену, „потому что она, стерва послѣдняя, гулящему человѣку потрафить не можетъ.“

Комнату свою Фомичъ содержалъ чисто. По стѣнкѣ стоялъ клеенчатый диванъ съ войлокомъ и двумя подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ. Надъ диваномъ были прибиты раскрашенныя картинки: перененепіе мощей какого-то святаго, судъ Соломона, гдѣ воинъ съ вывернутою рукою сбирается разсѣчь младенца, бѣсъ во образѣ дѣвы, соблазняющей монаха, и портретъ митрополита Филарета. У дивана помѣщался сундукъ, обшитый желѣзными полосами и привинченный къ полу. Въ сундукѣ хранилось бѣлье, парадный длиннополый сертукъ сизаго сукна, особенно цѣнныя книги, которымъ надо найти свѣдующаго покупателя и кой-какія деньги въ билетахъ, скопленныя Фомичемъ въ теченіи своей жизни и хранимыя на случай черпаго дня. Сверхъ того, деньги эти были посвящены на осуществленіе завѣтной мечты — на покупку дома въ той самой деревнѣ, гдѣ онъ родился и выросъ. „Туда переберусь, я, когда перестанутъ служить ноги“, думалъ Фомичъ,—и эти думы подбодряли его; онъ съ большимъ рвеніемъ бѣгалъ съ своими мѣшками, продавалъ покупалъ, и рѣдкая недѣля проходила, чтобъ онъ не подбавлялъ къ завѣтному капиталу какихъ нибудь двухъ-трехъ рублей. Мечтамъ этимъ. какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не суждепо было сбыться.

Въ углу комнаты висѣлъ образъ въ темной кіотѣ краснаго дерева. Передъ образомъ горѣла лампада съ привешанной цѣлой ниткой фарфоровыхъ яицъ. На кіотѣ стояла бутылка съ деревяннымъ масломъ, пузырекъ съ богоявленской водой, лежали свѣча отъ чтенія двѣнадцати евангелій, верба, кусокъ артоса въ

бумажкѣ, какая-то большая просфора и маленькая рукописная книжка въ бархатномъ переплетѣ „Сонъ Богородицы“. Недалеко отъ дивана, также у стѣны, стоялъ столъ; на столѣ книги, обвязанныя веревкою, концы которой были припечатаны сургучною печатью къ стѣнѣ, старинная бронзовая чернильница, добытая на аукціонѣ, чайникъ и стаканы. По вечерамъ, когда Фомичъ бывалъ дома, то напившись чаю, надѣвалъ халатъ, сшитый изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ треугольниковъ—подарокъ крестницы—и занимался вырѣзываніемъ изъ журналовъ статей. Вырѣзанныя статьи Добролюбова, Чернышевскаго и тому подобныхъ чтимыхъ публикою авторовъ, сшивались вмѣстѣ и потомъ переплетались. Такимъ образомъ, у него составлялись отдѣльныя книги. Кромѣ этихъ книгъ, Фомичъ занимался иногда по вечерамъ и письмомъ. Доставалъ изъ сундука записную книжку и вносилъ туда разные случаи изъ жизни, прочитанныя изреченія или свѣдѣнія, считаемыя имъ почему либо замѣчательными. Вотъ на выдержку страничка изъ этой записной книжки.

„Въ ночь на 15 февраля 186... года у кумы моей, жены унтеръ офицера Василисы Гороховой родился сынъ первенецъ о шести пальцахъ, во святомъ крещеніи нареченный Николаемъ“.

„Мани, Фекелъ, Фаресъ—таинственныя слова, зримыя царемъ богохульникомъ Валтазаромъ написанными на стѣнѣ“.

„27 Марта у протоіерея отца Михаила Мафусаилова, во время богослуженія, украдена изъ ризничей бобровая шапка“.

„Марта 21-го рѣка Нева вскрылась отъ льда“.

„Французъ изобрѣлъ пароходъ, нѣмецъ—книгопечатаніе и порохъ, англичанинъ —ткацкую машину, а русскій--самоваръ“.—

„Апрѣля 4-го. Носилъ книги къ протоіерею Василію Алекторскому, пили чай и толковали о томъ, что значитъ: поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще.“

„Средство отъ живота и ломоты. Возьми по щепоти: три-

листнику, полыни, мяты, александрійскаго листу, настой на полуштофѣ и онымъ растирайся и пей,“ и т. д.

Иногда, по вечерамъ, Фомича навѣщали сосѣди по квартирѣ: Флегонтъ Михайловъ и сапожникъ.

Флегонтъ Михайловъ обыкновенно приходилъ, садился, скручивалъ изъ газетной бумаги папироску въ видѣ тюрючка, затягивался, сплевывалъ и говорилъ на тему, что какъ теперь трудно жить на свѣтѣ, что при крѣпостномъ правѣ было лучше, что дворовые жили за бариномъ, какъ у Христа за пазухой и т. п.

— Клѣтками-то немного наковыряешь! Теперича бьюсь, какъ рыба объ ледъ, а изъ чего?—Только чтобъ не околѣть! А прежде-то я и сытъ былъ, и обутъ, и одѣтъ въ порядкѣ, потому такъ какъ я въ писаряхъ состоялъ, то постоянно при господахъ обрѣтался. А теперь вонъ они... сапоги-то — ѣсть просятъ, заканчивалъ онъ, и при этомъ выставлялъ ногу.

— Фомичъ какъ противникъ крѣпостнаго права, разумѣется съ нимъ не соглашался.

— Дуракъ, дуракъ... совсѣмъ дуракъ, а еще до лысины дожилъ, говорилъ онъ, пощипывая бородку и наклоня голову на бокъ. —За то, учти—ты теперь вольный казакъ... вольный. Куда хочу—туда лечу! А этого мало? Погоди, Богъ не безъ милости,— и повыгоднѣе чѣмъ нибудь займешься... Прежде-то было какъ? Захотѣлъ тебя баринъ посѣчь, взялъ да и посѣкъ. И ничего не возьмешь! А теперь шалишь—руки коротки!

— Чтожь, за провинность и посѣчь можно... Не бѣда! На шкурѣ-то не рѣпу сѣять! Посѣчетъ и помилуетъ. За то, бывало, мнѣ какъ псарю: сука ли ощенится, стойку ли щенокъ пойметъ—сейчасъ рубль въ зубы! хвастался дворовый человѣкъ.

— Не зли, не зли. Уйди лучше, коли объ другомъ говорить не можешь, горячился Фомичъ.

— Оно конечно, Лукьянъ Фомичъ, объ другомъ говорить

можно, только чтожь намъ объ немъ говорить, коли оно насъ не касается. Чтожь задарма языкъ-то чесать, да черныхъ кобелей на бѣло перемывать. Ужъ лучше и въ самъ-дѣлѣ уйти! обижался Флегонтъ Михайловъ и уходилъ.

Другой гость — сапожникъ — являлся только тогда, когда бывалъ съ похмѣлья, и съ специальною цѣлью вымаклачить пятакъ на шкаликъ. Вымаклачиванiе это сопровождалось нѣкоторою прелюдiею: робко и нахмурясь входилъ онъ въ комнату, садился къ столу, молча перебиралъ лежащiя на немъ книги, заводилъ разговоръ въ родѣ слѣдующаго:

— Скажи мнѣ, Лукьянъ Фомичъ, какiя-такiя книги есть... черныя онѣ прозываются... Страшныя книги...

— Не знаю, Иванъ Петровичъ, не слыхалъ... не слыхалъ... отвѣчалъ Фомичъ.

— Есть, говорятъ... Вчера въ кабакѣ солдатъ про нихъ сказывалъ... По нимъ всякую немочь на человѣка напустить можно... порчу... и все эдакое...

— Не знаю, не знаю... Медицина, такъ та насчетъ леченья.

— Ихъ не всякiй и читать можетъ, продолжалъ все о тѣхъ же черныхъ книгахъ сапожникъ: — потому, чтобъ ихъ читать, — нужно безъ креста, отъ отца съ матерью отречься и христiанскую душу загубить...

— Думаю, что это одно вольнодумство, замѣчалъ Фомичъ. — Ежели бы эдакiя книги были, такъ ихъ сейчасъ въ публичную библiотеку, — потому интересъ большой.

— Въ томъ-то и дѣло, что невозможно... Они Петромъ Великимъ въ Сухаревой башнѣ въ стѣнѣ заложены. Въ Москвѣ башня такая есть.

— Знаю, знаю... Стѣну бы разбили и взяли... безпремѣнно взяли бы...

— А семь печатей? Они за семи печатями. И чтобъ печати снять, нужно слово такое знать...

— Нѣтъ, такихъ книгъ нѣтъ... Это вѣрно, утвердительно говорилъ Фомичъ.

Сапожникъ задумывался.

— А двужильныя лошади, которыя всякую эту самую тягость поднять могутъ — есть? задавалъ онъ еще вопросъ...

— Нѣтъ. И лошадей такихъ нѣтъ.

Прелюдія кончилась. Нужно было подступать къ самой сути. Сапожникъ ковырялъ у себя въ носу, вздыхалъ и, наконецъ, смотря куда-то въ сторону, разрѣшался слѣдующею фразою.

— Вотъ что, Лукьянъ Фомичъ: голова трещитъ... просто смерть!.. Нѣтъ ли пятака? Опохмѣли ты меня, Христа-ради!

— Какъ не быть! Есть, на — возьми... только вѣдь хуже будетъ... хуже... говорилъ Фомичъ.

— Э, что тутъ! недоговаривалъ фразы сапожникъ, махалъ рукой и, взявъ пятакъ, тащилъ его въ кабакъ.

Но пятака бывало обыкновенно мало. Черезъ четверть часа, въ тотъ же самый всепоглощающій кабакъ, перетаскивались имъ колодки, сапожный товаръ, женинъ платокъ, хозяйская курица и вообще, что попадалось подъ руку.

Фомичъ былъ очень набоженъ и страстный охотникъ до духовныхъ церемоній. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ надѣвалъ онъ обыкновенно парадный сюртукъ сизаго цвѣта и еще до звону отправлялся въ церковь къ обѣднѣ, гдѣ, по своему знакомству съ дьячками, женъ и дочерей которыхъ снабжалъ онъ для прочтенія разными оракулами, „Таинственными монахами“ и тому подобными книгами, — пребывалъ въ алтарѣ и на клиросѣ, гдѣ и прислуживалъ: подавалъ кадило, наливалъ въ лампады масло, выносилъ налой, складывалъ ризы и зажигалъ и гасилъ свѣчи. Духовныя церемоніи, въ родѣ крестнаго хода,

хожденія въ Пасху вокругъ церкви съ ... зами — были без него немыслимы. Онъ суетился, вынималъ изъ стоекъ хоругви, бѣгалъ съ пеленами, раздавалъ мальчишкамъ, свѣченосцамъ-любителямъ, свѣчи, и, наконецъ, самъ участвовалъ въ церемоніи съ гордостью, неся впереди всѣхъ огромный фонарь.

— Митрофанъ Иванычъ! Митрофанъ... Сергѣй!.. кричалъ онъ сторожамъ, приготовлявшимъ вмѣстѣ съ нимъ образа къ крестному ходу. — Подъ владычицу-то, подъ большую икону, много ли народу пойдетъ?.. много ли?..

— Это подъ Тихвинскую-то? Завсегда двое носили... Гони прочь, кто пойдетъ... ни-ни... Боже избави. Купцы Брюхины для себя просили оставить. Они понесутъ.

— Сдержутъ ли, двое-то? Вѣдь черезъ народъ переносить надо... прикладываться станутъ. Вдругъ, чего Боже оборони, уронятъ.

— Ну, вотъ еще! Мужчины здоровенные, по восьми пудовъ подымаютъ, а тутъ не смогутъ! замѣчаютъ сторожа.

— То-то. Смотри, чтобъ грѣха не было... смотри... Суетится Фомичъ и тотчасъ же бросается въ сторону, гдѣ уже расталкиваетъ народъ, мимоходомъ гаситъ въ подсвѣчникѣ догаравшую свѣчу или хватаетъ за вихоръ разодравшихся мальчишекъ-свѣченосцовъ.

Послѣ обѣдни Фомичъ отправился домой пить чай. По дорогѣ ему то и дѣло приходилось раскланиваться съ знакомыми, такъ какъ его зналъ весь околодокъ. Мало того, между знакомыми Фомичъ игралъ роль какого-то совѣтчика умиротворителя. Вотъ и теперь.

— Лукьянъ Фомичъ! А, Лукьянъ Фомичъ! Куда плетешься? слышится голосъ.

Фомичъ подымаетъ голову и видитъ у окна мужчину въ халатѣ, подпоясанномъ краснымъ фуляромъ.

— Петру Иванычу, купцу Халдину! улыбаясь раскланивается онъ и снимаетъ свой тяжеловѣсный картузъ.

— Куда идешь? снова вопрошаетъ купецъ.

— Отдохнуть, Петръ Иванычъ... отдохнуть въ келію мою монашескую.

— А мы, братъ, нашего Игнашку порѣшили въ училище отдать.

— Доброе дѣло, доброе дѣло! Грамотность прежде всего, а тѣмъ паче для мужчины торговаго. Вонъ юнкарямъ, тѣмъ не нужно, потому шелопайствовать и такъ можно, киваетъ головой Фомичъ на случайно проходящаго юнкера, стоящаго на постоѣ въ Ямской:—а торговому человѣку сосчитать, записать—на все грамота... Въ приходское сынка-то думаете?

— Нѣтъ, гдѣ ему... Тамъ его изобьютъ. Къ мадамъ... Мадамъ тутъ у насъ одна по близости есть.

— Гдѣ ему, голубчикъ Фомичъ, въ приходскомъ; вѣдь онъ у насъ такой хиленькій, слабенькій, высовывается изъ-за купца раскраснѣвшееся отъ жару лицо его сожительницы.—Вонъ Ѳедоровы отдали своего, а учитель ему ухо и оторвалъ. Петръ Иванычъ, обращается она къ супругу: — скажи Фомичу насчетъ книгъ-то.

— Да да... Вотъ что, Лукьянъ Фомичъ, книгъ бы ему! Обряди.

— Всенепремѣнно-съ. Можно. На дняхъ зайду и принесу.

— Да, я думаю, лучше у мадамъ спросить, какія книги-то? Чтожь занапрасну носить-то... Можетъ и не тѣ...

— Будутъ тѣ. Позвольте... Грамотѣ они маракуютъ? Азбуку прошли?

— Прошелъ, прошелъ, поспѣшно отвѣчаетъ супруга. — И склады и молитвы прошелъ до помилуй мя Боже. Одно вотъ только: цифра ему голубчику не дается.

— Писаря военнаго нанимали—училъ, добавляетъ супругъ.

— И пречудесно, говоритъ Фомичъ: — значитъ ему теперь Начатки Христіанскаго Ученія и грамматика Востокова требуется. Начатки прежде всего... Это вѣрно...

— Такъ вотъ и занеси. Да занеси какія получше.

— Всенепремѣнно... Прощенья просимъ!

— Куда же? Зайди чайкомъ побаловаться.

— До келіи спѣшу... до келіи... Тамъ и позабавлюсь. Сморился.

— Ну, какъ знаешь!

— Желаю здравствовать!

И Фомичъ идетъ далѣе. Но не проходитъ онъ и ста шаговъ, какъ изъ втораго этажа каменнаго дома высовывается заплаканное лицо женщины, повязанной двуличневой шелковой косынкой.

— Ферапонтъ, Ферапонтъ! Владычица! Да оглохъ ты, окаянный эдакой, что ли? кричитъ она ухорскому парню въ розовой ситцевой рубахѣ, намѣтившему бабкой-свинчаткой въ сосѣдній заборъ, у котораго разставлено съ десятокъ гнѣздъ бабокъ.

— Ау? Кто насъ спрашиваетъ? Съ холоднымъ или съ горячимъ? откликается парень и подымаетъ голову, но увидавъ въ окошкѣ женщину, тотчасъ же перемѣняетъ тонъ, снимаетъ съ головы картузъ и говоритъ: — Ахъ, это вы, Дарья Семеновна! Что прикажете?

— Оглохъ, что ли? Непотребникъ ты эдакой! Осипла кричавши... Бѣги въ аптеку за свинцовой водою... Вотъ тебѣ гривенникъ.

Два пятака валятся къ ногамъ парня. Ѳомичъ останавливается.

— Матушка, Дарья Семеновна! Что вы это? окликаетъ онъ женщину.

— Ахъ, это ты, Фомичъ! Прости, родимый, не запримѣтила я тебя въ горѣ-то... Войди, голубчикъ. Нужецъ ты мнѣ. Хоть словомъ поможешь.

— Сію минуту, сію минуту, говоритъ Фомичъ; идетъ въ ворота, подымается по лѣстницѣ и входитъ въ кухню. Его встрѣчаетъ Дарья Семеновна. По лицу ея уже такъ и струятся слезы.

— Что у васъ? Что у васъ, матушка? Не самъ ли опять? спрашиваетъ онъ.

— Самъ...

— Да вѣдь онъ бросилъ?

— Бросилъ, бросилъ. Съ самаго вешняго Николы капельки не бралъ. Сходилъ тогда въ баню, отслужилъ молебенъ и бросилъ. Даже сказалъ: теперича мнѣ это вино пуще падали... и вдругъ...

— Ахъ грѣхъ какой! Господи! И когда это?

— Съ среды... съ самой среды. Пятый день пьетъ, говоритъ Дарья Семеновна и начинаетъ всхлипывать.

— Успокойтесь, матушка, успокойтесь! Садитесь! усаживаетъ ее Фомичъ, садится самъ, складываетъ на груди руки, наклоняетъ голову на бокъ и какъ-то въ засосъ процѣживаетъ сквозь зубы:—Ай-яй-яй-яй! И съ чего это?

— Охъ, ужь и говорить-то не хорошо! Съ обиды, надо статься. Пріѣхалъ братъ его изъ деревни. Деверь мнѣ приходится. Пріѣхалъ и прямо къ намъ. Такъ и такъ, говоритъ, братецъ, помоги: погорѣли... вся деревня выгорѣла. Вотъ всего и имущества осталось, что на мнѣ. Жену съ ребенкомъ, говоритъ, добрые люди пріютили, а я къ тебѣ... Помоги, Прохоръ Иванычъ! Заставь Бога молить. Дай на поправку. И бухъ въ ноги. Прохоръ Иванычъ это его поднялъ и говоритъ: встань, я не Богъ. Униженіе паче гордости. Посадилъ его съ собой. Са-

моваръ велѣлъ поставить. Попили чайку. Деверь опять насчетъ помоги. Прохоръ Иванычъ отъ этого въ сердце пришелъ, нахмурился. Что, говоритъ, все одно твердишь: на помогу да на помогу. Пятнадцать рублевъ, говоритъ, дамъ, когда обратно поѣдешь. Больше не могу. Отчего самъ про запасъ не скопилъ? Слава Богу, десять лѣтъ по Питеру шленды билъ. Можно бы было... Шутку это Прохоръ Иванычъ съ нимъ сшутилъ, али вправду сказалъ, только деверь побагровѣлъ, схватилъ картузъ и вонъ. Къ намъ ни ногой. Прошло эдакъ съ недѣлю—приходитъ самъ домой пуще звѣря. Вавилко-то, говоритъ, окаянный, что надѣлалъ! Это братъ-то. По рядамъ, говоритъ, у насъ въ рынкѣ ходитъ и у кого рубль, у кого два выпрашиваетъ. На обратный путь сбираетъ. Каково, говоритъ, мнѣ это чувствовать? А? Мнѣ, второй гильдіи купцу? Братъ у постороннихъ людей по рублю клянчитъ. Да меня сосѣди въ конецъ просмѣютъ. Позвалъ прикащика, далъ ему рубль и послалъ за померанцовой... Какъ услыхала я это, слезы у меня градомъ. Ну, думаю, конецъ! Сейчасъ кухарку въ церковь свѣчку на воздухъ поставить. Не помогло. Выпилъ полштофъ и сталъ второй сосать. Пьянѣе вина сталъ. Кой какъ мы его спать уложили. Да такъ четыре дня. Вчера ушелъ, не ночевалъ дома, а вотъ сейчасъ трактирные половые замертво его привезли и всего разбитаго... Лица нѣтъ!

— За грѣхи! за грѣхи! Испытаніе... твердилъ Фомичъ.— Терпите... Многострадательный Іовъ еще пуще... Да вы бы, за коноваломъ, Трифономъ Матвѣичемъ, послали. Онъ ото всего этого можетъ...

— Ахъ, голубчикъ, Фомичъ, ужъ пытались мы... Въ пятницу его солдатъ отчитывалъ. Солдатъ тутъ такой есть... По книжкѣ отъ этого запою отчитываетъ. Посылала.

— Ну?

— Грѣхъ одинъ. Сталъ онъ его отчитывать. Вынулъ книжку. Прохоръ Ивановичъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, да какъ свизданетъ его въ это самое мѣсто. Солдатъ на дыбы. Какъ? Что? Ныньче, говоритъ, насчетъ этого строго, не допущаютъ. Къ мировому! Мы всѣ просить. Насилу красненькую забезчестье взялъ.

— Скоту уподобился... скоту... вздыхалъ Фомичъ.

— Поди, Фомичъ, поговори съ нимъ. Ты человѣкъ книжный. Авось онъ образумится.

— Пожалуй, матушка Дарья Семеновна, пожалуй; только врядъ ли что подѣлаю, врядъ ли.

Предварительно отеревъ ноги о половикъ, Фомичъ вошелъ въ чистую комнату и помолился на образа. Въ комнатѣ было душно, пахло деревяннымъ масломъ, жужжали мухи. Дарья Семеновна слѣдовала за нимъ.

— Онъ тамъ, проговорила она, указывая на смежную комнату.

Оттуда слышался пьяный голосъ, говорившій: „Осквернихомся... Согрѣшихомъ... Паче блуда...“ Фомичъ перешелъ порогъ и остановился. На диванѣ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, лежалъ Прохоръ Иванычъ. Лицо его было все въ синякахъ. Около него на стулѣ стоялъ графинъ водки, а на тарелкѣ лежало нѣсколько килекъ.

— Что за человѣкъ? закричалъ Прохоръ Иванычъ, сѣлъ на диванъ и сталъ присматриваться.

— Это я... я, говорилъ Фомичъ.

— Фомичъ навѣстить тебя пришелъ, добавила выглядывавшая изъ-за дверей голова супруги.

— А, книжная премудрость! Садись! заговорилъ Прохоръ Иванычъ.—Разъясни, что значитъ: звѣздою учахуся?

— А вотъ сейчасъ, сейчасъ, только сначала о здоровьѣ. Что это ты, Господь съ тобой!? Ай-яй-яй!..

— Чертю. Обиженъ! Братъ родной... единоутробный... обидѣлъ во какъ! Выпьемъ?

— Ненадо. Зачѣмъ пить? Зачѣмъ? Укрѣпись! Уничтожь этого червя, тебя сосущаго! Восторжествуй! впадалъ въ краснорѣчіе Фомичъ.

— Какого червя? Какого? Гдѣ это писано? Укажи! Въ какихъ книгахъ? Въ какихъ житіяхъ? Есть сказано: въ немъ бо есть блудъ... А гдѣ есть червь? ревѣлъ Прохоръ Иванычъ.— Выпьемъ.

— Какое пить! Что за питье! Я, братъ, еще не обѣдалъ. Обѣдать иду.

— Обѣдать? Сейчасъ. Дарья Семеновна! На тридцать персонъ! Какъ у генераловъ! Ставь!

Съ четверть часа упрашивалъ Фомичъ Прохора Иваныча бросить, какъ онъ выражался, это малодушество; но успѣлъ только въ томъ, что хозяинъ повалился ему въ ноги.

— Святъ ты человѣкъ... святъ. Пни меня въ харю непотребную... Пни... твердилъ онъ пьянымъ голосомъ.

Фомичъ ушелъ. Когда онъ вышелъ за ворота, у окна стоялъ Прохоръ Иванычъ, махалъ руками и кричалъ:

— Фомичъ, вернись! Архангелъ... вернись... Херувимъ! Боже... Выкинусь прямо на пертуаръ! Ра-а-з-зможжусь! и уже заносилъ на подоконникъ ногу. Около него виднѣлась голова стоящей на колѣнахъ сожительницы. Фомичъ хотѣлъ уже было вернуться, чтобы не загубить души, но прибѣжавшіе — дворникъ, кухарка и прикащикъ схватили Прохора Иваныча за руки и закрыли окно.

— Ну, слава Богу! подумалъ онъ и, ковыляя, побѣжалъ домой.

Фомичъ особенно любилъ воскресенье. Въ этотъ день онъ никогда не занимался торговлею, не ходилъ съ своими мѣшка-

ми, а былъ дома, и все время послѣ обѣдни употреблялъ на лежаніе на диванѣ, на питье чая, который пилъ раза четыре въ день, и на чтеніе душеспасительныхъ книгъ. Особенною его любовью пользовались: „Поученія Ефрема Сирина", „Премудрость Сираха" и житія святыхъ. Имѣя множество знакомыхъ, по воскресеньямъ онъ даже и въ гости не ходилъ,— и ежели его кто въ этотъ день приглашалъ, то онъ обыкновенно говорилъ:

— Въ будни какъ нибудь забреду... въ будни. Въ воскресенье ни-ни... Никуда. Всегда дома. Сей седьмый день отъ трудовъ отдыхаю и Господу Богу посвящаю.

Такъ жилъ Фомичъ и, по своему, блаженствовалъ много лѣтъ; но вдругъ случилось одно несчастное обстоятельство и перевернуло всю мирную жизнь его кверху ногами. Дѣло было вотъ какъ.

Однажды Фомичъ пропалъ и вслѣдъ за его исчезновеніемъ на квартирѣ его былъ полицейскій обыскъ. Квартирная хозяйка очень безпокоилась; по просьбѣ ея, сапожникъ ходилъ даже справляться въ часть: не сидитъ ли Фомичъ въ части, но ничего не узналъ. Недѣли черезъ двѣ Фомичъ явился и явился такимъ же, какъ и былъ, только его котиковый картузъ сталъ значительно ниже, по случаю исчезновенія изъ него нѣкоторыхъ брошюръ.

— Гдѣ ты это пропадалъ, Фомичъ? спрашивали его попадавшіеся ему на встрѣчу знакомые, когда онъ шелъ домой изъ своего заточенія.

— Сказывать не велѣли! Сказывать не велѣли! На казенныхъ хлѣбахъ сидѣлъ. Злыя люди донесли, злые люди. Впрочемъ, пища отмѣнная шла... Книжекъ только лишился, и хорошенькихъ книжечекъ. Да ничего! Богъ милостивъ! Живъ буду, такъ снова пріобрѣту... снова! добавлялъ онъ.

Квартирная хозяйка, сапожникъ и его жена такъ и вскрик-

нули отъ радости, увидавъ Фомича, и расцаловали его. Прибѣжала даже прачка-жиличка, вѣшавшая на дворѣ бѣлье, чмокнула Фомича въ губы и прослезилась. Недоставало только кабацкаго засѣдателя Флегонта Михайлова. Дворовый человѣкъ, спустя дня четыре послѣ исчезновенія Фомича, расплатился за уголъ, отмѣтился за городъ и неизвѣстно куда скрылся.

— А ужъ мы думали, что ты пропалъ навсегда; думали, что тебя совсѣмъ засудили, говорила хозяйка.

— Нѣтъ, нѣтъ... Слава Владычицѣ! цѣлъ и невредимъ, отвѣчалъ Фомичъ.

— Чтожъ, бываетъ вѣдь, что и ни за что засудятъ! У меня, вонъ, кума за пятно засудили. Пятно какое-то на пашпортѣ нашли, да и говорятъ: травленное. Такъ и сгибъ. Садись. Я кофейку сварю.

— Потомъ, потомъ. Прежде келью свою монашескую обозрю... Келью... и Фомичъ направился въ свою комнату.

Сапожникъ послѣдовалъ за нимъ.

— А безъ тебя тутъ просто свѣтопреставленіе! говорилъ онъ.—Полиція нагрянула и—ну по угламъ шарить... Книжки твои унесли...

— А сундукъ? Неужто и въ сундукѣ? спросилъ Фомичъ. Его такъ и кольнуло.

— Сундукъ, кажись, не трогали, отвѣчалъ сапожникъ.

Фомичъ вошелъ въ свою комнату, наскоро перекрестился на образъ и прямо бросился къ сундуку. Тронулъ замокъ—сломанъ. Кровь прилила къ нему въ голову. „Господи, неужто?“ подумалъ онъ и, не переводя духа, поднялъ крышку и началъ выкидывать изъ сундука бѣлье, сюртукъ, книги и весь скарбъ. Вотъ и шкатулка. Лихорадочно схватилъ онъ ее, открылъ и, въ изнеможеніи, опустился на диванъ. Шкатулка была пуста. Завѣтныя деньги были украдены.

— Обокрали! Все украли! Господи, за что же? за что же? могъ только выговорить онъ и, какъ малый ребенокъ, залился слезами. Съ минуту, какъ бы въ какомъ-то недоумѣнiи, постоялъ надъ Фомичемъ сапожникъ и наконецъ опрометью бросился въ кухню къ квартирной хозяйкѣ.

— Матушка! Ивановна! Грѣхъ-то какой случился! кричалъ онъ. — Вѣдь Фомича обокрали! Какъ есть до копѣйки все выкрали.

— Что ты! Врешь?! возразила было хозяйка, но потомъ ударила себя по лбу и проговорила: — Знаю: это Флегонта рукъ дѣло! Его мерзавца! Припомни: вѣдь онъ, какъ перстъ, голый, откуда бы иначе у него взялись деньги за квартиру отдать. Да вонъ еще люди говорятъ: Василисѣ, сосѣдской кухаркѣ, платокъ и шугай подарилъ. Ахъ, онъ мерзавецъ! Ахъ, подлецъ!

— Теперь мы запутаны... притянутъ — потому подозрѣнiе... суетился сапожникъ. — Ахъ ты, чтобъ тебѣ! Марья! Марь... Машка! кликалъ онъ жену. — Ивановна, матушка, идите къ нему! Идите къ Фомичу-то, а то онъ, чего добраго, руки на себя наложитъ! А я сейчасъ... и сапожникъ бросился бѣжать въ сосѣднiй кабакъ, чтобы повѣдать горе знакомому цаловальнику.

Черезъ четверть часа всѣ сосѣди знали о случившейся у Фомича покражѣ и прибѣжали къ нему въ комнату. Тутъ были бабы, мастеровые, мальчишки, какой-то безрукiй солдатъ, дѣвочки съ грудными ребятами на рукахъ. Все это шепталось, качало головами и въ недоумѣнiи глазѣло на Фомича, который изрѣдка взглядывалъ на образъ, билъ себя въ грудь и говорилъ: „Господи! за что же?.. за что?"

Въ толпѣ, какъ водится, говорили разный вздоръ. Кто-то увѣрялъ, что у Фомича неразмѣнный фармазонскiй рубль украли, оттого онъ такъ и убивается; какой-то мастеровой всѣмъ и каж-

дому, подъ строжайшимъ секретомъ, разсказывалъ, что Фомичь двѣнадцать душъ загубилъ и теперь кается, „потому въ этомъ самомъ сундукѣ кровь увидѣлъ и въ чувствіе пришелъ“. Воротившемуся сапожнику стоило большихъ трудовъ выгнать толпу изъ квартиры.

Какъ только Фомичъ пришелъ въ себя, первымъ его дѣломъ было увѣрить безпокоившагося сапожника и квартирную хозяйку, что онъ отнюдь не подозрѣвалъ ихъ въ кражѣ. Общая молва обвиняла Флегонта Михайлова. Фомичъ объявилъ о кражѣ въ полицію, разумѣется, изъявивъ подозрѣніе на Флегонта Михайлова. Началось слѣдствіе, начались розыски, но такъ все и кончилось слѣдствіемъ и розысками; даже подозрѣваемое лицо не могли найти. Дворовый человѣкъ какъ въ воду канулъ.

Покража глубоко потрясла Фомича. Да и не могло быть иначе. Все, скопленное въ продолженіи жизни, на закатѣ дней пропало, и пропало тогда, когда осуществленіе завѣтной мечты—покупка дома и отдохновеніе на родинѣ—было уже такъ близко. Фомичъ началъ грустить и грустилъ все болѣе и болѣе. Онъ даже дѣломъ пересталъ заниматься и жилъ, продавая за что попало оставшіяся книги и нѣкоторыя вещи, но ужъ вновь не пріобрѣталъ ничего. Большинство знакомыхъ его отъ него отшатнулось, потому что прошла молва, что онъ содержался подъ арестомъ за продажу какихъ-то фармазонскихъ и бунтовщицкихъ книгъ, вслѣдствіе чего робкіе люди и начали его бояться.

Идетъ бывало, Фомичъ: хочетъ поклониться встрѣчному знакомому, знакомый сворачиваетъ за уголъ, подъ ворота или дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ Фомича. Особенно это было съ купцами.

— Вонъ Фомичъ идетъ... скажетъ, бывало, мужу какая нибудь сидящая у окна купчича.

— Ну и пущай его!.. Не гляди... какъ-то таинственно отвѣтитъ супругъ.

Супруга вытаращиваетъ глаза.

— Не гляди, говорю. Нехорошо... Еще притянутъ, пожалуй...

— За что же?

— А за то же! За то, что онъ фармазонскія книги продавалъ. Ну его!

— Какія такія фармазонскія?.. спрашиваетъ супруга.

— Ахъ, Господи! Да брось! скажетъ супругъ и отойдетъ во внутрь комнаты мурлыкая: „Крестъ начертавъ Моисей“ или „Понтомъ покры Фараона“.

Все это Фомича глубоко оскорбляло. Онъ началъ задумываться и, дивное дѣло, чувствуя всегда отвращеніе къ пьянству, — началъ по пивать. Сначала это попиваніе было тихое, секретное. Фомичъ покупалъ полуштофъ, приносилъ его домой напивался на ночь; но впослѣдствіи сталъ уже явно похаживать въ кабакъ. Сосѣди часто его видѣли бредушаго въ это „мѣсто злачно и прохладно“ вмѣстѣ съ сапожникомъ. Визиты эти съ каждою недѣлею дѣлались все чаще и чаще — вслѣдствіе чего имущество Фомича все убавлялось и, наконецъ, было пропито все до нитки.

Втянувшись въ пьянство и не имѣя болѣе возможности пить на свои, Фомичъ сталъ попрошайничать у кой-какихъ еще негнушающихся имъ знакомыхъ, или же бралъ газету, являлся съ нею въ кабакъ и читалъ посѣтителямъ о наборѣ, о бабѣ, родившей тройни, о аэролитѣ, упавшемъ съ неба при страшномъ трескѣ и громѣ, о какихъ-то найденныхъ гдѣ-то скелетахъ съ золотыми цѣпями на шеѣ и т. п. Все это Фомичъ подкрѣплялъ поясненіями, за что и получалъ стаканъ водки. Въ полгода такой жизни Фомичъ спился окончательно, и изъ бодраго старика обратился въ ходячую развалину. Привыкши къ трезвой

жизни, организмъ его не выдержалъ вливанія въ себя всѣхъ этихъ шкаликовъ, осьмушекъ, косушекъ, и разстроился.

Однажды Фомичъ, вернувшись изъ кабака домой, объявилъ квартирной хозяйкѣ, что у него изо рта лѣзутъ раки.

— Вонъ они! Вонъ они! говорилъ онъ, плюя на полъ и что-то какъ бы раздавливая ногой, потомъ закричалъ:—уберите ихъ! Уберите!.. и полѣзъ подъ кроват.

Свѣдущіе люди, какъ сапожникъ и нѣкоторые сосѣди, рѣшили, что Фомичъ „допился до чортиковъ". Съ трудомъ вытащили его изъ-подъ кровати и свезли въ больницу.

Съ Фомичемъ сдѣлалась бѣлая горячка.

Спустя недѣлю, по Ямской, по направленію къ Волкову кладбищу, ѣхали розвальни; на розвальняхъ стоялъ простой, сосновый некрашенный гробъ: въ гробу лежалъ Фомичъ. За гробомъ шелъ сапожникъ. Дойдя до Растанной улицы, сапожникъ остановился, постоялъ, подумалъ о чемъ-то, вынулъ изъ кармана мѣдныя деньги, посчиталъ ихъ на ладони, перекрестился, махнулъ рукой по направленію къ гробу—и свернулъ въ кабакъ.

VIII.

ГОРНИЧНАЯ.

— Здравствуйте, тетенька, съ ангеломъ, голубушка!.. и раздался поцѣлуй.—Вотъ вамъ подарочекъ, не взыщите на малости; чѣмъ богата, тѣмъ и рада!

— Напрасно изъянишься, Дашенька, право напрасно; ну къ

чему это? проговорила тетка, принимая отъ племянницы чашку съ надписью: „дарю въ день ангѣла“.

— Здравствуйте, дяденька, съ имянинницей!

Дядя отеръ рукавомъ форменнаго сертука усы и поцѣловалъ племянницу.

— Снимай скорѣй бурнусъ да шляпу, да положи за ширмы на кровать. Что такъ поздно? спросила тетка.

— И то насилу урвалась; самою одѣвала: на дачу въ гости поѣхала. Ужь привередничала, привередничала: и то не по ней, и другое не по ней, да по мнѣ наплевать. Спросилась я у ней со двора: „ступай, говоритъ, только половина одиннадцатаго приходи домой“.

— Что-жь она сердита, что ли?

— Нѣтъ, не то чтобы сердита, а такъ нравна...

Разговоръ этотъ и цѣлованія происходили въ комнатѣ департаментскаго сторожа Селифантьева, дяди Дашеньки. Онъ справлялъ имянины жены своей, Соломониды Зосимовны.

Комната находилась въ подвальномъ этажѣ казеннаго зданія, и была разгорожена деревянною перегородкою и шкапами на двѣ части. Въ одной половинѣ жилъ Селифантьевъ съ женою, въ другой его сослуживецъ, тоже департаментскій сторожъ, малороссъ Николенко или Миколинька, какъ его звали знакомые великороссы. У Николенки была бо́льшая половина комнаты; онъ, кромѣ жены, обладалъ тремя ребятишками; зато въ половинѣ Селифантьева помѣщалась русская печь съ лежанкой и тараканами, изъ-за которой, то есть изъ-за печи, поминутно ссорились сосѣдки. Около печи помѣщалась кровать, брачное ложе четы Селифантьевыхъ, загороженная ширмами, оклеенными листами „Сына Отечества“, съ налѣпленными на нихъ картинками съ конфектъ фабрики братьевъ Лапиныхъ. На стѣнѣ висѣлъ хитро прилаженный посудный шкапикъ подъ красное дерево. Въ обыкновенные

дни въ шкапикѣ этомъ, сквозь стеклянныя дверцы, на первомъ планѣ виднѣлись три серебрянныя ложки, глиняная масленица въ видѣ лежащей на травѣ коровы съ отшибеннымъ рогомъ; далѣе стояли: четыре рюмки, три стакана, разнокалиберныя чашки съ надписями и изъ самаго уголка глядѣли на свѣтъ Божій: полуштофъ съ синимъ ярлыкомъ завода Годгарта Мартини и разбитый чайникъ съ какими-то цѣлебными травами. Въ настоящее время шкапъ былъ пустъ; все, кромѣ чайника съ травами, было изъ него вынуто и поставлено на лежанку. Въ углу висѣлъ образъ въ кіотѣ, за которой стояли вѣнчальныя свѣчи Селифантьевыхъ и пучекъ вербы; у образа горѣла хрустальная лампада, а подъ лампадой висѣла цѣлая нитка фарфоровыхъ и сахарныхъ яицъ. Должно быть хозяинъ комнаты великій охотникъ до живописи, потому куда ни взглянешь на стѣну, вездѣ висятъ изображенія людей, чертей и звѣрей; генералы на коняхъ, скачущіе передъ своими солдатами, мундиры которыхъ изображаетъ синяя полоса, а воротники—красная, „разговоръ большаго носа съ морозомъ", „мыши кота погребаютъ" и тому подобныя изображенія. Даже на задней сторонѣ шкапа, принадлежащаго сосѣду и замѣняющаго собою перегородку, приклеена картина „страшный судъ"; бѣсы съ малиновыми языками запихиваютъ въ котелъ и жарятъ на вертелѣ грѣшниковъ, другіе стоятъ поодаль и ожидаютъ себѣ той же участи; внизу подпись: „лицедѣи, прелюбодѣи, табашники, піяницы, плясаніемъ бѣса тѣшущіе".

У Селифантьевыхъ уже всѣ гости были въ сборѣ, когда появилась Дашенька. Посреди комнаты стоялъ столъ; на столѣ стояли: пирогъ, нарѣзанная ветчина, селедка, графинъ водки и бутылка меду. За столомъ сидѣли гости: въ первомъ углѣ подъ образами помѣщался бравый гвардейскій унтеръ офицеръ, въ его усахъ и бакенбардахъ уже показывалось серебро, рядомъ съ нимъ сидѣлъ хозяинъ дома; онъ былъ не то чтобы выпивши, а такъ,

какъ говорится, съ мухой, и разсказывалъ что-то о своихъ походахъ, какъ онъ подъ Варной стоялъ. Его поминутно перебивалъ находящійся въ числѣ гостей Николенко и вставлялъ подробности. Его жена съ ребенкомъ на рукахъ поминутно его останавливала.

— Погоди, Дмитрій Григорьевичъ, не перебивай Фомича, дай ему разсказать; онъ вѣдь тамъ тоже былъ. Это было не подъ Варной, а тогда, когда вы подъ черкеса ходили.

При этомъ Николенко умолкалъ и гладилъ свою щетину, то есть усы. Усы Николенки были какъ-то странно устроены: одинъ усъ росъ кверху, другой книзу.

— Вѣрно его тогда и ранили, когда онъ подъ черкеса-то ходилъ? спросила жену Николенки сидящая съ ней рядомъ гостья въ измятомъ чепцѣ съ лиловыми лентами,—тоже солдатка.

— И что вы, матушка, онъ не раненъ.

— А что у него, какъ будто губа не такъ... усъ какъ-то странно...

— Это ужъ такъ у него... говорила она.—Прежде когда мы въ полку служили, такъ бывало и начальство все смѣялось, поминутно спрашивало: „что это у тебя, Миколенко, за усы? ты бы ихъ хоть примазывалъ чѣмъ нибудь“. Однажды ротный даже на помаду далъ... Ужь чѣмъ, чѣмъ онъ ихъ ни мазалъ, ничего не помогло: какъ-то разъ даже варомъ смазалъ, сначала было справилъ ихъ, а потомъ смылъ варъ, такъ опять врозь пошли. Ну вѣдь каждый день смазывать не будешь,—такъ и бросилъ.

Кромѣ этихъ гостей, былъ еще писарь военнаго вѣдомства—завитой франтъ съ бронзовой цѣпочкой на сюртукѣ. Онъ ни слова не говорилъ ни съ кѣмъ и какъ-то надменно на всѣхъ посматривалъ: „дурачье, молъ, вы всѣ, не о чемъ мнѣ съ вами разговаривать“. Когда въ комнату вошла Дашенька, онъ весь встре-

пенулся, всталъ съ мѣста, поправилъ прическу и заигралъ цѣпочкой.

— Не желаете ли вотъ сѣсть на тепленькое мѣстечко?.. предложилъ онъ ей свой стулъ.

— Покорно васъ благодарю, напрасно вы безпокоитесь, жеманно отвѣчала Дашенька и сѣла.

Унтеръ-офицеръ, сидящій рядомъ съ Селифантьевымъ, пріосанился, покрутилъ усы и значительно посмотрѣлъ на нее. Она опустила глаза. Она была не дурна собой, ловка и порядочно одѣта. Ей было не болѣе двадцати лѣтъ.

Хозяйка подавала всѣмъ чай.

— Сначала вотъ водки пыпьемъ, сказалъ Селифантьевъ, и налилъ рюмку.

Николенко крякнулъ и потеръ руки.

— Ужь которую это? спросила жена.

Онъ ничего не отвѣтилъ и выпилъ. Пили всѣ, даже женщины. Писарь тоже проглотилъ рюмку.

— Я, знаете, не пью, шепнулъ онъ Дашенькѣ;—да что-то холодно. А у самого капли пота на лбу выступили.

— И что вы, жара, а вы говорите,—холодно!

— Право, что-то знобитъ.

— Значитъ, въ васъ огня нѣтъ, говорила Дашенька, махаясь носовымъ платкомъ.

— Ахъ, во мнѣ очень много огня; я весь горю огнемъ неугасимымъ.

— А ты, Даша, что же, выпей рюмочку...

— Ахъ что вы, дяденька, развѣ я пью?

— Что ты дѣвушку-то конфузишь, Иванъ Фомичъ, развѣ она пьетъ? напустилась на сожителя Соломонида Зосимовна.

Писарь бросилъ на хозяина юпитеровскій взглядъ и шепнулъ Дашенькѣ:

— Никакого обращенія не понимаютъ. Медку не желаете ли? и налилъ стаканъ.—Какъ ваше прекрасное имячко?

— Дарья...

— Прекрасное имячко. А отчество?

— Максимовна...

— А меня такъ Финогенъ Финогеновичъ...

— Какое трудное имя.

— Это еще не трудное; а у меня товарищъ былъ Дормидонъ Мельхиседековичъ, такъ того, бывало, по имени и не звали, а по фамиліи: Цапъ да Цапъ; онъ изъ хохловъ былъ.

Гость унтеръ-офицеръ во весь вечеръ какъ-то значительно посматривалъ на Дашеньку, гладилъ усы, хотѣлъ съ нею заговорить, но только крякалъ и не разрѣшился ни однимъ словомъ.

Водки оказалось мало, хозяинъ отправился еще за полштофомъ.

— Ты куда? спросилъ его унтеръ.

— Да вотъ...

Селифантьевъ стукнулъ по полуштофу.

— Возьми, кстати, ужь и для нихъ бутылочку медку, и онъ подалъ ему двугривенный.

„Для нихъ“—это значило: для Дашеньки.

Часовъ въ десять Дашенька начала сбираться домой. Прощаясь съ ней, писарь какъ-то искобенился, что по его мнѣнію составляю верхъ учтивости, и шаркнулъ ногой. Унтеръ тоже раскланялся и еще значительнѣе посмотрѣлъ на нее. Соломонида Зосимовна вышла провожать ее на лѣстницу.

— Видѣла унтера-то, что съ дядей рядомъ сидѣлъ? Къ тебѣ сватается.

— Что вы, тетенька...

— Ужь я тебѣ говорю, нарочно пришолъ сегодня; ты бы съ Финогеномъ-то меньше бобовъ разводила; вѣдь этотъ такъ трется, а Федоръ Акинфьичъ человѣкъ душевный, послѣдніе мѣсяцы до-

служиваетъ, въ отставку выдетъ, такъ начальство ему мѣсто обѣщало,—городовымъ. Онъ вдовый; у него все обзаведеніе есть: и перина, и самоваръ, и платья женины. Одно матерчатое отличное. Подумай, а на дняхъ я къ тебѣ зайду. Прощай. Славный женихъ, душевный: а этотъ Финогенъ—такъ голь, да и пьяница.

— Прощайте, тетенька, и Дашенька пошла.

— Теперь, поди, и артельныхъ денегъ у него ста три есть, кричала въ слѣдъ тетка.—Подумай!..

Въ коридоръ вышелъ ея супругъ.

— Ты это ей говорила насчетъ Акинфіева?

— Да...

— Ну, что жь она?

— Да ничего...

— То-то же смотри... Иванъ Фомичъ переминался съ ноги на ногу.—Ты мнѣ дай-ка три гривенника...

— Это еще зачѣмъ?

— Нѣтъ, я такъ... надо бы водки; тамъ ужь почитай вся.

— Не дамъ больше; тебѣ бы только все пить. Посмотри-ка на рожу-то... Ступай, ступай въ горницу!

— Экъ тебя!..

И махнувъ рукой, мужъ вошелъ въ горницу.

Часовъ въ одиннадцать отправился домой, покачиваясь, писарь. По уходѣ Дашеньки онъ порядочно понагрузился. Унтеръ-офицеръ остался. Онъ распрашивалъ Селифантьевыхъ о невѣстѣ. Изъ-за перегородки слышалось храпѣніе Николенки и какіе-то неопредѣленные звуки, похожіе на жужжаніе нѣсколькихъ тысячъ мухъ. Звуки эти издавала жена Николенки; она укачивала ребенка, бѣгала по комнатѣ и жужжала и выла надъ его ухомъ.

— Она дѣвушка хорошая, говорила унтеръ-офицеру Акинфіеву Соломонида Зосимовна:—вотъ уже третій годъ у хозяевъ живетъ. У ней тридцать пять рублей своихъ зажитыхъ денегъ есть.

— Дѣвушка не балованная, ужь я тебѣ говорю... вмѣшивается мужъ Соломониды Зосимовны.

— Молчи ты, Иванъ Фомичь, не перебивай меня. Ну, и насчетъ одежи, это у ней все есть; въ прошлую зиму салопъ отличный бѣличій справила, а ужь главное: сирота,—ни отца, ни матери кормить не придется.

— Чтожь, пожалуй, вы поговорите; у меня тоже отъ покойницы жены заведеніе осталось.

— Да, безпремѣнно, безпремѣнно, я къ ней на недѣлѣ схожу.

— Ну, пора и до хаты! Прощайте! проговорилъ подымаясь Акинфіевъ.

— Слышь, я его только за ворота провожу, сказалъ Селифантьевъ женѣ.

— Не нужно, не нужно, ложись лучше спать, а то еще зайдешь куда нибудь!

— Вотъ тѣ слово, нѣтъ: я его только провожу...

— Ничего, онъ не взыщетъ. Прощайте?

— Прощайте!

Акинфіевъ по три раза поцѣловался съ супругами и ушолъ.

— Вишь, шлюха, какъ все платье отшлепала, да еще и замывай ей сейчасъ, гнѣвно проговорила знакомая уже намъ Дашенька, выбѣгая изъ кухни на черную лѣстницу.

На плечѣ ея лежало барынино платье съ грязнымъ подоломъ; въ рукахъ она держала мѣдный тазъ съ горячей водой.

У окна стояла кухарка съ засученными по локоть рукавами платья и съ растрепанными волосами; она смотрѣла на даровую комедію. На дворѣ играла шарманка, подъ акомпаниментъ ея какая-то женщина съ подвязанной щекой и подбитымъ глазомъ

пѣла: „не томи меня, родная, перестань меня бранить“, и здоровый молодой парень въ грязныхъ красныхъ штанахъ и бѣлой рубашкѣ съ позументами ставилъ себѣ на носъ дугу.

— Что, опять отшлепала? спросила кухарка Дашеньку.

— Опять, да еще привередничаетъ, замывай ты ей, слышишь, сейчасъ... Просто съ жиру бѣсится!

— И не говори, дѣвушка!.. даве пришла въ кухню и начала браниться: зачѣмъ, видишь ли, я таракановъ развела. Развѣ я ихъ разводила, развѣ можно при хлѣбѣ безъ нихъ быть? Да я на одиннадцати мѣстахъ выжила, и вездѣ тараканы были. У одной купчихи жила, такъ та нарочно чорныхъ таракановъ разводила; „ты, говоритъ, не бей ихъ, Акулинушка, потому что они счастье приносятъ“... да... Ахти, еще у меня кастрюли не мыты!

Акулина ушла въ кухню. Дашенька поставила на окно тазъ и начала замывать платье. На лицѣ ея былъ гнѣвъ. Кто-то плюнулъ сверху на наружный подоконничекъ; она не обратила на это вниманія. Потомъ кто-то кинулъ пробкой; ударившись о желѣзо, пробка отскочила и попала въ Дашеньку. Она вывѣсила за окошко и взглянула въ верхній этажъ:

— Ахъ, это вы, Петръ Иванычъ, какъ вы меня испугали...

Слова эти относились къ лакею, который жилъ этажемъ выше.

— Сейчасъ къ вамъ съ наиглубочайшимъ извиненіемъ-съ бѣгу...

И дѣйствительно сбѣжалъ внизъ.

Гнѣвъ исчезъ съ лица Дашеньки; она съ улыбкой стояла передъ нимъ. Петръ Иванычъ тоже осклабился; онъ былъ красивый бѣлокурый мужчина съ небольшими усами, и былъ одѣтъ франтомъ.

— Какъ вы меня испугали, просто ужасти...

— Чувствительно прошу вашего прощенія. Я точно кинулъ, знавши, что вы здѣсь стоите, но совсѣмъ не хотѣлъ васъ привести въ испугъ-съ, а только, чтобъ изъ задумчивости вывести.

«Что ты все сидишь одна,
Въ задумчивости у окна?..»

— Откуда это вы къ каждому слову стишокъ приберете?

— Откуда-съ? — мы пѣсенники на свободѣ читаемъ, вотъ оттого и знаемъ... Вотъ тоже хорошая пѣсня:

«Мое сердце такъ томится,
Будто камень тамъ лежитъ.
Я желалъ бы утопиться,
Лишь на милую взглянуть!»

продекламировалъ онъ нараспѣвъ и, приложивъ руку къ сердцу, взглянулъ на Дашеньку. Та опустила глазки.

— Какія у васъ все грустныя пѣсни, такъ за сердце и щемятъ.

— Чѣмъ же грустныя?.. А впрочемъ, ежели на сердцѣ грустно, такъ грустныя и поешь, говорилъ онъ, смотря въ другую сторону. — Это какіе-то фабричные въ воскресенье въ Александровскомъ паркѣ пѣли, пояснилъ онъ, уже взглянувъ на нее.

Оба замолчали. Лакей досталъ изъ боковаго кармана портсигаръ и вынулъ изъ него папиросу.

— Неугодно ли вамъ?

— Теперь не хорошо курить. Давайте я лучше утромъ выкурю. Смотрите, вонъ во флигелѣ Сомиковскіе молодцы смотрятъ, сказала она, и взявъ папиросу, спрятала ее въ карманъ своего передника.

— Это зубоскалы-то?..

— Чѣмъ же зубоскалы?..

— Помилуйте, какъ же, никакого обращенія съ дѣвицами неумѣютъ: прошлое воскресенье на Прасковью Митревну какія-то помои изъ окна вылили, да еще смѣются.

Петръ Иванычъ закурилъ папиросу и обгорѣлой спичкой начертилъ на стѣнѣ „я тебя люблю.“

— Что это вы пишете?

— Такъ, ничего. Прочтите.

Дашенька прочитала про себя по складамъ.

— Къ чему это относится? спросила она, покраснѣвъ.

— Это къ вамъ...

— Какъ это я понимать должна?

— Очень просто: я ужь давно въ чувствіяхъ имѣлъ.

— Полноте, что это вы говорите...

— Чтожь, я говорю, что у меня на сердцѣ. При этомъ онъ выразительно взглянулъ на нее. — Дарья Михайловна, вы розанъ... даже бутонъ, можно сказать... Одно слово,—букетъ...

Дашенька молчала.

— Дарья Михайловна, пойдемте въ воскресенье въ Александровскій паркъ гулять...

— Не знаю.

— Пойдемте.

Молчаніе.

— Пойдете, да?

— Право я не знаю, какъ сама отпуститъ, проговорила она и при этомъ снова покраснѣла.

— Петра! полно тебѣ тамъ лясы-то точить, ступай, барыня зоветъ! крикнулъ сверху поваръ и тѣмъ разстроилъ интимную бесѣду.

— А дуй его горой, вишь ему приспичило! Прощайте, Дарья Михайловна. Ужо попозднѣе выходите на лѣстницу! и лакей побѣжалъ наверхъ, напѣвая:

«Лучше въ морѣ утопиться,
Чѣмъ въ несклонную влюбиться».

По уходѣ его Дашенька въ задумчивости стояла у окна и держала въ рукахъ подолъ замываемаго платья. Она думала объ унтеръ-офицерѣ Акинфіевѣ и Петрѣ и сравнивала ихъ обоихъ. „Акинфіевъ женихъ съ деньгами и съ хорошимъ мѣстомъ въ виду, Петръ же безъ копѣйки, и всегда долженъ служить въ людяхъ. Самъ говоритъ, что на очереди стоитъ, того и гляди, что въ солдаты возьмутъ, да къ тому же, можетъ, не имѣетъ и намѣренія жениться. Чтожь, думала она: — я могу быть замужемъ за Акинфіевымъ и любить Петра.“

Натура ея еще не была испорчена, Дашенька покраснѣла отъ этихъ мыслей и еще болѣе задумалась; она даже не слыхала крупной брани, происходившей на дворѣ между кучеромъ и водовозомъ изъ-за поганаго ведра.

— Гужеѣдъ! закончилъ свою брань водовозъ, перебравъ съ десятокъ нецензурныхъ выраженій.

— Молчи, Кострома! Козу на колокольню пряникомъ манили!

— Сами вы, псковскіе, мякину сѣяли! отвѣчалъ водовозъ, чтобъ не остаться въ долгу.

Дашеньку вывели изъ задумчивости чьи-то шаги; она обернулась и увидѣла входящихъ по лѣстницѣ тетку Соломониду Зосимовну и жениха Акинфіева.

— Ахъ здравствуйте, тетенька!

Она поцѣловала тетку и поклонилась Акинфіеву.

— Не ждала, чай?

— Милости просимъ, милости просимъ, пожалуйте!

— Вотъ и меня ваша тетка затащила. Шли мимо: „зайдемъ да зайдемъ.“ Ужь извините.

— Ахъ помилуйте, что вы... Пожалуйте въ горницу.

Гости вошли въ кухню. Дашенька съ тазомъ и платьемъ слѣдовала за ними.

— Пожалуйте вотъ въ нашу комнату.

Она ввела ихъ въ людскую. Акинфіевъ помолился на образа.

— Садитесь, пожалуста.

— Мы на минуточку, такъ, мимоходомъ.

— Нѣтъ ужь, посидите, я вотъ сейчасъ кофій сварю.

— Не напрасно ли будетъ-съ, мы собственно мимоходомъ, проговорилъ Акинфіевъ и крякнулъ.

— Нѣтъ, ужь какъ же безъ кофію-то? Вари, вари, Дашенька, замѣтила тетка, пользуясь правомъ „своей.“

— Сейчасъ, въ минуточку готовъ будетъ.

Дашенька ушла въ кухню.

— Ну, что, Федоръ Акинфіевичъ, смотри, видишь, какъ живетъ? Господа ее любятъ, можетъ, и на свадьбу дадутъ. Видишь вонъ Божіе милосердіе, все это она сама, на свою трудовую копѣйку въ ризочку оправила. А вотъ сейчасъ и салопъ покажу. Соломонида Зосимовна вынула изъ шкафа бѣличій салопъ и поднесла Акинфіеву.—Видишь, новый, только что сшила зимой, покрышка-то какая, смотри-ка. Да что ты боишься-то, попробуй доброту-то, попробуй! Вишь байка-то какая! А вотъ это все ея платьи, продолжала она соблазнять его, и открыла дверцы шкафа:—вотъ матерчатое зеленое, шерстяное, ситцевыхъ два, а вотъ и еще матерчатое розовое... Видишь?

Тетка, ради краснаго словца, соврала; розовое платье принадлежало кухаркѣ.

— Чтожь, сватать, что ли?

— Пожалуй, сватайте!

— Такъ я сейчасъ пойду въ кухню къ ней и скажу, что ты за отвѣтомъ пришолъ.

— Послушайте, Соломонида Зосимовна, вы ужь лучше не ходите, я самъ спрошу ее, дѣло-то вѣрнѣе будетъ.

— Да что ты, ладно ли это?

— Да я думаю, что ладно, такъ напрямки и обрѣжу.

— Ну, какъ знаешь!

Въ комнату вошла Дашенька и внесла кофейникъ; началось кофіепитіе. Выпивъ вторую чашку, Акинфіевъ отеръ усы, опрокинулъ ее и положилъ на донышко огрызокъ сахару. Соломонида Зосимовна пила уже пятую чашку.

— Чтоже вы, кушайте еще, въ накладочку, да вотъ съ сухариками.

— Больше не могу-съ.

— Какіе спѣсивые, право...

— Нѣтъ, Дарья Михайловна, я не спѣсивъ-съ, говорилъ Акинфіевъ, слегка барабаня пальцами по столу.—Знаете, я пришолъ-съ по дѣлу. Я пришолъ васъ спросить, пойдете ли вы за меня за мужъ?

Вопросъ былъ неожиданъ; Дашенька смутилась.

— Я, право, не знаю... проговорила она, потупившись.

— Чего же не знать-то, рѣшай, матка, совѣтываться что-ли будешь? Я одна у тебя изъ родни, да и та на лицо.

— Все-таки, тетенька, вѣдь это судьба-съ, а судьба великое дѣло!..

— Вотъ мнѣ нашъ ротный обѣщалъ мѣсто городоваго; черезъ три мѣсяца я въ отставку выду. У меня денегъ артельныхъ есть ста три на обзаведеніе, да и обзаводиться не надо, потому что отъ покойницы жены все осталось, и перина, и все эдакое. Начальство меня любитъ, ротный посажонымъ отцомъ обѣщался быть.

Дашенька уже давно рѣшилась выдти за Акинфіева: въ ея глазахъ онъ былъ, хотя и старый, но видный женихъ.

— Вы вѣрно говорите, что вы будете городовымъ? спросила она его.

— Вѣрно-съ, хоть провалиться на этомъ мѣстѣ, мнѣ рот-

ный обѣщалъ. „Вотъ тебѣ, говоритъ, слово, Акинфіевъ, что я тебѣ мѣсто достану.“

— Ну, такъ я согласна.

— Ну, вотъ и слава Богу, слава Богу! проговорила тетка.

— Только ужь это вѣрно, Дарья Михайловна?

— Да...

— То-то же, смотрите; это я потому говорю, что ужь не буду себѣ другой невѣсты искать.

— Да ужь сказала, что да, такъ ужь вѣрно будетъ, станетъ ли она отъ своего слова отступаться, вмѣшалась тетка. — Ну, теперь помолитесь Богу, да поцѣлуйтесь. Поздравляю васъ.

Дашенька и Акинфіевъ помолились и поцѣловались.

Черезъ четверть часа женихъ, въ сопровожденіи Соломониды Зосимовны, ушолъ отъ невѣсты.

Настало воскресенье, день, въ который Дашенька обѣщалась Петру идти съ нимъ гулять въ Александровскій паркъ. Сборы были великіе: все утро, покамѣсть хозяева были у обѣдни, прогладила она себѣ юбку и манишку и побранилась съ кухаркой изъ-за утюга, за то, что та спихнула его съ горячаго мѣста плиты.

— Позвольте мнѣ, сударыня, сегодня со двора идти... спросилась она у хозяйки.

— Ахъ, Даша, какъ ты часто ходишь; это ужь второй разъ на этой недѣлѣ.

— Я, сударыня, только къ теткѣ схожу. У меня тамъ дѣло есть: я замужъ выхожу.

— Вотъ какъ? что же ты мнѣ раньше объ этомъ не сказа-

ла? Теперь, я тебя не буду удерживать, ступай. Я по опыту знаю, что значитъ желаніе увидаться съ милымъ сердцу...

При этомъ хозяйка вздохнула и закатила глаза подъ лобъ. Она была самтиментальная барыня.

— Кто же твой женихъ?

— Теперь онъ унтеръ, а послѣ будетъ городовой, ему мѣсто обѣщали.

— Что же, ты любишь своего жениха?

— Да-съ...

— То-то, моя милая, не неволь себя; я по опыту знаю, что значитъ жить съ человѣкомъ, котораго не любишь.

Барыня снова вздохнула и закатила глаза.

— Это я все знаю, сударыня, только онъ человѣкъ хорошій...

— Пріятно мнѣ слышать, милая, когда соединяются любящія сердца. Я тебѣ сдѣлаю подвѣнечное платье, подарю мой чепчикъ и чѣмъ нибудь помогу еще. Ступай, теперь я не въ правѣ тебя удерживать.

Горничная поцѣловала у хозяйки руку.

Сборы были также и этажемъ выше, у Петра. Онъ только что сейчасъ отбрился и начищалъ толченымъ мѣломъ бронзовую цѣпочку отъ часовъ, чтобъ ярче блестѣла. Ему чуть было не пришлось отложить прогулку; вчера онъ проигралъ въ три листа все, что у него было изъ наличнаго капитала, а какъ же гулять безъ денегъ?—и попотчивать придется, да и другіе непредвидимые расходы; но къ счастію, обстоятельства поправились: онъ занялъ у дворника два рубля.

Чтобы не обратить на себя вниманія, и не дать повода сплетнямъ, Дашенька и Петръ рѣшили не выходить вмѣстѣ, а по одиночкѣ, и ждать другъ друга на улицѣ, впрочемъ, тоже какъ можно дальше отъ мелочной лавочки.

Часа въ въ четыре Дашенька и Петръ были въ Александров-

скомъ паркѣ. Обычные посѣтители его: писаря, артельщики, мастеровые, солдаты и мелкое чиновничество, проживающее на Петербургской сторонѣ, чинно прогуливались по главной аллеѣ передъ воксаломъ.

У мальчишки, продающаго папиросы, стояли два больничныхъ фельдшера и двѣ ихъ дамы съ полинялыми зонтиками въ рукахъ.

— Есть у тебя сигары сильва дубиноза? спрашивалъ одинъ изъ фельдшеровъ.

— Нѣтъ, такихъ нѣтъ-съ, съ ужимчивой улыбкой отвѣчалъ мальчишка.

— А регалія капустиссимусъ?

— Тоже нѣтъ-съ.

Ихъ дамамъ казалось это очень забавно, и онѣ хохотали.

— Спроси, Федоровъ, нѣтъ ли у него трамбуку фабрики Носодерова.

— Такихъ тоже не имѣется. Миллера, Геллера, Крафта есть-съ.

— Ну ужь такъ и быть, давай двѣ рублевыя сигары, по три копѣйки!..

Дашенька и Петръ миновали ихъ; они стремились въ малолюдную аллею и скоро достигли ее. Это аллея, гдѣ обычные посѣтители Александровскаго парка назначаютъ rendez-vous своимъ предметамъ. По ней прогуливались два молодые чиновника съ кокардами на фуражкахъ и дожидали своихъ предметовъ.

— Пятаго половина, онѣ сейчасъ придутъ... Можетъ быть, ихъ мать задержала, проговорилъ одинъ, вынимая изъ кармана старые серебряные часы съ золотымъ ободочкомъ.

— Слышишь, Миша, ты въ разговорѣ скажи, что мы сюда на лихачѣ пріѣхали; по островамъ, дескать, немного прокатились.

— Такъ знаешь что? пойдемъ и попылимся; скажемъ — во всю прыть мчались, чтобъ не опоздать.

— Ну, хорошо...

Они встали посреди дороги, и одинъ изъ нихъ началъ взбивать тросточкою пыль, стараясь запылить пальто товарища.

— Возьми въ горсть да брось мнѣ на спину.

— Не слишкомъ ли будетъ?

— Ничего, бросай.

Дашенька и Петръ сидѣли на скамейкѣ и ѣли вишни.

— Такъ когда же вы, Дарья Михайловна, замужъ выходите? спрашивалъ онъ ее.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ, отвѣчала она, чертя зонтикомъ по песку.

— А я-то что бѣдный буду дѣлать. Можно сказать, воцвѣтѣ лѣтъ погибну.

— Не погибнете!

— Дарья Михайловна, вы будете обо мнѣ помнить?

— Буду...

— Мнѣ можно будетъ къ вамъ ходить?

— Можно...

— И когда мужа не будетъ дома?

— Не знаю...

— Скажите, можно или нѣтъ? Да, или нѣтъ?

— Можно...

Петръ обнялъ ее за талію.

— Ахъ оставьте, что вы... проговорила она, однако не перемѣнила своего положенія.

— И цѣловать вась будетъ можно? Вотъ такъ...

Онъ поцѣловалъ ее. Дашенька не сказала ни слова.

Въ это время къ нимъ приближалась компанія мастеровыхъ. Одинъ изъ нихъ, ухорскій парень, игралъ на гармоникѣ и пѣлъ:

При серебряной цѣпочкѣ,
При серебряныхъ часахъ,
Фуражка на боку,

Куритъ трубку табаку.
А старуха щебетуха
Не любила того духа.
А позвольте васъ спросить,
Который теперь часъ?
Часовъ вовсе не бывало,
Всего только первый часъ.

— Ухти! закончилъ онъ, свиснулъ и подмигнулъ товарищамъ на влюбленную чету.

— Здѣсь неловко сидѣть, проговорилъ Петръ: — пойдемте сядемте лучше вонъ туда на траву.

— Нехорошо; все платье въ зелени перепачкаешь.

— Ничего, платочекъ подстелите.

Они пересѣлись на лугъ.

— Женихъ мой для меня очень хорошій женихъ, тридцать рублей мнѣ на приданое далъ, разсказывала Дашенька: —своимъ домомъ буду жить. Оно, хоть какъ ни-на-есть, а все лучше, чѣмъ въ людяхъ.

— Это точно...

Вскорѣ матеріалъ для разговора совершенно весь вышелъ. Петръ предложилъ ей еще вишенъ. Она отказалась. Онъ началъ посвистывать.

— Чайку бы теперь хорошо выпить, только не знаю, гдѣ тутъ по близости гостинница... проговорилъ онъ.

— Ахъ нѣтъ, я ни зачто на свѣтѣ не пойду!.. заговорила Дашенька и замахала руками.

Онъ сталъ ее упрашивать.

Недалеко отъ нихъ на травѣ лежала фигура солдата и прислушивалась къ ихъ разговору. Это былъ Акинфіевъ.

Дня черезъ три Дашенька шла изъ лавки съ молочникомъ сливокъ. Подъ воротами она увидѣла солдата, что-то спрашивающаго у дворника. Изъ любопытства она подошла къ нимъ.

— У насъ двѣ Дарьи есть, одна у нѣмца живетъ, другая у Лосевыхъ, говорилъ дворникъ.

— Дарью Михайловну нужно...

— Ну, Дарья Михайловна у Лосевыхъ и живетъ. Да вотъ она!

Дворникъ указалъ на Дашеньку.

— Ты Дарья Михайловна? обратился къ ней солдатъ.

— Я-съ...

— Такъ вотъ къ вамъ письмо-съ. Онъ вынулъ его изъ-за обшлага шинели и подалъ Дашенькѣ. — Отъ ундеръ-офицера Акинфіева, добавилъ онъ.

Поднявшись на лѣстницу, Дашенька сейчасъ же, даже не входя въ квартиру, начала читать письмо. Вотъ что писалъ Акинфіевъ:

Милостивая Государыня Дарья Михайловна!

Во первыхъ сихъ строкахъ извѣщаю я васъ, что я на васъ жениться не могу, потому, что знавши ежели вы съ другимъ любовь водите, мнѣ ужъ съ носомъ соваться нечего, къ тому же и въ лѣтахъ я такихъ, что оженившись съ вами, хочу имѣть спокойствіе. Въ воскресенье я видѣлъ васъ съ однимъ человѣкомъ въ Александровскомъ паркѣ, и видѣлъ всѣ ваши амуры. А только вы не подумайте обо мнѣ, что я подсматривалъ за вами, а просто шедши къ крестинъ съ Петербургской, легъ на траву полежать и увидѣлъ васъ. Богъ съ вами, жалко, что я далъ вамъ тридцать рублей. Живите счастливо съ вашимъ воздакторомъ, коли не хотѣли въ законѣ жить, а я жениться на васъ не могу.

Унтеръ-офицеръ Федоръ Акинфіевъ.

Дашенька прочитала письмо. На глазахъ ее блестѣли слезы. Вѣдь и она мечтала о своемъ углѣ и независимой жизни. Мечты эти рушились.

Въ это время на лѣстницѣ съ корзинкою въ рукахъ шолъ Петръ въ булочную за булками и напѣвалъ:

«Кринолинъ, кринолинъ,
Подкузьмилъ ты меня».

Дашенька не хотѣла его видѣть и поспѣшно вошла въ кухню.

IX.

ТОРГОВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Было осеннее пасмурное утро. Грязныя тучи плыли по небу. Падалъ, какъ сквозь сито просѣянный, мелкій дождь, прибивалъ къ землѣ и смѣшивалъ съ грязью гонимые вѣтромъ желтые листья. У старой, почернѣлой избы стояла худая, мохнатая лошаденка, запряжонная въ телѣгу. Она по временамъ какъ-то уныло качала головой и лизала мокрыя доски забора.

Въ избѣ было душно, пахло дымомъ и печенымъ хлѣбомъ. Растрепаная и босая семилѣтняя дѣвочка качала зыбку, привѣшенную къ потолку. Изъ зыбки слышался плачъ ребенка. Рыдавшая женщина благословляла мѣднымъ складнемъ щедушнаго мальчика, лѣтъ двѣнадцати, одѣтаго въ дырявый отцовскій тулупъ, подпоясанный кушакомъ. Поодаль стоялъ отецъ, держалъ въ рукахъ небольшой каравай хлѣба и разговаривалъ съ мужикомъ съ окладистой бородою и одѣтымъ въ лисью шубу.

— Такъ ужь ты довези его, Степанъ Иванычъ, да и отдай, кому тамъ знаешь, въ лавку... Пущай его учится.

На глазахъ его блестѣли слезы.

— А что, значитъ, провозъ его стоить будетъ да харчи въ дорогѣ, такъ отпишешь намъ изъ Питера, мы, значитъ, колъ

Введенья овсомъ али рожью въ вашъ домъ отдадимъ. А нѣтъ, такъ возьми хоть сейчасъ телушку?.. добавилъ онъ, помолчавъ, и почесалъ въ затылкѣ.

— Полно, Вавилычъ!.. Вѣдь на мнѣ чай тоже крестъ есть,— справитесь, такъ отдадите въ домъ... отвѣчалъ мужикъ, вертя въ рукахъ баранью шапку.

Благословеніе кончилось. Мальчикъ простился со всѣми.

— Ну, часъ добрый! сказалъ отецъ, глотая слезу.

Въ углу стоялъ работникъ Степана Иваныча, изъ подлобья глядѣлъ на эту сцену и ковырялъ у себя въ носу, да какая-то баба выла, сморкалась въ юбку и утирала рукавомъ рубахи слезы.

Вышли на улицу. Работникъ влѣзъ въ телѣгу. Степанъ Иванычъ, перецѣловавшись со всѣми, сѣлъ сзади на веревочный переплетъ.

— Прощай, Ванюшка, говорила мать, обнимая сына и рыдая еще громче:—служи хозяину, старайся; можетъ, послѣ намъ помогать будешь.

Мальчикъ тоже плакалъ. Его сухіе русые волосы прилипали къ мокрому лицу.

— Влѣзай, Ванюшка! сказалъ Степанъ Иванычъ.

Ванюшка влѣзъ.

— Надѣвай шапку-то!

Онъ надѣлъ. Шапка была ему велика и надвинулась на глаза. Мать подошла къ телѣгѣ.

— Вотъ тебѣ, возьми, проговорила она, подавая пестрядинный тючекъ: — тутъ двѣ рубашонки, лепешечки... Будешь ѣсть, такъ вспомни мать, родную... Я малинки сушоной положила...

Она не докончила, слезы помѣшали ей.

— Трогай!

— Постойте! сказалъ отецъ. — Вотъ тебѣ, Ванюшка! Можетъ, пригодится...

Онъ подалъ ему гривенникъ.

Телѣга поѣхала. Имъ смотрѣли вслѣдъ. Ванюшка не оглядывался и плакалъ.

— Надѣла ли на тебя мать образъ-то?

— Надѣла...

Они проѣзжали мимо новой избы. У воротъ стоялъ мальчишка въ отцовскихъ сапогахъ, безъ шапки и со щенкомъ въ рукахъ.

— Прощай, Ванюшка! какъ-то глупо крикнулъ онъ и отвернулся.

Въ избѣ отворилось окно. Выглянула женская повязанная голова.

— Прощай, Ванюшка! прощай, болѣзный! кричала она— Степанъ Иванычъ, не обижай, родной, паренька-то!

— Дура! проговорилъ Степанъ Иванычъ, не глядя на нее.

Ванюшка молчалъ.

Въ Петербургѣ начиналась зима. Мокрый снѣгъ падалъ на грязные тротуары. Гдѣ-то уныло звонили къ обѣднѣ. Каждый ударъ колокола навѣвалъ какую-то безотчетную тоску и камнемъ ложился на сердце. По Чернышеву мосту шелъ Степанъ Иванычъ, рядомъ съ нимъ бѣжалъ Ванюшка и поминутно утиралъ носъ, то тѣмъ, то другимъ рукавомъ тулупа. Рукава были такъ длинны, что чуть не волочились по тротуару.

— Это Чернышевъ мостъ, это рѣка Фанталка, тамъ кіатръ будетъ, а вотъ сейчасъ налѣво и рынокъ... разсказывалъ Степанъ Иванычъ Ванюшкѣ.

Ванюшка какъ-то дико смотрѣлъ на все. Передъ его глазами мелькалъ куда-то спѣшащій народъ, извощики, погоняющіе своихъ клячъ. Поѣхалъ, оглушительно гремя, возъ съ полосовымъ желѣзомъ, промчался офицеръ въ коляскѣ, чуть не сбивъ съ ногъ какого-то переходящаго улицу чиновника съ засаленнымъ портфелемъ, прошла охтянка, неся на своихъ плечахъ трехъпудовую тяжесть—надѣтые на коромысла кувшины съ молокомъ. Петербургъ предсталъ ему во всей его будничной суетливости.

— Смотри, Ванюшка, чтобъ шапку-то... вѣтромъ не снесло... проговорилъ Степанъ Иванычъ и нахлобучилъ ее ему прямо на глаза.

Они вошли въ рынокъ. На порогахъ стояли прикащики и мальчики, пили чай и зазывали покупателей.

— Паренька не надо-ли?... мальчика? предлагалъ Степанъ Иванычъ прикащикамъ, указывая на Ванюшку.

— Нѣтъ, почтенный, у насъ этого добра и своего довольно...

Мальчики, стоящіе на порогахъ, слегка задѣвали Ванюшку и тыкали ему пальцемъ въ шапку, причемъ изъ нее вылеталъ пухъ. Мальчика никому не требовалось. Степанъ Ивановичъ шелъ далѣе въ глубь рынка.

По ряду шла разряженная барыня. За ней гнался молодецъ въ енотовомъ тулупѣ, подпоясанный краснымъ гаруснымъ шарфомъ.

— Держи ее, сначила (*)! кричалъ молодецъ и, поровнявшись съ ней, хватилъ ее кулакомъ по шляпкѣ.

Барыня вскрикнула и схватилась за голову. Изъ-подъ ея салопа выпалъ кусокъ ситцу. „Воровка, воровка!“ пронеслась вѣсть по рынку, и вскорѣ вокругъ барыни стала образовываться толпа.

*) Украла.

Молодецъ поднялъ кусокъ ситцу и началъ имъ дубасить барыню-воровку по шеѣ. Барыня прорвалась сквозь толпу и побѣжала.

— Держи ее, кусокъ ситцу сначила! кричалъ народъ.

Какой-то стоящій на порогѣ молодецъ ловко подставилъ ей ногу и барыня растянулась на мосткахъ. Къ ней подбѣжалъ хозяинъ украденнаго куска и молодецъ.

— Я это такъ не оставлю!.. Насъ въ кварталѣ разберутъ! кричала она, вставая. Шляпка сдвинулась ей на затылокъ, волосы растрепались. Молодецъ хватилъ ее еще по шеѣ.

— Оставь ее, Парфенъ, довольно! крикнулъ хозяинъ прикащику.—Ахъ ты, а еще барыней разодѣлась! шлюха эдакая!.. и ругательства полились рѣкой.

— Я это такъ не оставлю! все еще кричала барыня и помчалась по ряду.

— Ужь ступай, ступай, коли бить перестали!

Молодцы подсвистывали, дергали ее за салопъ, ругали. Барыня бѣжала безъ оглядки.

Степанъ Ивановичъ былъ свидѣтелемъ этой сцены.

— Что это, барыня-то кусокъ схапала? обратился онъ къ хозяину.

— Кусокъ, цѣлый кусокъ... Въ нашихъ глазахъ, анафема, сначила... Народу таково понабралось, молодецъ показывалъ, не доглядѣлъ, а она хвать кусокъ да подъ салопъ. Ну и вышла, мы глядь, а куска не хватаетъ. Мальчишки, бѣсъ ихъ знаетъ, буркулами хлопаютъ, а ничего не видятъ!

— Вѣрно мало ихъ у васъ?.. а то бы доглядѣли. Вотъ, хозяинъ, не надо ли вамъ паренька въ мальчики; вострый парень, шустрый будетъ?.. проговорилъ Степанъ Иванычъ, указывая на Ванюшку.—Родители-то ужь больно бѣдны у него... страхъ какъ бѣдность одолѣла!

— У меня есть трое, въ раздумьи проговорилъ хозяинъ:— да пожалуй, и еще можно взять, по крайности глазъ больше будетъ. Дѣло къ празднику подходитъ—тамъ еще больше воровъ по рынку станетъ шататься. Вы ужо приходите ко мнѣ на фатеру:—мы съ вами потолкуемъ. Вы изъ какихъ?

— Мы ярославскіе, здѣсь по ходебству занимаемся.

— Ну такъ приходите ужо...

Онъ сказалъ адресъ.

Вечеромъ того же дня Ванюшка былъ отданъ въ науку на пять лѣтъ.

Начинало свѣтать. Въ кухнѣ на столѣ горѣлъ сальный огарокъ. Мальчики сидѣли за столомъ и пили чай. Ванюшка сидѣлъ поодаль, грызъ лепешку, привезенную имъ изъ деревни, и плакалъ. Онъ переночевывалъ первую ночь у хозяина.

— Ахти-хти!.. говорила кухарка, зѣвая и почесывая рукою удь: — полно вамъ чаемъ-то набултыхиваться, — вставайте да вынесите-ка помои-то. А то послѣ въ лавку уйдете...

— Успѣешь, отвѣтилъ мальчикъ, который былъ побойчѣе.

— Не больно-то успѣешь, вставай да волоки. Дай срокъ, скажу Ивану Михеичу, онъ тѣ задастъ.

— Ну, да...

— Молчи ужь лучше, соплякъ!.. замѣтила кухарка.

Мальчики напились чаю и начали выносить изъ кухни помои.

— Лѣни-то, лѣни-то что въ васъ, говорила кухарка:— биты мало! Сказать-бы хозяину, въ которомъ часу вы вчера дрова въ сарай перебросали, такъ онъ бы съ вами немного поговорилъ!

Ванюшка все еще ѣлъ лепешку.

— А ты чтожь?—думаешь, такъ и будешь бариномъ сидѣть? Нѣтъ, братъ!.. Наколи-ка мнѣ лучины на подтопку.

Ванюшка взялъ косарь и принялся за дѣло.

Въ девятомъ часу молодцы и мальчики начали собираться въ лавку. Въ кухню вошолъ хозяинъ.

— У тебя ничего нѣтъ изъ верхней одежи, окромя тулупа? спросилъ онъ Ванюшку.

— Ничего.

— Ну какъ же я тебя, эдакую чучелу, на порогъ въ лавку поставлю! Ты пока останешься дома: поработаешь кое-что.

Молодцы отправились въ лавку. Проходя по кухнѣ, они пощипывали кухарку.

— О! чтобъ васъ совсѣмъ... бѣсы эдакіе!.. говорила та, отбиваясь.

— Безо всякой одежи этотъ парнишка, — одинъ дырявый тулупишко. Въ лавку стыдно поставить. Чортъ меня дернулъ взять этого парнишку, говорилъ хозяинъ женѣ.

— Все таки его такъ нельзя отсавить, нужно ему какую ни-на-есть шубенку купить.

— Какже, есть мнѣ изъ чего покупать! Подождетъ! Вотъ тебѣ салопъ бархатомъ крылъ, восемьдесятъ рублевъ стало.

Ванюшка покамѣстъ остался для домашнихъ работъ. Работы было не очень много: разъ пять въ день сбѣгать въ лавочку, снести въ рынокъ обѣдъ для молодцовъ, прибрать и вымести комнаты, вычистить нѣсколько паръ сапоговъ, вынести помои, принести дровъ и воды, затопить печи и иногда катать бѣлье съ кухаркой.

Приближалось Рождество. Однажды поутру хозяинъ вошолъ въ кухню. Въ рукахъ онъ держалъ свое рваное старое пальто и шарфъ, похожій на онучу.

— Эй ты, деревенщина, Ванюшка! Сегодня ты пойдешь въ лавку. Вотъ надѣнешь это пальто. Рукава подвернешь; да и подвертывать не надо, по крайности руки не будутъ мерзнуть. Шею шарфомъ укутаешь. Нынче не такъ морозно.

На дворѣ было пять градусовъ мороза. Ванюшка отправился въ лавку.

— Ванюшка-то весь перезябъ, сказала вечеромъ хозяину жена: — ты бы ему шубенку купилъ.

— Ну, молчи, и безъ того много расходовъ!.. Вчера въ горку десять рублей проигралъ. Не Богъ вѣсть какіе морозы,— не замерзнетъ!

Морозы усилились. Ванюшка все еще бѣгалъ въ лавку безъ шубы. Холодно было ему, бѣдному. Простоять семь часовъ на морозѣ не шутка! Станешь грѣться, бѣгать, прыгать, такъ молодецъ сейчасъ прикрикнетъ:

— Что забѣсился,—стой въ приличіи! Питеръ не деревня!

— Дернуло меня взять этого мальчишку! На кой онъ мнѣ песъ? Совершенно лишній, только хлѣбъ даромъ ѣстъ, говорилъ хозяинъ.

Однажды жена хозяина пришла въ лавку. Ванюша дрожалъ отъ холода. Она напомнила мужу о шубѣ.

— Куплю... отвѣтилъ онъ, и точно, отправился покупать, да на дорогѣ ему встрѣтился знакомый и зазвалъ въ трактиръ. Выпили по рюмочкѣ, по другой, напились чайку... и шуба была забыта?..

— Есть у тебя здѣсь кто изъ родственниковъ? спросилъ разъ Ванюшу хозяинъ.

— Есть — дядя Пантелей. Въ столярахъ служитъ.

— Гдѣ онъ живетъ?

— А у меня есть, прописано. Степанъ Иванычъ прописалъ.

Хозяинъ послалъ къ дядѣ Ванюши молодца. Дядя явился.

— Бери своего парня, не нуженъ онъ мнѣ: ни снаровки въ немъ нѣтъ, ни радѣнія. Только и на умѣ, чтобъ брюхо набить, говорилъ хозяинъ.

— Куда же мнѣ съ нимъ дѣваться, хозяинъ, мы тоже въ людяхъ живемъ.

— Взяли, такъ ужь нечего пятиться, по крайности хоть на мѣсто куда предоставьте!

— Не хочу я его держать, бери его сейчасъ. Почомъ ты знаешь, можетъ онъ у меня стянулъ что?

Дядѣ было нечего дѣлать, онъ взялъ Ванюшу. Хотѣлъ его отдать кому нибудь въ лавку, да никому не нужно было. Однажды онъ его свелъ на фабрику, тамъ Ванюша за двадцать копѣекъ въ день долженъ былъ вертѣть какое-то колесо.

Въ „Полицейскихъ вѣдомостяхъ“ было напечатано:

Съ фабрики бельгійскаго подданнаго Эдуарда Людвигова Шафсгезихта, находящейся такой-то части, такого-то квартала, дано было знать мѣстной полиціи, что находящійся при работѣ крестьянскій мальчикъ Иванъ Вавиловъ, 12 лѣтъ, сметая пыль съ машины, по неосторожности, попалъ рукою въ колесо, причемъ ему оторвало кисть руки. Больной отправленъ для излеченія въ больницу чернорабочихъ. Состояніе здоровья его, по заключенію врача, признано сомнительнымъ.

Карьера Ванюши кончилась. Ожиданія матери не сбылись!

X.

МАСТЕРИЧКА

День былъ душный и жаркій. Солнце накаливало тротуары. Прохожіе изнемогали отъ жара, шли какимъ-то медленнымъ шагомъ и то и дѣло, что отирали платками струившійся по лицу потъ. Нѣкоторые снимали шляпы и фуражки, но солнце жгло еще болѣе,—и рады были легкому вѣтерку, который даже и не освѣжалъ, а только подымалъ съ мостовой пыль и истолченный колесами конскій навозъ и залѣплялъ имъ глаза. Солнечные лучи, ударяя въ бѣлыя и желтыя стѣны домовъ, не позволяли взглянуть на нихъ и слѣпили глаза, а между тѣмъ на большой Садовой, какъ и всегда, была суетня. Экипажи обгоняли другъ друга, извощики стегали своихъ измученныхъ клячъ, тащилась общественная карета съ надписью: „Пески и Садовая", шли разнощики съ лотками, бадьями и корзинами, а молодцы на Александровской и Маріинской линіяхъ такъ и зазывали, такъ и тащили къ себѣ въ лавки покупателей. На дворѣ противъ банка жгли обветшалые кредитные билеты. Пахло гарью и чадомъ. Сторожа засовывали въ рѣшетчатую желѣзную печь кочерги и поворачивали горѣвшія пачки. Въ отдаленіи стояли директоры, курили сигары и укрывались отъ солнца зонтиками. У рѣшотки толпился народъ и смотрѣлъ на эту церемонію. Тутъ были солдаты, бабы, мастеровые мальчики въ тиковыхъ халатахъ, мужикъ съ подоткнутымъ передникомъ и съ корзиною на головѣ, надѣтою на подобіе кибитки, и даже какой-то чиновникъ съ кокардой на фуражкѣ и съ портфелемъ подъ мышкой. Сквозь толпу пробилась къ рѣшоткѣ дѣвочка лѣтъ четырнадцати, въ ситцевомъ платьѣ и въ платкѣ, накинутомъ на голову. Въ рукахъ у ней была небольшая пачка, обвязанная тесемкой.

Тутъ же у рѣшотки расположился и торговецъ образками, крестиками и картинками, намалеванными красной, желтой и зеленой красками. Народъ, посмотрѣвъ на сжиганіе бумажекъ, отодвигался и разсматривалъ образки. Въ толпѣ шли разговоры.

— Эхъ, жгутъ-то, кабы да намъ! говорилъ смотрѣвшій на горѣвшіе бумажки мужикъ съ корзиной на головѣ и улыбнулся.

— Поди-ка сунься, можетъ и дадутъ, замѣтилъ солдатъ съ узелкомъ въ рукѣ. — Въ загривокъ достанется. Казна-то не свой братъ... Эхъ ты, деревня!.. Кабы да намъ! передразнилъ онъ его.

— Не лайся, служба, мы не деревенскіе, семнадцатый годъ въ Питерѣ маемся. Ты шутки не понимаешь, мы тоже кое-что смыслимъ, отвѣчалъ обидѣвшійся мужикъ и сталъ отходить.

— Питерскій, а несообразность говоришь, бормоталъ ему въ слѣдъ солдатъ.

— Ужасти, какъ мерзко пахнетъ, противно стоять даже... Съ души воротитъ, обратился какой-то мастеровой къ бабѣ, покрытой расписнымъ фуляровымъ платкомъ, но не отошелъ, а уткнулъ носъ прямо въ рѣшотку.

— И жара же, страсти Божіи... Смаялась совсѣмъ, заговорила баба.—Въ деревняхъ теперь это, какъ лѣсамъ горѣть, такъ и запахнетъ вотъ эдакимъ... Пойти себѣ... А что есть у тебя, почтенненькій? Егорья бы мнѣ надо, обратилась она къ продавцу образковъ.

— Егорія нѣтъ... Крестиковъ кипарисныхъ не надоли, настоящіе Кіевскіе есть...

— Нѣтъ, не надо, отвѣчала баба и отошла прочь.

Народъ подходилъ къ рѣшоткѣ, стоялъ, толковалъ и продолжалъ путь...

Въ толпѣ послышался чей-то слезливый голосъ. Плакала дѣвоч-

ка, про тискавшаяся къ рѣшоткѣ. Народъ пересталъ обращать вниманіе на горѣвшія бумажки и окружилъ ее. Начались разспросы.

— Пачку держала въ рукахъ, положила ее передъ собой на рѣшотку, глядь, а ее и нѣтъ?.. разсказывала дѣвочка, всхлипывая отъ слезъ.

— Эка, бѣдная!—Теперича, поди, мать изобьетъ!—И кто это стянулъ? Есть ли крестъ на человѣкѣ! — Здѣсь плохо не клади,—слимонятъ!—Мѣсто бойкое, зазѣваешься, такъ и штаны снимутъ! говорили въ толпѣ.

— Да ты кто такая? Въ мастеричкахъ, что-ли, служишь? приставалъ къ дѣвочкѣ какой-то парень въ картузѣ и въ сибиркѣ.

— У мадамы... шляпки шьемъ, отвѣчала та, плача на взрыдъ.

— Гдѣ мадамъ-то живетъ? Нѣмка она, что ли?

— Нѣмка...

— Эти нѣмки, братцы, страсти, какія ехидныя!.. Теперича, на Вознесенскомъ есть одна.. началъ разсказывать кто-то.

— Что въ пачкѣ-то было?

— Ленты... только что купила. Рубль семьдесять пять дала, и вдругъ... Бѣда мнѣ теперь!

— Какъ мадаму-то звать? Злющая она, или нѣтъ? Поди, выдерутъ тебя? приставалъ къ дѣвочкѣ все тотъ же парень.

Но дѣвочка уже перестала отвѣчать, а только плакала.

— Обыскать бы сейчасъ, какъ спохватилась, а теперь поздно... слышалось въ толпѣ.

— Ладно, начинай! Я первый сапоги сниму! возвышалъ кто-то голосъ.—А нѣтъ, пусть въ кварталъ объявитъ!

— Утекать лучше, а то еще попадешься тутъ, говорили нѣкоторые и отходили.

Толпа все росла и росла. Каждый останавливался и спрашивалъ, въ чемъ дѣло. Къ толпѣ подошелъ городовой и разогналъ народъ.

— Ступай, дѣвочка, ступай съ Богомъ! Плачь не плачь, а дѣлать нечего, уговаривалъ онъ ее.

Дѣвочка отошла нѣсколько шаговъ, но остановилась и заплакала. Прохожіе опять начали приставать къ ней, спрашивали ее, въ чемъ дѣло, качали головой, давали совѣты и отходили.

Прошли два франта, узнали отъ городоваго исторію слезъ дѣвочки и пошли далѣе.

Кто-то даже сунулъ въ руку дѣвочки пятиалтынный. Проѣзжавшая въ каретѣ дама, увидавъ ее, остановилась, подозвала ее къ окну кареты, спросила, какъ ее зовутъ, и узнавъ, что Дашей, дала ей пару баргамотъ, сморкнулась, отерла слезу и уѣхала.

Всѣ вѣдь сочувствовали дѣвочкѣ!

Долго стояла Даша, прислонившись къ банковой рѣшоткѣ, и думала, что ей дѣлать. Страхъ и горе сжимали ей горло и мѣшали слезамъ. Она знала навѣрное, что хозяйка побьетъ ее, и побьетъ не разъ, не два, а ужъ выместитъ свои деньги. Она знала это по опыту. По Садовой проѣзжали экипажи, проѣхалъ вагонъ конно-желѣзной дороги, звеня что есть мочи, провели скованнаго по рукамъ по ногамъ арестанта. Гремѣли тяжолыя цѣпи, народъ подбѣгалъ къ арестанту и подавалъ ему булки, сайки, калачи и деньги, но Даша ничего этого не видала и не слыхала, она сосредоточилась на своемъ горѣ, на мысли, что ей дѣлать. Къ хозяйкѣ она боялась идти. Долго думала она, и наконецъ рѣшилась отправиться къ какой-то своей дальней родственницѣ, занимавшейся поденной работой въ родѣ стирки, мытья половъ, и тому подобнаго, и просить у ней столь необходимыя рубль семдесять пять копѣекъ.

Родственница Даши жила на Пескахъ и нанимала уголъ у какого-то наборщика изъ казенной типографіи. Всю дорогу Даша

творила молитву и наконецъ добрела до воротъ дома, гдѣ жила родственница. Даша вошла на дворъ. Дворъ былъ грязный, не мощеный: валялись какія-то разбитыя бочки, доски, лежали бревна, навозъ, щебень. Въ кучахъ мусору рылись куры. За угломъ лаяла сиплымъ басомъ цѣпная собака. Къ Дашѣ подошелъ щенокъ съ большой головой, робко понюхалъ подолъ ея платья, тявкнулъ и какъ-то бокомъ отошелъ отъ нея. Даша взобралась по лѣстницѣ, уставленной помойными ушатами и дровами, въ третій этажъ и вошла въ квартиру. Въ кухнѣ квартирная хозяйка гладила бѣлье. На полу въ корзинѣ сидѣлъ двухлѣтній ребенокъ въ одной рубашенкѣ и ѣлъ ломоть чернаго хлѣба, намазанный патокой, другой, немного побольше, съ такимъ же ломтемъ, возилъ по комнатѣ привязанный къ веревкѣ старый башмакъ.

— Здравствуйте, тетенька Прасковья! Тетенька Ульяна дома? спросила Даша квартирную хозяйку.

— Нѣтъ, нѣту... Стирать ушла. Къ какой-то купчихѣ въ Новую Деревню на дачу... отвѣчала Прасковья, пристально глядя на Дашу и, помусливъ палецъ, ткнула имъ въ горячій утюгъ.— Что это ты, Даша?.. Праздники у васъ, что ли?

— Нѣтъ, такъ... Тетеньку видѣть нужно, проговорила Даша и замолчала.

Губы ея тряслись, изъ глазъ выступали слезы.

— Что это ты такая?.. Что съ тобой?..

Даша ничего не отвѣчала и заплакала на взрыдъ.

— Что съ тобой? Да скажи толкомъ, что такимъ истуканомъ стоишь! приставала къ ней Прасковья.

— Горе у меня, горе...—Покупку потсеряла... Украли... чуть могла выговорить дѣвушка, и только черезъ нѣсколько времени, придя въ себя, подробно разсказала про свое несчастіе.

— Нѣтъ, нѣтъ... Сегодня тетка Ульяна и ночевать не при-

детъ. Развѣ завтра, къ вечеру, говорила, въ раздумьи Прасковья.—Экая ты какая... Какъ же такъ можно!.. Денегъ тебѣ надо, знаю; да взять-то негдѣ. У меня-то нѣтъ. Мужъ бы былъ, такъ такъ... Вотъ и не велики бы, кажись, деньги, а гдѣ ихъ возьмешь?.. хочешь кофейку? Славный такой кофей! Съ сухарями напою...

— Не хочу...

— Экая ты бѣдная, право!.. медленно качая головой и приложа руку къ щекѣ, говорила Прасковья.—Чтожъ, повинись хозяйкѣ, можетъ статься, и проститъ.. Выпей кофейку-то, прибавила она, помолчавъ.

— Прощайте, сказала Даша и вышла на лѣстницу.

— Я скажу завтра теткѣ-то, какъ она придетъ. Можетъ статься, она и понавѣдается къ тебѣ, кричала ей въ слѣдъ Прасковья.

Даша отправилась прямо домой. Когда она вошла на свой дворъ и увидала у входа на лѣстницу вывѣску, на которой была нарисована шляпка и указывающая рука въ синемъ рукавѣ, сердце ея болѣзненно сжалось. У окна сидѣли мастерицы и шили.

— Дашка идетъ! закричали онѣ, увидавъ ее, идущую по двору.

Изъ окна выглянула голова самой хозяйки и тотчасъ же спряталась.

Даша начала взбираться по лѣстницѣ. Въ четвертомъ этажѣ она остановилась передъ дверью, на которой была прибита желѣзная ленточка съ надписью: Моды и Платья М-ъ Шнауце, перекрестилась, взялась за ручку и отворила дверь. Въ прихожей ее уже ждала сама хозяйка, мадамъ Шнауце. Она стояла, подбоченившись.

— Гдѣ была, каналья? Гдѣ таскалась? спросила она Дашу съ замѣтнымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

Даша упала ей въ ноги и призналась въ чемъ дѣло.

— Пошла на мѣсто! Пошла въ мастерскую! сурово и хладнокровно сказала ей хозяйка.

Даша вошла въ мастерскую, сѣла на свое мѣсто и начала сбирать какую-то оборку.

— Экая ты какая!.. Какъ же можно такъ ротъ розѣвать!. говорили мастерицы.

Даша молчала. Слезы рябили ей глаза. Она колола иголкой пальцы.

Прошло пять минутъ. Въ мастерскую заглянула голова хозяйки.

— Даша, поди-ка сюда! проговорила она.

Даша вздрогнула, поблѣднѣла, но не тронулась съ мѣста. Хозяйка сказала это хотя и спокойно, но въ голосѣ ея слышалось что-то недоброе, гадкое.

— Поди же сюда! повторила она опять уже громче.

Даша все сидѣла.

— Ага, нейдешь! знаешь въ чемъ дѣло! Догадалась! закричала хозяйка, вбѣжала въ комнату и схватила Дашу за руку. Въ другой рукѣ у ней была толстая веревка, свернутая вдвое.

Даша взвизгнула, вырвалась отъ нее и побѣжала въ кухню. Хозяйка за ней. Даша стала прятаться по угламъ, хозяйка настигла ее. Голова у Даши помутилась. Видя, что ей невозможно избѣжать побоевъ, она вскочила на подоконникъ открытаго окна, и прежде чѣмъ хозяйка успѣла замахнуться веревкой, она выбросилась за окно.

Черезъ три дня въ полицейской газетѣ стояло:

Такой-то части, такого-то квартала, изъ дому такого-то, проживающая въ ученьѣ у ревельской урожденки Амаліи Карловой Шнауце, солдатская дочь Дарья Иванова, 14 лѣтъ, выбросилась

изъ окошка четвертаго этажа на мостовую и убилась до смерти. О дѣлѣ этомъ производится строгое слѣдствіе.

Петербуржцы читали и ужасались. Дамы слезились. Нѣкоторые говорили, что намъ необходимъ строгій надзоръ за хозяевами, имѣющими учениковъ и ученицъ. Поговорили дня два и —оставили, а черезъ недѣлю и совсѣмъ была забыта эта исторія.

XI.

ЛИХАЧЪ.

Морозное и туманное утро превратилось въ день. Первый часъ. Изъ трубъ валитъ дымъ не сѣрой, а какой-то буро-красноватый и лѣниво разсѣивается въ воздухѣ. По Разъѣзжей улицѣ бѣгутъ съ судками въ рукахъ лавошные мальчики, они тащатъ для прикащиковъ обѣдъ. Заиндевѣли воротники ихъ заячьихъ тулуповъ, озябли уши, носы, а они такъ и бѣгутъ, такъ и припрыгиваютъ, передавая изъ уставшей руки въ другую руку, тяжеловѣсные судки. Главная торговля въ Ямскомъ рынкѣ кончилась. Кухарки и хозяйки купили, что имъ было нужно къ обѣду, и принялись дома за стряпню. Изъ лавки вышли два торговца въ енотовыхъ шубахъ съ воротниками, поднятыми „кибиткою“. Они переходили улицу и направлялись въ трактиръ пить чай.

— Что жь мы двое-то идемъ? проговорилъ одинъ изъ нихъ.— Возьмемъ Парамона Ивановича,—на восемнадцать копѣекъ и напьемся.

— Ладно, отвѣчалъ другой.—Парамонъ Иванычъ въ лавкѣ? крикнулъ онъ съ середины улицы молодцу, который сметалъ около лавки съ тротуара снѣгъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ трактиръ чайкомъ баловаться

ушли, отвѣчалъ молодецъ, переставъ мести, и изъ учтивости передвинулъ шапку съ праваго бока на лѣвый.

— Что такъ рано?

— Не могу знать-съ Третій разъ сегодня. Сначала такъ отъ скуки ходили, потомъ землякъ ихній приходилъ, а теперь съ письмоводителемъ изъ участка ушли.

Торговцы остановились посреди улицы и стали соображать, кого бы пригласить съ собой въ трактиръ. Молодецъ посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ, сморкнулся въ руку, отряхнулъ ее о нагольный тулупъ, и отеревъ носъ полотнянымъ передникомъ, принялся снова мести тротуаръ. А торговцы все стояли посреди улицы да толковали. Проѣзжали шажкомъ къ колодѣ на биржу два извощика лихача и чуть не наѣхали на торговцевъ.

— Что посередь улицы-то стали, —здѣсь не деревня!.. Народъ проѣзжаетъ, проговорилъ одинъ изъ лихачей, и пріостановивъ лошадь свернулъ въ сторону.

Оторопѣвшіе торговцы начали ругаться, а лихачи поѣхали своей дорогой. „Гужеѣдъ! Мазурикъ“! доносится до лихачей, а они все ѣдутъ да ѣдутъ, не обращаютъ вниманія на ругань и перекидываются межу собою словами. Одинъ даже папироску куритъ. Мѣрнымъ шагомъ и гордо выступаютъ ихъ холеные чистые рысаки, потрясаютъ головами и фыркаютъ. Ухарски, както бокомъ прислонившись къ плетенымъ санямъ сидятъ лихачи. Платье на нихъ съ иголочки, новыя бархатныя шапки; на одномъ голубая, на другомъ пунцовая. Одинъ изъ нихъ среднихъ лѣтъ съ окладистой черной бородой, другой безъ бороды, съ серьгою въ ухѣ, ухарскій парень лѣтъ двадцати.

— Вотъ въ этомъ домѣ направо, у меня сѣдокъ жилъ. говорилъ лихачъ съ черной бородой и махнулъ пунцовой шапкой на трехъ-этажный домъ.—Купчикъ одинъ. Завсегда со мной ѣздилъ. Платилъ—не жался, только, говоритъ, покатай ты меня въ свое

удовольствіе. Ужь и каталъ же я его! Бывало идетъ мимо колоды, а я ему и скажу: Федоръ Иванычъ, выручка нониче плоха, дайте что ни-на-есть съ руки,—заѣзжу послѣ. Дастъ синюху. Одно бывало: никогда поѣздивши у своихъ воротъ не останавливался. Своихъ боялся. Отецъ у него, надо статься, ехидный, Остановится у Пяти угловъ, а до дому пѣшкомъ идетъ. Самъ бывало гдѣ пьетъ,—и мнѣ высылаетъ. Шампанскимъ поилъ. Кутилъ онъ. Послѣ ему отецъ хвостъ поприжалъ. Задолжалъ онъ мнѣ рублевъ сорокъ, тридцать отдалъ, а десять и по теперь за нимъ. Товарищъ его со мной какъ-то на Крестовскій ѣздилъ, я его и спрашиваю, гдѣ, говорю Федоръ Иванычъ нониче? А онъ смѣется, да и говоритъ мнѣ: на святыя, говоритъ, воды его отецъ послалъ, на Валаамъ къ монахамъ, чтобъ остепенился. А важный купчикъ былъ! посадитъ это бывало въ сани свою мамзель, а самъ со мной на облучокъ сядетъ, возметъ вожжи, да и запаливаетъ. Ужасти какъ любилъ править!

— Да, эдакіе рѣдки. У меня вотъ одинъ сѣдокъ есть, изъ гостинаго онъ, прикащикъ, говорилъ другой лихачъ:—теперь третье воскресенье со мной въ Николаевскую ѣздитъ и все мимо одного дома. У окна тамъ дамочка сидитъ, надо статься купчиха. Проѣдемъ мимо, онъ ей поклонится, а она ему. Потомъ опять назадъ, потомъ съ саней сойдетъ, пѣшкомъ мимо оконъ пройдетъ, а я за нимъ шагомъ ѣду. Да такъ раза три, четыре... На послѣдяхъ велитъ во всю прыть мимо оконъ скакать, сдѣлаетъ ей рукой и шабашъ!

— Ростится, замѣтилъ лихачъ съ черной бородой—надо статься, свататься хочетъ... Ну я направо. Мнѣ въ Итальянскую къ Бертѣ Федоровнѣ надо... Къ двумъ часамъ велѣла пріѣзжать. Поди къ своему гусару поѣдетъ, а послѣ по Невскому кататься будетъ. Прощай! Ты къ колодѣ?

— Къ колодѣ...

Молодой лихачъ подъѣхалъ къ своей колодѣ къ Аничкину мосту, разнуздалъ лошадь и привязалъ ее.

— Ивану Степанычу! дружески привѣтствовалъ его городовой, стоящій на углу, и протянулъ руку.

— Максимычу поклонъ! отвѣчалъ лихачъ, хлопнувъ его по рукѣ.

— Что поздно?

— Успѣю еще назябнуться-то! Коего жида здѣсь дѣлать! Наша выручка съ четырехъ часовъ. А что, развѣ кто спрашивалъ?

— Нѣтъ, такъ...

— Ахъ дѣла дѣла! проговорилъ почему-то вздохнувъ лихачъ и началъ укрывать лошадь ковромъ.

Три часа. На Невскомъ суетня. Бѣжитъ народъ, проѣзжаютъ экипажи, гремятъ о тротуары кавалерійскіе палаши и сабли, носятся въ колясках камеліи высокаго полета, ихъ обгоняютъ различные франты въ цвѣтныхъ кепи, въ шляпахъ и въ шапкахъ; пронесся и лихачъ съ черной бородой и разфранченной, какъ говорится, въ пухъ и прахъ Бертой Федоровной, а лихачъ Иванъ еще все безъ почину. Два раза ходилъ онъ чайку напиться, поручивъ лошадь городовому, закусилъ у саячника, а сѣдоковъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Правда, былъ одинъ сѣдокъ да Иванъ самъ его не повезъ. Сѣдокъ этотъ былъ мужчина лѣтъ тридцати съ красивыми бакенбардами на англійскій манеръ, одѣтъ по послѣдней модѣ и состеклышкомъ въ глазу.

— Иванъ! Садись! Поѣдемъ! крикнулъ онъ лихачу.

Лихачъ и шапкою не двинулъ, почесалъ затылокъ и проговорилъ:

— Поѣхать-то поѣдемте, Константинъ Павлычъ, только деньги впередъ-съ...

— Что жь ты, болванъ, не вѣришь мнѣ?

— Нѣтъ-съ, помилуйте, какъ возможно, вѣрю, отвѣчалъ съ

лукавой улыбкой лихачъ: — только деньги впередъ пожалуйте, ужь у меня теперь такое заведеніе...

— Оселъ! презрительно обругалъ Константинъ Павлычъ, и заложа руки въ карманъ своего пальто, пошелъ прочь.

— Константинъ Павлычъ, когда же должокъ-то? крикнулъ ему въ слѣдъ лихачъ.

Тотъ не отвѣчалъ ни слова и не оборачивался.

— Чтожъ не повезъ? спросилъ лихача городовой.

— Пускай ужъ кто другой съ нимъ ѣдетъ, а не я... Проучилъ онъ меня. Пятнадцать рублевъ за нимъ пропадаетъ. Теперь его развѣ какой изъ новичковъ повезетъ. Этотъ человѣкъ вотъ какой: ни одного лихача нѣтъ, кому-бы онъ долженъ не былъ. Одному, говорятъ, сто рублевъ долженъ. Прогорѣлый онъ какой, бѣсъ его знаетъ, али такъ жила...

— Просто прощалыга, замѣтилъ городовой и взялъ съ лотка саячника яйцо.

— Это седьмое, Агафонъ Максимычъ, проговорилъ саячникъ.

— Ну да, седьмое, отвѣчалъ городовой и дружески сбилъ съ саячника шапку.

На думской каланчѣ появился красный шаръ, — сигналъ для зажиганія фонарей. Забѣгали фонарщики съ лѣстницами, начали освѣщаться окна магазиновъ и Невскій проспектъ заблисталъ огнями. Къ лихачу Ивану подошла барыня въ черномъ муаръантиковомъ платьѣ, въ бархатной шубкѣ и боярской шапочкѣ.

— Иванъ, душенька, прокати въ долгъ до первыхъ денегъ, проговорила она съ замѣтнымъ нѣмецкимъ выговоромъ. — Мнѣ только по Невскому за однимъ военнымъ погоняться...

— Такъ-то такъ, Амалія Карловна, только сегодня выручки совсѣмъ нѣтъ. Безъ почину еще...

— Прокати... Только полчаса... Ну вотъ что: я Васѣ скажу, онъ тебѣ отдастъ. Скажу, что шесть рублей проѣздила.

— Ну садитесь! Эхъ, Амалія Карловна, ужъ только одно, что мамзель-то вы хорошая! Угощеніе съ васъ!

— Пріѣзжай ко мнѣ, — угощу! Обогнать его надо, Иванъ...

Они помчались.

Съѣздилъ лихачъ съ Амаліей Карловной и опять остановился у колоды поджидать сѣдоковъ. Сидитъ онъ на деревянномъ обрубкѣ, прислонясь къ рѣшеткѣ набережной, покуриваетъ папироску, поглядываетъ на рысака и далеко носятся его мысли. Вспоминаетъ онъ, какъ, по шестнадцатому году, онъ былъ привезенъ дядею изъ деревни въ Петербургъ, какъ его дядя въ первый разъ пустилъ на извощичій промыселъ, давъ кой какую клячонку, рваную шапку, армякъ съ большаго мужика и развалюги-сани. Сначала Ванюшка не зналъ улицъ, сѣдоки его надували, ѣздили за гривенникъ съ Песковъ на Васильевскій Островъ, иные совсѣмъ пропадали, — уходили въ проходной дворъ, и такъ соскакивали съ саней, не отдавши денегъ. Ванюшка ревѣлъ и научался. Черезъ годъ онъ ужь совсѣмъ искусился въ извощичей жизни, зналъ улицы, бойкія мѣста, пилъ по три раза въ день въ трактирѣ чай и умѣлъ, при случаѣ, содрать съ сѣдока лишній гривенникъ. Дядя далъ ему закладку получше. Года два проѣздилъ онъ такъ, дядя продалъ старыя закладки и занялся лихачествомъ. И сталъ Ванюшка Иваномъ, зафрантилъ закладкой, армякомъ, шапкой, узналъ про „Минерашки,“ „Марьину Рощу,“ про „Шатудафлеръ,“ и возилъ гулящихъ мамзелей, гулящихъ купчиковъ, кадетиковъ и офицеровъ. Иванъ зналъ, какъ подслужиться. Купца называлъ „вашимъ благородіемъ,“ а кадетика и офицера „сіятельствомъ“ и нерѣдко возвращался домой съ четвертной бумажкой выручки, да съ красненькой на чай.

— Эй ты, Ванюха! Иванъ! Отдай извощику!

Лихачъ вскочилъ съ обрубка. Передъ нимъ стояли извощичьи сани, изъ саней выходилъ молодой мужчина съ закрученными

усами, въ бобровой шапкѣ и въ шубѣ на собольихъ лапкахъ. На его указательномъ пальцѣ блестѣлъ брилліантовый перстень.

— Степану Мартынычу! Господину купцу! проговорилъ лихачъ, снялъ шапку и поклонился.

— Не растобарывай! Знаешь, я этого не люблю! отдавай деньги извощику, садись и пали! Въ путь! Живо!

— Въ моментъ! Садитесь, ваше сіятельство! проговорилъ лихачъ, засуетился и ужъ черезъ полъ-минуты отъѣзжалъ съ Степаномъ Мартынычемъ отъ колоды.—Куда прикажите?

— Пали прямо по Невскому! Дуй!

Лихачъ ударилъ вожжами и рысакъ, ловко выбрасывая ногами, помчался по Невскому, оставляя за собою снѣжную пыль.

— Гуляю, Ванюха! Тятенька въ отлучкѣ и я гуляю! Пали! говорилъ немного подгулявшій Степанъ Мартынычъ.

— Правѣй! лѣвѣй! Эй! кричалъ лихачъ.

Сторонились прохожіе, переходившіе улицу, сворачивали съ дороги извощики и посылали имъ въ слѣдъ чертей и тому подобнаго.

— Давай кнутъ и оборачивай назадъ... Извощикъ на саняхъ спитъ, огрѣть хочу! Важно огрѣю... проговорилъ Степанъ Мартынычъ.

Лихачъ обернулъ рысака, досталъ изъ саней кнутъ и подалъ сѣдоку.

— Поближе мимо его проѣзжай! Видѣлъ?

— Видѣлъ-съ... Останетесь довольны... Ништо ему дураку,— не спи!

Сказано—сдѣлано. Поровнялись съ спящимъ на саняхъ извощикомъ, взмахнулъ Степанъ Мартынычъ кнутомъ и хлыснулъ его. Отъ взмаха кнута рысакъ помчался еще шибче.

— Уголилъ! Потрафилъ! Пали! кричалъ сѣдокъ и ужъ благо—рука расходилась, хлыснулъ по спинамъ и двухъ прохожихъ,

переходящихъ улицу. — Ванюха, ты мнѣ по нраву пришелся: прежде съ лихачемъ Николаемъ, что по французски говоритъ, ѣздилъ, а теперь не хочу.

— И не стоитъ съ нимъ ѣздить, подстрекалъ лихачъ: — важничаетъ больно. Тѣмъ важничаетъ, что у него перстень брилліантовый на рукѣ. Такъ вѣдь это онъ за долгъ взялъ, а можетъ быть и такъ отъ пьяненькаго досталось. Куда же теперь, Степанъ Мартынычъ?

— Куда хошь, только пошелъ! Я гуляю и дѣлу конецъ!

— Въ Екатерингофъ не желаете-ли? Тамъ балъ сегодня. Живо доставлю.

— А какъ?

— Въ двадцать минутъ...

— Врешь?!

— Извольте часы замѣтить...

— Ладно, пали! Доставишь въ двадцать минутъ — зелену на чай, не доставишь—кнутомъ тебя холыснуть?

— Извольте на часы посмотрѣть!..

— Половина восьмаго. Пали!

Лихачъ ударилъ по рысаку и помчался.

„Попалъ на сѣдока, думалъ онъ: — не даромъ день пропалъ." — Васька, выручи и угости Степана Мартыныча во все удовольствіе! кричалъ онъ рысаку и хлопалъ по немъ вожжами.

XII.

КУХАРКА.

Въ кухнѣ пахло жаренымъ цикоріемъ и тряпками, сушившимися недалеко отъ плиты. У бѣлаго сосноваго стола, уставленнаго горшками, кусками говядины, солонкой и рванымъ ситомъ

съ какою-то жижицей, сидѣлъ худенькій небольшаго роста солдатъ съ щетинистыми усами и пилъ кофей. У плиты стояла кухарка—женщина лѣтъ тридцати и ковыряла вилкой жарившуюся на сковородѣ какую-то рыбу.

Солдатъ выпилъ кофей, обернулъ чашку кверху донышкомъ, положилъ на него огрызокъ сахару и всталъ съ мѣста.

— Дай-ка, Аксинья, уголька, я выду на лѣстницу трубочки покурить, проговорилъ онъ и вытащилъ изъ кармана штановъ засаленый ситцевый кисетъ, изъ котораго торчалъ кончикъ чубука.

— Ну ужъ полно, что за трубка!.. Ступай домой, коли собрался.

— Эхъ ты какая, право... пробормоталъ солдатъ и спряталъ кисетъ.—Прощай, коли такъ!

— Прощай, отвѣчала Аксинья, не отходя отъ плиты и стоя къ солдату спиною.

Солдатъ взялъ фуражку и ушолъ.

— Чортъ эдакой! обругалась Аксинья. Пихнула ногой попавшагося котенка и вышла на лѣстницу. На лѣстницѣ еще были слышны шаги солдата.

— Прохоръ Иванычъ? крикнула она.

— Ну? откликнулся солдатъ.

— Подь-ка сюда!

Солдатъ поднялся наверхъ.

— Слышишь, Прохоръ Иванычъ, ты женись на мнѣ.

Солдатъ переминался съ ноги на ногу и чесалъ затылокъ.

— Женись, женись! передразнилъ онъ:—а было бы на что. Надо свадьбу съиграть, товарищей угостить.

— Съиграемъ какъ нибудь. У меня тридцать рублей есть принакоплено. Перья на перину есть, на чердакѣ лежатъ.

— Что мнѣ въ перьяхъ-то! Тоже жить надо. Прощай!

— Ахъ ты пьяная рожа, пьяная! разразилась Аксинья.—Небось, какъ штыкъ потерялъ, пьянствовавши, такъ ко мнѣ же прибѣжалъ, у меня же пять четвертаковъ выманилъ. Безстыжіе твои глаза!

— Прощай, проговорилъ онъ и началъ сходить съ лѣстницы.

— Такъ вотъ что, не смѣй ты ко мнѣ послѣ этого и рожи своей поганой показывать! Придешь, такъ выгоню! Возьму кочергу, и кочергою тебя подлеца!

Солдатъ ушолъ.

Прошла недѣля. Аксинья чистила картофель и тихонько пѣла:

«Собачка вѣрная моя залаетъ у воротъ».
На кровлѣ филинъ просвистѣлъ»...

и остановилась. Въ кухню вошелъ Прохоръ Иванычъ.

— Ну что пришолъ? обратилась къ нему Аксинья.—Говорила вѣдь я тебѣ, чтобъ ты не смѣлъ мнѣ и на глаза показываться. Пошолъ вонъ, подлые твои глаза!

— Ты не очень, что ты...

— Пропился вѣрно, такъ опять за деньгами пришолъ? А вотъ тебѣ Богъ, и вотъ тебѣ двери!

Аксинья указала на образъ и потомъ на двери. Прохоръ Иванычъ не трогался съ мѣста.

— Ты погоди, ты вотъ что... Ты прежде выслушай, говорилъ онъ.

— Нечего и слушать тебя, подлеца. Ступай—откуда пришелъ. А нѣтъ, я хозяйкѣ нажалуюсь, что отъ тебя отбою нѣтъ, такъ она велитъ тебя дворнику выпихать.

— Эхъ ты какая, Аксинья! Выслушай прежде, а потомъ и гони!

— Ну говори и ступай вонъ отъ грѣха.

— Слышишь, вотъ что: я говорю, повѣнчаемся.

Гнѣвъ у Аксиньи сталъ проходить.

— Дуракъ, право, а еще солдатомъ называешься, все еще ругала она его, но ужь такъ, не сердясь.

— Да ты что же ругаешься-то? Не любо, такъ разойдемся.

— Да какъ же тебя не ругать! Садись, что ли.

Черезъ полчаса Прохоръ Иванычъ успѣлъ уже напиться кофею и покурить на лѣстницѣ трубочку.

— Ты говоришь, что у тебя тридцать рублевъ есть? говорилъ онъ Аксиньѣ.

— Есть.

— А гдѣ они у тебя?

— Гдѣ!.. Извѣстно гдѣ,—въ сундукѣ.

— Вотъ этотъ, что подъ кроватью-то?

— А то въ какомъ же? У меня одинъ сундукъ.

— Все мелкими или крупными?

— Да что тебѣ до этого? Крупными.

— Такъ, къ слову. Будто ужь и спросить нельзя?.. Покажи ихъ, какія такія.

— Ахъ ты Фома невѣрный! Ну не безстыжіе ли твои глаза послѣ этого?

Аксинья выдвинула изъ-подъ кровати сундукъ, порылась въ немъ и вытащила оттуда ситцевый мѣшечекъ.

— Вотъ они, гляди на нихъ.

— Да ты вынь.

Аксинья вынула изъ мѣшечка три красненькія бумажки. Прохоръ Иванычъ осклабился.

— Вѣдь это на ассигнаціи-то больше ста рублей будетъ... проговорилъ онъ.

— Да еще восемь рублей за хозяйкой есть. Ну что, увѣрился? Платьишки мои теперь будешь смотрѣть, что ли? Сунься и сюда съ своимъ рыломъ.

— Что мнѣ въ платьяхъ-то?.. Прощай.

— Когда же зайдешь? Теперь ужъ мясоѣду-то не много осталось, такъ надо думать.

— Забѣгу какъ нибудь, проговорилъ Прохоръ Иванычъ и ушелъ.

Черезъ двѣ недѣли была свадьба Аксиньи съ Прохоромъ Иванычемъ. Хозяйка дала ей свою чистую комнату для свадебнаго пиршества и подарила тюлю на вуаль, надѣванныя бѣлыя перчатки и помятый, но еще годный къ употребленію чепецъ для визитовъ на второй день.

Поутру въ день свадьбы, Аксинья еще только успѣла встать и наливала свой желудокъ кофеишкомъ, какъ уже пришелъ женихъ и принесъ ведерную бутыль водки и двѣ бутылки наливки.

— Куда это столько? встрѣтила его Аксинья;—обопьетесь.

— Ничего не обопьемся. А я думаю, чтобъ не мало было. Хоть я и звалъ всего человѣкъ пять, а народу-то наберется. Ужъ наши ежели пронюхаютъ, что гдѣ есть угощеніе, такъ придутъ. Не гнать же ихъ... Ты окорокъ-то купила?

— Купила. Вотъ сейчасъ истоплю печь да сажать его стану. Два пирога испеку: съ рисомъ да съ вареньемъ. Что же еще, какого угощенія надо? Ты, Прохоръ Иванычъ, не больно зови гостей-то.

— Да я никого не звалъ. Ефрейторъ съ женой будетъ, Федоровъ, —онъ шаферъ, да еще человѣка три, четыре.

— То-то, смотри же! Я и то ужь, ничего не видя, на свадьбу двѣнадцать рублей издержала. А что купила?—ничего.

Въ шесть часовъ вечера женихъ прислалъ шафера и карету. Шаферъ вошелъ въ комнату. Невѣста въ темномъ шерстяномъ платьѣ и въ бѣломъ вуалѣ съ цвѣтами сидѣла въ чистой комнатѣ на диванѣ и плакала. Около нея помѣщались три дѣвушки — знакомыя ей горничныя и тоже, глядя на нее, слезились. Поодаль сидѣли: съ окладистой черной бородой мужчина въ ватной чуйкѣ—кучеръ и его жена. Около ихъ вертѣлся ихъ сынъ—мальчишка лѣтъ семи въ розовой ситцевой рубашкѣ и новыхъ сапогахъ со скрипомъ и стукомъ.

— Прохоръ Иванычъ за вами прислали; они въ церкви ждутъ съ, проговорилъ подойдя къ невѣстѣ шаферъ, бравый солдатъ съ розовымъ бантомъ на рукавѣ.

— Ну! въ часъ добрый! сказала кучерова жена и встала съ мѣста. — Вставай, Аксиньюшка. Петръ Филимонычъ, благословимъ ее, обратилась она къ мужу.

Благословеніе кончилось. Мальчишкѣ въ сапогахъ со скрипомъ и стукомъ вручили образъ, завернутый въ бѣлый платокъ, и процессія тронулась.

Начали сходить съ лѣстницы. Впереди шелъ шаферъ, освѣщалъ стеариновымъ огаркомъ путь и на ходу накидывалъ на себя шинелъ, которая поминутно сваливалась съ плечь. За шаферомъ шли: мальчишка съ образомъ и невѣста съ гостями.

— Крестись, Аксиньюшка, говорила на каждокъ перекресткѣ кучерова жена невѣстѣ. И невѣста крестилась. — Мѣшечекъ съ мыломъ, денежкой и хлѣбомъ положила въ карманъ?

— Положила.

— То-то, отъ этого жизнь лучше будетъ.

Сошли внизъ.

— Теперь подумай о винѣ и плюнь,—черезъ это мужъ пьяницей не будетъ, напѣвала кучерова жена.

Невѣста исполнила и это.

У подъѣзда стояли кухарки и горничныя почти со всего двора и смотрѣли на церемонію.

Шаферъ отворилъ дверцы кареты. Первая вошла въ карету невѣста, за ней кучерова жена, потомъ кучеръ. Мальчишка съ образомъ помѣстился на колѣняхъ отца, противъ невѣсты. За мальчишкой влѣзли двѣ дѣвушки горничныя Третьей не было мѣста.

— Куда же Груша-то сядетъ? Не идти же ей одной... говорила невѣста.

— Петръ Филимонычъ, да ты выдь изъ кареты-то. Ты мужчина, пѣшкомъ дойдешь, сказала кучеру жена.

— Нѣтъ ужъ, Петръ Филимонычъ пусть сидитъ. Лучше мы вотъ что сдѣлаемъ: пусть Груша сядетъ, а я къ ней на колѣни... или пусть она ко мнѣ и къ вамъ на колѣни садится. Далеко ли здѣсь!

Въ карету сѣла и Груша. Шаферъ захлопнулъ дверцы кареты, вскочилъ на козлы и карета тронулась.

На столѣ горѣлъ огарокъ, вставленный въ мѣдный подсвѣчникъ, стоялъ пустой штофъ, рюмка, и лежала вуаль съ бѣлыми цвѣтами. На брачной постели сидѣла Аксинья и горько плакала. Напротивъ ея, упираясь затылкомъ въ перегородки коморки, полу-лежалъ, полу-сидѣлъ на стулѣ пьяный Прохоръ Иванычъ и ругался. За перегородкой слышалось храпѣнье и сапѣнье другихъ обитателей комнаты.

Это была первая ночь новобрачныхъ послѣ свадебнаго пиршества.

— И зачѣмъ ты это пилъ столько? Выпили ведро и довольно, не нужно было посылать, а ты послалъ опять за винищемъ. А здѣсь зачѣмъ было пить? Ну, пускай бы ужъ провожа-

тые трескали; тѣ рады до чужаго, а то и ты съ ними туда же!

— Шкура ты эдакая, право шкура! Какъ же не веселиться, не пить въ такой день? Вѣдь эдакой день разъ въ жизнь у человѣка бываетъ... Ну, молчи!

— Не стану молчать, не стану. Ругать тебя надо, вотъ что. На чьи ты деньги пилъ, скажи мнѣ? Развѣ на свои деньги?

— На свои. Ты моя, и деньги мои, а не твои. Какъ ты меня смѣешь упрекать?

— Смѣю, потому что ты на мои пилъ. Ты и женился-то на мнѣ только потому, что у меня деньги были. Тебѣ только и хотѣлось попьянствовать да товарищей угостить.

— Ну да, хотѣлось, а ты молчи, а, нѣтъ встану, да и пришибу!

— Подлецъ ты, подлецъ, послѣ этого!

— А вотъ я тебя пну, такъ ты и будешь молчать!

— Никогда передъ тобой не буду молчать.

— Такъ постой же, я тебя поучу!

Прохоръ Иванычъ всталъ съ мѣста и, шатаясь, направился къ Аксиньѣ.

— Батюшки, помогите, онъ меня бить хочетъ! закричала она.

На крикъ ея пришли въ ихъ комнату проснувшіеся сосѣди и стали уговаривать Прохора Иваныча.

— Господи! наказалъ ты меня этимъ человѣкомъ! проговорила Аксинья, и, зарыдавъ, уткнулась въ подушку. Такъ, не раздѣваясь, и проспала она остатокъ ночи. Прохоръ Иванычъ спалъ на стулѣ, опершись руками на столъ и положивъ на нихъ голову.

На другой день, когда проснулась Аксинья, Прохора Иваныча уже не было въ коморкѣ. Она встала и отправилась къ печкѣ варить кофей.

— Что у тебя вчера съ самимъ-то было? спрашивали ее сосѣдки.

— И не говорите, родныя, наказаніе, да и только!

— Побилъ, больно побилъ?

— Побить-то не побилъ, а хотѣлъ, да ужь люди остановили.

— Вишь грѣхъ какой, право. И въ какую ночь!

— Видно ужь судьба моя такая! Наказалъ меня Богъ этимъ человѣкомъ! проговорила Аксинья, прослезилась и отерла глаза кулакомъ.

— А теперь-то онъ гдѣ?

— Да кто-жь его знаетъ. Я проснулась, такъ ужь его не было.

— Не въ кабакъ ли похмѣляться ушолъ? Хочешь, такъ я пошлю моего, онъ съищетъ.

Но посылать не пришлось. Прохоръ Иванычъ пришелъ самъ. Встрѣтившись съ женой, онъ отвернулся.

— Что-жь ты, Прохоръ Иванычъ, не здороваешься? сказала ему Аксинья.

— Здравствуй!

— Что это ты вчера-то набѣдокурилъ! Вспомни-ка, начала она.

— Ну, ужь молчи, полно. Не поминай. Скверно!

— То-то, скверно! Садись, давай пить кофей.

И они начали пить кофей.

Въ двѣнадцатомъ часу Прохоръ Иванычъ и Аксинья собрались идти въ гости съ визитами. Хотѣла Аксинья надѣть другое платье, — глядь на стѣну, а платья нѣтъ.

— Прохоръ Иванычъ, гдѣ-жь платье-то мое?

— Какое платье?

— Да сѣренькое, красными цвѣточками? Я его третьяго дня прислала сюда съ Анной Федоровной.

— Вотъ что, Аксинья, ты ужь не ругайся, проговорилъ Прохоръ Иванычъ: я его заложилъ.

— Какъ заложилъ?!

— Да такъ. Заложилъ одному нашему солдатику, еврею.

— Да какъ же ты смѣлъ?

— Какъ же быть-то иначе, — нужно было. Нужно было искупить всего. Ты разсуди сама: ведро водки простой, двѣ бутылки сладкой, карета, да за вѣнчанье. А у меня только три рубля и было. Дай семь рублей, такъ я выкуплю. Сейчасъ же можно выкупить.

Аксинья дала семь рублей.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ свадьбы у Аксиньи родилась дочь.

— По рукамъ и по ногамъ связала меня эта дѣвчонка, жаловалась Аксинья сосѣдкамъ. — Безъ нея я хоть бѣлье стирать ходила, такъ зарабатывала, а теперь что? иголкой-то не много наковыряешь. За рубашку-то вонъ по гривеннику даютъ, а скоро ли ее сошьешь? Знала бы, что Прохоръ Иванычъ такой непутный, такъ ни за какія бы, кажется, блага не вышла за него. Жила бы себѣ на мѣстѣ да жила. Ну, родилась дѣвчонка, въ воспитательный бы отдала.

— Да ты посылай его на работу, что, въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ болтается. Наши же мужья ходятъ.

— Онъ какой-то неимущій, ни къ какой работѣ неспособенъ.

— Да тутъ способности и не нужно. Наши вонъ ходятъ стѣну каменную разбирать, мусоръ носить, — у подрядчика нанимаются... По полтинѣ въ день зарабатываютъ.

Большихъ усилій стоило Аксиньѣ уговорить мужа ходить на работу. Онъ все отговаривался, что у него силы нѣтъ, однако созналъ свое безпутство и сталъ ходить.

Въ городѣ ходили слухи, что упавшею стѣною какого-то стараго сгорѣвшаго зданія убило рабочихъ, занимавшихся расчисткою мѣстности. Одни говорили, что убило десять человѣкъ, другіе—пятнадцать, а третьи—видимо невидимо! Винили домохозяина, винили архитектора. Говорили, что между ними была стачка: потому что стѣну эту валить было нельзя, а нужно было разбирать по кирпичу; но это стоило бы втрое дороже. Первый день поговорили, второй день поговорили объ этомъ происшествіи, и забыли его, а на третій день по Волковскому кладбищу ходила Аксинья съ какою-то женщиною и искала могилу мужа, спрашивая сторожей „гдѣ похоронены тѣ, что стѣною-то убило?“

— А вотъ пройдешь прямо, потомъ повернешь налѣво, потомъ направо, перейдешь рѣчку, упрешься въ заборъ, тутъ у забора и будетъ, говорилъ сторожъ.

Женщины искали, но найдти не могли.

— Господи, что я за несчастная такая, говорила Аксинья: —жила я на мѣстѣ и никакого горя не знала, вышла замужъ—было горе, мужъ былъ пьяница, да всетаки при немъ-то хоть квартиру имѣла, а теперь что? Куда я дѣнусь съ ребенкомъ-то? По рукамъ, по ногамъ связала меня эта дѣвчонка, просто хоть руку протягивай! За грѣхи меня Богъ наказалъ этимъ Прохоромъ Иванычемъ!

И Аксинья плакала.

РАЗСКАЗЫ

О

ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.

I.

И Я, ДА НЕ Я.

Кузьму Пудыча Бардадымова помнятъ еще, когда его лавочка заключалась въ двухъ мѣшкахъ товару, которые онъ таскалъ на себѣ, перекинутые черезъ плечо. Лѣтомъ онъ хаживалъ по дачамъ, заходилъ на дворы, козлинымъ голосомъ выкрикивалъ: „миткали, ситцы, канифасы!“ и продавалъ кухаркамъ и горничнымъ на платья, на рубахи, на передники. Иногда продавалъ онъ и барынямъ, которымъ почему-либо некогда или не хочется ѣхать за покупками въ городъ. Годика черезъ два Бардадымовъ завелъ лошаденку и сталъ разъѣзжать въ такъ называемой—купеческой телѣжкѣ. Завидитъ бывало въ садикѣ передъ дачей горничную или няньку и начнетъ ее ублажать.

— Умница, а умница, товары хорошіе есть... Не требуется ли? Миткаль, ситцы, канифасы...

— Нѣтъ не надо...

— Жалко. А важный у меня есть остаточекъ битепажевскаго ситцу; двѣнадцать аршинъ—какъ есть на вашъ ростъ. Дешево бы уступилъ. Денегъ нѣтъ, — такъ сойдемся. Промѣнять чего нѣтъ ли? Можетъ хозяева подарокъ не совсѣмъ по нраву подарили? — промѣняемъ.

— Наши хозяева намъ все по нраву дарятъ.

— Такъ-съ. Ну, у васъ другимъ служащимъ не требуется

ли? Хозяевамъ чего не надо ли? Красавица, будь умницей, скажи хозяевамъ. Сойдемся, такъ я полфунта кофею дамъ.

„Чтожъ, ступня не золотая, думаетъ горничная: — сказать можно,“ и скажетъ.

Хозяйкѣ дѣйствительно чего-то потребовалось купить. Бардадымова зазвали. Раскинулъ онъ на столѣ товаръ, а у женскаго пола и глаза разбѣжались.

— У меня дешевле чѣмъ въ гостинодворской лавкѣ купите, увѣряетъ онъ, съ шумомъ открывая ситецъ: — потому что у меня товаръ съ самой фабрики, а вѣдь лавочники, они у оптовщиковъ покупаютъ. Я на фабрикѣ покупаю бракъ,—а суну кому что слѣдуетъ, втѣсто браку-то мнѣ и настоящій товарецъ идетъ.

Красно говоритъ торговецъ. Барыни вѣрятъ ему и покупаютъ. Глядитъ, глядитъ на хозяевъ прислуга, соблазнится, да и полѣзетъ въ сундукъ за деньгами.

— А что, есть у тебя платки шерстяные, голову покрывать? спрашиваетъ горничная.

— Есть.

— А почемъ?

— Да вѣдь это какъ сказать... Вы прежде посмотрите.

— Да что смотрѣть, — я только такъ прицѣниться думала, потому что мнѣ въ будущемъ мѣсяцѣ нужно будетъ покупать.

— Что-жъ, посмотрите, за посмотръ денегъ не возьмемъ, а у насъ съ показа руки не отвалятся, говоритъ торговецъ и раскинетъ передъ ней нѣсколько платковъ.

— Аксинья, а Аксинья, иди смотрѣть платки! Вотъ платокъ покупаю, кричитъ горничная кухаркѣ.

Кухарка приходитъ и начинается осмотръ.

— Да что, ужь добро-то больно плохое... говоритъ горничная, смотря платокъ на свѣтъ.

— Позвольте-съ, это вы напрасно-съ, — кашемиръ, какъ есть самый лучшій, увѣряетъ торговецъ. — А вы вотъ что сдѣлайте, умница: отойдите подальше и смотрите, что это за платокъ такой, — шаль французская, а не платокъ!

— Вотъ у Марфы Дмитревны платокъ хорошъ, разговариютъ между собою женщины. — Когда она двойни родила, такъ Петръ Семенычъ ей на ризки принесъ. Всего только четыре рубли, говорятъ, далъ.

— Да вы отойдите и издали смотрите. И вблизи онъ чудесенъ, но все-таки той казистости не имѣетъ.

Женщины отходятъ.

— У Марфы Дмитревны дорожками и по нимъ все букетъ раскинутъ. Тогда на имянинахъ у Паликарпа Захарыча Митиньку стошнило и прямо на платокъ. Замывала она потомъ, и хоть бы капельку выѣло.

— И этотъ въ трехъ щелокахъ стирайте и валькомъ на плоту бейте, — ни капли краски не сдастъ, выхваляетъ торговецъ. — Вы не такъ смотрите, — зажмурьте лѣвый глазъ и теперь смотрите.

Женщины исполнили и это.

— Ну что-съ? зелень такая, что корова за траву приметъ, а ужь насчетъ краснаго цвѣта, такъ быку и на глаза не показывайтесь, — не на животъ, а на смерть забодаетъ, острить торговецъ.

— Такъ сколько же ты за него хочешь?

— Шесть рубликовъ безъ лишняго...

— Это не цѣна. Четыре рубля Петръ Семенычъ далъ, когда Марфа Семеновна двойни...

— Позвольте-съ, перебиваетъ Бардадымовъ: — то вѣдь я знаю, что за платокъ — Москва-матка, даже сырости боится, надъ водой не тряси!

— Нѣтъ ужь вотъ что: ты возьми три съ полтиной.

И начинается торгъ.

Дастъ Бардадымовъ горничной обѣщанный полуфунтовикъ кофею и съѣдетъ со двора, соображая въ головѣ барыши.

Курочка по зернышку клюетъ и сыта бываетъ, говоритъ пословица; то же было и съ Бардадымовымъ. Лѣтъ десять торговалъ онъ такъ по дачамъ и сколотилъ себѣ капиталецъ, такой капиталецъ, что снялъ въ рынкѣ лавку. Открытіе лавки сопровождалось празднованіемъ новоселья, вслѣдствіе чего, въ одинъ прекрасный день, около двѣнадцати часовъ дня, въ лавкѣ служили молебенъ, потомъ было пьянство, а около шести часовъ вечера, когда смеркалось и пришла пора „забираться", нѣкоторыхъ гостей выводили изъ лавки подъ руки, а буйныхъ выпихивали въ шею.

Бардадымовъ пошелъ еще далѣе. Съ новаго года записался въ купцы, на лѣто выписалъ изъ деревни жену съ ребятишками, купилъ ей бриллiантовыя серги, бархатный бурнусъ съ бахрамой и ужь въ Духовъ день гулялъ съ нею по лѣтнему саду. Прежніе покупатели дачники и не узнали бы теперь Бардадымова: борода подстрижена, брюки на выпускъ поверхъ сапоговъ, сибирка тоненькаго сукна и на головѣ циммермановская шляпа.

— Благословилъ Господь Бардадымова. Смотри-ка, отъ покупателей отбою нѣтъ,—а вѣдь изъ простыхъ разнощиковъ поднялся. Эдакъ пожалуй онъ и у насъ покупателей отобьетъ; отъ нашихъ ротозѣевъ-олуховъ это станется, говорили хозяева-сосѣди и, какъ водится, ругали молодцовъ.

Бардадымовъ между тѣмъ и въ кредитъ вошелъ—сталъ выдавать векселя. Торговцы-оптовщики продаютъ съ радостію, только товаръ бери. Бардадымовъ бралъ, да и выдалъ векселей тысячъ на десять.

-ступили сроки. Приходятъ кредиторы получать деньги и предъявляютъ векселя.

— Это что же-съ? спрашиваетъ Бардадымовъ.

— Вексель.

— Вижу-съ, что вексель, только мнѣ-то что въ немъ?

— Какъ что? Наступилъ срокъ, такъ вотъ платить надо. Шутникъ ты, Кузьма Пудычъ,—право. Все съ шуточками.

— Какія-же шуточки-съ; это вексель не мой, а какого-то Бардадымова.

— Ну полно, не задерживай!

— Да что же, я все въ толкъ взять не могу, чего вы отъ меня хотите? Не могу же я по чужимъ векселямъ платить.

— Какъ по чужимъ? Вѣдь это ваша подпись.

— Ежели бы моя, такъ и разговору бы не было, а то—какого-то Бардадымова, а я купецъ Кузьма Пудовъ, вотъ и въ купеческомъ билетѣ сказано. Неугодно ли полюбопытствовать.

Смотритъ кредиторъ на билетъ и дѣйствительно видитъ, что въ немъ написано: „купцу Козьмѣ Пудову.“

— Да вѣдь вы Бардадымовъ и всѣ васъ за Бардадымова знаютъ?—говоритъ онъ должнику.

— Это точно-съ, что меня Бардадымовымъ зовутъ, только это такъ въ шутку, смѣха ради... Прокликали такъ еще въ деревнѣ, да вотъ и теперь еще все отвыкнуть не могутъ. Вѣдь другому хошь ты колъ на головѣ теши, а онъ все отъ старыхъ привычекъ отвыкнуть не можетъ. А я купецъ Пудовъ, а не Бардадымовъ.

Бьется, бьется кредиторъ, выругаетъ, да и уйдетъ, грозя подать вексель ко взысканію.

Выждалъ Бардадымовъ недѣльки двѣ, пока векселямъ сроки кончились, да и пошолъ по кредиторамъ выкупать векселишки по гривенничку, а кто заартачится, такъ и по двугривенничку

за рубль Сначала кредиторы не соглашались, а потомъ какъ поразмыслили всю суть, такъ и согласились взять по двугривенному. Что станешь дѣлать? Подать вексель ко взысканію, — затянется дѣло, пойдетъ слѣдствіе, да и не на одинъ годъ, а тѣмъ временемъ Бардадымовъ можетъ передать лавку женѣ, — такъ и ни копѣйки не получишь; такъ ужь лучше взять по тому, по чемъ даютъ, а впередъ быть осторожнѣе.

Бардадымовъ выручилъ векселя да еще и смѣется сосѣдямъ.

— Ничего, на первыхъ порахъ окрестить можно; еще наживутъ они отъ меня, будетъ время, не послѣдній годъ торгую. А ужь какъ эта нѣмецкая морда Карлъ Иванычъ остервенился, такъ просто умора! Ругаться началъ, бакены у себя рветъ, а я все на своемъ стою: и я, да не я,—Кузьма Пудовъ, а не Бардадымовъ. А онъ-то сердится, онъ-то ругается! Я въ этомъ нисколько не причиненъ, что меня записали въ купцы Пудовымъ, а не Бардадымовымъ. У насъ въ деревнѣ такъ я еще бывало дрался, ежели кто меня назоветъ Бардадымовымъ,—потому страсть не любилъ этого слова.

Прошолъ годъ, и продѣлка Бардадымова начала мало по малу забываться, прошелъ еще годъ и тотъ же самый Карлъ Иванычъ завелъ съ нимъ дѣло, только ужь смотрѣлъ, какъ говорится „въ оба“, чтобъ на векселяхъ было подписано Кузьма Пудовъ.

II.

ЛАСКОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Купца Устина Иваныча Верстакова знаютъ и въ Петербургѣ, знаютъ и въ Москвѣ, и на Нижегородской ярмаркѣ. Въ околодкѣ каждый крестьянинъ скажетъ вамъ, кто такой Верстаковъ.

Каждый крестьянинъ знаетъ его хорошо устроенную ткацкую фабрику, находящуюся верстахъ въ пяти отъ села Разгильдяева. Каждый крестьянинъ знаетъ его фабричный кабакъ съ расписною вывѣскою на петербургскій манеръ, гдѣ среди штофовъ и полуштофовъ съ цвѣтными жидкостями изображена пивная бутылка, изъ которой пѣнистое пиво само собой стремится въ поставленный рядомъ стаканъ, знаетъ его трактиръ — знаетъ его мелочную лавочку, на двухъ-окнахъ которой красуются загаженныя мухами фарфоровыя и сахарныя яйца, росписныя чашки съ купидонами, гармоники, балалайки, бронзовые перстеньки и сережки съ цвѣтными стеклышками и тому подобныя вещи. Въ лавочкѣ этой можно получить все съѣстное, начиная отъ печенаго хлѣба, муки и говядины, и кончая мятными пряниками и паточными леденцами съ стихотворными билетиками въ родѣ „лучше въ морѣ утопиться, чѣмъ въ несклонную влюбиться“. — Въ лавочкѣ этой также можно и продать, и заложить что угодно, — буть то теленокъ, лошадь, бабій сарафанъ или сапоги. Не одинъ парень, продавшійся въ рекруты, прогуливалъ здѣсь свои послѣдніе дни „и не одна баба уводила отсюда домой“ своего пьянаго и кругомъ обобраннаго сожителя.

Дьячекъ сельской церкви села Разгильдяева съ божбою говорилъ, что во всемъ околодкѣ нѣтъ ни одного такого злачнаго мѣста, какъ верстаковскій кабакъ, а становой приставъ, какъ-то проѣздомъ загулявшій въ трактирѣ, такъ торжественно изрекъ, что Верстаковъ, содержащій всѣ эти заведенія, благодѣтель не только своихъ фабричныхъ, но даже и всего уѣзда.

Рабочимъ у Верстакова не житье, — а приволье. Хочешь жить на своей квартирѣ, — живи на своей, не хочешь, — живи въ фабричной казармѣ, которая выстроена при фабрикѣ, и живи даромъ, безвозмездно. Кончилась работа на фабрикѣ, — иди въ трактиръ, или въ кабакъ, покупай что хочешь въ лавкѣ; де-

негъ нѣтъ,—въ долгъ повѣрятъ, запишутъ въ книжку и въ концѣ мѣсяца вычтутъ изъ жалованья. Развернулся какъ нибудь въ воскресенье, прогулялъ день, два, даже и недѣлю,—тебѣ и отъ мѣста не откажутъ, и упрека никакого не сдѣлаютъ, а только скромно и тихо удержатъ изъ жалованья за каждый прогульный день по три четвертака. За то и гуляютъ же фабричные! По праздникамъ стонъ стоитъ у кабака, воздухъ оглашается пѣснями, шатаются пьяные, гудятъ балалайки и вино рѣкой льется.

Правда, жалуются иногда фабричные, что въ кабакѣ продаютъ разбавленную водой водку, закуски протухлыя, прикащики приписываютъ на книжку, да вѣдь развѣ на всѣхъ угодишь?

Послѣднее число мѣсяца. Вечеръ. Работы на фабрикѣ кончились. У конторскаго крыльца стоятъ фабричные. Одни входятъ въ контору, другіе выходятъ. Въ конторѣ происходитъ разсчетъ.

— Что, много-ли получилъ? спрашиваютъ сходящаго съ крыльца парня.

— Двугривенный!

— Врешь!

— Какъ есть свѣтлякъ-двугривенный; нà вотъ его!—соси! Эхъ, братцы, пропить этотъ двугривенный съ горя слѣдуетъ!

— Да много-ли ты въ этомъ мѣсяцѣ напилъ и наѣлъ? Много-ли вычли-то?

— А чертъ его дери совсѣмъ! Говорилъ мнѣ конторщикъ, да я ничего не понялъ,—потому злость меня взяла. Кажется, взялъ бы, да и шарахнулъ его!

По окончаніи разсчета оказывается, что кто получилъ двугривенный, кто полтину и только ужь очень воздержные и экономные по два, по три рубля.

— Приписываютъ братцы, на насъ, ей-Богу приписываютъ! ораторствуетъ грозный мужиченко съ щипаною бородкою.

— Этотъ кабацкій прикащикъ Ферапонтъ—аспитъ, а не человѣкъ. бока ему намять стоитъ, вотъ что. Погодите, загуляю въ воскресенье, такъ онъ у меня кузькину мать узнаетъ! Что ни на есть паскуднѣе изругаю его.

— Да тебѣ много-ли пришлось по разсчету-то?

— Три двугривенныхъ и семитка.

— Мало. Тутъ приписка. Ужъ это, какъ Богъ святъ,—приписка!..

— И вѣдь диво это, братцы, что Устинъ Иванычъ эдакой ласковый человѣкъ, такого дьявола Ферапонта у себя держитъ.

— А вотъ что, Петра, я тебѣ скажу, возвышаетъ голосъ все тотъ же мужчина:—отъ сегодня же я вотъ ни на курій носъ въ долгъ не возьму! Ни изъ лавки, ни изъ кабака. Ей-Богу!

— Это точно, у Ферапонта въ долгъ брать—только себѣ обида, соглашается Петра.

— Не брать, ни синя пороха не брать въ долгъ! рѣшаютъ фабричные и идутъ въ кабакъ выпить „на чистыя".

Не берутъ они день, не берутъ два, а деньги между тѣмъ тратятся. Приходитъ воскресенье, и та же самая компанія, такъ благоразумно разсуждавшая о вредѣ брать въ долгъ, загуливаетъ на книжку, и тотъ же самый Ферапонтъ снова приписываетъ гривенники и двугривенные.

Но Устину Иванычу Верстакову было и этого мало; его соблазняли даже двугривенные, получаемые фабричными при разсчетѣ, и онъ, низходя къ нуждамъ своимъ нисшихъ братій, захотѣлъ чтобы и этихъ скудныхъ средствъ не существовало у нихъ для чего онъ съѣздилъ въ Москву, купилъ краснаго товару, сукна, картузовъ, башмаковъ, сапоговъ и по праздникамъ открывалъ торговлю этими предметами, вслѣдствіе чего нѣкоторые фабричные такъ и закабалили себя и на мѣсяцъ впередъ.

Однажды Верстаковъ собралъ къ себѣ всѣхъ закабаленныхъ, угостилъ ихъ водкой и обратился съ слѣдующею рѣчью:

— Вы, други мои сердечные, думаете можетъ быть, что я призвалъ васъ сюда затѣмъ, чтобы долгами вашими васъ корить? Нѣтъ братцы, не изъ такихъ я, о долгахъ и рѣчи не будетъ: я всегда готовъ помочь вамъ, а дѣло вотъ въ чемъ. Дѣла нониче очень плохи стали, на товаръ совсѣмъ почитай запросу нѣтъ; кабы не капиталы мои маленькіе, такъ просто хоть въ гробъ ложись. Что вотъ на Макарьѣ окажется, а то хоть половину становъ безъ работы оставь. Вы получали у меня по тринадцати рублей, а теперь будете получать по десяти. И совсѣмъ бы мнѣ васъ, братцы, не надо, лишніе вы мнѣ по теперешнему дѣлу, да привыкъ я къ вамъ, разстаться жалко. Ежели Богъ грѣхами потерпитъ, подымутся цѣны, такъ я опять васъ на старомъ положеніи оставлю, а теперь не могу. И рада бы душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ! Кто хочетъ меня покинуть такъ того удерживать я не могу, заплати долгъ въ контору, бери паспортъ и иди на всѣ четыре стороны. Ну такъ вотъ что други вы мои, утро вечера мудренѣе: завтра подумаете, а теперь выпейте еще по стаканчику, да и идите съ Богомъ. За компанію и я съ вами выпью.

Фабричные только спины почесали, однако выпили съ хозяиномъ по рюмкѣ водки и ушли.

На утро начался ропотъ, положеніе было дѣйствительно безвыходное: жалованье убавили и отстать отъ мѣста нельзя, потому чтобы выручить изъ конторы паспортъ, нужно впередъ заплатить долгъ. Къ ихъ ропоту присоединился ропотъ и другихъ фабричныхъ. Вотъ уже недѣля, какъ въ лавочкѣ стали продавать протухлую солонину, да и мука затхалью припахиваетъ. Собрались фабричные и рѣшили серьезно поговорить съ хозяиномъ; „такъ-де и такъ, ежели ты насъ закабалилъ кругомъ, такъ

хоть не корми тухлятиной, а то-де мы становому жаловаться будемъ".

Было лѣтнее воскресенье. Изъ чисто-отбѣленной каменной церкви села Разгильдяева выходилъ народъ, крестился, надѣвалъ шапки и останавливался у паперти. Звонили къ молебну. Бабы и дѣвки въ нарядныхъ ситцевыхъ сарафанахъ и пестрыхъ абивныхъ платкахъ снимали съ ногъ башмаки и сбирались отправиться домой. Двое мальчишекъ въ отцовскихъ шапкахъ наталкивали другъ друга на косматую старуху нищую и потомъ разодрались.

— Тише вы, пострѣлята! крикнулъ имъ какой-то парень въ александрійской рубахѣ и въ щегольскомъ картузѣ съ заломомъ, хладнокровно сшибъ съ одного изъ нихъ шапку и далеко отбросилъ ногой. Мальчишки побѣжали за шапкою.

У паперти стояла щегольская коляска, запряженная парою рысаковъ. Около коляски толпился народъ.

— Вишь кони-то какіе у купца Верстакова,—звѣри! Поди каждый по тысячѣ стоитъ, говорилъ одинъ изъ толпы, любуясь на рысаковъ, и протянулъ было руку погладить ихъ.

— Не трожь! Зашибутъ! крикнулъ съ козелъ кучеръ.

— Богатъ онъ, братцы.

— За то и жертвуетъ отъ богачества своего. Лѣтось иконостасъ новый поставилъ, ноничe колоколъ повѣсилъ. Вишь какъ гудитъ-то — сила!

— А вотъ, братцы, говорятъ, кто колоколъ пожертвуетъ, такъ тому человѣку, значитъ, съ каждымъ ударомъ по грѣху прощается. Теперича вы разочтите, сколько въ него ударятъ? И все по грѣху долой!

— Прямо въ рай пойдетъ, что говорить!

— А ежели паука убить, такъ и нашей сестрѣ по семи грѣховъ спускается, а за змѣю сорокъ... вмѣшивается въ разго-

вариваетъ баба, покрытая миткалевымъ платкомъ съ изображеніемъ на немъ скачущей во всю прыть пожарной команды.

Мужикъ, разсказывавшій о колоколѣ, презрительно скосилъ на бабу глаза.

— Дура! проговорилъ онъ. — А много ли ты въ годъ-то пауковъ убьешь? Двадцать, двадцать пять; а змѣю увидишь, такъ подберешь подолъ, да давай Богъ ноги!

— Ну ужь ты и облаялъ! Я вѣдь только къ слову, говоритъ баба.

— Много ль у тебя грѣховъ-то? —говори, пристаетъ мужикъ.

— Ушь и пошолъ!

— Надо статься, край не початой! Значитъ паукъ подмога малая.

Толпа захохотала. Сконфуженная баба отошла въ сторону,

Недалеко отъ коляски, посреди дороги стояли фабричные Верстакова. Они ожидали выхода Верстакова изъ церкви, чтобы принесть ему жалобу на прикащика, продающаго тухлую солонину, и выбирали изъ среды своей, кому начинать говорить. Назначили Петра Косого, дядю Вавилу, какого-то хромого старика Гараньку и потомъ опять отмѣнили.

На паперти показался Устинъ Иванычъ Верстаковъ. Волосы и его черная съ замѣтною просѣдью борода были напомажены. Въ рукахъ онъ держалъ фуражку, вынималъ оттуда мѣдныя деньги и одѣлялъ ими обступившую его нищую братію. За нимъ шла жена его, толстая женщина, въ дорогомъ ковровомъ платкѣ и въ длинныхъ бриллiантовыхъ серьгахъ, взрослая дочка, одѣтая по послѣдней модѣ, и сынъ лѣтъ двадцати.

Къ паперти подъѣхала коляска. Семейство размѣстилось въ ней. Послѣднимъ сѣлъ въ нее самъ Устинъ Иванычъ. Кучеръ тронулъ лошадей.

— Стой! Стой! закричали фабричные и начали подходить къ коляскѣ.

— Что, братцы? Что, други любезные? обратился къ фабричнымъ Верстаковъ и вышелъ изъ коляски.

Фабричные заговорили не вдругъ, переминались съ ноги на ногу и почесывались. Наконецъ изъ толпы вышелъ дядя Вавило и повелъ рѣчь.

— Да вотъ что, Устинъ Иванычъ, пришли мы у тебя просить, чтобы ты запретилъ твоимъ аспидамъ прикащикамъ обижать насъ. Какъ же, теперича, почитай цѣлую недѣлю солонину тухлую продаютъ. Съ души воротитъ, жрать нельзя... Теперича...

— Ахъ онъ безбожникъ, ахъ онъ нехристь эдакой! закричалъ Устинъ Иванычъ.—Да чтожъ вы, братцы, раньше-то мнѣ ничего не говорили?

— Да вотъ все такъ, тутъ... Такъ ужь ты ослобони. Да чтобы и не приписывали на насъ тоже.

— Ахъ, други вы мои, обижаютъ васъ совсѣмъ, — вижу, что обижаютъ! Вѣрно до всего самому доходить нужно. Я ихъ переберу за это дѣло, безпремѣнно переберу!

— А не то, мы до становаго! крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Да, до становаго! подхватило нѣсколько голосовъ.

Но Устинъ Иванычъ какъ будто и не слыхалъ этихъ криковъ.

— Хорошо, что увидѣлся съ вами, други сердечные, снова обратился онъ къ фабричнымъ.—Вотъ у меня въ будущее воскресенье сынъ старшій имянинникъ, такъ я хочу вамъ угощеніе сдѣлать. Боченочекъ вина поставлю, закусочекъ. Такъ вотъ милости просимъ.

— Много тебѣ благодарны, Устинъ Иванычъ, заговорили мужики.

— Ну и ладно. А вотъ вамъ для праздника синенькая. Гуляйте на здоровье!

Устинъ Иванычъ досталъ изъ бумажника пятирублевую бумажку и, давъ ее фабричнымъ, сѣлъ въ коляску. Коляска поѣхала.

— Спасибо тебѣ, Устинъ Иванычъ. Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать! кричали ему въ слѣдъ развеселившіеся мужики, а какой-то парень, перехватившій еще до обѣдни шкальчикъ рябиновой, даже свистнулъ и кинулъ вверхъ шапку.

— А на счетъ муки-то хотѣли говорить, да на счетъ того, что съ Гришки цаловальникъ сапоги снялъ, проговорилъ мозглявый мужиченко въ опоркахъ на босу ногу.

— Оставь Кузьма! Полно, брось! Вишь онъ какой ласковый, право слово, ласковый человѣкъ! закричало на него нѣсколько голосовъ, и серьезный разговоръ кончился тѣмъ, что толпа отправилась къ кабакъ пропивать пятирублевую бумажку.

Въ слѣдующее воскресенье фабричные праздновали имянины Верстакова сына, пили, закусывали и во все горло орали хозяину извѣстную хвалебную пѣсню:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ хозяиномъ вѣчно.
Ты наши, зажегъ сердца
Въ тебѣ мы находимъ отца и т. д.

Пили до тѣхъ поръ, пока не выпили всего угощенія, а послѣ отправились въ кабакъ пить на свои. Пили день, или ночь, да и другаго дня кусочикъ прихватили.

III.

Отецъ и сынъ.

У купца Меркула Антоныча и у жены его Аксиньи Григорьевны состояло на лицо шестеро чадъ, изъ коихъ старшему самому, Сеничкѣ или Семкѣ, какъ его называлъ отецъ, шелъ уже

двадцать третій годъ. Сеничка уже давно кончилъ свое образованіе, ходилъ въ лавку, шикарилъ клѣтчатыми брюками, шинелью на собольихъ лапкахъ и по воскресеньямъ завивался бараномъ; однимъ словомъ, онъ былъ истиннымъ джентльменомъ-апраксинцемъ. На свадьбахъ лихо танцовалъ польку трамбланъ, граціозно отлягиваясь лѣвой ногой; въ гостяхъ, куда звали на чашку чаю, до зари дулся въ горку или три листа и въ трактирѣ лихо рѣзалъ на билліардѣ желтаго въ среднюю съ карамболемъ по красному. У сосѣдей лавошниковъ онъ слылъ за остряка первой руки: давалъ клички сосѣдскимъ молодцамъ, жидамъ-факторамъ ставилъ на спинѣ мѣломъ кресты, татарамъ показывалъ свернутую полу сюртука въ видѣ свинаго уха, задѣвалъ проходящихъ покупателей и ловеласничалъ съ модистками, заходящими къ нему въ лавку купить аршинъ или два коленкору, китоваго уса или платяныхъ крючковъ.

Аксинья Григорьевна была истинною чадолюбивою матерью; только и мыслей у ней было, какъ-бы найти „судьбу“ для Сенички, то есть женить его, для чего она то и дѣло разузнавала отъ свахъ про невѣстъ съ кругленькимъ приданымъ.

— Теперь-то только и женить его, пока онъ несмышленокъ, говорила она обыновенно:—а то, какъ оболтается, начнетъ куда ни попало бѣгать, тогда и совсѣмъ отъ рукъ отобьется. Хоть и жени его тогда, такъ и жена къ дому не прилучитъ.

Но жестоко ошибалась чадолюбивая мать. Сеничка уже давно оболтался, давно бѣгалъ куда ни попало и даже пригрѣлъ себѣ мѣстечко у какой-то ревельской нѣмки Каролины, гдѣ и безобразничалъ съ своими пріятелями.

Однажды отца Сенички позвали куда-то на крестины. Сеничка зналъ уже по опыту, что тятинька послѣ крестинъ засядетъ играть въ горку, „разъярится и проиграетъ до бѣла дня.“ Сообразя такимъ образомъ, онъ рѣшился закатиться въ этотъ

вечеръ къ Каролинѣ Богдановнѣ; вслѣдствіе чего, еще часовъ около четырехъ дня, въ квартиру Каролины Богдановны мальчикъ Сенички привезъ корзину вина, приличныя закуски и записку слѣдующаго содержанія:

„Дражайшая Каролина Богдановна!“

„Сегодня вечеромъ послѣ запора лавки я пріѣду къ вамъ отвести душу съ товарищами. Посему посылаю въ приличномъ видѣ угощеніе и все. Сами не уходите со двора и для ради скуки пригласите сестричку вашу Марью Богдановну, и передайте ей поклонъ съ почтеніемъ, также и огарокъ поставьте на лѣстницу, потому что очень темно“.

„Лети письмо къ души моей царю, къ которому огнемъ горю, отъ сердца прямо въ руки“.

„Извѣстный вамъ, неизмѣнный до гроба Семенъ Ф.“.

Вечеромъ того же дня въ квартирѣ Каролины Богдановны раздался сильный звонокъ, потомъ стукъ отъ сниманія калошъ и кто-то спросилъ: „дома-ли?“.

— Дома-съ, пожалуйте, васъ ожидаютъ, отвѣчала кухарка.

Это былъ Сеничка съ двумя пріятелями. Они уже были значительно на-веселѣ.

— Здравствуй, милая хорошая моя, распригожая похожа на меня! напѣвалъ Сеничка, входя въ спальную, гдѣ на диванѣ сидѣла Каролина Богдановна. —Приди ко мнѣ на грудь, дрожайша половина! продекламировалъ онъ, остановясь посреди комнаты.

Пріятели хохотали.

— Шалунъ какой, всегда съ факсами, проговорила съ нѣмецкимъ акцентомъ Каролина Богдановна, подходя къ Сеничкѣ и цалуясь съ нимъ. —Здравствуйте! поздоровалась она съ другими гостями и подала имъ руку.

— Такъ такъ-то-съ, говорилъ Сеничка, садясь на диванъ

и потирая руками колѣнки. А что же Марья Богдановна? Вѣдь я писалъ, чтобъ вы и ее пригласили. Цедулку мою изволи-ли получить?

— Получила. Она придетъ послѣ. Сегодня къ ней старикъ ея пріѣдетъ; только вѣдь онъ не долго у ней сидитъ, часовъ до десяти. Въ одиннадцатомъ она безпремѣнно обѣщалась придти.

Пріятели Сенички ходили изъ угла въ уголъ по комнатѣ и осматривали стѣны и потолокъ. Одинъ изъ нихъ, Шаня,—былъ юный завитой франтъ въ модной жакеткѣ и съ брилліантовой булавкой въ голубомъ галстукѣ; другой — Федоръ Ивановъ — здоровенный мужчина лѣтъ подъ тридцать, съ бородкой, въ черномъ атласномъ цвѣтными мушками жилетѣ и съ масивной золотой цѣпью черезъ шею. На рукѣ у него блестѣлъ брилліантовый перстень и обручальное кольцо.

— Что словно песты въ толчеѣ толчетесь? приткнитесь къ стульямъ-то, говорилъ имъ Сеничка.

— Сядемъ, дай осмотрѣться маленько, проговорилъ Федоръ Ивановъ, сѣлъ на стулъ и крякнулъ.

— Что, въ глоткѣ застряло? съострилъ Сеничка и потомъ запѣлъ: „вы въ стаканы позвоните, и тотчасъ я тутъ какъ тутъ“. Каролина Богдановна, вѣдь вы мой характеръ знаете,—знаете, что сухаго не терплю. Сухая ложка ротъ деретъ. Отчего же вы не ублажите меня, не поставите на столъ бутылочекъ? Четверть часа сидимъ, а столъ все голышемъ стоитъ.

— Ахъ, сейчасъ! встрепенулась хозяйка, встала, отряхнула платье и отправилась въ сосѣднюю комнату.

— За прегрѣшенье нѣтъ прощенья! Милліонъ триста разъ поцѣлую! кричалъ ей въ слѣдъ Сеничка.—Что, какова штука? спросилъ онъ пріятелей

— Ужь поддѣлъ, что говорить, во всѣхъ статьяхъ хороша! отвѣчалъ Федоръ Ивановъ.

— Не чета твоей женѣ.

— Про мою жену и языка чесать не стоитъ, баба какъ есть колода.

— Каролина Богдановна, вотъ утѣшьте этого человѣка, дайте ему виномъ душу отвести, говорилъ Сеничка входящей хозяйкѣ:—плачется на жену, говоритъ, что она не жена, а колода.

— Сейчасъ, сейчасъ подадутъ. А вы развѣ женаты?

— Женатъ-съ; еще по двадцать первому году бѣсъ натолкнулъ. Вотъ все и маюсь.

— Зачѣмъ же вы ее такъ называете? Это нехорошо.

— Отчегоже-съ нехорошо-съ? Она и этого разговору не стоитъ, потому хуже колоды. Ни смѣху, ни веселья,—ничѣмъ душу не порадуетъ. Мнѣ жену такую надо, чтобы она со мной душу отводила, вьюномъ около меня вилась, а она тетехой сидитъ. Черезъ это она со мной теперь то сдѣлала, что у меня, почитай, на каждой недѣлѣ по загулу бываетъ.

Изъ кухни послышалось откупориванiе бутылокъ и вскорѣ кухарка внесла въ комнату подносъ, уставленный бутылками.

— Поддавай, ребята на каменку! крикнулъ Сеничка и началъ разливать вино.

Компанiя оживилась. Въ одиннадцать часовъ пришла Марья Богдановна и пиршество продолжалось. Сеничка попросилъ сестеръ что-нибудь спѣть и онѣ запѣли извѣстную нѣмецкую пѣсню:

Ich weis nicht was soll es bedeuten
Das ich so traurig bin.

Федоръ Ивановъ слушалъ со вниманiемъ и покачивалъ головою. Когда онѣ кончили, то онъ пришелъ въ такой экстазъ, что вскочилъ со стула и закричалъ:

— За душу хватило! Въ самую центру попало! За эту пѣсню завтра же обѣимъ сестрамъ по серьгамъ пришлю. Эхъ-ма, раздайся душа! Веселись сердце! Теперь и я вамъ пѣсню спою. Слушайте.

Онъ выпилъ стаканъ вина, остановился посреди комнаты, приложилъ лѣвую руку къ щекѣ и звучнымъ голосомъ запѣлъ.

Дуду-дуду, потерялъ мужикъ дугу.
На зеленомъ ма лугу, дугу писанную и т. д.

— Гитары нѣтъ, а то важно бы было, сказалъ онъ, кончивъ пѣть и отирая платкомъ катившійся со лба потъ.

— А вы развѣ играете?

— Прежде баловался немного. Ничего, вспомню, давайте, коли есть.

— Достать можно, говорила хозяйка.—Тутъ у насъ на лѣстницѣ портной живетъ, такъ у него жилецъ есть, и все на гитарѣ играетъ. У него можно попросить.

— А изъ какихъ онъ?

— Чиновникъ, кажется...

— Ну тащите.

Къ чиновнику послали за гитарой, но онъ почему-то принесъ ее самъ лично. Это былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, съ краснымъ какъ клюква носомъ, который онъ — то и дѣло отиралъ клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ.

— Наше вамъ-съ! привѣтствовалъ его же значительно опьянѣвшій Сеничка.—Въ какомъ департаментѣ служите?

Чиновникъ попятился.

— Не гнушайтесь компаніею — садитесь, такъ гостемъ будете.

Чиновникъ какъ-то захихикалъ и сморкнулся въ платокъ.

— Мы ребята теплые,— кто пьетъ, тотъ и нашъ!

— Хорошія рѣчи пріятно и слушать. Грѣшное дѣло, и самъ

хмѣлькомъ зашибаюсь, пробормоталъ чиновникъ, и сложивъ платокъ въ трубочку, отеръ имъ носъ.

— Такъ въ какомъ же департаментѣ?

— Отставной-съ. Частными дѣлами занимаюсь.

— Ну такъ и садитесь, господинъ отставной... сказалъ Сеничка и посадилъ его на стулъ.—Какими пойлами угощать прикажете: шатами, хересами или насчетъ мадеръ?

— Покрѣпче-съ.

Сеничка налилъ ему стаканъ хересу.

Чиновникъ пилъ, игралъ на гитарѣ и пѣлъ. Федоръ Ивановъ сплясалъ подъ гитару камаринскаго, и такъ громко выбивалъ ногами дробь, что нижніе жильцы прислали сказать, что ежели стучать не уймутся, то они будутъ жаловаться управляющему.

Компанія немного поутихла. Черезъ полчаса Федоръ Ивановъ уѣхалъ домой и увезъ съ собой упившагося до-зѣла Шаничку. Звалъ онъ и Сеничку, но Сеничка не поѣхалъ.

По отъѣздѣ товарищей Сеничка задумалъ накатить и чиновника, то есть споить его.

— Пейте, говорилъ онъ, наливая ему стаканъ и себѣ рюмку.

— Да ужъ я довольно пилъ; и то шесть стакановъ выпилъ, да передъ этимъ дома водочки малую толику хватилъ, отвѣчалъ чиновникъ.

— А вы не считайте. Захерьте старое, и начинайте съизнова.

Чиновникъ пилъ, но накатить его было трудно. Это былъ человѣкъ, вино въ котораго вливалось, какъ въ бочку, такъ что Сеничка, вистовавшій ему только четвертою долею, напился совершенно и почему-то ужъ началъ ругаться. Каролина Богдановна, видимо тяготившаяся гостями, ходила изъ угла въ уголъ и зѣвала.

— Слышишь ты, клюквенный носъ, кошачья говядина, при-

ставалъ къ чиновнису Сеничка и икалъ на всю комнату:—за что тебя изъ службы по шеямъ спровадили? Кайся!

— Самъ вышелъ, самъ-съ. Только вотъ что, вы не ругайтесь такъ.

— Кайся, падаль! За что? За грабежъ?

— За что же вы такъ ругатесь?.. Лучше выпьемте.

— Не хочу я съ тобой пить, — потому что ты падаль и больше ничего!

— Ну помиримтесь!

И чиновникъ протянулъ ему руку.

— Не хочу я руки твоей брать. Дай за носъ взять,—помирюсь.

— Ну берите. Охъ, какой же вы бѣдовый!

Чиновникъ нагнулся. Сеничка взялъ его за носъ; только такъ крѣпко сжалъ его въ пальцахъ, что чиновникъ даже вскрикнулъ.

Сеничка захохоталъ во все горло.

— Эй ты, горечь! обратился онъ черезъ нѣсколько времени снова къ чиновнику.—Дай еще за твое нюхало подержаться!

— Нѣтъ ужь теперь довольно,—больно крѣпко жмете.

— Дай, тебѣ говорятъ! Не даешь? Ну возьми зелененькую и давай сюда носъ. Вѣдь тебя черезъ это не убудетъ.

Чиновникъ согласился и получилъ три рубля. Сеничка опять зажалъ ему носъ. Только крякнулъ чиновникъ послѣ ущемленія, и высморкался въ клѣтчатый платокъ.

Долго глумился надъ нимъ Сеничка въ этомъ родѣ, и наконецъ, уже и не сторговавшись, схватилъ его за уши. Чиновникъ не стерпѣлъ, пихнулъ Сеничку въ грудь и посадилъ на диванъ. Сеничка не ожидалъ такого оборота и озлился.

— А ты еще драться, нюхало красное! вскичалъ онъ:—такъ я же тебя осатаню! и хватилъ чиновника кулакомъ по носу.

— Караулъ! Искровенили! Бьютъ! закричалъ чиновникъ.

Испугавшаяся Каролина Богдановна просила ихъ не шумѣть и помириться, но чиновника было уже трудно уговорить.

— Въ участокъ! Въ полицію! кричалъ онъ.

Сеничка и самъ испугался своего поступка, когда увидалъ кровь. Даже и хмѣль, какъ будто, прошелъ у него.

— Что теперь дѣлать? спросилъ онъ Каролину Богдановну.

— Мириться надо. Предложи ему денегъ, а то скверно будетъ.

Черезъ полчаса мировая была заключена. Чиновникъ согласился помириться за полтораста рублей. У Сенички столько денегъ не было и онъ выдалъ росписку.

На другой день поутру, еще и молодцы спали, только проснувшаяся кухарка, зѣвая и почесываясь, ставила у печки ведерный самоваръ, да лавочный мальчикъ, ученикъ коммерціи, начищалъ щеткой хозяйскіе сапоги, а Сеничка былъ уже вставши. Онъ пришелъ въ кухню и выпилъ цѣлый ковшъ воды. Голова у него трещала и на душѣ было скверно. Чиновникъ, разбитый носъ, расписка—все это тѣснилось въ его полупьяной головѣ. Нужно было приготовить полтораста рублей, а денегъ у него не было. Полтораста рублей не пятнадцать рублей, ихъ не скоро соберешь, а чиновникъ того и гляди придетъ въ лавку и предъявитъ росписку отцу. Дня три какъ шальной ходилъ Сеничка и думалъ, гдѣ бы ему добыть денегъ. Взять изъ выручки—сразу нельзя, сумма велика и отецъ узнаетъ; сунулся онъ было къ пріятелямъ—денегъ нѣтъ, обратился было къ Федору Иванову — у того хоть и были деньги, но онъ не далъ. Наконецъ голову Сенички осѣнила геніальная мысль; мысль эту онъ на другой же день и привелъ въ исполненіе.

Было воскресенье. Меркулъ Антонычъ, тятенька Сенички, только что пришелъ отъ ранней обѣдни и, въ ожиданіи чая, сидѣлъ

въ залѣ и читалъ въ полицейской газетѣ въ отдѣлѣ „мѣсяцесловъ-календарь“ житія святыхъ. Въ залу вошелъ Сеничка и подошелъ къ отцу.

— Тятинька, мнѣ съ вами поговорить требуется, сказалъ онъ.

— Ну?

— Дайте мнѣ полтораста рублей серебромъ.

— Что? Сколько?

— Полтораста рублей.

— Да ты въ своемъ умѣ?

— Въ своемъ-съ. Мнѣ очень требуется. Не дадите, такъ мнѣ очень худо будетъ.

— А вотъ какъ я тебя отдеру, какъ сидорову козу, такъ тебѣ и будетъ хорошо! На что тебѣ?

— Я вамъ какъ есть прямо говорить буду. Я одного стрекулиста побилъ и онъ съ меня за безчестье расписку въ полтораста рублей стребовалъ, такъ ему уплатить нужно.

— Ахъ ты бестія, ахъ ты подлецъ мальчишка! Драть тебя собаку! заругался Меркулъ Антонычъ и началъ ходить по комнатѣ.

Сеничка стоялъ и молчалъ.

— Когда это было?

— Да ужь это все равно, когда бы ни было, только вы мнѣ полтораста рублей дайте, а то и мнѣ будетъ худо, да и вамъ нехорошо.

— Чѣмъ мнѣ будетъ худо? Чѣмъ? приставалъ онъ къ сыну и схватилъ его за вихоръ.

Сынъ вывернулся изъ отцовскихъ рукъ и отошелъ въ сторону.

— А тѣмъ-съ, говорилъ онъ, что ежели вы сами пакостите, такъ не корите и людей, что они пакостятъ. Нешто я незнаю, что вы на прошлой недѣлѣ у жида Мошки краденый бархатъ купили?

— Ну такъ чтожь изъ этого, подлецъ ты эдакой?

— А тоже-съ, что ежели вы мнѣ не дадите полутораста рублей, такъ можетъ быть кому-нибудь и еще будетъ извѣстно, что вы краденый товаръ покупаете.

— Чтожь ты, донести на отца хочешь, что-ли?

— Да ужь это наше дѣло. Такъ не дадите?

Меркулъ Антонычъ началъ ругаться. Долго ругался онъ, но деньги сыну все-таки далъ.

Замѣтилъ Сеничка, что такіе разговоры съ отцомъ бываютъ очень выгодны, и сталъ почаще заводить ихъ и вымаклачивать у отца рублей по двадцати пяти, по тридцати.

— Я вамъ, тятинька, въ дѣлахъ мѣшать не буду, только ежели вы сами наживаете, такъ дѣлитесь и съ сообщниками своими, говорилъ онъ отцу.

IV.

ПРИКАЩИКЪ НА ОТЧЕТѢ.

Вдова купчиха Василиса Панкратьевна Залихватова имѣла сорокъ лѣтъ отъ роду, передъ обѣдомъ выпивала по рюмкѣ звѣробойной настойки, по субботамъ ходила въ баню и мазалась тамъ, то дегтемъ, то водкой съ перцемъ, то медомъ съ солью. Супругъ ея, Иванъ Герасимовичъ, лѣтъ пять тому назадъ, въ одинъ прекрасный день, пришелъ изъ бани, почувствовалъ сильную жажду, выпилъ графинъ квасу со льдомъ и черезъ недѣлю волею Божьею помре; вслѣдствіе чего, въ поминанье Василисы Панкратьевны къ десяти уже вписаннымъ Иванамъ былъ прибавленъ одиннадцатый, — „Иванъ новопреставленный“ и Василиса Панкратьевна стала называть себя сиротой. Память мужа она чтила свято, каждую родительскую субботу пекла блины, и

варила кутью и овсяный кисель. Послѣ смерти мужа она осталась богатой и бездѣтной вдовой и продолжала торговлю, сдавъ свою лавку на отчетъ прикащику. Хотя Иванъ Герасимовичъ при жизни своей и бивалъ Василису Панкратьевну и называлъ ее „сырой несмыслящей бабой“, тѣмъ не менѣе, она, то и дѣло, поминала его и даже всплакивала. Особенно это бывало въ посты. Сядетъ, бывало, обѣдать, ткнетъ вилкой въ груздь и зальется слезами, приговаривая:

— Голубчикъ-то мой, покойничекъ-то, ужь куда любилъ груздочкомъ закусывать. Дай Богъ ему царство небесное!

Спустя полгода послѣ смерти мужа, къ Василисѣ Панкратьевнѣ забѣгали разныя свахи и стали предлагать жениховъ. Женихи были и купцы, и чиновники, и даже отставные военные, но Василиса Панкратьевна на отрѣзъ отказала имъ, благоразумно говоря, что имъ нужно не ее самое, а деньги.

Было у Василисы Панкратьевны и что-то въ родѣ любовника и чуть было не кончилось законнымъ бракомъ. Въ домѣ ея жилъ какой-то чиновникъ; чиновникъ этотъ понравился ей за свою скромность. Однажды онъ принесъ ей за квартиру деньги. Его оставили пить чай; къ чаю появились варенья, моченья, наливки и закуски, что твой обѣдъ. Чиновнику понравилось это, и онъ сталъ ходить чаще бесѣдовать съ хозяйкой. Василиса Панкратьевна замышляла было выдти за него замужъ, да вдругъ чиновникъ ни съ того ни съ сего занялъ у ней сто рублей, запилъ и неизвѣстно куда скрылся.

— Теперь хоть съ неба какой человѣкъ упади, хоть ангелъ, хоть принцъ какой посватайся, такъ и за того не пойду, говорила Василиса Панкратьевна.—Живу я не безъ мужчинъ,—слава Богу,—шестеро молодцовъ у меня въ домѣ,—значитъ меня никто не обидитъ.

Въ домѣ ея безвыходно пребывали странники, странницы,

бесѣдовали съ нею о святыхъ мѣстахъ, о китахъ, на которыхъ стоитъ земля, объ антихристѣ, и выпрашивали себѣ денежную милость, мыло, огарки стеариновые и кое что по части съѣстнаго.

Всѣмъ дѣломъ Василисы Панкратьевны заправлялъ ея старшій прикащикъ, Вавило Степановъ Рогаткинъ, которому и была отдана лавка, отчетъ о которой предъявлялъ онъ разъ въ годъ послѣ счета, на Пасхѣ.

Рогаткину было лѣтъ подъ сорокъ. Его солидная физіономія отнюдь не походила на прикащичью, а была какою-то хозяйскою,—физіономіею подрядчика по казеннымъ постройкамъ. Почтенная толщина, подстриженная борода, сильно напомаженные волосы, на головѣ всегда шляпа, на рукѣ перстень съ сердоликовою печатью и въ жилетномъ карманѣ глухіе золотые часы съ толстою цѣпью черезъ шею. Зимою онъ носилъ енотовую шубу, а лѣтомъ солидное пальто безъ таліи; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходилъ къ ранней обѣднѣ, становился на клиросъ и пѣлъ съ дьячками. Какъ старшій прикащикъ на отчетѣ, Рогаткинъ могъ уходить со двора когда ему вздумается и не скрываясь держать у себя въ шкапу четвертную бутыль съ водкой. Прикащики Залихватовой, хотя и не боялись его какъ хозяина, но питали къ нему нѣкоторое уваженіе и за глаза ругали дьяволомъ.

Рогаткинъ, какъ водится, былъ не безъ грѣха, и хотя представлялъ хозяйкѣ отчетъ о торговлѣ, но порядочно таки понагрѣвалъ руки. Нагрѣваніемъ же этимъ онъ не былъ доволенъ, въ головѣ его сидѣла мысль завладѣть всѣмъ состояніемъ хозяйки, для достиженія чего онъ видѣлъ одинъ исходъ —женитьбу на ней вслѣдствіе чего онъ сталъ ухаживать за ней, льстить, подхалимничать.

Однажды вечеромъ Василиса Панкратьевна сидѣла у себя въ

спальной, окруженная двумя странницами, уже около мѣсяца жившими у ней, и какимъ-то новоприбывшимъ странникомъ, именовавшимъ себя старцемъ Кузьмою. Передъ ними на столѣ стояли разныя сласти и графинъ съ настойкою. Въ комнату вошелъ Рогаткинъ и поклонился. Ораторствовавшій въ это время старецъ Кузьма вскочилъ съ мѣста, ткнулъ Рогаткина въ грудь пальцемъ и закричалъ.

— Что за человѣкъ? Сказывайся!

— Молодецъ это мой, батюшка, торговлей занимается, отвѣчала Василиса Панкратьевна.—Что тебѣ, Вавило? обратилась она къ прикащику.

— Да такъ-съ. Вотъ пришли изъ лавки, узналъ я, что у васъ здѣсь бесѣда душеспасительная идетъ, такъ послушать пришелъ. Не все же, Василиса Панкратьевна, мірское-съ—нужно и о душѣ подумать.

— Конечно, душа у насъ первое дѣло. Садись. Продолжай батюшка, отецъ Кузьма, продолжай.

Старецъ Кузьма откашлялся и началъ:

— Отъ святаго града Кіева и до святыхъ угодниковъ соловецкихъ прошелъ я и видѣлъ, что земля русская погибаетъ. Странные, яко псы смердящіе, изъ домовъ изгоняются и нѣсть должнаго подаянія имъ.

— Это точно-съ, Василиса Панкратьевна, они какъ есть правду говорятъ, перебилъ Рогаткинъ. — Теперича, хоть бы у насъ въ рынкѣ: всѣхъ этихъ странненькихъ и вотъ что со сборомъ ходятъ, съ большою опаскою принимаютъ. Первое дѣло сейчасъ покажи книгу, спрашиваютъ. Есть усердіе, — такъ дай такъ. Третьяго дня вонъ у Свистакова въ лавкѣ, такъ даже побили одного какого-то божья человѣка, будто бы онъ тамъ пачку платковъ голандскихъ стянулъ.

— Погибнутъ и будутъ ввержены... отозвался на это ста-

рецъ Кузьма. — Присне бо время, да егда антихристу родиться есть... Протрубилъ ангелъ и излилъ чашу. Горе вамъ мужіи и жены нечестивые! Жупелъ, адъ кромѣшный! Разверзется земли утроба и огнь пожретъ... Погибнутъ нечестивые и будетъ плачъ и скрежетъ зубовный!

— Батюшка, а я-то? со слезами на глазахъ спросила его Василиса Панкратьевна.

— Не погибнешь! Отецъ возста на сына, сынъ на отца...

Старецъ умолкъ, подошелъ къ столу и выпилъ рюмку настойки. Василиса Панкратьевна вздыхала и отирала платкомъ глаза; странницы отъ умиленія покачивали головами. Было молчаніе. Рогаткинъ прервалъ его.

— Да-съ, отецъ на сына возстаетъ, сынъ на отца. Вонъ у Деркина, можетъ изволили слышать, сынъ подобралъ къ шкатулкѣ ключъ и началъ потаскивать, а отецъ въ исправительное его засадилъ.

— Не говори, Вавило, будетъ!.. Душа моя вся изныла, сказала хозяйка и молчаніе водворилось снова.

Въ комнату вошла кухарка и сказала, что ужинъ поданъ. Послѣ ужина странникъ и странницы удалились на покой. Василиса Понкратьевна также отправилась въ спальную. Рогаткинъ пошелъ за ней.

— Что тебѣ Вавило? спросила его Василиса Панкратьевна.

— Поговорить съ вами хочу-съ.

— Ну?

— А вотъ вы извольте присѣсть.

Василиса Панкратьевна сѣла.

— Не въ зазоръ или въ обиду вамъ говорить буду, началъ Рогаткинъ: — а собственно, что къ вамъ всякое почтеніе имѣю. Это какъ есть, въ этомъ не сомнѣвайтесь. Вы женщина молодая и дѣточками васъ Богъ не благословилъ — одно. Конечно, сожи-

тель вашъ Иванъ Герасимовичъ, дай Богъ ему царство небесное, человѣкъ былъ отмѣнный, души ангельской. Помня его благодѣянія, я ежедневно поминаю его въ молитвахъ, только вѣдь, Василиса Панкратьевна, живой объ живомъ и думаетъ... Къ тому же у васъ лавка, а вы сами знаете, нешто молодцы имѣютъ такое почтеніе ко мнѣ, какъ къ хозяину? Никогда-съ. Вѣдь ужь смотришь, куска иногда не доѣшь, а грѣшнымъ дѣломъ въ трактиръ сходишь, рубля въ выручкѣ и недосчитывайся, — выудили. Теперича и торговлю расширить бы можно... только вѣдь я все же молодецъ на отчетѣ и больше ничего, вы все-таки ко мнѣ довѣрія имѣть не можете. Двадцать лѣтъ вы меня знаете за человѣка хорошаго, курицы неизобидѣлъ, не токма что... Хвалиться грѣхъ, но вѣдь Богъ видитъ. Вы дама прекрасная, все по божески...

— Да ты насчетъ чего? Что я все въ толкъ взять не могу, спросила наконецъ Василиса Панкратьевна.

— Да не въ обезсудъ будь вамъ сказано, насчетъ законнаго брака. Не думайте, чтобы тутъ капиталы или домъ, вѣрьте чести, —нѣтъ-съ.

— Ну такъ чтожъ, съ Богомъ!

— Вы все въ понятіе взязть не можете. Я говорю насчетъ брака съ вами, такъ какъ вы дама молодая и пречудесная...

— Это ты на мнѣ жениться хочешь, что-ли?

— На васъ-съ. Что же, Василиса Панкратьевна, имѣю маленькіе капиталы и изъ себя не каверзенъ.

— Что ты, что ты мелешь! Ступай, ступай! замахала руками Василиса Панкратьевна.—Вишь тебѣ что въ голову лѣзитъ.

— За что же-съ? Кажется, я съ почтеніемъ.

— Ступай съ Богомъ... Христосъ съ тобой!

— Я пойду-съ. Только вы можетъ быть еще подумаете? Конечно, вѣдь это судьба, на всю жизнь-съ.

— И думать тутъ нечего...

— Какъ угодно. Прощайте, покойно опочивать.

„Свихнулось“, думалъ Рогаткинъ, выходя изъ спальной хозяйки.

Неудалось ему воспользоваться всѣмъ состоянiемъ Василисы Панкратьевны, но онъ не унывалъ, сталъ думать, какъ бы попользоваться хоть кушемъ порядочнымъ, и скоро придумалъ.

Было утро. Молодцы напились чаю и отправились въ лавку. Рогаткинъ остался дома, чтобы поговорить съ хозяйкой о дѣлахъ.

Василиса Панкратьевна, укутанная въ теплый салопъ и съ подвязанною платкомъ щекою, пила чай. Передъ ней сидѣлъ Рогаткинъ.

— Товаръ очень дешево продается, говорилъ онъ таинственно озабоченнымъ тономъ:—только надо купить всю партiю, огуломъ-съ. Товару тысячъ на десять, а человѣку этому, что товаръ продаетъ, деньги до зарѣзу нужны, просто—хоть въ петлю полѣзай; и проситъ онъ за него пять тысячъ-съ. Я ужь съ нимъ порѣшилъ, теперь какъ вы? Дѣло очень выгодное и для насъ подходящее.

— Такъ покупай!

— Да на наличныя не можемъ, денегъ нѣтъ. Какъ я ни бился, — ничего не подѣлаешь. Надо векселекъ выдать.

— Ну вотъ ужь, будто и нѣтъ денегъ.

— Да вѣдь вы сами знаете, деньги у насъ въ оборотѣ. Чтожь вы вексель боитесь выдать? Вѣдь за эти пять тысячъ, это ужь послѣднее дѣло, двѣнадцать получите. Семь тысячъ на полу не подымешь. Я вамъ собственно это для того говорю, что торговлю вашу въ точности соблюдаю, а то бы взялъ своего капиталишка тысченки три, да товарища подъискалъ, и купили бы. Мнѣ что... Вотъ я и вексель приготовилъ. Подпишите!

— А вотъ я къ брату съѣзжу, да съ нимъ посовѣтуюсь. Скажетъ онъ, что подписать, такъ я и подпишу.

— Дѣло не терпящее, Василиса Панкратьевна; сегодня въ двѣнадцать часовъ я этому человѣку долженъ послѣднее слово сказать,—да, или нѣтъ. Подпишите, я ему отдамъ, и сегодня же пріѣзжайте въ лавку товаръ смотрѣть.

— А ты не врешь?

— Да что вы, Василиса Понкратьевна, нешто я подлецъ какой.

— А побожись.

— Ей Богу-съ. Помилуйте, что вы это... Кажется не первый годъ знаете.

— Нѣтъ, ты перекрестись передъ образомъ.

Рогаткинъ перекрестился.

— Скажи: будь я анаѳема.

— Да что вы это право. Женщина богобоязненная, а такія слова заставляете говорить. Будь я анаѳома! повторилъ онъ и досталъ изъ боковаго кармана сертука вексель.—Перышко и черниленку сейчасъ подамъ.

Рогаткинъ сбѣгалъ въ молодцовскую и принесъ банку чернилъ и перо.

— Писать-то я, право, совсѣмъ уже забыла. Нѣтъ, Вавило, я не буду подписывать, проговорила Василиса Пакратьевна, взявъ перо и вертя его въ рукахъ:—кто знаетъ, что тамъ такое написано?

— Это какъ вамъ будетъ угодно, только вѣдь вы свое теряете. Вѣдь вы вексель видите, такъ прочтите его. Грамотѣ-то мало маля знаете.

— Ну прочтемъ вмѣстѣ. Читай!

Началось чтеніе.

— Все бы лучше подумать или показать кому,—право.

— Нѣтъ, Василиса Панкратьевна, вѣрно ужъ намъ надо эти семь тысячъ просто въ печку бросить. Само въ руки дается, а тутъ еще отпихиваютъ. И смѣхъ, и горе! Прощайте, въ лавку пора!

— Да что ты расходился-то, давай я подпишу, только ты мнѣ говори, что писать-то.

— Ничего болѣе, окромѣ Василиса Залихватова, остальное ужъ прописано.

— Нѣтъ, ты слова-то мнѣ говори.

— Извольте-съ.

Рогаткинъ всталъ за ея стуломъ и началъ.

— Вѣди-съ, — палочку и два колесика одинъ на другой поставьте. Вотъ такъ-съ. Теперь азъ махонькой. Написали? Слово и иже.

Василиса Панкратьевна остановилась.

— Ты мнѣ цифирь-то покажи, гдѣ здѣсь пять тысячъ прописано. Пятое-то слово. Можетъ здѣсь и больше.

— Вотъ извольте прочесть: пять тысячъ, не цифирью, а такъ словами, а вотъ и цифирь. Видите?

— Побожись. Скажи еще, будь я анафема.

— Экія вы какія недовѣрчивыя, да будь я анафема! Теперь пишите: люди и опять иже.

Послѣ долгихъ разговоровъ, божбы и увѣреній, вексель былъ подписанъ и прикащикъ надулъ хозяйку.

Она выдала вексель на имя Вавилы Степанова Рогаткина. Цѣль была достигнута. Черезъ недѣлю Рогаткинъ отошелъ отъ мѣста.

Узнавъ продѣлку Рогаткина, Василиса Панкратьевна такъ и ахнула, заболѣла и цѣлую недѣлю пролежала въ постелѣ, обложенная тряпками съ уксусомъ, пила наговоренную воду и перемазалась всѣмъ, чѣмъ только можно было вымазаться. По совѣ-

ту родственниковъ хотѣла было она затѣять тяжбу и наняла ходатая, но ходатай взялъ съ нее сто рублей на гербовую бумагу и пропалъ съ ними, а Рогаткинъ получилъ деньги.

Рогаткинъ пошелъ далеко, записался въ купцы, снялъ лавку, женился на купеческой дочкѣ, взялъ за ней пятнадцать тысячъ и теперь отростилъ брюшко, наживаетъ копѣйку и благодушествуетъ съ своей сожительницей, которая чуть ли не каждый годъ приноситъ ему въ даръ по ребенку.

V.

Водогрѣйщикъ.

Около рынковъ и вообще въ торговыхъ и ремесленныхъ кварталахъ Петербурга находятся особаго рода заведенія, гдѣ продаютъ холодную и горячую воду. Заведенія эти называются „водогрѣйнями" и помѣщаются въ подвальныхъ этажахъ большихъ, многолюдныхъ и всегда грязныхъ каменныхъ домовъ. Жильцы въ этихъ домахъ большею частью народъ бѣдный, ремесленный: портные-штучники, безмѣстныя модистки и швеи, шьющія въ лавки шляпки и бѣлье, артели поденщиковъ, скорняки, столяры и прочій мастеровой народъ. Понадобится-ли кому изъ нихъ растопить клей, накалить утюгъ, заварить чай, сварить щи, кашицу, кофей,—всѣ бѣгутъ на водогрѣйню и за копѣйку или за двѣ пользуются водой и огнемъ. Водогрѣйня обыкновенно бываетъ открыта часовъ съ четырехъ утра и до двѣнадцати ночи; во все это время подъ плитой горитъ огонь и въ котлахъ клокочетъ кипятокъ. Сюда также присылаютъ и мальчиковъ изъ лавокъ заварить чай, забѣгаютъ и молодцы „затянуться" папироской, заходятъ по зимамъ и разнощики отогрѣвать

свои окоченѣлыя отъ стужи руки и пососать носогрѣйку съ махоркой.

Въ домѣ этомъ всегда есть трактиръ, на дверяхъ котораго красуются заманчивыя вывѣски, изображающія графинъ съ красной водкой, двѣ рюмки и чайный приборъ; тутъ же нарисована и рука въ голубомъ рукавѣ съ подписью „въ ходъ вномера". Надъ воротами также прибиты всевозможныя вывѣски, указывающія на профессію обитателей: тутъ и вывѣска, изображающая двѣ сайки, калачь и связку баранокъ, что означаетъ саячника, полинялый и ржавый желѣзный листъ, на которомъ видна одна сапожная голенища и нѣсколько золотыхъ буквъ изъ фамиліи сапожника, вывѣска на трехъ языкахъ: „повивальная бабка, Sage femme, Hebamme", безграмотные билетики, прилѣпленные чернымъ хлѣбомъ: „одаеца уголъ", „отжилцофъ комната снебилю и безоной", нѣсколько паръ клавишъ съ надписью „Stimmer" Настройщикъ", вывѣска обойщика—окно съ драпировкой, столяра—наугольникъ и циркуль, скорняка— оскалившій зубы звѣрь, не то левъ, не то собака, полотера—на воздухѣ виситъ щетка и по полу ползаетъ парень въ красной рубахѣ. Подъ воротами всегда грязно, мокро, стѣны исписаны углемъ и мѣломъ, тутъ же и входъ въ водогрѣйню.

Водогрѣйня большая комната со сводами. На первомъ планѣ стоитъ плита съ вмазанными въ нее тремя огромными мѣдными котлами въ видѣ самоваровъ. У плиты стоятъ два чана съ холодною водою и лежатъ дрова. У стѣны выручка съ дырочкой для опусканія денегъ, взимаемыхъ за воду и огонь и нѣсколько деревянныхъ скамеекъ. Надъ выручкой висятъ свидѣтельство на право торговли, картина, изображающая полководца Кутузова, скачущаго по головамъ своихъ солдатъ, и часы, у которыхъ вмѣсто гирь съ одной стороны плитка отъ утюга, а съ другой кирпичъ въ тряпкѣ. Вотъ и вся обстановка.

Лѣтъ пять тому назадъ, такою же водогрѣйней владѣлъ нѣкто Парфенъ Иванычъ Цыгаркинъ.

Цыгаркинъ пріѣхалъ изъ деревни въ Питеръ парнемъ лѣтъ двадцати двухъ и опредѣлился работникомъ на какую-то табачную фабрику. На фабрикѣ онъ жилъ лѣтъ пять, и наконецъ былъ прогнанъ оттуда за кражу папиросъ и сигаръ, которыя онъ продавалъ на сторону. Цыгаркинъ не унывалъ; отъ продажи краденаго товара у него скопилось немного деньжонокъ; онъ откупилъ мѣстечко въ какомъ-то публичномъ саду и сталъ торговать пряниками, яблоками, кислыми щами, апельсинами, папиросами и прочими лакомствами. Года черезъ два онъ уже выписалъ изъ деревни жену, переодѣлъ ее изъ сарафана въ платье и сталъ торговать съ нею вмѣстѣ: ѣздилъ на народныя гулянья, разбивалъ тамъ палатку съ вывѣской „все можно получить, чай, водку, пиво и разныя сласти" и съ такимъ искусствомъ обсчитывалъ и обвѣшивалъ гуляющій народъ, что даже собраты по ремеслу дивились его ловкости. Капиталецъ между тѣмъ все росъ да росъ, и Цыгаркинъ открылъ на него кислощейное заведеніе, а потомъ и водогрѣйню; но прежнее свое ремесло — торговлю пряниками и ягодами не оставлялъ, а завелъ прикащиковъ, которыхъ и разставлялъ на бойкихъ гулевыхъ мѣстахъ. Но геніальная голова Цыгаркина не успокоилась, ему было мало этого, и онъ придумалъ особый способъ добывать деньги.

Былъ морозный день. Укутанные въ тулупы и шубы прохожіе бѣжали безъ оглядки, извощики стояли около своихъ заиндевѣвшихъ лошадей, потопывали ногами въ валенкахъ и надували щеки, стараясь разогрѣть лицо, и тѣмъ избавиться отъ отмороживанія. Трактиры, портерныя, кабаки торговали отлично. Морозъ такъ и загонялъ туда прохожихъ. На водогрѣйнѣ также былъ народъ. Плита пылала, водогрѣйщикъ-работникъ то и дѣло нацѣживалъ

въ чайники кипятокъ, получалъ деньги и ловко, со звономъ бросалъ ихъ въ выручку. У выручки сидѣлъ самъ Цыгаркинъ, пришедшій взглянуть на свою торговлю, пилъ чай въ прикуску и разговаривалъ съ какимъ-то прикащикомъ въ енотовой шубѣ съ воротникомъ, поднятымъ „кибиткой". Прикащикъ торопился въ лавку, отвѣчалъ кивками и мычаньемъ и съ остервененіемъ, до кашля и чиханія, затягивался папироской, наконецъ бросилъ окурокъ, швырнулъ на выручку копѣйку и выбѣжалъ изъ водогрѣйни. У плиты стояла хорошенькая дѣвушка лѣтъ четырнадцати въ дырявомъ платьѣ и въ засаленной кацавейкѣ, накинутой на голову вмѣсто платка, и дожидалась, пока накалится принесенный ею утюгъ, какой-то разнощикъ въ нагольномъ тулупѣ и съ безмѣномъ за кушакомъ свертывалъ себѣ изъ газетной бумаги папироску, да грѣлись у плиты три лавошныхъ мальчика, присланные хозяевами заварить чай.

Къ водогрѣйнѣ подъѣхалъ водовозъ съ чаномъ воды. Работникъ-водогрѣйщикъ засуетился и сталъ вытаскивать изъ угла ушатъ и палку.

— Что стоите тутъ да толчетесь! крикнулъ онъ мальчикамъ: — только тѣснота одна отъ васъ! Заварили чай, ну, и уходите по добру по здорову! Сейчасъ воду носить надо, а они тутъ посреди дороги стоятъ! Проваливайте, нечего тутъ!..

— Да назяблись больно на морозѣ-то, дай погрѣться...

— Нечего тутъ грѣться, ступайте...

Двое мальчиковъ взяли свои чайники и ушли; третій остался.

— Ну а ты что же? кивнулъ Цыгаркинъ оставшемуся мальчику.

— Я подожду еще, погрѣюсь.

— Да вѣдь за погрѣнье-то, миленькій, деньги платить нужно.

— Копѣйку что ли? Вотъ берите! и мальчикъ положилъ на выручку деньги.

— А вотъ ежели бы сказать хозяину, что ты за погрѣнье деньги платишь, такъ онъ бы тебѣ вихоръ-то поднялъ, завернулъ бы курочку. Гдѣ взялъ деньги-то? Стянулъ?

— Эва что! Хозяинъ намъ о Пасхѣ, о Рождествѣ и объ масляной завсегда по два пятіалтынныхъ даетъ. Съ праздника и осталось.

— Ну, вотъ это умно дѣлаешь, что деньги на хорошее бережешь, проговорилъ Цыгаркинъ, улыбаясь.—За это я тебя кофеишкомъ угощу... Хочешь кофею?

— Отчего же не хотѣть.

— Ну такъ пойдемъ въ ту комнату. Здѣсь воду носить будутъ, такъ холодъ наберется.

Цыгаркинъ и мальчикъ ушли въ другую комнату. Въ водогрѣйню вошелъ водовозъ, взялъ ушатъ и вдвоемъ съ работникомъ началъ таскать воду. Въ отворенную дверь ворвался морозный воздухъ и паромъ заклубился по водогрѣйнѣ.

Цигаркинъ и мальчикъ пили кофей.

— Вы чѣмъ торгуете? спрашивалъ его Цыгаркинъ.

— Суровскимъ товаромъ: ситцами, платками, калинкоромъ, ну и шелковый есть...

— А молодцовъ у васъ много?

— Пятеро.

— Не хапаютъ они?

— Да почемъ же я-то знаю. Извѣстно ужь хапаютъ. У старшаго молодца, сказываютъ, въ нагрудникѣ тысяча рублевъ зашито.

— Ну а ты не хапаешь?

— Къ чему мнѣ-то хапать...

— Да такъ, деньги всегда годятся. Нешто ты разоришь этимъ хозяина?

— Да вѣдь мы сдачу не сдаемъ, въ выручку не ходимъ, на то молодцы есть.

— А ты бы товаромъ хапалъ...

— Да что вы это, право... Еще попадешься. Куда товаръ-то дѣвать? Вѣдь насъ тоже обыскиваютъ; передъ Рождествомъ у Васютки, у нашего мальчишки, хозяинъ пять кусковъ сахару въ сундукѣ нашелъ, такъ и то стращалъ, высѣчь хотѣлъ...

— Надо осторожно дѣлать, такъ и не попадешься. Людямъ сбывать; такіе люди есть. Хошь, я у тебя буду покупать? деньги давать буду, а ты мнѣ таскай да таскай...

— Ну полно; вишь что вы городите!

— Полно, дурашка, бояться-то, вѣдь не ты первый, не ты послѣдній. Я тебя научу, какъ и дѣломъ орудовать. Ты думаешь, хозяинъ разорится, чтоли? Его этимъ не разоришь. Такъ идетъ?..

— А вы на меня хозяину нажалуетесь...

— Дуракъ, такъ дуракъ и есть. Вѣдь нажалуюсь, такъ и самъ попадусь. Кто тебя училъ-то? Вѣдь училъ-то я?

— Ну такъ какъ же нужно дѣлать-то?

— А вотъ какъ. У васъ платки есть?

— Есть...

— Фуляровые?

— И фуляровые есть...

— Такъ начинай съ платковъ. Стяни пачку да въ чайникъ и опусти, прикрой крышкой, да и тащи сюда, какъ чай заваривать придешь. А я ужь покупать буду. По рублю тебѣ за пачку давать стану.

— Пора мнѣ, хозяинъ ругаться будетъ, проговорилъ мальчикъ, вставая.

— Такъ принесешь что ли? Вотъ тебѣ гривенникъ на пряники...

— Спасибо... Подумаю, можетъ и принесу. Прощайте! за угощенье!

Дня черезъ три мальчикъ пришелъ на водогрѣйню и принесъ въ чайникѣ пачку платковъ. Цыгаркинъ взялъ ихъ и далъ ему рубль серебромъ.

— Скажи товарищамъ твоимъ, другимъ мальчишкамъ, я и имъ тоже давать деньги буду,—какъ тамъ глядя по вещи.

— Ладно, проговорилъ мальчикъ, запихалъ рубль за голенищу и ушелъ.

Заманивши такимъ манеромъ нѣсколько мальчиковъ и научивъ ихъ красть, Цыгаркинъ уже пересталъ давать рубли, а раздѣлывался съ ними мелочью.

Такими и тому подобными путями Цыгаркинъ нажилъ хорошее состояніе, сдалъ водогрѣйню и кислощейное заведеніе и занялся подрядами въ казенныя мѣста.

Не пойманъ—не воръ, есть пословица и Цыгаркинъ считается хорошимъ и уважаемымъ человѣкомъ.

VI.

ИСКУСЪ

Изъ простыхъ мужиковъ поднялся Конъ Конычъ, откупился на волю, пріѣхалъ съ женою въ уѣздный городъ и началъ торговать хлѣбомъ. Также арендовалъ онъ фруктовые сады, собиралъ ягоды, яблоки и посылалъ ихъ на продажу въ Петербургъ и въ Москву. Жена Кона Коныча была бездѣтна, прожила съ нимъ двадцать пять лѣтъ и, въ одинъ прекрасный день поѣвъ съ аппетитомъ буженинки, слегла въ постель; двое сутокъ лечилась: пила какую-то лекарственную воду, по совѣту приходскаго дьячка съѣла три наговоренныя бумажки съ таинственными надписями и умерла. Послѣ смерти сожительницы, Конъ Конычъ вдовство-

валъ пять лѣтъ, а на шестой годъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, задумалъ погубить чужой вѣкъ и женился.

Алена Ивановна, его вторая жена, среди купечества своего города слыла за первую красавицу,—статная, полная, бѣлая и румяная, какъ кровь съ молокомъ. Алена Ивановна была сирота, до замужества жила у своихъ дальнихъ родственниковъ, по принужденію которыхъ и вышла замужъ за Кона Коныча. Конъ Конычъ взялъ ее безъ приданаго и единственно только за ея красоту, былъ ревнивъ, придирчивъ и хотя баловалъ ее, дарилъ ей дорогіе наряды, кольца, серги, но подчасъ, разсердясь, корилъ ее безприданствомъ и бѣдностью и то тѣмъ, то другимъ изъ молодыхъ мужчинъ. Обыкновенно это всегда бывало въ праздничные дни. Пойдетъ ли Конъ Конычъ съ женою къ обѣднѣ, выйдетъ ли изъ церкви по окончаніи службы, городскіе парни ужь тутъ какъ тутъ: почтительно и съ улыбкой кланяются Аленѣ Ивановнѣ, идутъ слѣдомъ и провожаютъ до воротъ и чуть не въ глаза смѣются самому старику. Придя домой, Конъ Конычъ разражался надъ женой бранью и попреками:

— Какъ есть голую я тебя взялъ, безприданницу! Послѣднюю юбчонку, наволочку на подушку и ту на свои кровныя сдѣлалъ, а ты этого ничего не чувствуешь и рыло отъ меня воротишь, говорилъ онъ женѣ.—Парни проходу не даютъ, такъ стаей, какъ за собакой какой, прости Господи, и бѣгаютъ.

Незлобная Алена Иванова плакала, тосковала и молчала. Рѣзвая и веселая отъ природы, она совсѣмъ измѣнилась въ замужествѣ и лишь изрѣдка проглядывалъ въ ней ея прежній живой характеръ. Мужу она была вѣрна, и даже жалѣла, что у ней нѣтъ дѣтей. Чего-чего только она не дѣлала, чтобы имѣть ихъ: и наговореныя ладонки носила на груди, и на богомолье ходила, и обѣты на себя накладывала, но тщетно. Ребенкомъ она дума-

ла разогнать тоску, въ материнской любви къ нему забыть свое несравненное, а подъ часъ и горькое положеніе.

А мужъ становился между тѣмъ все ревнивѣе и ревнивѣе; ревность его дошла до какой-то болѣзни и онъ рѣшился на небывалый дикій поступокъ, —рѣшился, сдѣлать женѣ искусъ.

Было будничное утро. Въ чистой комнатѣ у стола, на которомъ лежали счеты, бирки, двѣ изодранныя счетныя книги и банка изъ-подъ духовъ, съ налитыми въ ней чернилами, сидѣлъ Конъ Конычъ. Онъ былъ въ розовой ситцевой рубахѣ, опоясанной пояскомъ съ молитвой, и въ высокихъ сапогахъ. Жарко, мухи жужжатъ и не даютъ покоя. Кисейныя занавѣски на окнахъ спущены, но солнце сквозитъ сквозь нихъ и отражается на сѣдой бородѣ хозяина и на часахъ съ расписнымъ циферблатомъ. Передъ Кономъ Конычемъ стоитъ его молодецъ Сергѣй. Уже по виду видно, что лихой малый. Статный, кудрявый, съ чуть пробивающейся бородкой и съ серебрянною серьгою въ ухѣ. На немъ красная кумачная рубаха, плисовые шаровары, атласный черный жилетъ съ бронзовыми пуговицами и дутые сапоги.

Между Кономъ Конычемъ и Сергѣемъ шелъ слѣдующій разговоръ.

— Ты, Сергѣй, парень хорошій, работящій, говорилъ Конъ Конычъ:—я тебя завсегда другимъ молодцамъ въ примѣръ ставлю. Вотъ прошлый годъ на рекрута тебѣ помогъ и не жалѣю, потому что ежели ты мнѣ еще не заслужилъ, такъ заслужишь. Заслужишь вѣдь?

— Это конечно. Какъ же безъ этого? отвѣчалъ Сергѣй и тряхнулъ кудрями.

— Ну такъ вотъ я и говорю.... Одно, пьешь ты подъ часъ безобразно.

— Это, Конъ Конычъ, когда съ пріятелями ежели....

— Ну да я ничего, не ругаю тебя, а только такъ. Хочешь водки, такъ выпьемъ по стаканчику?

— Да ужь и не знаю.... Нѣтъ, спасибо, не стану пить.

— А ты выпей прежде, да потомъ и говори спасибо.

Конъ Конычъ подошелъ къ окну и снялъ съ подоконника бутылку настойки, которая стояла на солнцѣ.

— Вотъ мы новую съ тобой почнемъ, попробуемъ—дошла она, или нѣтъ. Кажись, что должна дойти, недѣлю на солнцѣ стоитъ.

Хозяинъ и молодецъ выпили по стаканчику настойки. Молодецъ недоумѣвалъ.

„Что за оказія, что онъ меня умасливаетъ?“ думалъ онъ.

— Ну такъ вотъ что, Сергѣй, началъ опять Конъ Конычъ.— Хочу я тебя объ одномъ дѣлѣ спросить. Я тебя потому это спрашиваю, что мы вотъ теперь съ тобой говоримъ по душѣ, поблагодушествовали по малости и все эдакое. Скажи ты мнѣ, какъ есть, не бойся, говори прямо. Не замѣчалъ ли ты эдакъ чего за Аленой Ивановной?

— Это то есть какъ?

— Ну тамъ насчетъ шелопаевъ какихъ... Не прихвостничаетъ ли кто за ней. Конечно, я ей вѣрю, это все пустое дѣло, только такъ, изъ любопытства знать хочется.

— Насчетъ этого, Конъ Конычъ, ничего не могу сказать, потому не знаю. Только я одно скажу, ежели бы мы теперече замѣтили что, такъ ужь этотъ человѣкъ пропадай, безъ пардону бы ноги обломали.

— Это-то я знаю, за вами я какъ за каменной стѣной, а я думалъ, ты тамъ по трактирамъ да по кабакамъ шляешься, не въ обезсудъ тебѣ говорю, а такъ къ слову, такъ думаю—не слышалъ ли чего.

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ, врать не буду. А то вотъ какъ-то тутъ въ праздникъ играли мы на соборной оградѣ въ орлянку, такъ Шанька, Семена Криваго сынъ, ругалъ тебя и Алену Ивановну помянулъ.

— Что же онъ говорилъ? Сказывай, не бойся!

— Не на руки, говоритъ, Алена Ивановна досталась, очённо, говоритъ, ее жалко... Этотъ, говоритъ, старый дьяволъ,—это онъ про тебя,—заѣлъ ее совсѣмъ. Потомъ вынулъ двугривенный, да и говоритъ: э, говоритъ, на счастье Алены Ивановны распрекрасной!

— Ну а ты ничего не замѣчалъ, у него съ ней ничего нѣтъ? Не пялитъ онъ свои буркалы на наши окна?

— Гдѣ же, Конъ Конычъ, помилуй! Нешто онъ можетъ? Да хоть бы и пялилъ, такъ нешто Алена Ивановна можетъ на него польститься? Вѣдь у него рожа,—какъ терка рябая. Плюнь и не думай, человѣкъ—мразь и вниманія не стоющій.

— Нѣтъ, я такъ только.

Конъ Конычъ всталъ со стула, высморкался въ уголъ и прошелся по комнатѣ.

— А что, ежели бы вотъ къ ней такой парень, какъ ты, подластился, снова началъ онъ:—такъ тогда бы она, пожалуй, и сама на шею бросилась. Вѣдь ты, Сергѣй, парень-бестія, ты, я думаю, на своемъ вѣку не одну дѣвку со слезами да съ прибылью оставилъ.

Сергѣй осклабился, тряхнулъ кудрями и подперъ руку въ бокъ.

— Ужь это съ тѣмъ возьмите, годъ носите, и починка даромъ! проговорилъ онъ самодовольно,—Это когда я въ Ярославлѣ жилъ, такъ за мной три дѣвки слѣдомъ бѣгали. Отъ одной я ухожу эдакъ разъ, а отецъ ейный къ заутрени идетъ; увидалъ меня, схватилъ полѣно, да какъ пуститъ. Хорошо еще, что хоть въ мягкое мѣсто попало, а то бы на вѣкъ калѣкой остался. Послѣ и то шесть банокъ приставилъ, кровь спущалъ.

— Молодецъ! Что говорить, лихой парень! Ты мнѣ только услужи... Вотъ я тебѣ сейчасъ скажу—въ чемъ, а я тебѣ за это

невѣсту высватаю. Хошь, племянницу Анюшку за тебя выдамъ? Пятьсотъ рублевъ и приданаго за ней.

— Шутить изволите, Конъ Коничъ... Гдѣ ужь намъ на такихъ коняхъ кататься.

— Какія тутъ шутки, это вѣрно. Ну вотъ выпей еще стакашекъ, да я тебѣ и скажу, въ чемъ дѣло.

Сергѣй выпилъ.

— Видишь ты, въ чемъ дѣло. Сомнѣніе меня беретъ, думаю я все, день и ночь думаю, что Алена безпремѣнно съ кѣмъ нибудь изъ парней хороводится. А ужь ежели она и не хороводится, такъ покажись ей мало маля приглядный парень, такъ ужь она къ нему на шею такъ и бросится. Хочу я ей искусъ сдѣлать, а искусъ этотъ будешь ты. Захороводь ты ее, снюхайся съ ней; поддастся она на тебя, тогда ужь я и буду знать, что она за человѣкъ есть. Ходитъ, что-ли?

— То есть это какъ, облюбить ее, что-ли?

— Тсъ, нѣтъ, братъ, ты этого не моги.

— Ну такъ ты, Конъ Коничъ, говори толкомъ.

— Одно слово,—подласться къ ней, войди въ душу, вызови ее въ садъ на свиданье, а меня подведи подъ это дѣло, чтобъ я видѣлъ. Можешь, что-ли?

— Отчего же не мочь, это можно, съ разстановкой и обдуманно отвѣчалъ Сергѣй:—только смотри, хозяинъ, чтобъ потомъ не каяться, потому, что она послѣ этого, пожалуй, за мной бѣгать станетъ. Мнѣ ужь это не въ первянку.

— Не бойся, не побѣжитъ. Послѣ этого я ужь ей дурь-то всю выбью... Такъ варгань, да и дѣлу конецъ!

Сергѣй почесалъ затылокъ.

— Такъ-то это все такъ, Конъ Коничъ, только что ты мнѣ за труды положишь?

— Да вотъ Анюшку за тебя выдамъ.

— Да вѣдь это журавль въ небѣ, а ты мнѣ дай синицу въ руки.

— Какого же еще тебѣ рожна нужно? И этого довольно. Ну, сапоги дамъ, совсѣмъ новые; только разъ и надѣвалъ ихъ, да малы мнѣ, а тебѣ въ самый разъ будутъ.

— Сапоги сапогами, а дай ты мнѣ пятнадцать рублевъ...

— Нѣтъ, братъ Сергѣй, ужь ты больно жирно хочешь.

— Конъ Конычъ, посуди самъ, ужь это дѣло такое. Нешто на это дѣло кто установлялъ цѣну? Ужь тутъ, значитъ, какъ по согласію.

— Ну вотъ что... Бери ты три рубля, и въ придачу къ этому, гармонику тебѣ куплю на базарѣ.

— Не возьму меньше. Вѣдь какъ хочешь, я тутъ грѣхъ на душу принимаю; было бы изъ чего...

— Ну вотъ что, Сергѣй, возьми синенькую, вѣдь я тебѣ, можетъ статься, въ чемъ и пригожусь. Пять рублевъ, сапоги и гармоника.

— Маклачишь ты, хозяинъ, ну да ужь давай деньги!

Торгъ былъ заключенъ. Выдавъ Сергѣю деньги, Конъ Конычъ примолвилъ:

— Только, смотри, молчокъ. Ты да я; насъ двое, и больше пусть никто не знаетъ.

— Да ужь ладно! Умретъ! Какъ камень въ воду! Ну, а сапоги?

Конъ Конычъ вынесъ и сапоги.

На другой день послѣ заговора съ хозяиномъ Сергѣй началъ ухаживать за Аленой Ивановной. Ухаживаніе его началось съ того, что онъ при встрѣчѣ съ ней ругалъ хозяина и шепталъ ей на ухо: „Эки вы распрекрасныя, Алена Ивановна; заѣлъ васъ вашъ аспидъ совсѣмъ“. На эти слова Алена Ивановна улыбалась и говорила:

— Молчи, Сергѣй: узнаетъ Конъ Конычъ, такъ тебѣ бѣда будетъ, да и мнѣ достанется, что я эдакія рѣчи слушаю.

Дня черезъ два Сергѣй, встрѣтясь съ Аленой Ивановной, здохнулъ и сказалъ:

— Жисть бы, кажется, отдалъ, кабы меня эдакая кралечка полюбила!

Алена Ивановна зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ и промолчала. „Молчитъ,—значитъ, подается", подумалъ Сергѣй и пошелъ еще далѣе. Что думала Алена Ивановна? — неизвѣстно. Естественное дѣло, что ей, какъ молодой женщинѣ, рѣдко слышавшей ласковое слово и не видавшей ни чьихъ ласкъ, кромѣ старика мужа, нравилось, что за ней ухаживаютъ. Къ тому же, Сергѣй былъ красивый малый; въ немъ такъ и видѣлась здоровая кипучая жизнь.

Былъ часъ шестой вечера. Солнце спало. Кона Коныча не было дома. Алена Ивановна напилась чаю, накинула на голову цвѣтной платокъ и вышла погулять въ садъ. Сегодня Алена Ивановна была что-то особенно весела. Сѣла она въ кусты красной смородины, тихонько запѣла пѣсню и стала собирать красныя спѣлыя ягоды. Хорошо, прохладно таково въ кустахъ; смородинный листъ разливаетъ запахъ и нѣжитъ обоняніе, въ травѣ трещатъ кузнечики и сдѣлалось на душѣ у Алены Ивановны легко, отрадно. Быть можетъ, она вспомнила свое дѣтство и свои дѣвичьи годы. Понабравъ ягодъ, Алена Ивановна перестала пѣть, прилегла на траву и начала ѣсть смородину. Вдругъ послышался шелестъ травы. Она вздрогнула.

— Кто тутъ? окликнула она.—Конъ Конычъ, это вы?

— Не въ такту-съ попали, совсѣмъ другой... послышался голосъ.

— Это ты, Сергѣй?

— Онъ самый и есть, отвѣчалъ Сергѣй, показываясь.—Съ какой смолой, съ какимъ варомъ, съ какимъ товаромъ, съ холоднымъ, или съ горячимъ?

— Что тебѣ, Сергѣй?

— Ничего-съ. Вотъ вашей пѣсни заслушался. Что же вы, Алена Ивановна, замолчали? Продолжайте. Или ужь я такое пугало, что всѣхъ пугаю?

— Я и не испугалась тебя; я еще до тебя пѣть кончила. Видишь, теперь ѣмъ ягоды, а развѣ можно въ одно время и пѣть и ѣсть?

— А мнѣ-то, Алена Ивановна, дадите ягодокъ? Поподчуйте.

— Бери. Развѣ мало кустовъ-то. У насъ на это запрету нѣтъ.

— А вы мнѣ изъ своихъ сахарныхъ ручекъ пожалуйте! Съ пребольшущимъ пріятствомъ съѣмъ.

— Ну вотъ бери, да и уходи съ Богомъ! проговорила она, подавая ему горсть смородины.

— Зачѣмъ уходить, мы еще погодимъ маленько. Вы споете, а я послушаю. Когда вы поете, Алена Ивановна, такъ меня словно кто бархатомъ по сердцу гладитъ. Ей-Богу-съ.

— Ступай лучше, Сергѣй, уходи отъ грѣха. Неравно Конъ Конычъ придетъ,—бѣда тогда. Ты вѣдь ужь знаешь его.

— Ещебъ не знать такого сахара. Только онъ не скоро придетъ: онъ пошелъ на берегъ Силиверсту Потапычу хлѣбъ продавать. Начнутъ магарычи пить, да и захороводется. Такъ такъ-то-съ, Алена Ивановна... А я вотъ тутъ посижу съ вами да трубочку покурю. Не осерчаете? Можно?

— Курить-то ты кури, только уходи Бога ради.

— Уйду, время будетъ. Эхъ, Алена Ивановна, такія вы распрекрасныя, сахарныя, а за такимъ старикомъ замужемъ, сказалъ Сергѣй, сѣлъ на траву противъ нея, вытащилъ изъ-за голенищи трубку, высѣкъ огня и закурилъ ее.

Алена Ивановна поднялась съ мѣста.

— Куда же вы? Погодите.

— Домой пойду. Чтожъ, коли ты моей погибели хочешь и со мной сидишь, такъ ужь лучше я уйду. Конъ Конычъ, и ничего-то не видя, и то меня поѣдомъ ѣстъ, а ужъ какъ услышитъ, что я съ тобой въ саду была да такія рѣчи слушала, такъ ужь тогда меня со свѣту сживетъ.

— Алена Ивановна, останьтесь. Нешто эдакого время скоро дождешься? Алена Ивановна, сядемъ рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ!

Сергѣй дернулъ ее за платье. Алена Ивановна вздрогнула и покраснѣла.

— Экой ты бѣдовый какой, Сергѣй, проговорила она, немного погодя, и сѣла недалеко отъ него на траву.

Сергѣй потихоньку подвинулся къ ней.

— Къ чему же ты подвигаешься, сиди тамъ. Видишь ты, какой Фома — большая крома.

— Поближе къ вамъ лучше будетъ, повольготнѣе.

— Ужь ты гораздъ лясы-то точить, я знаю. Ну объ чемъ же мы говорить будемъ?

— Да что Богъ на душу положитъ, о томъ и говорить будемъ. Примѣрно хоть объ томъ, что вы краше всѣхъ въ городѣ, что взглянете, такъ рублемъ подарите...

— Все-то ты врешь! Тебѣ повѣришь, такъ трехъ дней не проживешь, проговорила Алена Ивановна, самодовольно улыбнувшись.

— Отчего бы мнѣ и не вѣрить; нешто я подлецъ какой, или голь кабацкая.

— Говори вотъ объ чемъ: какъ тебя дѣвушки любили, какъ ты тамъ въ своемъ городѣ жилъ...

— Да ужь объ этомъ говорить нечего, это дѣло извѣстное,

а я вамъ лучше то скажу, чего вы не знаете. Э, да что тутъ огороды городить, да проселкомъ ѣздить! Пропадай все пропадомъ! Алена Ивановна, полюбите меня!

— Что ты, что ты! съ испугомъ и торопливымъ шопотомъ заговорила Алена Ивановна и быстро поднялась съ травы.—Что ты, Сергѣй, какія несообразныя вещи говоришь! Господь съ тобой! Вѣдь я замужняя... Молчи, пожалуста, неравно кто услышитъ... Прощай!

Сергѣй всталъ съ мѣста и пошелъ за ней вслѣдъ.

— А что-жъ что замужняя; нешто замужнія не гуляютъ? Будто ужъ замужемъ, такъ и жить не надо? Алена Ивановна, погодите, постойте!

Онъ взялъ ее за платье. Она остановилась.

— А ужъ какъ гуляли бы мы тогда! Рай красный, вотъ какъ! Полноте, Алена Ивановна, тутъ и зазорнаго ничего не будетъ. Буду знать я да вы.

Сергѣй выбросилъ изъ рта на траву трубку и обнялъ Алену Ивавовну. Она не вырывалась отъ него.

И послышались поцѣлуи и шопотъ.

— Пусти меня, Сергѣй, сейчасъ Конъ Конычъ придетъ. Бѣда тогда! шептала Алена Ивановна.

Вечеромъ того же дня Сергѣй, поужинавъ, ложился на сѣноваль спать и думалъ:

„Таперича мнѣ и подвести подъ Кона Коныча можно, когда только вздумается, а я еще погожу. Зачѣмъ лакомый кусокъ изо рта отдавать? Похоровожусь съ ней недѣльку, другую, а тамъ, какъ надоѣстъ, такъ и подведу. Дуракъ и старикъ-то, меня только надоумилъ.“

У воротъ раздался стукъ.

— Кузьма, отворяй ворота, хозяинъ пріѣхалъ! крикнулъ Сергѣй другому молодцу.

Кузьма выругался и полѣзъ съ сѣновала.

„А важная краля, погулять съ ней можно,“ думалъ Сергѣй, зарываясь въ душистое сѣно, и началъ засыпать.

Прошла недѣля.

— Ну что, какъ дѣла? спросилъ разъ Конъ Конычъ Сергѣя.

— Да еще все плохо, хозяинъ,—не поддается.

— Ну и слава Богу, а ты поналягъ еще.

— Да ужъ за нами дѣло не станетъ. Поналягемъ, будьте покойны.

— То-то смотри. Взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ. А Сергѣй между тѣмъ миловался да гулялъ съ молодой хозяйкой.

Приходило ему въ голову и совсѣмъ молчать, вовсе не подводить Кона Коныча, а такъ замять дѣло; однажды онъ даже хотѣлъ разсказать Аленѣ Ивановнѣ о заговорѣ, но почему-то умолчалъ.

Разъ какъ-то Конъ Конычъ опять спросилъ Сергѣя объ успѣхѣ.

— Да ни-то, ни се, середка на половинѣ. Погоди, куда тебѣ торопиться, отвѣчалъ Сергѣй.

— Ахъ ты горечь! Теперь я вижу, что ты парень-то лыкомъ шитый, а еще бахвалился мнѣ. За мной три дѣвки слѣдомъ бѣгали! Все-то ты вралъ, собачій сынъ.

Сергѣй обидѣлся.

— За что жъ ты ругаешься, хозяинъ? проговорилъ онъ.— Можетъ, я для тебя же все дѣлаю, а ты все дразнишься.

Его взяло зло, что хозяинъ усомнился въ его силѣ, и онъ рѣшился показать, что онъ за человѣкъ есть.

— А что дашь? — покажу штуку! Дашь послѣ того, какъ что увидишь, десять рублевъ?

— Дамъ.

— Ну такъ завтра передъ ужиномъ увидишь. Выѣзжай завтра часовъ эдакъ въ семь со двора, и скажи, что къ ужину не воротишься, а часовъ въ восемь и нагрянь.

— Ладно. А гдѣ ты съ нею будешь?

— Въ саду около смородинныхъ кустовъ. Только, смотри, не обмани насчетъ десяти-то рублевъ.

— Ну вотъ еще...

Хозяинъ и прикащикъ разошлись.

Весь остатокъ этого дня и всю ночь бѣдная Алена Ивановна проплакала. Конъ Конычъ былъ сварливъ какъ звѣрь, придирался къ ней, ругалъ ее и даже побилъ два раза.

На другой день Сергѣй увидалъ Алену Ивановну въ то время, когда она шла на погребъ за сливками. Завидя ее, онъ залихватски зашагалъ по направленію къ ней и еще издали улыбался.

— Разспрекрасные заплаканные глазыньки, началъ онъ.—Эхъ, хозяюшка, сердце надрывается, на васъ глядючи... Придешь, что-ли, передъ ужиномъ душу-то отвести? проговорилъ онъ скороговоркой.—Самъ уѣдетъ сегодня въ Завихляево хлѣбъ покупать; давеча ругалъ Кузьму, такъ сказывалъ.

— Не до тебя мнѣ теперь, Сергѣй, ей-Богу, не до тебя, отвѣчала Алена Ивановна.—Уйди ты, пожалуста, не разговаривай со мной... хуже звѣря лютаго вчера онъ былъ.

— А когда же онъ лучше-то былъ? Цѣпной песъ, такъ ужь псомъ и будетъ, въ голубя не оборотится. Такъ придешь?

— Не знаю, право...

— Кто жъ знаетъ-то? Говори: да, иль нѣтъ, да и дѣлу конецъ!

— Приду, приду, отойди ты отъ меня только Бога ради, торопливо проговорила Алена Ивановна и начала спускаться въ погребъ.

«Ахъ ты Катя, Катя, Катя,
Пойдемъ во царевъ кабакъ;
Сладкой водкой угощу,
Поцѣлуемъ подслащу».

Напѣвалъ тихонько Сергѣй, отходя отъ погреба; остановился около цѣпной собаки, подразнилъ ее, ткнулъ ногой, потомъ поднялъ съ земли валявшійся черепокъ и высоко швырнулъ его черезъ заборъ на улицу.

Часовъ въ семь вечера Конъ Конычъ запрегъ лошадь и уѣхалъ, сказавъ, что воротится завтра поутру, а между тѣмъ объѣхалъ улицы двѣ, завернулъ на зады и остановился около частокола своего сада; привязалъ лошадь, перелѣзъ въ садъ и залегъ въ кустахъ. Сергѣй былъ въ саду и подрѣзывалъ сухія сучья у яблонь. Конъ Конычъ недолго ждалъ; скоро показалась Алена Ивановна и подошла къ Сергѣю.

— Что долго? Аль по самомъ скучала, что эдакое золото уѣхало? обратился къ ней Сергѣй.—Ну цѣлуй, чтоль!..

Кона Коныча такъ и взорвало.

— Стой, стой, не смѣть! закричалъ онъ, поднявшись съ травы, и бросился на жену.—Ахъ ты сволочь несчастная! заревѣлъ онъ, схвативъ ее.—Такъ такъ-то ты! Къ полюбовникамъ ходить! Такъ я покажу тебѣ мерзавкѣ!

Алена Ивановна вырвалась отъ мужа и бросилась къ Сергѣю.

— Ну, хозяинъ, пока я здѣсь, такъ не трожь ее! сохранилъ свое достоинство Сергѣй.

— Что, что?! закричалъ Конъ Конычъ.—Эй, молодцы! Кузьма! Петръ! Скорѣе сюда! Живо!

Молодцы, мѣрившіе на дворѣ рожь, прибѣжали на крикъ хозяина.

— Бейте Сережку! Бейте его каналью! Бейте его мерзавца! кричалъ Конъ Конычъ.

Сергѣй выпустилъ изъ рукъ Алену Ивановну; она такъ и рухнулась на траву.

— Хозяинъ, за что это? Помилуй... Окрестись лучиной! Иль ты бѣлены объѣлся! говорилъ онъ.

Молодцы недоумѣвали.

— Что стали? Бейте его! кричалъ побагровѣвшій отъ злобы хозяинъ.

Сергѣй, видя, что дѣло не въ шутку, бросился бѣжать.

— Держите его! Держите его мерзавца!

Молодцы погнались за Сергѣемъ, онъ отъ нихъ; выбѣжалъ на дворъ, выскочилъ въ калитку и очутился на улицѣ.

Конъ Конычъ до того разсвирѣпѣлъ, что приказалъ молодцамъ всѣ Сергѣевы вещи выбросить на улицу.

— Чтобы и духу его, анаѳемы, здѣсь не было! говорилъ онъ.

И полетѣли на улицу пожитки Сергѣя: тулупъ, подушка, войлокъ, гармоника, сапоги, рубашки и прочее.

Сергѣй все это сбиралъ въ кучу и переругивался съ стоящимъ у открытаго окна Кономъ Конычемъ. Ему все еще не вѣрилось, онъ думалъ, что это только комедія и разъигрывается, какъ говорится, для прилику. Онъ подошелъ къ окну.

— Чтожь, хозяинъ, можетъ, ты это все въ шутку, такъ ужь пора покончить. Слышь, дай же десять рублевъ, вѣдь я свое дѣло какъ есть справилъ.

— Прочь! закричалъ Конъ Конычъ, и швырнулъ въ Сергѣя стоявшимъ на окнѣ поддонникомъ отъ цвѣточнаго горшка.

Сергѣй уклонился.

— Нѣтъ, хозяинъ, ужь это, братъ, не шутка... Я и самъ пустить-то умѣю... Говори послѣднее слово: не дашь десять рублевъ?

— Не дамъ.

— И Анютку не выдашь за меня?

— Нѣтъ, нѣтъ! Долой отъ моего дома, пока по шеямъ палками не спровадили!

— Не придется, и самъ уйду, только ты меня помнить будешь!

— Въ острогъ я тебя мерзавца упрячу! Тысячу рублевъ не пожалѣю, а ужь ты посидишь у меня въ острогѣ!

— Ну такъ вотъ тебѣ и мое послѣднее слово, хозяинъ: надулъ ты меня, да на конѣ не объѣхалъ. Я жь тебѣ солоно придусь. Прощай! Счастливо!

Сергѣй собралъ свои пожитки и пошелъ по улицѣ.

— Что разъярился, Конъ Конычъ? Съ чего такъ? спрашивали сосѣди.

— Да Сережка каналья чуть было не обокралъ меня совсѣмъ!

— Какъ такъ? Скажи на милость!

И Конъ Конычъ принимался сочинять исторію, какъ онъ поймалъ молодца въ то время, когда тотъ тащилъ къ частоколу куль ржи и намѣревался его перекинуть сообщникамъ.

Сергѣй сдержалъ слово и дѣйствительно солоно пришелся хозяину. Въ туже ночь онъ вымазалъ дегтемъ всѣ ворота у дома Кона Коныча.

Поутру Конъ Конычъ проснулся и подошелъ къ окну. Напротивъ дома на улицѣ стоялъ народъ, о чемъ-то толк валъ и указывалъ на заборъ. Конъ Конычъ вышелъ на улицу, взглянулъ на ворота, да такъ и обмеръ. Не только что ворота, но даже и заборъ былъ вымазанъ дегтемъ.

— Ништо ему старому хрычу, не женись на молодой, говорилъ какой-то парень безъ шапки, въ рваной рубахѣ и въ опоркахъ на босу ногу.—Ужь это завсегда такъ бываетъ, братцы, коли старикъ на молодой женится.

— Ужь это какъ есть, соглашался другой. — Теперича и терпи позоръ. Нешто деготь-то скоро отскоблишь?.. Да хоть и

отскоблишь, все одно, всѣ знать будутъ, одинъ отъ другаго, а тамъ и пойдетъ!..

— Скажи на милость, съ кѣмъ бы это она слюбилась?

— А какъ тутъ узнать, нешто у бабы что узнаешь? Баба вѣдь упряма; иную хоть ты зарѣжь!

— А доведись до меня это, парни, говорилъ съ сѣдой бородой старикъ въ армякѣ и подпоясанный краснымъ кушакомъ: — такъ я-бъ ее дралъ, дралъ, да, кажись, и не знаю, что бы сдѣлалъ!..

— Братцы, пожалѣйте меня... Напраслина, ей-Богу напраслина!.. говорилъ, чуть не плача, Конъ Конычъ.

— Толкуй тутъ! Ловокъ тоже зубы-то заговаривать! крикнулъ кто-то изъ толпы.

Конъ Конычъ махнулъ рукой и ушелъ къ себѣ на дворъ.

VII.

ТЕСТЬ И ЗЯТЬ.

Меркулъ Родіоновичъ Марковкинъ лежалъ на клеенчатомъ диванѣ съ валиками и храпѣлъ, какъ говорится, во всю ивановскую; отъ его храпа даже трясся висѣвшій надъ диваномъ портретъ какого-то генерала съ большимъ носомъ и дребезжали чашки и серебро въ „горкѣ“. Ему снился престранный сонъ: онъ видѣлъ, что бѣсы, настоящіе бѣсы, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ на картинкахъ, съ рогами, съ красными языками и съ хвостами, таскали его за волосы. Въ другой комнатѣ сидѣла у окна его единородная дщерь Раисынька, раскладывала на подоконникѣ карты и гадала на бубноваго короля.

— Дому, дамѣ, королю, что сбудется, непремѣнно..: приговаривала она на распѣвъ, раскладывая карты на пять кучекъ.

— Отецъ спитъ, тише, Раисынька, увѣщевала ее мать.

— Чтой-то, маменька, ужь будто и погадать о суженомъ нельзя! отвѣчала дочь и нарочно громко зѣвнула.

— Тише, говорятъ тебѣ, дура; погоди вотъ ужо отецъ встанетъ, онъ те уйметъ, погрозилась мать, и на цыпочкахъ, насколько это позволяло ея тяжеловѣсное тѣло, отправилась въ кухню приказать кухаркѣ, чтобъ та собирала ужинать.

Въ кухню вошли пришедшіе изъ лавки молодцы, и съ шумомъ начали отирать ноги о рогожу.

— Тише ногами стучите! самъ почиваетъ, просила ихъ хозяйка.

Меркулъ Родіоновичъ все еще видѣлъ во снѣ, что его черти таскаютъ за волосы. Онъ вглядывается въ рожу одного бѣса,— лицо какъ будто знакомое; вглядывается еще, и узнаетъ въ немъ своего старшаго прикащика Вавилу. „Ахъ ты такой сякой,“ воскликнулъ Меркулъ Родіоновичъ воснѣ; но въ дѣйствительности отчаянно всхрапнулъ, проснулся, вскочилъ на ноги и, подойдя къ столу, на которомъ стоялъ графинъ квасу, выпилъ залпомъ три стакана. „Скверный сонъ мнѣ приснился,“ подумалъ онъ, и началъ ходить по комнатѣ.

Меркулъ Родіонычъ имѣлъ три слабости: любилъ водку, басистыхъ дьяконовъ и игру въ горку; онъ торговалъ желѣзомъ и старьемъ, обладалъ женою, охотницею до сплетенъ, и дочерью, все желаніе которой состояло въ томъ, чтобъ выдти поскорѣе замужъ,—желаніе, которое какъ-то не удавалось, потому что тятенька ея имѣлъ сильное пристрастіе къ деньгамъ и не давалъ за ней порядочнаго приданаго, а въ той средѣ, въ которой она вращалась, невѣста безъ приданаго—нуль, а нуль кому нуженъ?

Сонъ Меркула Родіоныча былъ дѣйствительно скверный сонъ и предвѣщалъ недоброе. Меркулъ Родіонычъ поужиналъ, взялъ полицейскія вѣдомости и началъ читать городскія происшествія;

онъ любилъ ихъ читать: „любопытно таково пишутъ: кто удавился, кого обокрали, тамъ-то найдено мертвое тѣло.“ Онъ углубился въ чтеніе и по складамъ читалъ о забытомъ ворами на мѣстѣ преступленія желѣзномъ ломѣ, который продавали съ аукціона и вызывали вора, которому принадлежитъ этотъ ломъ, явиться за полученіемъ денегъ. За дверями кто-то кашлянулъ въ кулакъ. Меркулъ Родіонычъ поднялъ голову; кашель повторился.

— Кто тамъ? окликнулъ онъ.

— Это я-съ... и въ комнату вошелъ его старшій прикащикъ Вавило, тотъ самый, который во образѣ бѣса таскалъ его за волосы.

— Что тебѣ?

— Къ вамъ-съ, можно сказать, съ почтительною просьбою, отвѣтилъ прикащикъ, лизнулъ руку и пригладивъ волосы.

„Ужь опять не въ деревню ли ѣхать собрался? подумалъ Меркулъ Родіонычъ:—вѣрно деньги понадобились?“ и при этой догадкѣ все нутро его такъ и передернуло, онъ былъ очень скупъ. Но дѣло оказалось хуже; не даромъ же ему снился такой скверный сонъ. Вавило, заложивъ руки за спину, принялъ почтительную позу.

— Я, Меркулъ Родіонычъ, возъимѣлъ желаніе сочетаться законнымъ бракомъ и уже отыскалъ себѣ судьбу-съ. Съ будущаго мѣсяца буду самъ по себѣ торговать, такъ по эвтому теперича, примѣромъ, вамъ объяснить хочу-съ, чтобъ, значитъ, молодца подъискивали.

— Жениться?.. кажется, не къ рылу...

— Это точно-съ, только ужь возимѣлъ намѣреніе. Павелъ Семенычъ Стрюхинъ племянницу свою за меня выдаютъ; двѣ тысячи рублевъ деньгами за ней, окромѣ тряпокъ-съ. Они обо

мнѣ опросъ у васъ дѣлать будутъ, такъ ужь вы замолвите словечко-съ...

— Кто сваталъ?

— Степановна, бабка изъ Никулиныхъ бань-съ. Ежели опросъ будетъ, такъ, теперича, примѣромъ, значитъ, скажите, что у меня за вами тысяча пятьсотъ рублевъ есть.

— Это зачѣмъ!—стану я для тебя душой кривить?

— Явите божескую милость, черезъ евто вы человѣка счастливымъ сдѣлать можете... Тоже вотъ, насчетъ моихъ деньжонокъ; у меня за вами восемьсотъ рублевъ, такъ ужь нельзя ли мнѣ ихъ, значитъ, къ воскресенью выдать?

Меркулъ Родіонычъ молчалъ, не смотрѣлъ на прикащика и барабанилъ пальцами по столу.

— Такъ можно надѣяться-съ? спросилъ Вавило.

— На что это?

— Насчетъ денегъ-то-съ...

— Какіе тамъ восемьсотъ рублевъ?..

— Какъ же-съ, вы сами мнѣ изволили сказать о Пасхѣ при расчетѣ.

— Сто рублевъ за мной...

— Какъ-съ сто рублевъ? спросилъ прикащикъ, и физіономія его изобразила испуганное удивленіе.

— Такъ, сто рублевъ; за мной только и было четыреста, да ты триста взялъ, стало быть и осталось сто, отвѣчалъ хладнокровно хозяинъ.

— Побойтесь Бога, Меркулъ Родіонычъ, когда же я бралъ? Пятнадцать лѣтъ живу и все коплю.

— Не перечь, говорю тебѣ; сто рублевъ за мной. Обойти хочешь,—неудастся!

Долго спорили хозяинъ съ прикащикомъ и ничѣмъ не кончили; подконецъ Марковкинъ ругательски изругалъ Вавилу и

прогналъ его изъ горницы. Ругаясь, пришелъ прикащикъ въ молодцовую, побилъ неизвѣстно за что двухъ мальчишекъ, „на дорогѣ бестіи стоите", досталъ изъ-подъ кровати бутылку съ водкой, и съ горя нализавшись, завалился спать.

По уходѣ Вавилы, Меркулъ Родіонычъ началъ ходить по комнатѣ. Жена его Софья Ивановна завалилась на боковую; единородная дщерь ихъ Раисынька уже полчаса какъ спала сномъ праведницы; даже изъ молодцовой доносился какой-то несвязный гулъ,—это храпѣли прикащики. Не спалъ только хозяинъ и въ раздумьѣ ходилъ по комнатѣ. Читатели, можетъ быть, думаютъ, что Меркула Родіоныча грызла совѣсть, за то, что онъ утягивалъ у Вавилы зажитые послѣднимъ восемьсотъ рублей? Нисколько; этого чувства у него не было.

И такъ Меркулъ Родіонычъ ходилъ по комнатѣ и мыслилъ; часамъ къ двѣнадцати онъ кончилъ мыслить,—въ его геніальной головѣ сложился планъ и онъ удалился въ спальню, съ намѣреніемъ завтра же привести этотъ планъ въ исполненіе.

Проснулся поутру Вавило, вспомнилъ о вчерашнемъ, глубоко вздохнулъ и только оттого не заплакалъ, что выругалъ хозяина и тѣмъ облегчилъ душу. Часовъ въ восемь, передъ самымъ уходомъ въ лавку, въ то самое время, когда Петька, тоже молодецъ Марковкина, считавшійся опытнымъ брадобреемъ, сбирался брить Вавилу, и плюнувъ на кусокъ сѣраго мыла, началъ натирать имъ подбородокъ старшаго прикащика, въ комнату вошелъ хозяинъ.

— Вавило, подь-ка со мной... сказалъ онъ.

— Сейчасъ-съ, отвѣчалъ прикащикъ, утираясь рукавомъ, и не стерши всего мыла, отправился за хозяиномъ.

Когда они проходили по первой комнатѣ, то Раисынька, сейчасъ только воспрянувшая отъ сна, въ утреннемъ неглиже съ рас-

трепанными какъ копна сѣна волосами, сидѣла уже у окошка и искала въ сонникѣ объясненія видѣннаго ею сна. Она видѣла быка и рѣдьку; по ея соображенію это предвѣщало близкое замужество. Пришедши во вторую комнату, Меркулъ Родіонычъ сѣлъ на диванъ; Вавило сталъ противъ него. Меркулъ Родіонычъ началъ приводить въ исполненіе планъ, задуманный имъ вчера.

— Хе, хе, хе, ты, я думаю, испугался вчера, какъ я тебѣ сказалъ что у меня твоихъ-то денегъ всего сто рублевъ? Я; братъ, пошутилъ... Я думаю, тебѣ не поспалось вчера... ты думалъ, что я прощалыга какая нибудь?..

У прикащика отлегло отъ сердца.

— Помилуйте, Меркулъ Родіонычъ, началъ онъ, улыбаясь: — могъ ли я, значитъ. такъ помыслить объ васъ евто-самое... я всегда, какъ о благодѣтелѣ полагалъ...

— То-то, а ужъ я думалъ, что ты и взаправду повѣрилъ, что я тебя обогрѣть хотѣлъ. Много ли тебѣ Стрюхинъ за племянницей даетъ?

— Двѣ тысячи, окромя тряпокъ...

Хозяинъ побарабанилъ по столу пальцами, похлопалъ себя по колѣнкѣ, погладилъ бороду и посмотрѣлъ на Вавилу.

— Слышишь, началъ онъ, женись на моей Раисѣ: тѣ же деньги за ней дамъ, что и Стрюхинъ за племянницей даетъ; а вотъ изъ серебра: ложки, серебряную сахарницу и кофейникъ.

При этомъ онъ какъ бѣсъ искуситель указалъ на горку гдѣ хранилось приданое невѣсты.

— Оно точно-съ, конечно... говорилъ Вавило, соображая, только значитъ...

— Что?

— Только, значитъ, мы ужъ съ Стрюхинымъ порѣшили...

— Эка важность!

— Нужно подумать-съ... Вѣдь евто, сами знаете, ничто иное, а судьба-съ...

— Конечно, да что, нешто тебѣ Раиса не нравится? Дѣвка кровь съ молокомъ; насчотъ тряпокъ молчи, свое дѣтище, — не обижу.

— Евто точно-съ, только надо подумать-съ...

— Смотри, братъ; Стрюхинъ воръ-мужикъ, двѣ тысячи посулилъ, а что дастъ, — Богъ-вѣсть. Вотъ что Вавило, я тебѣ скажу: ты у меня пятнадцать лѣтъ выжилъ, я табя за хорошаго человѣка знаю, изъ тебя будетъ прокъ, рѣшайся сейчасъ. Женишься ты на Раисѣ, двѣ тысячи тебѣ денегъ и зажитые восемьсотъ рублевъ отдамъ; не женишься — ни синя-пороха отъ меня не увидишь. Гдѣ росписка, что я тебѣ должнымъ состою?.. кажи росписку!

Меркулъ Родіонычъ подбоченился. Вавило началъ соображать и заключилъ такъ, что ежели онъ не женится на Раисынькѣ, то дѣйствительно хозяинъ не дастъ ему ни синя-пороха, а если женится, то ничего не потеряетъ. Невѣсты равныя, деньги у обѣихъ равныя, да еще на сторонѣ Раисыньки есть перевѣсъ, — она наслѣдница всего отцовскаго состоянія. Конечно Меркулъ Родіонычъ крѣпокъ какъ дубъ и еще долго проживетъ, но все таки есть надежда.

— Хочешь водки, выпьемъ? — ни съ того ни съ сего предложилъ ему хозяинъ, чтобъ посредствомъ хорошаго обращенія скорѣй привлечь его на свою сторону.

— Нѣтъ-съ, покорнѣйше благодарю-съ.

— Что же рѣшилъ?

— Рѣшилъ-съ. Извольте, тятенька, я согласенъ. — И Вавило махнулъ рукой.

Отецъ, благодѣтель и хозяинъ обнялъ его и подумалъ; „попался, голубчикъ“.

Медвѣдь и рѣдька, видѣнные Раисынькой во снѣ были, какъ говорится, сномъ въ руку. Черезъ мѣсяцъ состоялась ея свадьба съ Вавилой. По заведенному изстари обычаю, въ дѣвишникъ, жениху были вручены двѣ тысячи рублей, то есть не деньги, а ключъ отъ комода изъ приданаго невѣсты, куда заперли деньги. Вотъ какъ это было. Вечеромъ Меркулъ Родіонычъ призвалъ Вавилу, далъ ему сосчитать двѣ тысячи рублей, велѣлъ запереть ихъ въ верхній яшикъ комода и взялъ себѣ ключъ.

— Завтра все это принесутъ на квартиру!

Вавило поцаловалъ будущаго тестя и отправился домой, потирая руки и думая: „слава Богу, разсчитался съ нимъ,—прожженая бестія, не клади въ ротъ пальца, откуситъ“.

Такъ же точно, только часа три пустя, потиралъ руки Меркулъ Родіонычъ и думалъ: „обдѣлалъ на чистоту, зашибъ полторы тысячки“!

Ночью, когда всѣ легли спать и невѣста мечтала о завтрашнемъ днѣ, о томъ, какъ бы ей первой стать во время бракосочетанія на розовую тафту и черезъ это, по примѣтѣ нѣкоторыхъ, имѣть верхъ надъ мужемъ, Меркулъ Родіонычъ подошелъ къ комоду, отперъ его вторымъ ключемъ, который былъ у него приготовленъ заранѣе, вынулъ оттуда полторы тысячи и, оставивъ пятьсотъ рублей, снова заперъ комодъ. Все это онъ сдѣлалъ не безъ робости, хотя кромѣ сѣраго кота, сидѣвшаго въ углу, никто не видѣлъ его продѣлки.

Свадьба была довольно парадная. Поползновеніе невѣсты—встать на розовую тафту не удалось, женихъ удержалъ ее и всталъ прежде самъ. Когда дьяконъ крикнулъ: „а жена да боится своего мужа,“ Вавило наклонился къ женѣ и шепнулъ:

— Слышите, Раиса Меркуловна, что дьяконъ-то говоритъ?

За обѣдомъ было выпито много вина, вечеромъ трое подрались изъ-за картъ, одному подбили глазъ, двухъ гостей, напившихся

до послѣдней границы безобразія, выпихализа двери и наколотили въ шею. Въ пятомъ часу новобрачные отправились домой. Меркулъ Родіонычъ порядочно подвыпилъ; въ эту ночь ему снился снова тотъ же страшный сонъ; штукъ десять бѣсовъ, съ рожами какъ двѣ капли воды его зять Вавило, таскали его за волосы и душили.

Встревоженный, Меркулъ Родіонычъ тотчасъ же проснулся; онъ уже по опыту зналъ, что сонъ этотъ—скверный сонъ.

На другой день послѣ свадьбы, молодые пріѣхали съ визитомъ. На Вавилѣ лица не было: онъ былъ блѣденъ, волоса растрепаны.

— Тятенька, пожалуйте сюда на пару словъ, сказалъ онъ.

— Что съ тобой, зятюшка? хладнокровно спросилъ его Меркулъ Родіонычъ.

— Тятинька, вѣдь въ комодѣ-то только пятьсотъ рублевъ куда же полторы-то тысячи дѣвались?

— А я почемъ знаю, вѣдь ты самъ сосчиталъ двѣ тысячи и самъ заперъ ихъ:

— Евто точно, тятенька, только можетъ ихъ у васъ выкрали?

— А можетъ и у тебя выкрали. Впрочемъ, теперь это не мое дѣло: я все сдѣлалъ на чистоту...

— Какже евто, тятинька, вѣдь евто грѣшно-съ?.. Вѣдь вы старый человѣкъ; подумайте,—вѣдь умирать придется.

— Чѣмъ же я-то виноватъ? я знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю...

— Евто, тятинька, ваши штуки-съ; евто вы выкрали деньги, отдайте скорѣй... можетъ вы опять шутки строите...

— Ахъ ты мерзавецъ! завопилъ Меркулъ Родіонычъ; кричалъ, кричалъ, ругался, ругался и выгналъ изъ своей квартиры зятя.

— Помните, тятинька, вѣдь ваше дѣтище у меня въ рукахъ,

ей же хуже будетъ... Кажиный день, что только поутру глаза откроетъ, бить буду, пока вы всѣхъ денегъ сполна не отдадите; послѣ покаетесь! кричалъ Вавило, выходя изъ квартиры тестя.

Дѣйствительно, дѣтище, Меркула Родіоныча было въ рукахъ Вавилы; тотчасъ же по пріѣздѣ домой онъ изрядно побилъ ее и послалъ къ отцу просить денегъ.

Къ вечеру она возвратилась безъ успѣха. На другой день та же церемонія повторилась, но успѣха тоже не было. Цѣлая недѣля медоваго мѣсяца прошла въ гимнастическихъ упражненіяхъ рукъ Вавилы на бокахъ и шеѣ его супруги. Каждый день единородная, избитая дщерь являлась къ отцу и со слезами, вмѣстѣ съ матерью въ два голоса, вымаливала у него деньги, только уже не полторы тысячи, а двѣ: Вавила требовалъ съ процентами. Наконецъ, черезъ семь дней, сердце чадолюбиваго тятеньки размякло: онъ внялъ мольбамъ дочери, и взявъ съ собою двѣ тысячи, понесъ ихъ зятю. Черезъ полчаса они помирились, даже выпили по рюмкѣ водки; черезъ часъ Меркулъ Родіонычъ возвращался домой и самъ съ собою разсуждалъ такъ: „хоть и подлая, хитрая бестія этотъ Вавило, а изъ него выдетъ прокъ.“

РУКОБИТІЕ

КАРТИНА ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

(Посв. Алексѣю Федоровичу Иванову).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАСИЛІЙ ПРОХОРЫЧЪ ШИБАЛОВЪ, купецъ, съ клинистой русой бородой, на видъ, что говорится, «мозглявый», но въ сущности мужикъ хитрый. Лѣтъ сорока пяти.

АНФИСА МИХАЙЛОВНА, его вторая жена, лѣтъ двадцати шести; полная, здоровая, румяная, совершенная противуположность мужа.

ГЛАШЕНЬКА, дочь его отъ перваго брака, бойкая дѣвушка, училась немного въ пансіонѣ, знаетъ нѣсколько французскихъ словъ, брянчитъ на фортепіано, и когда тятенька веселъ, поетъ ему русскія пѣсни.

ИВАНОВНА, сваха, нахайливая женщина, не стѣсняется никакимъ выраженіемъ.

ПАНФИЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ СУРИКОВЪ, подрядчикъ, стройный мужчина лѣтъ пятидесяти, ходитъ по русски, борода и волосы съ просѣдью, голосъ грубый и отрывистый.

ГАВРИЛО, его сынъ, съ претензіею на франтовство, размашистыя манеры, при отцѣ овца-овцой.

СТЕПАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ, младшій братъ Панфила Яковлевича, лѣтъ подъ тридцать, тоже подрядчикъ, женатъ, любитъ кутнуть.

МИХЕЙКА, мальчикъ Шибалова.

РУКОБИТІЕ.

(Гостиная въ домѣ Шибалова. Старинная мебель почернѣлаго краснаго дерева, обитая пунцовымъ штофомъ; у стѣны на право диванъ, налѣво окно; у окна тумба, на тумбѣ часы; съ потолка виситъ люстра, на стѣнѣ картины: Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ и какая-то нимфа. Дверь въ срединѣ и двѣрь на лѣво).

ЯВЛЕНІЕ I.

На маленькомъ диванѣ передъ столомъ сидятъ.—Анфиса Михайловна и Ивановна; *передъ ними стоитъ тарелка съ кедровыми орѣхами. На диванѣ у стѣны спитъ* Шибаловъ, *онъ безъ сюртука, по временамъ всхрапываетъ.*

Анфиса Михайовна. (*Взявъ горсть орѣховъ*).—Ѣшь, Ивановна, это иногда для скуки хорошо.

Ивановна.—Кушай, родная, сама, кушай сама, нелюблю я ихъ, а ты мнѣ лучше ужо мятныхъ пряниковъ отсыплешь,—снесу своему парнишкѣ. Ужъ куда мнѣ съ орѣхами! зубы-то у меня не то, что у тебя; у тебя вонъ, родная, перламутръ на перламутрѣ, что твои жемчуга разсыпаны...

Анфиса Михайловна. (*Съ самодовольной улыбкой*).—Полно, Ивановна, что ты говоришь...

Ивановна.—А чтожъ, родная, нешто я вру; да не будь

я Ивановна, коли вру... и не я одна говорю, а и люди говорятъ. Ужь прельстила сокола!

Анфиса Михайловна.—Ну ужь, пошла...

Иванновна.— А то чтожь, неправда? (*Озирается и хватаетъ себя за голову. Въ полголоса*). Батюшки родные, я и забыла, что Василій-то Прохорычъ здѣсь почиваетъ!

Анфиса Михайловна.—Ничего, ничего, говори, только тише. Онъ разоспался, его теперь хоть вилами подымай, такъ не разбудишь. (*Подсаживается къ ней ближе*). Только не ври.

Ивановна.—Да чтожъ, родная, словно въ первой. Первымъ дѣломъ, бери цедулку! (*Достаетъ изъ кармана свернутую записку и пихаетъ ей въ руку*).

Анфиса Михайловна. (*Беретъ записку и прячетъ ее на груди за лифъ*).—Ахъ, страмъ какой!

Ивановна.—Ужь и страмъ!..

Анфиса Михайловна. (*Краснѣя и улыбаясь*).—Да ктожь онъ такой.

Ивановна.—Погоди, не перебивай, все по порядку разскажу. Помнишь свадьбу Жигалова? Помнишь фертика, что съ тобой сряду двѣ кадрили танцовалъ?

Анфиса Михайловна.—Да какой онъ такой изъ себя?

Ивановна.—Да такъ себѣ, не высокой, не низенькой, черненькой эдакой, съ усиками.

Анфиса Михайловна.—Ахъ, помню, еще у него на щекѣ, вотъ здѣсь, бородавка съ волосомъ? (*Показываетъ на щеку*).

Ивановна.—Онъ, онъ и есть, родная, съ бородавкой, только вѣдь она къ нему идетъ, не безобразіе какое, а красоту приноситъ. Онъ въ гостиномъ въ прикащикахъ служитъ, только скоро свою лавку открыть хочетъ.

Анфиса Михайловна.—Гдѣ же ты его видѣла, Ивановна?

Ивановна.—А вотъ слушай. Вѣдь Панфилову-то Крини-

цына дочку я высватала: только прихожу я къ жениху въ лавку, да и спрашиваю его: а кто молъ, родной, дружка у тебя будетъ? вѣдь на это молъ нужно человѣка, чтобъ всѣ порядки зналъ. „У меня, говоритъ, есть такой, одинъ, говоритъ, мой благопріятель, все что слѣдуетъ знаетъ... Вотъ, говоритъ, онъ на лицо,“ да и показалъ на него: онъ тутъ же въ лавкѣ былъ. Ты, говорю, батюшка? „Я, говоритъ, самый и есть. Не безпокойся, говоритъ, Ивановна,—ужь и имя мое, родная, узналъ,—я всѣ порядки знаю, я, говоритъ, и это знаю, что теперь сдѣлать нужно.“ Полѣзъ въ бумажникъ и далъ мнѣ рубль цѣлковый. „Вотъ тебѣ, говоритъ, на извощика!“ Человѣкъ-то какой душевный! Ну, эдакимъ манеромъ мы съ нимъ и познакомились. Третьяго дня я была у Криницыныхъ, и онъ съ женихомъ былъ. Только эдакъ я къ нему подхожу, да и говорю: стой молъ, родной, не отвертишься, и тебѣ высватаю! А онъ эдакъ грустно, голубчикъ, взглянулъ на меня, да и говоритъ: „ничего, говоритъ, мнѣ, Ивановна, не нужно, у меня, говоритъ, сердце не на мѣстѣ.“ Что, говорю, аль зазноба какая? „То-то и есть, что да, говоритъ.“ Давай ,говорю, дѣлу помогу! „Не поможешь, говоритъ, потому что она мужнина жена.“ Помогу говорю. Онъ мнѣ на прямки и отрѣзалъ. „Ты, говоритъ, Ивановна, ходишь къ Шибаловымъ?“ Да я, говорю, ихней дочкѣ жениха сватаю. „А я, говоритъ, въ Шибалову, говоритъ, въ Анфису Михайловну, ужасти какъ влюбленъ. Просто, говоритъ, жить не могу!“—

Анфиса Михайловна.— Ну, полно, что ты, Ивановна, неужто такъ и сказалъ?...

Ивановна. — Съ мѣста не сойти, родная, коли я вру! „Снеси, говоритъ, ей, Ивановна, отъ меня письмецо, и скажи, говоритъ ей, коли она меня любитъ, пусть въ субботу ко всенощной къ Іоанну Предтечѣ приходитъ, я, говоритъ, тамъ буду.“ Да они, говорю, родной къ Іоанну Предтечѣ не ходятъ, они,

говорю, по Миколѣ, такъ туда ходятъ. Все мнѣ разсказалъ, какъ онъ, родная, со тобой познакомился, и сейчасъ рубль въ руку. Что же, придешь что ли? Какъ его обрадовать-то?

Анфиса Михайловна. — Право не знаю...

Ивановна. — Чтожь, вѣдь тебя не убудетъ. Право сходи!.. Придешь что-ли?..

Анфиса Михайловна. — Да ужь не знаю, какъ и быть!

Ивановна. — А я тебѣ скажу родная какъ быть. Ступай.

Анфиса Михайловна. — Слышишь, Ивановна, ужъ ты лучше скажи, чтобъ онъ къ Іоанну Предтечѣ приходилъ, я туда приду, а то у насъ у Николы знакомыхъ много бываетъ. Одинъ-то разъ можно и къ Іоанну Предтечѣ сходить, чтожь, такая же церковь христіанская.

Ивановна. — Ну, вотъ и ладно, такъ я ему скажу. Чтожь, тебѣ на мужа-то что ли глядѣть! (*Киваетъ головой на спящаго Шибалова*). Нешто онъ по тебѣ?—совсѣмъ не по тебѣ. Ему бы вотъ только дрыхнуть... Гдѣ же ему женою-то заниматься... Вишь ты краля какая, словно пава, а онъ вонъ какой окамелокъ.

Анфиса Михайловна. — И не говори, Ивановна, теперича весь день въ лавкѣ, али въ трактирѣ просидитъ, все это чаемъ да водкой набулдыхиваетъ брюхо, а придетъ домой, сейчасъ развалится вотъ здѣсь на диванѣ, да и спитъ до ужина. Только за ужиномъ его и видишь, а тамъ опять спать. Вонъ и сегодня, пришолъ изъ лавки выпивши и легъ. Станешь ему говорить, когда онъ пьянъ, — ругается, отрезвится, станешь говорить: для чего молъ ты это, Василій Прохорычъ, пьешь столько? „Чтожь, говоритъ, мнѣ черезъ тебя по-міру что ли идти? наше, говоритъ, дѣло такое, что и съ однимъ выпьешь, и съ другимъ, безъ этого, говоритъ, дѣла не сдѣлаешь, потому нужно угостить кого слѣдуетъ, ну и самому пить съ нимъ нужно“. Весь-то день-деньской сидишь, сидишь дома, даже одурь возьметъ; только и ра-

дости, что въ окошко посмотришь, да въ воскресенье съ Глашей по Невскому прокатишься. Въ театръ только на святкахъ да на масляной и ходимъ, да и то насилу допросишься. Сидитъ онъ въ ложѣ, да зѣваетъ вслухъ. Прошлый разъ съ нами рядомъ въ ложѣ офицеры сидѣли, такъ смѣются; срамъ, да и только!

Ивановна. — И не говори, родная! Вотъ теперь отведешь душу. (*Въ это время Шибаловъ всхрапываетъ и перевертывается на другой бокъ*). Ну, просыпается, кажется!

Анфиса Михайловна. — Нѣтъ, еще это онъ только разоспался. Вѣдь какой онъ: при постороннихъ ни съ того, ни съ сего съ ногъ срѣжетъ. Прошлый разъ были мы у Анны Ивановны на имянинахъ. Сѣлъ онъ играть въ горку. Часа въ три подошла я къ нему къ столу, да и говорю: поздно молъ ужь, домой, говорю, Василій Прохорычъ, пора. А онъ въ это самое время и проиграй, да какъ напустится на меня. „Все, говоритъ, выигрывалъ, выигрывалъ, а ты, говоритъ, какъ подошла, такъ-такъ, говоритъ, словно заколодило, сразу все спустилъ". Развѣ я виновата въ этомъ?—ну, посуди, Ивановна...

Ивановна. — Что говорить, что говорить. Звѣрь, звѣрь!

Анфиса Михайловна. — Гости захохотали. А онъ мнѣ: „ступай, говоритъ, въ тѣ комнаты, нечего тебѣ меня учить, самъ знаю, когда домой пора, захочу, говоритъ, такъ васъ здѣсь до завтрашняго утра проморю".

Ивановна. — Ну, погоди, родная, ужь я говорю, что отведешь теперь душеньку, вотъ свадьба будетъ. Что же та-то пава, Глафира-то Васильевна, неужто все еще одѣвается?

Анфиса Михайловна. — Сейчасъ выдетъ... Въ которомъ часу они смотрѣть-то обѣщались пріѣхать?..

Ивановна.—Да обѣщались часовъ эдакъ въ семь пріѣхать.

Анфиса Михайловна. (*Глядитъ на часы*).—Значитъ, скоро

пріѣдутъ. Что же это въ самомъ дѣлѣ Глашенька-то такъ долго копается? Я ужъ давно готова. Кто же сегодня пріѣдетъ-то, Ивановна?

Ивановна.—Да самъ съ братомъ, да женихъ. Вѣдь ужъ сегодня они затѣмъ пріѣдутъ, чтобъ совсѣмъ покончить.

Анфиса Михайловна.—Ахъ дай-то Богъ, хоть повеселимся...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и ГЛАШЕНЬКА.

Глашенька. (*Выходя изъ дверей на лѣво*).—Здравствуй, Ивановна!

Ивановна.—Здравствуй, моя писаная (*цалуется съ ней три раза*). Ну, родная, какъ разфрантилась, пава — павой, хоть королевича какого, такъ прельстишь, не даромъ женишокъ говоритъ: „спать не могу, что глаза закрою, Глафиру Васильевну вижу". Въ воскресенье на Невскомъ гулялъ, видѣлъ, какъ вы катались. „Смотрю, говоритъ, и вижу двѣ—крали ѣдутъ!"

Глашенька.—Ну ужъ, полно!..

Анфиса Михайловна.—Все-то ты врешь!

Ивановна.—Чтожъ вы какія невѣрныя! что я за магометка такая, что все вру...

Анфиса Михайловна.—Такъ они сегодня, ты говоришь, за послѣднимъ рѣшеніемъ пріѣдутъ?

Ивановна.—За послѣднимъ. Да ужъ навѣрно сегодня покончатъ. Все-то у васъ есть, всего-то у васъ много, чегожъ имъ еще? Прошлый разъ вонъ у нихъ съ Хаповыми разошлось дѣло, такъ только потому, что за невѣстой чорный бархатный салопъ былъ. „Что, говоритъ, за травуръ такой, шейте, гово-

ритъ, гранатный". Ну, самъ-то Хаповъ тоже нравный. „Не сошью, говоритъ". Ну, и разошлось дѣло.

Глашенька. — Ахъ, маменька, что же это такое, скоро женихъ пріѣдетъ, а папенька еще до сихъ поръ спитъ; его будить ужь пора.

Анфиса Михайловна.—Пора-то пора, только не знаю, какъ къ нему подступиться; пожалуй вскочитъ, да изругаетъ насъ всѣхъ. Ужь ты лучше уйди, Ивановна, отъ грѣха...

Ивановна. — Это еще для чего? Не бойся, родная, онъ меня не изругаетъ, я сама тоже цѣпной песъ, хошь кому глотку переѣмъ. Что съ меня взять-то?

Глашенька. (*Подходитъ къ отцу*). — Папенька, вставайте! папенька...

Анфиса Михайловна.—Василій Прохорычъ, вставайте, сегодня Панфилъ Яковлевичъ пріѣдетъ. (*Шибаловъ мычитъ и перевертывается на другой бокъ*). Просто хоть въ пушку пали, такъ крѣпко спитъ!

Глашенька. (*Трясетъ его за рукавъ*).—Папенька, что же это въ самомъ дѣлѣ, вставайте, сейчасъ женихъ пріѣдетъ. Ахъ, Боже мой, что же намъ дѣлать, онъ не встаетъ! Ну, какъ они его въ эдакомъ видѣ застанутъ?

Ивановна.—Постойте-ка я его побужу. (*Подходитъ къ нему*). Слышь, Василій Прохорычъ, вставай, полно безобразничать!

Василій Прохорычъ. (*Сквозь сонъ*).—Сейчасъ... погоди... ставь...

Ивановна. — Не оставлю, пока не встанешь, вставай!.. Сейчасъ женихъ съ отцомъ къ дочери пріѣдетъ, а онъ все еще спитъ.

Василій Прохорычъ. (*Все еще не открывая глазъ*). — Да оставь, что словно банный листъ пристала. Вѣдь не горимъ!

Ивановна. (*Трясетъ его за рукавъ*). — Вставай, говорю!..

Василій Прохорычъ. (*Вскакиваетъ съ дивана*). — А волкъ

тебя зарѣжь! (*Открываетъ глаза*). Ты что здѣсь?.. Какъ ты могишь меня безпокоить? Пошла вонъ!

Ивановна. (*Подбоченивается*). — Анъ не пойду!

Василій Прохорычъ. — Не дразни меня, не то насильно за двери выпихаю...

Глашенька. — Ахъ, папенька, что вы это, вѣдь сегодня женихъ за послѣднимъ рѣшеніемъ пріѣдетъ.

Василій Прохорычъ. (*Потягиваясь*). — Знаю...

Ивановна. — Какъ же, знаешь, а до этихъ поръ дрыхнешь. Вѣдь сегодня Панфилъ Яковлевичъ пріѣдетъ для того, чтобъ ужь по рукамъ ударить!

Василій Прохорычъ. (*Садится*). — Не дрыхну я, а сплю, а для того сплю, что знаю, что никакого толку не будетъ, все-то ты врешь...

Ивановна. — Меринъ вретъ, когда ржетъ, а не я. Ужь больно ты самому-то полюбился. „Онъ, говоритъ, мнѣ по нраву пришелся: онъ нравенъ и я нравенъ".

Василій Прохорычъ. — Ну да, я сейчасъ человѣка вижу, да и сынишка-то у него въ страхѣ. Деньги деньгами, а окромя того, мнѣ человѣкъ нуженъ.

Ивановна. — Ну да, конечно я тебя знаю, ты человѣкъ разсудительный, а вѣдь другому дураку хоть бы песъ, да яйцы несъ.

Василій Прохорычъ. (*Женѣ*). — Анфиса Михайловна, вотъ видишь, она мой нравъ-то поняла, а ты семь годовъ со мной живешь, не можешь понять. Этотъ Панфилъ Яковлевичъ вотъ какой человѣкъ, онъ бабѣ потачки не дастъ. Понравился ему одинъ чиновникъ судейскій, потому, значитъ, какъ онъ все по подрядамъ, такъ, значитъ, съ судейскими все и хороводится... „Я, говоритъ, тебя женю на моей дочери". Ну тотъ, извѣстно — голь, обрадовался. Жена и руками, и ногами. Такъ, говоритъ

на зло же женю. И сталъ этотъ чиновникъ какъ женихъ къ нимъ въ домъ ходить, да и влѣзъ въ душу къ женѣ-то Панфила Яковлева, сталъ у ней руки целовать, та и растаяла. Увидалъ это,— „врешь, говоритъ, не быть ему женихомъ". Споилъ его разъ, споилъ два, да и говоритъ: „какой ты женихъ, ты, говоритъ, голь, да и пьяница, пошолъ вонъ", и выгналъ изъ дому. А вотъ тебѣ за безчестье, али за что хошь тамъ считай, сто рублевъ. Такъ и выгналъ. Ивановна, ты поняла мой нравъ, пойдемъ и огорчимся, выпьемъ по рюмочкѣ.

Ивановна.—Пойдемъ, пойдемъ, что ужь съ тобой дѣлать!

Анфиса Михайловна (*Ивановнѣ, тихо*). — Не давай ты ему пожалуста больше одной рюмки.

Ивановна. — Да ужь не дамъ, роднаи, не дамъ, будь спокойна.

Василій Прохорычъ. — Что у васъ тамъ еще за перешоптыванье!

Анфиса Михйаловна. — Ничего, Василій Прохорычъ, я такъ ей два слова сказала, по нашему женскому дѣлу.

Василій Прохорычъ. — Слышь, Анфиса Михайловна, вели Михейкѣ, чтобъ на погребъ сбѣгалъ да принесъ бутылку ренвенцу, тамъ у меня три есть, ужо за шампанское уйдетъ, да чтобъ селедки очистилъ да самоваръ поставилъ. Глаша! а ты пойдемъ со мной, съиграй на фортупьянѣ „Во саду ли въ огородѣ".

Глашенька.—Ахъ, папенька, время ли теперь играть? сейчасъ женихъ пріѣдетъ.

Анфиса Михайловна. — Ужь оставь ее, Василій Прохорычъ, дай ей на свободѣ о судьбѣ подумать.

Василій Прохорычъ. — Ну, ну, васъ, оставайтесь. Сваха, идемъ! (*Уходятъ оба*).

Глашенька. (*Смотря вслѣдъ Ивановнѣ*).—Ушла! Ну, маменька, на которомъ она стулѣ-то сидѣла? Вертите стулъ-то...

Анфиса Михайловна. — Верти сама. Вотъ на этомъ она сидѣла.

Глашенька. — Мнѣ нельзя вертѣть, никакой пользы не будетъ; нужно, чтобъ мать вертѣла, а вы мнѣ вмѣсто матери.

Анфиса Михайловна. (*Подходя къ стулу*). — Кажется, три раза нужно?

Глашенька. — Непремѣнно три раза. Вонъ у Лушеньки женихъ совсѣмъ было на ней не хотѣлъ жениться, да вѣдь женился же; а отъ чего? Ее маменька Анна Степановна всѣ обыкновенія и примѣты знала и исполняла. Бывало, какъ сваха встанетъ съ мѣста, уйдетъ, она и начнетъ стулъ вертѣть. Это очень помогаетъ, отъ этого, говорятъ, непремѣнно всегда уладится дѣло.

Анфиса Михайловна (*Вертя стулъ*). — Говорятъ, еще хорошо сваху груздемъ кормитъ...

Глашенька. — Чтожъ, покормите.

Анфиса Михайловна (*Улыбаясь*). — Ужь вѣрно тебѣ больно замужъ-то выдти хочется?

Глашенька. — А то какъ же, покрайности хоть повеселимся. Нарядовъ мнѣ нашьютъ, а то теперь каждое платье надо вымаливать. Гулять съ мужемъ буду; да все замужемъ-то оно вольнѣе.

Анфиса Михайловна. — Обнакновенно. Женихъ-то, кажется, хорошій мужчина!

Глашенька. — Да вѣдь ктожъ его знаетъ, изъ себя-то онъ такъ себѣ, ничего. Петръ Михайловичъ лучше былъ, тотъ такой красивый былъ, да вѣдь чтожъ съ папенькой дѣлать, заладилъ одно, что онъ пьетъ да пьетъ. Вѣдь справлялись тогда, всѣ объ немъ хорошо говорили, даже папенькинъ пріятель Иванъ Иванычъ хвалилъ его; а что онъ, бывши у насъ, когда меня смотрѣлъ, выпилъ рюмку хересу, такъ самъ же папенька къ нему

къ душѣ приставалъ, выпей: да выпей, ну онъ и выпилъ. Папенька говоритъ, что онъ это ему искусъ дѣлалъ, „ужь плохой, говоритъ, это человѣкъ, коли онъ въ такой день и при всѣхъ отъ рюмки воздержаться не могъ". Развѣ это значитъ пьяница, коли онъ одну рюмку выпилъ?

Анфиса Михайловна.—Вѣдь ужь ты знаешь своего отца; его ничѣмъ не переломишь. Слышишь, Глаша, сходи-ка ты въ молодцовую да скажи Михѣю, чтобъ онъ самоваръ поставилъ, селедку вычистилъ, да бутылку рейнвейну съ погреба принесъ.

Глашенька.—Сейчасъ. Да я думаю, маменька, ужь и свѣчи въ стѣнникахъ зажигать пара; скоро прiѣдутъ.

Анфиса Михайловна.—Ну, вели... (*Глашенька уходитъ. Анфиса Михайловна осматривается, нѣтъ ли кого въ комнатѣ, и вынимаетъ изъ-за лифа записку*). Что-то онъ мнѣ написалъ?.. На конвертѣ сердце и въ сердце воткнула стрѣла... (*Распечатываетъ записку*). И здѣсь опять сердце и два голубя цалуются. (*Читаетъ и по временамъ улыбается*).

Дражайшая Анфиса Михайловна!

Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ васъ и слышалъ вашъ радостный для меня голосъ на свадьбѣ у Жиғаловыхъ, я уже бѣдный не имѣю болѣе покойныхъ ночей. Лишь только заведу глаза, вы стоите передо мной. Я готовъ плакать и терзаться. Симъ письмомъ припадаю къ ногамъ вашимъ. Прошу васъ, дражайшее мое сердце, отвѣтить мнѣ тѣмъ же. Приходите въ субботу ко всенощной къ Іоанну Предтечѣ, я тамъ буду, дайте мнѣ посмотрѣть на васъ и поворковать съ вами, какъ воркуютъ эти голубицы на письмѣ. Въ моемъ сердцѣ также воткнута стрѣла, ежели вы не придете, она проткнетъ его и со мной можетъ что нибудь случиться. Отвѣтъ пришлите съ подательницей сего письма.

Прощайте, моя дражайшая. Вашъ до гроба.

ВАСИЛІЙ КУРКИНЪ.

Ахъ, какой прекрасный человѣкъ! Какъ мило написалъ... Непремѣнно пойду!.. А вдругъ кто нибудь увидитъ?.. Ну, какъ нибудь осторожно, въ капоръ голову закутаю. (*Слышенъ звонокъ, Анфиса Михайловна встаетъ съ мѣста и поспѣшно прячетъ записку за лифъ*). Это должо быть они!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Глашенька. (*Вбѣгаетъ; за ней Михейка съ зажженнымъ фитилемъ*). Пріѣхали! Пріѣхали!

Ивановна. (*Выбѣгая изъ другихъ дверей*).—Пріѣхали?

Анфиса Михайловна.—Всѣ, всѣ пріѣхали. Михѣйка, зажигай скорѣй свѣчи-то!

Ивановна.—Зажигай скорѣй, что столбомъ-то стоишь! (*Михейка начинаетъ зажигать свѣчи. Ивановна обдергиваетъ платье на Глашенькѣ*). Вы ужь, родныя, ступайте въ ту комнату, я приму ихъ здѣсь одна. Ступайте, послѣ выйдете. (*Анфиса Михайловна и Глашенька уходятъ, слышенъ снова звонокъ*). Ахъ, Боже мой, до сихъ поръ не отворяютъ! Чтой-то молодецъ, что у васъ тамъ люди-то спятъ, что-ли?

Михейка.—А вы крикните...

Ивановна (*Кричитъ въ среднюю дверь*)—Молодцы, отворите, что-это въ самомъ дѣлѣ, словно къ мѣсту приросли. (*Увидя на диванѣ сюртукъ Василія Прохорыча*). Ну вотъ, этотъ свою попону здѣсь оставилъ. Ну въ чемъ бы онъ вышелъ? (*Беретъ сюртукъ и кидаетъ его въ дверь на лѣво*). Василій Прохорычъ, возьми сюртукъ-то!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входятъ: ПАНФИЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ СУРИКОВЪ, СТЕПАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ И ГАВРИЛО (*Михейка имъ низко кланяется и уходитъ*).

Ивановна. (*Кланяясь*)—Милости просимъ, гости дорогіе, прошу покорно садиться...

Панфилъ Яковлевичъ.—А, явленное чудо? Ты ужь здѣсь?

Ивановна.—Чтожь, родной, мое ужь дѣло такое, я и тутъ, я и тамъ... Ужь такой я пострѣлъ, что вездѣ поспѣлъ!

Панфилъ Яковлевичъ.—(*Гладитъ бороду и отдувается*). Текъ-съ...

Ивановна. (*Кланяясь*). — Садитесь, гости дорогіе!

Степанъ Яковлевичъ. — Сядемъ. А гдѣжь хозяева? (*Садится*).

Ивановна.—Сейчасъ выдутъ, сію минуточку выдутъ. (*Панфилъ Яковлевичъ ходитъ и осматриваетъ комнату. Гаврила за нимъ; онъ останавливается и смотритъ на картину, изображающую нимфу*).

Панфилъ Яковлевичъ (*Сыну*).—Какъ увидалъ пакость, тутъ и глаза впялилъ, нѣтъ, чтобъ на путное смотрѣть! (*Замѣтя въ рукахъ его фуражку*). Клади шапку-то, здѣсь не кабакъ, не украдутъ!

Гаврило. (*Кладетъ фуражку на стулъ*). — Гдѣжь, тятенька, я еще не успѣлъ и оглядѣться.

Панфилъ Яковлевичъ. (*Садится*).—Ну, ужь молчи лучше. Садись, что словно на мытарствѣ маешься? (*Гаврило садится*).

Степанъ Яковлевичъ (*Брату*). — Фатерка, братецъ, ничего, живутъ важно.

Панфилъ Яковлевичъ. — Чего?

Степанъ Яковлевичъ. — Я говорю, фатера важная.

Панфилъ Яковлевичъ. — Ничего, хороша.

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ ВАСИЛІЙ ПРОХОРЫЧЪ, за нимъ АНФИСА МИХАЙЛОВНА, ГЛАШЕНЬКА и ИВАНОВНА. *(Гости встаютъ).*

Василій Прохорычъ.—Панфилу Яковлевичу почтеніе! (*Подаетъ ему руку*).

Панфилъ Яковлевичъ.—Здравствуй, Василій Прохоровичъ. (*Указывая на Степана Яковлевича*). Это вотъ мой братъ младшій.

Василій Прохорычъ. (*Кланяется и подаетъ руку Степану Яковлевичу и Гаврилѣ*). — Изъ лица схожи. Милости прошу садиться.

(*Всѣ садятся. Анфиса Михайловна, Глашенька, Ивановна—налѣво; мужчины направо*).

Василій Прохорычъ. (*Степану Яковлевичу*). — Вы тоже по подрядамъ?

Степанъ Яковлевичъ.—Точно такъ-съ, только мы совсѣмъ особь-статья: мы по части мусорнаго очищенія.

Василій Прохоровичъ. — Всякое дѣло само по себѣ хорошо, всякое дѣло можетъ быть барышисто, а торговому человѣку только этого и нужно. Намъ хоть бы песокъ да солилъ!

Степанъ Яковлевичъ. — Это точно-съ, только вѣдь годъ на годъ не придетъ-съ, тоже и снѣгъ съ улицъ свозимъ, такъ тутъ какъ зима будетъ: снѣжная, такъ барыша меньше, потому подводъ больше требуется.

Панфилъ Яковлевичъ.—Оно такъ-то такъ, только и тутъ барышъ можетъ быть, всякое дѣло снаровки требуютъ; надо знать, съ кѣмъ и какъ обойтиться. Вонъ у меня въ подрядахъ пожалѣешь кому что дать, такъ и самому трудновато придется, а какъ подмажешь кому слѣдуетъ, чтобъ перо не скрипѣло, такъ и въ барышахъ. Ну, извѣстно, тутъ тоже человѣка знать нужно: съ гулящимъ по трактирамъ хороводишься, скопидому чистога-

номъ въ руку суешь, а есть такіе выжиги, что онъ у тебя и брюхомъ-то возьметъ, да и въ руку-то ему сунь.

Василій Прохорычъ.—Я вотъ, хоть и не подрядчикъ, а у меня тоже самое, страсть сколько на пропитіе денегъ выходитъ! Пріѣдетъ, напримѣръ, къ тебѣ городовой покупатель, ты съ нимъ пива не сваришь, онъ тамъ съ тобой и въ цѣнѣ не торгуется, а сейчасъ въ трактиръ, тамъ и въ цѣнѣ условится, и въ срокѣ, и количество тебѣ скажетъ, и все... Конечно, на это много денегъ идетъ, только вѣдь и нашъ братъ черезъ это свою выгоду имѣетъ. Придешь въ трактиръ, потребуешь чайку, водочки, закусочки. Выпьетъ онъ, на сердцѣ-то у него и сдѣлается масло, а ты ему тѣмъ временемъ горы золотыя сулишь, цѣны сказываешь: ну онъ умилится и дастъ копѣйку лишнюю нажить.

Панфилъ Яковлевичъ. (*Смѣется*). — Ходокъ, братъ, ты мужикъ, весь въ меня... А вонъ Гаврило никакъ привыкнуть не можетъ: съ чиновниками, гдѣ ежели въ казенныя мѣста ставимъ, зубъ за зубъ... Обращенія съ ними никакого не понимаетъ. Ну, у того на грошъ амуниція на рубль амбиціи, — обидится, да и подпакоститъ гдѣ нибудь: дѣло-то и выдетъ такого рода, что гдѣ прежде нужно было рубль дать, даешь зеленую, да угощеніе на мировую.

Анфиса Михайловна.—А каково намъ-то женамъ-то терпѣть, когда вы наугощаетесь, да въ эдакомъ-то видѣ и придете домой? Сколько брани отъ васъ натерпишься!

Василій Прохорычъ. (*Машетъ рукой*). — Ужъ вы молчите, объ васъ рѣчь впереди.

Панфилъ Яковлевичъ. (*Шибалову*).—Какъ сожительницу-то звать?

Василій Прохорычъ.—Анфиса Михайловна. Да оставь ее, что съ бабой толковать!

Панфилъ Яковлевичъ. — Нѣтъ, ничего, погоди. А вы, Анфиса Михайловна, должны все это знать и чувствовать, что мужъ все это для васъ дѣлаетъ, чтобъ капиталъ составить. Не угостишь человѣка, — дѣла съ нимъ не сдѣлаешь. Мужъ васъ обуваетъ, одѣваетъ, поитъ, кормитъ, такъ вы ему почтеніе и уваженіе отдать должны. Онъ глава, вотъ что...

Василій Прохорычъ. (*Женѣ*). — Слышите, какъ люди-то разсуждаютъ?

Степанъ Яковлевичъ. — А у меня жена важная! Ей все равно, никогда отъ нее слова не услышишь; и я ее вовсе не пріучалъ, а ужь такой у ней правъ. Только развѣ заплачетъ да скажетъ: Богъ съ тобой. На фортупьянѣ лиха играть. Все играетъ, да все эдакое грустное, грустное. Теперь все проситъ, чтобъ я ей книгъ купилъ, читать хочетъ.

Панфилъ Яковлевичъ.—А ты не давай, чрезъ это дурь въ голову лѣзетъ. Послѣ и не сообразишь!

Степанъ Яковлевичъ.—Извѣстно, дѣло грѣшное, иногда и во хмѣлю домой придешь, никогда ни слова... За то и я ее чествую: обнову за обновой дарю. Проси, говорю, что хочешь, шляпку тамъ какую ни на есть, али что... „Ничего, говоритъ, мнѣ не нужно“. Золото, а не жена!

Панфилъ Яковлевичъ. — Вотъ этимъ-то ты ее и балуешь; ей острастка нужна, а ты къ ней въ душу лѣзешь (*Отдуваетс я и гладитъ бороду*). Василій Прохорычъ, пойдемъ-ка, братъ, на пару словъ, покалякать надо. (*Сыну*). Потолкуй съ невѣстой!..

Василій Прохорычъ. — Сейчасъ, сейчасъ, пойдемъ въ ту комнату. (*Обнявшись уходятъ налѣво*).

(*Молчаніе. Степанъ Яковлевичъ смотритъ на картину изображающую нимфу*).

Степанъ Яковлевичъ.—Эка вещь-то, точно въ передбанникѣ разлеглась.

(*Анфиса Михайловна и Глашенька смѣются*).

Ивановна. (*Гаврилѣ*).—А ты, молодецъ, что же въ молчанку играешь? Скажи намъ что нибудь хорошенькое.

Гаврило. (*Беретъ стулъ и садится къ нимъ*). — Отчего же-съ, можно побесѣдовать. Дядинька Степанъ Яковлевичъ до этихъ вещей охотникъ. (*Киваетъ головой на картину*).

Ивановна.—А ты нешто не охотникъ?

Гаврило. — Я про себя ничего не говорю, а про него потому говорю, что у него самого такія картины есть, еще голѣе...

Степанъ Яковлевичъ.—А ты знай, да молчи. Ежели у насъ въ академіи даже при народѣ такія картины выставляютъ, значитъ здѣсь ничего нѣтъ постыднаго.

Анфиса Михайловна. — Часто вы, Гаврило Панфилычъ, въ театръ ходите?

Гаврило.—Какъ придется-съ, не очень часто и не очень рѣдко. Мы все больше съ чиновниками ходимъ, ихъ угощаемъ. Вотъ послѣдній разъ „Жидовку" смотрѣли,—славная пьеса. А вы часто бываете?

Анфиса Михайловна.—Мы рѣдко ходимъ, такъ вѣдь мы женщины; намъ возьмутъ ложу, мы и пойдемъ, а вы мущина, вы на волѣ, куда хотите, туда и пойдете.

Гаврило.— Въ томъ-то и дѣло, что не всегда. (*Глашенькѣ*). А вы, барышня, чѣмъ занимаетесь, какъ время проводите?

Глашенька. — На фортепіанахъ играю, хозяйствомъ занимаюсь, иногда книжку читаю...

Гаврило. — Я васъ въ воскресенье видѣлъ, какъ вы по Невскому катались... вотъ съ маменькой. Давно ли на свадьбѣ пировали?

Глашенька. — Въ прошломъ мясоѣдѣ пировали, очень весело было...

Гаврило.—Мы тоже пировали. Молодецъ у насъ женился. Тятенька у него отцомъ посажонымъ былъ. Я съ женихомъ къ

невѣстѣ ѣздилъ. Дѣвицъ гибель гостила у нихъ! Веселыя такія, все съ нами шутки шутили. Мнѣ разъ всю шубу бантами обшили, а въ рукава полѣньевъ понаклали. Мнѣ и не вдомекъ; а сталъ одѣвать ее, пихнулъ руку въ рукавъ, глядь, а тамъ полѣно. Даже руку занозилъ.

(Изъ дверей выглядываетъ Панфилъ Яковлевичъ).

Панфилъ Яковлевичъ.—Степанъ Яковлевичъ, подь-ко сюда, потолковать надать!

Степанъ Яковлевичъ.—Сейчасъ! (*Уходитъ*).

Гаврило.—А дружкѣ такъ даже всю шубу по швамъ распороли и въ калоши тѣста наклали.

Глашенька. — Мы тоже самое дѣлали, какъ я на одной свадьбѣ гостила. Бывало, дружка привезетъ мало конфектъ, мы разсердимся, да и попортимъ ему что нибудь.

Ивановна. — Чтожь, родная, ужь это такъ и слѣдуетъ, такое обнаковеніе. Вонъ я у Бухаровыхъ сватала, такъ дѣвицы все съ дружкой шутки шутили, да разъ что же сдѣлали?—положили его на кровать, да и ну щекотать. Да вѣдь какъ защекотали, тотъ даже и говорить не могъ. Послѣ полчаса водой отпаивали.

Анфиса Михайловна.—Весело на свадьбахъ... люблю я... что дѣлаешь, что говоришь, все съ рукъ сходитъ... какъ-то вольнѣе дѣлаешься. Ивановна, поди-ка сходи, милая, разлей въ столовой чай, да вели Михею подавать.

Ивановна.—Сейчасъ, сейчасъ, родная, ужь не безпокойся, я распоряжусь. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Гаврило.—Нѣтъ, ужь нигдѣ я такъ не веселился, не гулялъ, какъ въ Москвѣ. Пришлось мнѣ разъ по дѣламъ въ Москву съѣздить. Поѣхалъ я съ дядей, онъ тогда еще и женатъ не былъ; онъ вѣдь и теперь до гулянки-то лихъ. Ужь и задали же мы съ нимъ трезвону! Гдѣ, гдѣ мы съ нимъ не бывали,

чего, чего мы съ нимъ не перепили! Ужь откровенно скажу, знатно кутнули; кажется ужь больше во всю жизнь не придется такъ выгуляться.

Глашенька.—Для чего же вы такъ кутили?

Гаврило. — Да такъ съ радости, что на волю вырвался. Вѣдь эдакій случай въ десять лѣтъ разъ удается, ну за него и хватаешься.

Анфиса Михайловна.—Я вамъ повѣрю. Сидишь, сидишь все одна, да что нибудь и надумаешь, а какъ выйдетъ случай, такъ тутъ все что надумала, то и сдѣлаешь. Ужь послѣ и покаешься, да поздно.

(Изъ средней двери выглядываетъ Ивановна, шикаетъ и манитъ Анфису Михайловну; та уходитъ).

(Молчаніе).

Гаврило. (*Остается съ Глашенькой*).—Барышня, вы мнѣ когда нибудь съиграйте на фортепьянѣ, я очень музыку люблю, да еще ежели русскія пѣсни, такъ просто чудо! Я вонъ иногда къ дядѣ хожу, у того жена играетъ, такъ все бы сидѣлъ да слушалъ. Съиграете?

Глашенька.—Когда же я вамъ съиграю?.. Вы вотъ теперь здѣсь, а послѣ уѣдете, и васъ вѣкъ не увидишь.

Гаврило.—Какъ не увидишь?.. Да развѣ вы не знаете, для чего мы сегодня пріѣхали?

Глашенька. (*Потупляя глаза*).—Не знаю.

Гаврило.—Такъ я вамъ скажу. Хотите, скажу?

Глашенька.—Не надо, не надо!..

Гаврило.—Отчего же?.. Вѣдь сегодня рукобитіе будетъ.

Глашенька.—Ахъ, что вы!.. оставьте, оставьте!

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Изъ дверей налѣво выходитъ Степанъ Яковлевичъ. Глашенька вскакиваетъ съ мѣста и убѣгаетъ).

Гаврило. (*Вставая со стула*).—Выпорхнула птаха!

Степанъ Яковлевичъ.—Ай да Гаврюха, молодецъ! Вѣрно, какое колѣно отмочилъ?

Гаврило — Нѣтъ, это она такъ, вѣрно со мной сидѣть совѣстно стало. Ну что, дяденька, что тамъ тетенька?

Степанъ Яковлевичъ.—По рукамъ ударили. Черезъ мѣсяцъ окрутятъ тебя!

Гаврило.—Значитъ ужь совсѣмъ? (*Чешетъ въ затылкѣ*).

Степанъ Яковлевичъ. — Чтожь, дура-голова, чегожь ты боишься? Женишься такъ вальготнѣе будетъ, человѣкомъ будешь, а то вѣдь теперь тебя, братъ, и за человѣка не считаетъ.

Гаврило.—Все-таки оно какъ-то вдругъ... Яманъ дѣло!

Степанъ Яковлевичъ.—Чѣмъ же яманъ, вѣдь ужь не отвертишься; не вѣкъ же холостымъ бѣгать. Она дѣвчонка ничего, въ акуратѣ.

Гаврило.—Кто говоритъ, что не такъ... Она, знаешь, дядюшка, Степанъ Яковлевичъ, на ту Парашу цыганку смахиваетъ... помнишь, что на минерашкахъ-то?

Степанъ Яковлевичъ. (*Киваетъ на дверь*).—Цыцъ, нишкни! Держи языкъ-то подальше! Что горло-то дерешь!

Гаврило.—Чтожь, я тихо. А что, дядинька, нельзя ли намъ сегодня штуку выкинуть. Какъ дѣло-то все на мази будетъ, удрать отсюдова, а тятеньку здѣсь въ горку засадить играть; можетъ Василій Прохорычъ за знакомыми пошлетъ. Тятенька какъ разъярится, до утра проиграетъ, а мы бы тѣмъ временемъ махнули куда нибудь...

Степанъ Яковлевичъ. (*Смѣясь*).—Вишь у него въ башкѣ-то что! Молчи, дура-голова!

Гаврило.—А то, что же?

Степанъ Яковлевичъ.—Ну, ну, да вѣдь брата-то не засадишь! А то бы пожалуй...

Гаврило.—Вотъ что, дядинька, уладь дѣло, бутылочку холодненькаго катнули бы,—ставлю!

Степанъ Яковлевичъ.—Эка невидаль, я тебѣ самъ пять выставлю! Да не въ томъ, братъ, дѣло: брата-то не утрамбуешь! (*Смѣется*). Эка собака, его къ невѣстѣ привезли дѣло вершать, а у него вонъ что на умѣ... трактиръ! Нѣтъ, ужь сегодня оставь, будетъ время, отпразднуемъ твою холостую жизнь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВАСИЛІЙ ПРОХОРЫЧЪ И ПАНФИЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

(*Входятъ*).

Панфилъ Яковлевичъ.—Ну, такъ ты это, Василій Прохорычъ, справь все какъ слѣдуетъ, по росписи. Дѣло дѣломъ, а деньга деньгой!

Василій Прохорычъ. — Ты меня, значитъ, не знаешь, у меня слово законъ. А гдѣжь наши бабы? Погодьте, я ихъ позову. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Панфилъ Яковлевичъ. (*Подходя къ брату*).—Ну, какъ тебѣ, нравится невѣста?

Гаврило.—Ничего-съ, тятенька, хороша.

Панфилъ Яковлевичъ.—Да тебя вовсе и не спрашиваютъ, ты молчи! Что выскакиваешь!

Степанъ Яковлевичъ. — Ничего, дѣвушка какъ есть, хороша...

Панфилъ Яковлевичъ.—То-то, какой же ему еще лыски нужно?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВХОДЯТЪ АНФИСА МИХАЙЛОВНА, ГЛАШЕНЬКА, ИВАНОВНА и ВАСИЛІЙ ПРОХОРОВИЧЪ.

Василій Прохорычъ.—Вотъ мы съ Панфиломъ Яковлевичемъ порѣшили повѣнчать Глафиру съ Гаврилой Панфилычемъ. Любите да жалуйте...

Ивановна.—И въ часъ добрый, родной, пусть живутъ, медъ пьютъ да соболями опахиваются!

Василій Прохорычъ. (*Глашенькѣ*). — Глафира, вотъ твой женихъ.

Панфилъ Яковлевичъ.—Ну, Гаврюха, цалуй невѣсту!

Ивановна.—Слѣдуетъ, слѣдуетъ, по порядку, родной, слѣдуетъ! (*Гаврило подходитъ къ Глашенькѣ и цалуетъ ее*).

Василій Прохорычъ. — Ну, теперь садитесь на диванъ. Садись нареченный зятюшка. (*Глашенька и Гаврило садятся*). Ну, а мы съ тобой поцалуемся, сватушка. Невѣсту не жалѣючи отдаю. (*Смѣется*). Бери изъ полы въ полу. (*Свахѣ*). Скомандуй-ка, чтобъ винца подали!

Ивановна. (*Кричитъ въ среднюю дверь*).—Михеюшко, неси, родной, неси!

(Входитъ Михейка съ рюмками и бутылкой. Всѣ пьютъ, цалуются съ женихомъ и невѣстой и поздравляютъ ихъ. Изъ средней двери выглядываютъ головы молодцовъ и кухарки).

Василій Прохорычъ. — А ты чтожъ не пьешь, Панфилъ Яковлевичъ?

Панфилъ Яковлевичъ. — Шестой годъ я не пью этой дряни. Зарокъ далъ окромя водки ничего не пить.

Василій Прохорычъ.—Ну, и ладно. Значитъ, мы вмѣстѣ выпьемъ. Сваха! приготовька намъ тамъ селедку да водочки!

Ивановна.—Погоди, родной, дай проздравить-то! (*Подходитъ къ жениху и невѣстѣ съ рюмкой въ рукѣ*). Съ начатіемъ дѣла, дай Богъ вамъ въ мирѣ жить да въ согласіи. (*Гаврилѣ*). Ой, молодецъ, поддѣлъ королевну! Парочка, парочка, хотв куда парочка!.. (*Пьетъ*).

РЯЖЕНЫЕ.

КАРТИНЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

(Пос. Г. Н. Жулеву).

РЯЖЕНЫЕ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГАВРИЛО СУРИКОВЪ, сынъ богатаго купца, подрядчика.
ВАСЯ ПОДОПЕКИНЪ, молодой купчикъ, пріятель Гаврилы.
ИВАНЪ, КУЗЬМА, ПЕТРЪ, — молодцы Сурикова.
ВАСИЛИСА, кухарка.

Небольшая комната въ домѣ Сурикова, называемая молодцовскою. Прямо дверь. Налѣво окно. По стѣнамъ три кровати съ ситцевыми одѣялами и съ подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ, нѣсколько плетеныхъ стульевъ и шкафъ. Надъ кроватями виситъ одежда молодцовъ. При поднятіи занавѣса Кузьма и Петръ, одѣтые въ халаты, сидятъ за столомъ и играютъ въ шашки. Иванъ также въ халатѣ, съ сигарою въ рукахъ, полулежитъ на кровати и поетъ. Гаврило за другимъ столомъ набиваетъ папиросы. Вечеръ. Комната освѣщена двумя сальными огарками въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, поставленныхъ на столахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГАВРИЛО, ИВАНЪ, КУЗЬМА И ПЕТРЪ.

Иванъ (*Брянчитъ на гитарѣ и поетъ*).

Звонитъ звонокъ и тройка мчится
Вдоль по дорожкѣ столбовой,
На крыльяхъ радости стремится
Въ домъ кровныхъ воинъ молодой...

Эхъ, Молчановъ эту пѣсню на Крестовскомъ поетъ—такъ просто отдай все—да мало! Теноръ у него есть, что твой соловей! Какъ зальется, собака, какъ зальется! Гаврило Панфилычъ, вотъ бы теперь на Крестовскій на тройкѣ съѣздить; вѣдь тамъ всякія представленія есть. Ныньче святки.

Гаврило.—Умѣли бы и не на Крестовскій съѣздить, да тятенька-то на что! Попросись-ка, такъ онъ такой Крестовскій задастъ, что и своихъ не узнаешь!

Иванъ.—А вѣдь и то: собачья наша жизнь. Право. Вотъ я просился сегодня со двора—не пустилъ. Алексѣя отпустилъ, а мнѣ говоритъ: сиди дома, а то оболтался совсѣмъ! Я-то оболтался! Только первый день Рождества и гулялъ; до Рождества, такъ, кажись, недѣль восемь сидѣлъ дома. (*Обращается къ молодцамъ.*) Кто у васъ кого объигрываетъ?

Петръ.—А вотъ Кузьма проигрываетъ. Я его въ одномъ мѣстѣ ужь заперъ, да вотъ еще запру. Ну, ходи! Куда сходишь? Что?

Кузьма.—Да еще бы ты рукавомъ двигалъ! Не хочу больше играть. (*Вскакиваетъ съ мѣста*).

Петръ. (*Заслоняетъ ему дорогу*).—Нѣтъ, ты ходи прежде, а послѣ и переставай играть! Ходи! Ну, что? Вотъ и въ двухъ мѣстахъ заперъ. Давай пять копѣекъ!

Иванъ.—Кузьма Федорычъ, съ двумя поздравляемъ! Это вамъ на обзаведеніе. Говорятъ, вы въ деревнѣ срубъ новый ставите.

Кузьма (*Ивану*).—Молчи, коли тебя не спрашиваютъ! Знай брянчи на гитарѣ, да и дѣлу конецъ!

Иванъ.—Гдѣ насъ спрашивать! Гдѣ намъ съ вами съ псковскими разговаривать? Вѣдь вы псковскіе умники: вы вонъ мякину сѣяли, да три года ждали, пока взойдетъ!

Кузьма.—Чортъ! Дьяволъ!

Иванъ—Кузя, ей-богу, вѣдь это забавно. Скажи, какъ вы мякину сѣяли?

Кузьма.—Гаврило Панфилычъ, что жь вы это, съ самомъ дѣлѣ, запретить не можете: вѣдь вы хозяинъ. Что онъ дразнитъ! Вѣть это безобразіе!

Гаврила (*смѣется*).—Ладно, запретимъ, а ты только скажи, какъ вы мякину сѣяли?

Петръ.—А вотъ какъ. Посѣяли, да и ходятъ кругомъ поля съ дубьемъ, да галокъ гоняютъ, чтобъ тѣ мякину не выклевали.

Кузьма.—Черти! Пристали словно собаки! (*Подходитъ къ дверямъ и хочетъ уйти*).

Иванъ (*вскакиваетъ съ мѣста и заслоняетъ ему дорогу*).—Вы это въ кухоньку? Прохладиться? Оно хорошо, а то неравно съ горячки-то печенка лопнетъ! На прощанье ручку! Съ двумя поздравляемъ! Мерси съ бонжуромъ! (*Кузьма хочетъ пройти въ дверь, Иванъ его не пускаетъ. Къ нему подбѣгаетъ Петръ*).

Петръ.—Что, братъ, утекать задумалъ? Нѣтъ, погоди. Отдай прежде пять копѣекъ, а потомъ и утекай. Жилить? Нѣтъ! Давай пятакъ!

Кузьма.—Сволочь! Бери, подавись имъ! Авось къ гробу на свѣчку пригодится! (*Бросаетъ пять копѣекъ на полъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ИВАНЪ, ПЕТРЪ И ГАВРИЛО.

Иванъ (*кричитъ ему въ слѣдъ въ отворенную дверь*). Псковскіе! Мякину сѣяли!

Петръ (*подымая съ полу деньги*).—Разсердился! А не любятъ эти псковскіе, когда ихъ мякиной дразнятъ! (*Собираетъ шашки, потягивается и ложится на кровать.*)

Гаврило.—Тоже вотъ такъ и костромскіе. Страсть не любятъ, кто имъ скажетъ: козу на колокольню пряникомъ манили. Такъ озлятся, что глаза выцарапать рады (*Закуриваетъ папироску, а остальныя собираетъ и прячетъ въ шкафъ*).

Иванъ.—Это вы въ шкапъ папиросы прячете? Прячьте, да смотрите, чтобъ бѣды не было, а то я за васъ въ отвѣтѣ буду. Ныньче у вашего папеньки новая манера завелась: по шкапамъ да по сундукамъ шарить. Придутъ домой обѣдать—насъ нѣтъ, они и начнутъ все осматривать. На прошлой недѣлѣ вотъ также „Королева Марго" пропала. Отличная книжка. Я ее взялъ почитать у Семенова. Почиталъ съ вечера, да и положилъ ее на столъ; а на другой день прихожу изъ лавки—хвать, а книжки нѣтъ. Какъ въ воду канула! Послѣ ужь кухарка сказывала: вынесъ, говоритъ, изъ молодцовской, книжку да и бросилъ въ печь. Это онъ ее сжегъ. Теперь ужь я не знаю, какъ мнѣ съ Семеновымъ и дѣлаться: тому, хоть роди, а книжку подай!

Гаврило.—Ну, ужь ты молчи. Что ты мнѣ-то разсказываешь! Нешто мнѣ радостно? У меня тятенька ужь вотъ гдѣ сидитъ. (*Показываетъ на шею.*) Хоть бы съ этой женитьбой! Срамота одна! Вѣдь онъ меня одними смотринами смучилъ! Прошлый разъ съ Шибаловымъсов сѣмъ дѣло обдѣлалъ; рукобитіе было и невѣста мнѣ нравилась; женихомъ я къ нимъ съ недѣлю ходилъ, и вдругъ шабашъ-малина, повздорилъ тятенька. А изъ-за чего? Тѣ давали въ приданое фортопьяны, а тятенька рояль хотѣлъ. Переругался со всѣми; выругалъ сваху Ивановну; а она вотъ теперь ходитъ, да на меня мараль распускаетъ, будто я къ Шибаловымъ не въ своемъ видѣ явился. Вотъ она жизнь-то!

Иванъ.—Что говорить—жизнь собачья! (*Брянчитъ на гитарѣ и поетъ*)

Куманечекъ, побывай у меня,
Душа радость побывай у меня.

Побывай, бывай, бывай у меня.
Я бы рада побывать у тебя,
У тебя, кума, улица грязна,
Ахъ грязна, грязна, грязна, грязна.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ВАСИЛИСА.

Василиса.—Иванъ, полно горло-то драть—хозяйка ругается. Какъ, говоритъ, только дома, такъ сейчасъ и за пѣсни. Нѣтъ, говоритъ, на него и угомону.

Иванъ.—Вотъ оно и смотрите! И со двора не пускаютъ, и дома не веселись. Чтобъ тебя совсѣмъ! Да это просто околѣвай! (*Съ сердцемъ бросаетъ гитару на кровать*).

Гаврило.—Ну, погоди, поешь. У маменьки теперь сваха Лукерья Никитишна сидитъ, такъ это она передъ ней церемонится. Онѣ сейчасъ въ баню уйдутъ. Вотъ ужь тогда хоть на головѣ ходи. (*Василисѣ*). Что, ужь сбираются?

Василиса.—Да ужь совсѣмъ собрались. Ждутъ только пока лошадь запрягаютъ. Петра, голубчикъ, ты спишь? Нѣтъ? Разруби мнѣ поросенка. Не могу сама—смучилась совсѣмъ. Руки слабы, что ли.

Петръ.— Ну тебя! Ты бы Микешкѣ сказала: онъ бы разрубилъ.

Василиса.—Да Микешку хозяйка за бобковой мазью послала. Въ банѣ мазаться будетъ.

Петръ.—Неужто сейчасъ надо?

Василиса—Да къ завтрему надо. Разруби. Нешто это долго?

Петръ.—Встать-то не хочется; ну, да ужь пойдемъ. Только за тобой служба. За водкой попрошу сбѣгать, такъ спорхай. (*Встаетъ съ кровати*).

Василиса.—Да ужь ладно, ладно! (*Василиса и Петръ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГАВРИЛО И ИВАНЪ.

Иванъ (*достаетъ изъ кармана халата письмо и бросаетъ его на столъ*).—Гаврило Панфилычъ, получайте!

Гаврило.—Чтò это такое?

Иванъ.—Письмо. Нешто не видите? Отъ Прасковьи Селиверстовны. Давеча въ лавку мальчишка Козина занесъ.

Гаврило (*беретъ письмо*).—Врешь?!

Иванъ.—Читайте. Я при молодцахъ только не хотѣлъ отдать: потому, послѣ, однихъ разговоровъ не оберешься.

Гаврило.—Спасибо, Ванюха. Молодецъ! Знаешь, какъ дѣла обдѣлывать надо.

Иванъ.—Ужь это съ тѣмъ возьмите, годъ носите и починка даромъ! Еслибъ только воля—самъ бы этимъ дѣломъ занимался. Я вѣдь до этого товару куда какъ лихъ!

Гаврило.—Да ты, братъ, не думай, я вѣдь, какъ передъ Богомъ, ежели бы только тятенька позволилъ, такъ сейчасъ бы съ ней подъ вѣнецъ! Одно—приданаго за ней мало; а вѣдь тятенькѣ хоть бы коза, да съ золотыми рогами. (*Распечатываетъ письмо и начинаетъ читать про себя*).

Иванъ (*подходитъ къ нему*). — Секретъ-съ? Полюбопытствовать нельзя?

Гаврило.—Для тебя можно. Слушай!

„Гаврило Панфилычъ!

„Сегодня папенькины имянины и у насъ будутъ гости. Ежели можете, пріѣзжайте къ намъ ряжеными. Въ воскресенье я была въ церкви, а васъ не было. Чтò это значитъ? Я всѣ глаза проглядѣла. Извините, что плохо написала. Письмо это сожгите; пусть оно будетъ какъ-бы на днѣ моря. И. К.“

— Вотъ и все. Это я въ воскресенье потому не былъ въ

церкви, что въ лавкѣ былъ. (*Помолчавъ*) —А славная, братъ, она дѣвушка, эта Пашенька. Взглянетъ, такъ по сердцу словно бархатомъ... Я съ ней на свадьбѣ у Брындина познакомился. Кадриль танцовалъ, разговаривалъ. И вѣдь разговорчивая какая! Отъ иной слова не добьешься, а эта ничего... Вотъ бы на этой—такъ хоть сейчасъ женился. Одно—съ тятенькой не сообразишь! Послѣ всего этого мнѣ на сваху Лукерью глядѣть противно. Кажется, избилъ бы ее, кикимору!

Иванъ.—Что говорить—мерзючая баба. А вѣдь есть такіе дураки, что ей въ поясъ кланяются, на почетное мѣсто сажаютъ! Что жь вы теперь по этому письму дѣлать будете?

Гаврило—Да что дѣлать? Дѣлать нечего. Не урвешься. *(Прячетъ письмо въ карманъ и ходитъ по комнатѣ. Молчаніе).*

Иванъ.—А я вамъ скажу, что можно урваться. Тятеньки вашего Панфила Яковлевича нѣтъ дома, они въ гости уѣхали; заиграются въ горку до утра, а маменька въ баню ѣдетъ—вы успѣете тамъ побывать. Бѣгите въ табашную, берите костюмъ и поѣзжайте.

Гаврило.—Что жь я одинъ-то поѣду? Тутъ компанія нужна. Нѣтъ, братъ, Иванъ, не рука!

Иванъ.—Ну, смотрите, сами у себя удовольствіе отнимаете. Къ кому Панфилъ Яковлевичъ въ гости-то уѣхалъ?

Грврило.—Почемъ же я-то знаю? Нешто онъ скажетъ когда! Въ гости, да и шабашъ! Можетъ и на гулянку куда нибудь закатился, могарычи запивать.

Иванъ. — Ну, такъ вотъ что дѣлайте: пока маменька не уѣхала въ баню, проситесь у ней въ гости, да къ кому нибудь изъ пріятелей и поѣзжайте, да и подговорите ихъ наряжаться. Все можно сдѣлать. Ужъ это вѣрно. Панфилъ Яковлевичъ раньше какъ къ утру домой не вернется, а вы въ часъ дома будете.

Гаврило. — Да къ кому теперь поѣдешь? Кого дома сы-

щешь? Вѣдь нынче святки. Кто въ театрѣ, кто въ гостяхъ. Нѣтъ, ужь буду дома!

Иванъ.—Ну, какъ хотите!

Гаврило.—Вотъ отвѣтъ на письмо написать нужно. Это слѣдуетъ.

Иванъ.—Еще бы... Такъ ужь пишите со стихами. Барышни стихи страсти какъ любятъ. Стихи это для нихъ первое дѣло. А у меня и книжка такая есть — выпишемъ. Давайте сейчасъ сочинять. Пишите на̀-черно.

Гаврило.—А и то ладно. Карандашъ и бумага есть?

Иванъ.—Есть. Еще бы не быть! (*Достаетъ изъ сундука бумагу, книгу и карандашъ, и садится съ Гаврилой къ столу*).

Гаврило.—Ну, что писать-то? Я думаю такъ: дражайшая моя Прасковья Селиверстовна?..

Иванъ.—Зачѣмъ же дражайшая? Пишите: „ангелъ небесный, Прасковья Селиверстовна", а потомъ сейчасъ стихи. Вотъ мы сыщемъ какіе нибудь подходящіе. (*Перелистываетъ книгу*).—Вотъ:

Еслибъ сердце ты лежало
На рукахъ моихъ,
Все бъ качала, да качала
Я тебя на нихъ.

Нѣтъ, это нехорошо. Нейдетъ. Надо что нибудь про любовь. Развѣ вотъ это:

Сердце ноетъ, духъ томится.
Гдѣ любезная моя?
Ай нѣтъ ея, ай нѣтъ ея!

Гаврило. — Ну, стихи потомъ припишемъ. Пока такъ... (*Пишетъ и говоритъ*). „Ангелъ небесный Прасковья Селиверстовна... письмо ваше я получилъ и оно меня крайне обрадовало. Радость моя была подобна..." —Какъ бы тутъ сказать?

Иванъ.—Подобна... подобна... Подобно неземной радости.

Гаврило.—Ну, это нейдетъ! Что такое: „подобна неземной радости?"

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ВАСИЛИСА.

Василиса.—Гаврило Панфилычъ, васъ въ кухнѣ человѣкъ какой-то спрашиваетъ.

Гаврило.—Какой такой человѣкъ? Что ему?

Василиса.—Да почемъ мнѣ-то знать!

Гаврило.—Сейчасъ выду. (*Прячетъ бумагу въ карманъ*).

Иванъ.—Зачѣмъ выходить-то? Можетъ быть, это опять отъ Козиныхъ. Можетъ, Прасковья Селиверстовна прислала. Велите сюда придти. Тутъ и поговорите.

Гаврило (*Василисѣ*).—Зови сюда. (*Василиса уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГАВРИЛО, ИВАНЪ И ВАСЯ ПОДОПЕНКИНЪ. (*Подопенкинъ входитъ въ енотовой шубѣ и въ шапкѣ. На лицѣ его черная полумаска. Войдя, онъ сбрасываетъ съ себя шубу и съ головы шапку и показывается въ костюмѣ Гамлета, но въ то же время и въ ботфортахъ со шпорами*).

Подопенкинъ (*стараясь говорить басомъ*). — Клянитесь! Гамлетъ, клянись! Клянитесь! (*Большими шагами подходитъ къ Гаврилѣ, срываетъ съ себя маску и вскрикиваетъ*). — Сорва-лось! Ха-ха-ха! Что? Не узналъ? Здравствуй, Ганя! здравствуй, дружище!

Гаврило. — Да чортъ тебя дери, гдѣ же тутъ узнать! Я даже съ перваго-то раза оробѣлъ немножко.

Иванъ. — Василію Семенычу! Совсѣмъ невозможно узнать было. Ей-Богу! Только что кухарка сказала, и вдругъ вы входите!

Подопенкинъ. — А я, Ганя, къ тебѣ. Ѣдемъ ряжеными. Сегодня у Семикова балъ, сговоръ, старшую дочку сговариваютъ. Повеселимся, попляшемъ, угостимся, зарядимъ! (*Хлопаетъ себя по галстуку*).

Иванъ.—Вотъ, Гаврило Панфилычъ, вамъ какъ есть сама судьба товарища посылаетъ!

Гаврило.—Молчи, Иванъ. Вотъ что, Вася: я бы поѣхалъ, и съ радостію бы поѣхалъ, да видишь въ чемъ дѣло: тятеньки дома нѣтъ, а я не спросился со двора-то.

Подопенкинъ.—А нѣтъ дома, такъ и спрашиваться нечего. Какой, братъ, я тебѣ костюмчикъ достану, такъ просто чудо! Вотъ мой костюмъ, смотри. Всего пять рублей. Вѣдь это гамлетка. Хорошъ? За ботфорты я рубль серебромъ особо далъ. Костюмеръ говорилъ, что ботфорты не полагаются къ гамлеткѣ, да ужь мнѣ очень хотѣлось ихъ надѣть-то.

Гаврило.—Пройдись-ка, пройдись. Покажись, каковъ ты?

Подопенкинъ (*прохаживается по комнатѣ большими шагами, потомъ выхватываетъ изъ ноженъ шпагу и бросается на Ивана*). — Умри, несчастный! Ха-ха-ха! Что, испугался?

Иванъ.—Василій Семенычъ, что жь это за безобразіе! Вѣдь неровенъ часъ—убить человѣка можно. Вонъ у насъ въ деревнѣ: братъ въ брата изъ ружья пѣлился. Тоже шалили. Прицѣлился, пустилъ курокъ, а ружье-то и выпалило. Такъ вѣдь на весь вѣкъ человѣка несчастнымъ сдѣлалъ. Пуля ему въ ногу попала И по сію пору на костыляхъ ходитъ.

Подопенкинъ.—Такъ ѣдемъ, Ганя! Ну да ты ѣдешь полно врать.

Гаврило.—Да нельзя, Вася. Ей-богу нельзя!

Подопенкинъ.—Такъ у матери просись, вѣдь мать дома?

Гаврило.—Дома. Да что же маменька сдѣлать можетъ? Маменька у насъ ничего не значитъ!

Подопенкинъ.—Такъ проси, чтобъ отцу не говорила.

Гаврило.—Да ужь, право, не знаю какъ! (*Чешетъ затылокъ*).

Подопенкинъ—И хочется, и колется, и маменька бранитъ!

Иванъ. — А я вамъ, Гаврило Панфилычъ, вотъ что ска-

жу: идите и проситесь у маменьки. Она отпустить. Просите только, чтобъ Панфилу Яковлевичу не говорила.

Подопенкинъ. — Ну, иди, иди! Видишь, тебѣ двое говорятъ, чтобъ ты шелъ. (*Пихаетъ его въ спину и пропихиваетъ въ двери*).

ЯВЛЕНІЕ VII

ПОДОПЕНКИНЪ и ИВАНЪ.

Подопенкинъ. — Экой онъ у васъ робкій какой!

Иванъ.—Будетъ робокъ, коли кого поѣдомъ ѣдятъ! Тутъ изъ кого хочешь всякую прыть вышибутъ!

Подопенкинъ. — Ваня, что это у васъ за штучка на дворѣ живетъ? Я сейчасъ подъ воротами встрѣтилъ.

Иванъ. — Да она какая такая изъ себя?

Подопенкинъ. — Да такъ невеличка ростомъ, кругленькая! Встрѣтилъ я ее подъ воротами, а она меня и спрашиваетъ: послушайте, говоритъ, какъ васъ зовутъ? А я ей: зовутъ зовуткой, кралечка, прозываютъ дудкой, а по теперешнему Кузьма Федоръ Иванычъ. Разсердилась. Какой вы говоритъ, необразованный мужчина. Я было остановить ее хотѣлъ, растопырилъ руки — такъ она какъ змѣя выскочила въ калитку, да и была такова. Я за ней. А у меня эти ботфорты, да шуба: запутался, да какъ чебурахнусь. Такъ и растянулся. Кто она такая?

Иванъ. — А это горничная. Вотъ тутъ, напротивъ насъ, у чиновника живетъ.

Подопенкинъ. — У тебя, поди, ужь съ ней шуры-муры заведены?

Иванъ. — Да ужь это наше дѣло. Мы тоже не лыкомъ шитые, не лѣвой ногой сморкаемся. Ежели бы я въ это время былъ подъ воротами, да увидалъ, что ее кто нибудь облапить хотѣлъ, такъ ужь бы тому бока намялъ, припечаталъ бы.

Подопенкинъ. — А гдѣ она живетъ?

Иванъ. — А вотъ здѣсь, напротивъ, въ третьемъ этажѣ. Только вы, Василій Семенычъ, это отдумайте: тутъ вамъ ни синя пороха не будетъ!

Подопенкинъ. — Ну — полно, дура съ печи; вѣдь я такъ. (*Смотритъ въ окно*). Что это у васъ въ верхнемъ-то этажѣ дѣлаютъ? Ха-ха-ха.

Иванъ. — А это у насъ всякій день комедія. Кухарка раздѣвается. И завсегда это вечеромъ. Вѣдь не вдомекъ же ей это окно завѣсить!

Подопенкинъ. — Да тебѣ-то что? Жалко, что трубки театральной нѣтъ. (*Приставляетъ къ глазамъ кулаки и смотритъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и ГАВРИЛО.

Гаврило. — Отпустила! отпустила! Ѣдемъ, Вася! Насилу захватилъ маменьку, и то догналъ на лѣстницѣ. Она въ баню ѣдетъ. Ну, теперь костюмъ брать. Какой? Шпанца не хочу. Шпанецъ безъ шпоръ.

Подопенкинъ. — Арлекина. То съ бубенчиками. Фигару.

Гаврило. — Чортъ съ нимъ! Что я за шутъ гороховый. Мнѣ бы такой костюмъ хотѣлось, чтобъ и благородно было, да чтобъ и побрякивало.

Подопенкинъ. — Ну, французскій.

Гаврило. — А шпоры и шпага полагается?

Подопенкинъ. — Шпага есть, да и шпоры потребовать можно. Или вотъ костюмъ такъ костюмъ! Краковякъ называется. поясъ изъ мѣдныхъ бляхъ. шпоры и шпага. Прошлый годъ я въ эдакій костюмъ рядился.

Гаврило. — Ну, вотъ его-то мнѣ и нужно! Дружище Вася,

да какъ тебя Богъ надоумилъ ко мнѣ-то придти? Дай я тебя поцалую. Ну, угощеніе отъ меня за это! (*Цалуются*).

Подопенкинъ. — Ужь я, братъ, какъ въ гамлеткѣ одѣтъ, такъ все изъ Гамлета и садить буду. Каковъ костюмчикъ-то? Новенькій. Костюмеръ сказывалъ, что въ прошломъ году только шитъ. Генеральскій сынъ какой-то первый разъ его надѣлъ, а я второй!

Гаврило. — Ну, вотъ въ чемъ дѣло, Вася. Поѣхать я съ тобой поѣду, только и ты для меня сдѣлай удовольствіе. Мнѣ, братъ, сегодня безпремѣнно нужно быть въ одномъ домѣ. У Козиныхъ. У нихъ гости сегодня, и тамъ одна барышня будетъ, которую мнѣ видѣть хочется. Ходитъ, что ли?

Подопенкинъ.—Да ладно, что тутъ разговаривать! Хоть въ три дома! Ну, ѣдемъ!

Иванъ. — Гаврило Панфилычъ, возьмите ужь и меня съ собой. Наряжусь и я.

Гаврило. — А тятенька?

Иванъ. — Да ужь что же-съ: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Покрайности выгуляюсь. Ужь больно мнѣ дома-то сидѣть надоѣло. Я вѣдь чудной ряженый-то. Я васъ страсть какъ насмѣшу.

Гаврило. — А вдругъ, чего Боже оборони, онъ узнаетъ, а ты ему и брякнешь, что я тебя отпустилъ.

Иванъ. — Ну, вотъ еще! Виданое ли это дѣло, чтобъ я кого нибудь выдалъ! Гробъ! Могила! (*Показываетъ на грудь*).

Гаврило. — Что жь, Вася, возьмемъ его?

Подопенкинъ. — Отчего же не взять? Чѣмъ больше компанія, тѣмъ лучше. Ѣдемъ, Ванюха!

Гаврило (*Ивану*). — А деньги на костюмъ есть?

Иванъ. — Да такихъ-то денегъ нѣтъ, да мнѣ и не надо. Лучше ужь дайте такъ: я королеву Маргу куплю, что тятенька вашъ сжегъ, а костюмъ у меня будетъ. Я наряжусь убійцей.

Подопенкинъ. — Какой же это костюмъ!

Иванъ. — А вотъ какой. Брюки въ сапоги. Красная фуфайка у меня есть, красную фуфайку надѣну. На голову мѣховую шапку. Подпояшусь шарфомъ и за поясъ кухонный ножъ заткну. Что? Лицо и руки вымажу давленной клюквой и сажей. Будто въ крови. А? И дешево и сердито. Да еще усы и бороду изъ мѣху сдѣлаю. Мать родная не узнаетъ, вотъ какъ наряжусь.

Подопенкинъ. — А вѣдь это чудно будетъ!

Иванъ. — То-есть чуднѣе быть не можетъ!

Гаврило. —Ну, такъ ты варгань! Одѣвайся. А я съ Васей за костюмомъ поѣду. Мы сейчасъ вернемся. Только ты живѣе!

Иванъ. — Да ужь живымъ манеромъ одѣнусь. Только, Василій Семенычъ, одно условіе: какъ изъ воротъ выдемъ, перводѣло въ погребокъ, потому — я не зарядивши совсѣмъ чудить не могу. Ходитъ?

Подопенкинъ. — Ладно!

Иванъ. — Эхъ, гуляй наша!

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СЕЛИВЕРСТЪ СЕМЕНЫЧЪ КОЗИНЪ, небогатый торговецъ.
АННА СТЕПАНОВНА, жена его.
ПАШЕНЬКА, 18 лѣтъ, } дѣти ихъ.
ФЕДЯ, 11 лѣтъ, } дѣти ихъ.
ПАНФИЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ СУРИКОВЪ, богатый купецъ.
ГАВРИЛО, его сынъ.
ВАСЯ ПОДОПЕНКИНЪ.
ИВАНЪ.
СЕВАСТЬЯНЪ ФЕРАПОНТЫЧЪ, фельдшеръ изъ больницы.
ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ СОСКИНЪ, писецъ изъ квартала.
АННУШКА, } подруги Пашеньки.
КАТЯ, } подруги Пашеньки.
ГОСТИ.

Чистая комната въ домѣ Козина. По стѣнѣ стоятъ: диванъ, стулья и комодъ. Передъ диваномъ столъ. Въ углу на маленькомъ столикѣ стоитъ закуска, графинъ водки и двѣ бутылки съ виномъ. На комодѣ поставлены тарелки съ пряниками, изюмомъ и орѣхами На стѣнѣ висятъ картины: раскрашенная литографія какого-то генерала и видъ какого-то монастыря. Комната освѣщена шестью свѣчами, поставленными на комодѣ, на столѣ передъ диваномъ и на столикѣ съ закуской. Двѣ двери: прямо и налѣво. Двери налѣво отворены: видна освѣщенная комната и уголъ стола, за которымъ играютъ въ карты. При поднятіи занавѣса Козинъ и Суриковъ сидятъ на диванѣ. Около нихъ на стулѣ помѣщается Соскинъ. Пашенька, Катя и Аннушка, взявши другъ друга подъ руки, ходятъ по комнатѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОЗИНЪ, СУРИКОВЪ, СОСКИНЪ, ПАШЕНЬКА. КАТЯ и АННУШКА.

Суриковъ. — Квартира у тебя ничего. Что за квартиру-то платишь?

Козинъ. — Триста рублей. Дороги нынче квартиры. Вонъ на Пескахъ, говорятъ, дешевле: да намъ тамъ жить-то неспод-

ручно—отъ рынка далеко. Здѣсь высоконько немного—правда, да что жь дѣлать? Вы, Панфилъ Яковлевичъ, поди, уморились взбиравшись-то?

Суриковъ. — Нѣтъ, ничего, я для хорошаго человѣка хоть на каланчу полѣзу.

Козинъ. — Я все думаю, то-есть, какъ это вы ко мнѣ пожаловали. Просить я васъ не смѣлъ.

Суриковъ (*кивая головой на Соскина*).—А вонъ съ ябедой былъ онъ у меня сегодня: бумажонки кой-какія написать нужно было.

Козинъ.—Это такъ-съ, конечно, у васъ дѣла большія, не чета нашимъ.

Суриковъ.—Ну, написалъ онъ мнѣ эти двѣ бумаги и проситъ два рубля. Далъ я ему, да и говорю: вѣдь запьешь теперь, коли деньги есть. А онъ: нѣтъ, говоритъ, я сегодня на имянины къ Козину отозванъ, такъ туда прямо. И что ему въ голову пришло, сталъ меня просить, чтобы я къ тебѣ ѣхалъ. Дѣла у меня не было. Ну, что жь, думаю, поѣду, вѣдь мы съ нимъ знакомы.

Соскинъ (*нюхая табакъ*). — Я, Селиверстъ Семенычъ, собственно потому привезъ ихъ къ вамъ, что зналъ, что вамъ пріятно будетъ.

Суриковъ. — Ну, ужь ты это зелье-то при мнѣ оставь. Знаешь, что я этихъ табаковъ не терплю.

Соскинъ.—А отчего бы, кажись? что въ немъ такое? Такое же Божіе произрастеніе, какъ и всѣ.

Суриковъ. — Ябеда, прикуси свой языкъ!

Козинъ. — Я, Панфилъ Яковлевичъ, вамъ то-есть такъ радъ, что и сказать не могу; потому, такой чести совсѣмъ не ожидалъ.

Суриковъ. — У меня, братъ, этой горделивости нѣтъ. Я

съ хорошимъ человѣкомъ завсегда компанію готовъ водить, пить и все эдакое.

Соскинъ.—А вѣдь за это, Панфилъ Яковлевичъ, у Бога хорошо. Вамъ за все на томъ свѣтѣ воздастся, сказано: горделивцы, о гордіи!..

Суриковъ. — Ну, ужь пошелъ!

Козинъ.—Панфилъ Яковлевичъ, сейчасъ чайку прине а до чайку-то бы водочки или винца...

Суриковъ. — Водки выпью, а вина ни-ни. Шестой этой дряни не пью.

Соскинъ. — Да водка она лучше. Она грудь очищ мокроты гонитъ и для глазъ оно хорошо. Зрѣніе...

Козинъ. — Такъ пожалуйте.

Суриковъ.—А вотъ намъ ябеда поднесетъ. Ну-ко, на *(Соскинъ наливаетъ двѣ рюмки и подноситъ Сурикову и Козину).*

Козинъ (*Соскину*).—Самъ-то ты что жь? Выпей. Да п закуски.

Соскинъ (*подаетъ закуску*).—Приложусь, будетъ время.

Суриковъ.—Съ ангеломъ! (*Всѣ пьютъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, АННА СТЕПАНОВНА и ФЕДЯ.

Федя (*подноситъ къ Сурикову подносъ; на подносѣ стоятъ три кана чаю*). — Пожалуйте!

Анна Степановна (*слѣдуя за Федей*).—Пожалуйте, Панф Яковлевичъ, чайку, откушайте. Ужь извините. (*Всѣ берутъ стака*

Суриковъ.—Который годъ мальчонкѣ-то?

Козинъ.—Одиннадцать, двѣнадцатый пошелъ.

Суриковъ. — Въ лавку пора. Хочешь въ лавку?

Федя. — Ни знаю, какъ тятенька.

...озинъ. — А вотъ какъ двѣнадцать стукнетъ, такъ мы ...въ лавку, а теперь пускай поучится. Онъ у насъ въ ...ходитъ, къ мадамъ. Четыре рубля въ мѣсяцъ за него ...имъ; да вотъ ныньче къ Рождеству на платье ей отрѣзали, ...рогъ сладкій снесли.

...скинъ. — Науки юношей питаютъ... Но паче всего законъ ...ней. Это первое...

...нна Степановна (*гладитъ Федю по головѣ*). — Онъ у насъ ста...льный... Теперича начнетъ съ вечера урокъ твердить, такъ, ...те ли, даже до слезъ. Заплачетъ, да и говоритъ: маменька, ...ритъ, ничего въ голову не лѣзетъ. А пуще всего ему эта ...метика. Мученье!

Суриковъ. — А мы такъ и безъ ариѳметики прожили. Сла... Богу, деньги счесть можемъ, да и есть, что счесть. (*Хлопаетъ по карману*).

Анна Степановна. — И какъ только онъ у насъ начнетъ ...ѳметику учить — сейчасъ слезы. Я ему и говорю: перекрести эту книгу, поцалуй ее, положи подъ подушку и ложись спать; ...втра все будешь знать. Потому, ребенку ежели все одно да ...но, онъ заболтается.

Суриковъ. — А я такъ своего сына Гаврилу на дому училъ. ...исарь военный одинъ ходилъ. За три красненькія всему выу...илъ. Ужь послѣ я ему прибавилъ: на сертукъ сукна купилъ.

Козинъ. — У васъ сынокъ-то порядочный...

Суриковъ. — Двадцать-третій пошелъ, да что толку-то? Вотъ ...е женить хочу.

Анна Степановна. — Молодаго человѣка первое дѣло же...ить надо.

Суриковъ. — Да вотъ все невѣсты для него подходящей не ...огу найдти. И есть, да все мнѣ не по нраву. То отецъ сква...ыжникъ, то такъ въ приданомъ не сойдемся. Ежели въ этомъ

мясоѣдъ не найду ему подходящей невѣсты, такъ просто на
же женю его на какой-нибудь безприданницѣ. По крайности,
видѣвши свою судьбу, будетъ за меня Бога молить.

Козинъ.—Это дѣло хорошее, это добродѣтель.

Анна Степановна. — Да, да, сиротъ да невѣстъ безп
данныхъ устроивать—это первое дѣло.

Суриковъ (*кивая на дѣвицъ*). — Которая твоя-то дочка?

Козинъ. — А вотъ эта. Паша, подойди!

(Пашенька подходитъ къ столу).

Суриковъ.—А что, Пашенька, поди у васъ только и
умѣ, что женихи?

Соскинъ. — А чему же и быть у молодыхъ дѣвуше
какъ не этому?

Суриковъ.—Хочется, поди, замужъ-то? Селиверстъ Се
нычъ, пріискиваешь ей?

Козинъ. — Да вѣдь какъ же пріискивать-то? Вѣдь
люди съ достаткомъ пріискиваютъ, а намъ надо ждать, не
вернется ли какой. Нынче вонъ послѣдній прикащикъ въ
зяева выйдетъ, такъ и тотъ норовитъ пять тысячъ взять, сало
бархатный, да нитку бриліантовую.

Суриковъ. — Какъ для эдакой дѣвушки жениха не
скать! Вотъ я къ тебѣ пришлю сваху, такъ она ей богат
сосватаетъ. Завтра же пришлю.

Козинъ.—Гдѣ ужь намъ богатаго, Панфилъ Яковлеви
Намъ хоть бы такъ мало-маля со средствами, да чтобъ че
вѣкъ хорошій былъ. Вѣдь за ней денегъ нѣтъ. Тряпками нар
димъ, сможемъ.

Суриковъ. — Безъ денегъ возьметъ.

Козинъ. — Вашими бы устами да медъ пить! Да
намъ! Панфилъ Яковлевичъ, въ горку съиграть не желаете
Тамъ у меня играютъ.

Суриковъ. — Пожалуй. Ничего, можно.

Козинъ. — Такъ пожалуйте. Тамъ и водочки выпьете. У меня тамъ тоже закуска накрыта. *(Встаютъ и идутъ къ дверямъ. Звонокъ. Анна Степановна уходитъ въ среднюю дверь и тотчасъ же возвращается съ Севастьяномъ Ферапонтычемъ).*

Суриковъ. — Ну, еще гости! Однако, братъ, у тебя сегодня балъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и СЕВИСТЬЯНЪ ФЕРАПОНТЫЧЪ.

Севастьянъ Ферапонтычъ (*подбѣгая къ Козину*). — Селиверстъ Семенычъ, честь имѣю васъ поздравить со днемъ вашего ангела и пожелать вамъ всего хорошаго. Что вы желаете, пусть вамъ все исполнится. Иванъ Иванычу! (*Подаетъ Соскину руку*). Прасковья Селиверстовна, съ имянинникомъ!.. Вы все хорошѣете.

Паша. — Полноте, какія вы насмѣшники.

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Кто, я? я?

Суриковъ. — Что это за молодецъ.

Козинъ. — Фельдшеръ. Славный парень и свое дѣло хорошо знаетъ. Вотъ онъ мнѣ на прошлой недѣлѣ банки накидывалъ, да жена была больна, такъ ее вылечилъ. *(Суриковъ и Козинъ уходятъ въ дверь налѣво. За ними слѣдуетъ Федя).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

АННА СТЕПАНОВНА, СОСКИНЪ, ПАШЕНЬКА, КАТЯ, АННУШКА и СЕВАСТЬЯНЪ ФЕРАПОНЦЫЧЪ.

Анна Степановна. — Что такъ поздно, Севастьянъ... Все позабываю, какъ по отчеству.

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Ферапонтычъ.

Анна Степановна. — Что такъ поздно, Севастьянъ Ферапонтычъ.

Пашенька.—Что это вы, маменька, имени запомнить не можете?

Севастьянъ Ферапонтычъ. — О, помилуйте! Какъ не зовите, лишь хлѣбомъ кормите. Оттого такъ поздно, что мы съ главнымъ докторомъ на операціи были—ногу пилили.

Анна Степановна. — Ахъ, страсти какія,

Пашенька.—И вы не боитесь?

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Чего же бояться? Это для насъ плевое дѣло! Все одно, что стаканъ воды выпить. Мы и не такія операціи дѣлали. Мы съ главнымъ докторомъ у одного больного черепъ снимали.

Анна Степановна.—О, Господи! Ну, ужь полноте! Не могу я этого слышать!

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Что же-съ? Вѣдь тутъ ничего такого нѣтъ... Мы лягушку съ мозговъ снимали.

Пашенька.—Ахъ страсти! Живую?

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Совсѣмъ живую.

Соскинъ. — Это такъ-съ, это бываетъ. Одна женщина тоже вотъ такъ воды напилась, да лягушечье яйцо и проглотила; такъ у ней въ животѣ лягушки-то завелись. Умерла. Это и писано было.

Севостьянъ Ферапонтычъ.—Нѣтсъ-съ. тутъ совсѣмъ особая статья. Этотъ человѣкъ цвѣтокъ какой-то понюхалъ, да вотъ также яйцо лягушечье ему въ мозги и попало. Ну, вывелась лягушка. Какъ сняли мы черепъ-то, а она такъ впившись на мозгахъ и сидитъ. Я и говорю главному доктору: ваше превосходительство, вѣдь такъ ее снять нельзя, потому что она глуб, же вопьется. И что мы придумали. Поставили передъ ней зеркалоа она какъ увидала въ зеркалѣ другую-то лягушку, прыгъ, да и соскачила. Ну...

Пашенька.—Довольно, довольно, не разсказывайте! Какой вы безстрашный!

Севостьянъ Ферапонтычъ.— Никакой тутъ безстрашности нѣтъ, а ежели человѣкъ во вкусъ войдетъ, такъ это первое удовольствтіе? Напримѣръ, трупъ рѣзать... покойникъ... конечно, запахъ...

Пашенька.—Ахъ,, оставьте!

Анна Степаномна.— Ну, ужь ты къ почи-то не говори. Что за разговоръ объ этомъ! Дѣвицы, да что вы все макъ-то маетесь: вы бы хоть пряничковъ поѣли, да орѣшковъ пощелкали.

Аннушка,—Мы ужь ѣли.

Севостьянъ Ферапонтычъ.—Позвольте вамъ замѣтть, какія же вы ели, вы скорѣе розы и розы махровыя.

Катя.—Съ вами совсѣмъ разговоръ вести нельзя. Вы какъ полицейскій крючекъ привязываетесь.

Пашенька.—Ужь они за всегда такія насмѣшники?

Севостьянъ Ферапонтычъ.—Какая же тутъ насмѣшка- Я только сказалъ, что вы розы,

Соскинъ. Вы, барышня, сейчасъ отнеслись съ пренебреженіемъ къ полиціи, а такъ-какъ я самъ въ кварталѣ письмоводителемъ состою, то и оскорбился. Теперь, чтобы мнѣ свое оскорбленіе забыть, я долженъ рюмку водки выпить. Анна Степановна можно?

Анна Степановна.—Пей, пей, батюшка. На то поставлена. (*Соскинъ подходитъ къ столу съ закуской и пьетъ водку*).

Пашенька,—А вы что же, Севостьянъ Ферапонтычъ, не закусите, да не выпьете?

Севостьянъ Ферапонтычъ.—Можно-съ, толь ко съ сусловіемъ: я буду нить за ваше здоровье. Иванъ Мванычъ, вы ужь выпили? А я съ вами выпить хотѣлъ.

Соскинъ.—Да это ничего, я и вторую выпью.

Севотьянъ Ферапонтычъ (*Пашенькѣ*). Ваше здоровье! (*пьетъ*). Скажите, гадали вы на святкахъ?

Пашенька.—А вамъ зачемъ знать? Какіе вы любопытные! Гадали.

Анна Степановна.—Гадали, гадали. Ужь какъ же дѣвицамъ не гадать! Имена спрашивали и мостки подъ кроватью мостили. Вотъ и сегодня за ворота просились имена спрашивать, да ужь я не пустила. Вчера вотъ также пошли. Прибѣгаютъ домой и лица на нихъ нѣтъ. Напели на какого-то пьнаго а онъ ихъ и обругалъ. Такъ обругалъ, что и сказать стыдно.

Пашенька,—Ну, маменька, полноте. Ужь вы все разсказываете.

Севастьянъ Ферапонтычъ.—Это все отъ необразованія. Образованіе первое дѣло.

Анна Степановна.—Ну, я пойду распоряжусь; а ты Паша угощай гостей-то

Соскинъ.—Пойду и я посмотрю, какъ въ карты играютъ. (*Анна Степановна и Соскинъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ АННЫ СТЕПАНОВНЫ И СОСКИНА.

Севастьянъ Ферапонтычъ—.Прасковья Селиверстовна? позвольте узнать, кого же вы видѣли во снѣ своимъ суженымъ Кто васъ черезъ мостокъ переводилъ?

Пашенька,—Какой вы любопытный! Зачѣмъ ванъ знать?

Катя.—Развѣ дѣвушки объ этомъ скалываютъ? Много будете знать, скоро состаритесь.

Пашенька.—Да я никого не видѣла. Налила я съ вечера

на блюдечко воды, положила жордочки, а кошка ночью пришла, выпила воду и все разломала. Дѣвицы давайте гадать! Севостьянъ Ферапонтычъ, придумайте какое нибудь годанье.

Севостьянъ Ферапонтычъ.—Давайте пѣтуха кормить.

Пашенька.—Да гдѣ же его взять? У насъ нѣтъ.

Аннушка.—Къ сосѣдямъ послать можно. У нихъ есть.

Севостьянъ Ферапонтычъ.—А вотъ еще гаданье: бѣгите сейчасъ въ кухню и берите, не глядя, по полѣну. Ежели полѣно будетъ гладкое, то женихъ будетъ красивый, а корявое, такъ—рябой, нехороший.

Пашенька.—Ну, хорошо. Пойдемте, дѣвицы.

Аннушка.—Пойдемте! (*Бѣгутъ къ среднимъ. дверямъ Сильный звонокъ. Онъ останавливается*).

Пашенька.—Можетъ можетъ быть, ряженые! (*Аннукшѣ*). Можетъ быль, это онъ? Ахъ, дай-то Борѣ? (*Еще звонокъ*). Что же это не отворяютъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и АННА СТЕПАНОВНА.

Анна Степановна.—Ахъ, срамъ какой! И отворить некому! Молодцы разбѣжались куда-то. Одинъ Пантелей дома, и тотъ лежитъ пластъ пластомъ. Представьте, какой мерзавецъ! Отлилъ изъ ведерной бутыли въ полоскательную чашку водки, и нализался какъ скотъ! (*Звонокъ*). —Пойти самой отворить,

Севастьянъ Ферафонтычъ.—Позвольте, я распоряжусь (*Уходитъ въ среднюю деврь и сейчасъ же возвращается*). Ряженые, ряженые пріѣхали! (*Суматоха. Изъ дверей налѣво выбѣгаютъ Соскинъ и Федя и убѣгаютъ въ среднія двери*).

Анна Степановна (*обдергивая на дѣвицахъ платье, вслѣдъ Соскину*).—Это ряженые. Проси, батюшка, Иванъ Иванычъ! Про-

си! (*Въ среднихъ дверяхъ показывается* Гаврило, *въ краковскомъ костюмѣ, и Подопенкинъ, въ костюмѣ* Гамлета *и въ ботфортахъ. Соскинъ проситъ ихъ войдти въ комнату. Они не рѣшаются. Наконецъ, Иванъ расталкиваетъ ихъ всѣхъ и вбѣгаетъ въ комнату Онъ въ костюмѣ* убійцы. *За нимъ входятъ Гаврило и Подопенкинъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

АННА СТЕПАНОВНА, СЕВАСТЬЯНЪ ФЕРАФОНТЫЧЪ, ПАШЕНЬКА, КАТЯ, АННУШКА, ѲЕДЯ, СОСКИНЪ, ГАВРИЛО, ПОДОПЕНКИНЪ и ИВАНЪ.

Иванъ (*вбѣгая на средину комнаты, кричитъ*). — Здравія желаемъ! (*Ряженые ходятъ по комнатѣ и раскланиваются со всѣми. Дѣвицы тихонько смѣются и пятятся отъ Ивана; Соскинъ и Севастьянъ Ферафонтычъ заглядываютъ подъ маски).*

Гаврило (*подходитъ къ Пашенькѣ*). — Здравствуйте, Прасковья Семеновна. Вы меня не узнаете?

Пашенька. — Еще бы не узнать? Я васъ ждала даже.

Гаврило. — А я насилу урвался. Письмо ваше я получилъ, но не сжегъ его, а храню на груди. Это все одно, что на днѣ моря.

Пашенька. — Нѣтъ, сожгите. Я вамъ лучше кошелекъ бисерный подарю на память. Нарочно для васъ связала.

Гаврило. — Кошелекъ кошелькомъ, а письмо само собою.

Пашенька. — Нѣтъ, уже лучше сожгите. Я все боялась, не попалось бы оно кому другому. Кто это съ вами такой страшный?

Гаврило. — А это молодецъ нашъ. Мы его для компаніи взяли. Вы придете въ крещенье на площадь, на іорданскій парадъ смотреть?

Пашенька. — Не знаю. Какъ папенька съ маменькой.

Гаврило. — Приходите. Мы тамъ увидимся.

Подопенкинъ (*Аннушкѣ*). — А я, барышня, васъ знаю.

Вы ко Владимирской въ церковь ходите, и всегда на праву руку у входа стоите.

Аннушка. — Мало ли куда я хожу.

Подопенкинъ. — А меня вы знаете?

Аннушка. — Знаю. Вы въ рынкѣ торгуете.

Подопенкинъ. — Никакъ нѣтъ-съ, не туда попали. Я военный офицеръ.

Севастьянъ Ферафонтычъ (*прислушиваясь*). — Бывали военные офицеры, да не такіе! Аршиномъ воюете.

Подопенкинъ. — Что?

Севастьянъ Ферафонтычъ. — Оно, я говорю. по обращенію, сейчасъ видно.

Подопенкинъ. — Какое же вамъ обращеніе нужно? Писарьское?

Севастьянъ Ферафонтычъ. — Ошибаетесь, я не питарь, а фельдшеръ. (*Отходитъ*).

Подопенкинъ (*ему въ слѣдъ*). — Все одно — одинъ бѣсъ! (*Аннушкѣ*). — Часто вы бываете въ театрѣ?

Иванъ (*говоритъ басомъ, указывая на закуску*). — Эсаулъ! Что это вдали виднѣется? Непріятельская батарея? Взять ее приступомъ! Навались на весла!

Гаврило. (*подходитъ къ Ивану и держаетъ его за рукавъ*). — Иванъ ты ужь не очень безобразничай!

Иванъ. — Ребята, смѣлымъ Богъ владѣетъ! На то мы разбойники!

Соскинъ. — Вотъ за это браво! Молодецъ, разбойникъ! Анна Степановна, мы выпьемъ.

Анна Степановна. — Ахъ, я дура! что же это я, въ самомъ дѣлѣ. закусить-то не попрошу. Господа ряженые, пожалуйте закусить, да выпить. Не побрезгуйте.

Иванъ. — Можно. Ай-да мать командорша! (*Мужчины подхо-*

дятъ къ столу съ закуской и пьютъ). — Намъ, по закону изъ рюмки пить не полагается. Мы изъ стакашка. На то мы разбойники.

Анна Степановна.—Ряженые, вы хоть бы потанцовали. Повеселитесь, станцуйте кадриль.

Подопенкинъ.—А музыка у васъ какая-нибудь есть?

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Нѣтъ ли у васъ гитары? Вотъ Иванъ Иванычъ намъ сыграетъ.

Анна Степановна. — У насъ гитары нѣтъ, а достать можно. Тутъ у насъ на лѣстницѣ у полковника поваръ живетъ, такъ все на гитарѣ играетъ.

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Такъ достаньте.

Анна Степановна.—Сейчасъ; Федя, голубчикъ, сбѣгай въ кухню, да скажи Анисьѣ, чтобъ она сходила къ полковницкому повару и попросила у него гитару. (*Федя убѣгаетъ в среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ ФЕДИ.

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Ну, Иванъ Иванычъ, приготовляйтесь бряцать.

Соскинъ.—Да что же я играть-то буду? Вѣдь кромѣ русскихъ пѣсенъ ничего не знаю. Игрывалъ прежде кадриль, да ужъ теперь забылъ. Первую-то фигуру, пожалуй, вспомню, ну, и послѣднюю—тамъ галопъ, а ужъ средину, хоть убейте, не знаю.

Подопенкинъ.—Ну, да какъ нибудь.

Аннушка. — Иванъ Иванычъ, голубчикъ, съиграйте.

Соскинъ. — Да вѣдь я только и знаю первую, да послѣднюю фигуру.

Подопенкинъ.—Ну, и жарьте ихъ. Намъ все одно!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и ФЕДЯ.

Федя (*вбѣгая съ гитарой въ рукахъ*).—Вотъ-съ гитара. Только поваръ просилъ, чтобъ струны не порвали.

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Давай сюда. Ну, господа, становитесь въ пары! Иванъ Иванычъ, получайте гитару, садитесь и настроивайте! (*Передаетъ гитару Соскину*).

Соскинъ.—Давно ужь я и гитары въ руки не бралъ. Попробуемъ. (*Становятся въ пары. Гаврило Панфилычъ съ Пашенькой, Подопенкинъ съ Аннушкой и Иванъ съ Катей*).

Севастьянъ Ферапонтычъ. — А мнѣ-то дамы и нѣтъ. Анна Степановна, позвольте васъ просить.

Анна Степановна. — Что ты, батюшка, какая ужь я танцорка! Танцуй вонъ съ Федей. Онъ вѣдь у насъ этимъ танцамъ-то тоже обучается.

Севастьянъ Ферапонтычъ. — Ну, пожалу! Феденька, давай руку! Становись! (*Соскинъ начинаетъ играть первую фигуру кадрили. Танцы. Изъ дверей налѣво выходятъ гости-мужчины и становятся сзади танцующихъ. Въ концѣ первой фигуры Иванъ пляшетъ въ присядку*).

Гости.—Ай-да молодецъ! Браво! Лихо! Это наши рыночники. Ужь это вѣрно!

Соскинъ (*сыгравъ первую фигуру кадрили*).—Вотъ ужь вторую-то фигуру я и не знаю.

Подопенкинъ. – Да ничего! Жарьте съ начала, да и дѣлу конецъ! (*Соскинъ продолжаетъ играть*).

Иванъ (*сдѣлавъ соло во второй фигурѣ въ присядку, становится передъ своей дамой, выхватываетъ изъ-за пояса ножъ и кричитъ*). — Пей подъ ножомъ Прокофья Ляпунова!

Гости (*хлопая въ ладоши*).—Браво, браво!

Катя (*убѣгаетъ отъ Ивана и садится на стулъ*).—Не хочу больше танцовать! Что жь это, въ самомъ дѣлѣ, онъ безобразничаетъ.

Эдакъ онъ, Богъ-знаетъ, что можетъ сдѣлать! *(Общее замѣшательство. Танцы кончаются).*

Гаврило (*подходитъ къ Ивану*).—Ну, Иванъ, совсѣмъ ты меня въ конфузъ ввелъ! Спасибо!

Иванъ (*пьянѣе*).—Ужь вы оставьте! Я знаю, что дѣлаю. Что жь я ей сдѣлалъ? Нешто ея убыло? (*Во время танцевъ борода у него отклеилась. Отъ частыхъ утираній рукавомъ краска мало-по-малу сошла съ лица*).

Севастьянъ Ферапонтычъ.—Совсѣмъ невозможно танцовать. (*Катѣ*). Это барышня, все отъ необразованности вышло. Мнѣ даже совѣстно.

Иванъ.—Отъ какой необразованности? Вишь какъ заносится! Что жь, что у васъ пуговицы-то блестятъ, такъ ужь вы и образованы? Почемъ вы знаете, можетъ вы почище васъ! (*Напираетъ на Севастьяна Ферапонтыча. Тотъ пятится Гаврило и Подошенкинъ отводятъ его*).

Гости. — Нашъ! Нашъ рыночный!

Иванъ (*хромая*). — Захромалъ, А все оттого, что одну выпилъ. Говоритъ, двѣ надо выпить. (*Беретъ Соекина подъ руку и подводитъ его къ закускѣ*). Ну-ко, музыкантъ, ты мнѣ по нраву пришелся. Выпьемъ! (*пьютъ*).

Тѣ же, КОЗИНЪ и СУРИКОВЪ *входитъ изъ дверей на лѣво*

Суриковъ. — Покажи, покажи, что у тебя за ряженые.

Гаврило (*тихо*). — Тятенька! Ну, не было печали.

Подметкинъ.—Вотъ-те клюква!

Суриковъ (*Подходитъ къ Ивану и вглядывается и узнаетъ*). Ахъ ты собака! Ты здѣсь зачѣмъ? У кого ты спрашивался!

Иванъ. (*Пятясь*).—Виноватъ-съ, не буду...

Козинъ.—Въ чемъ дѣло, Панфилъ Яковлевичъ? Въ чемъ дѣло?

Суриковъ.—Да какъ же, скажи милость меня дома нѣтъ, а они вонъ какую музыку затѣяли! Рядиться вздумали, да по чужимъ домамъ шляться. Вѣдь это молодецъ мой. Я тебѣ покажу, будешь ты знать у меня, какъ эдакія колѣна выкидывать. Ты здѣсь съ кѣмъ? Съ Гаврюшкой? Сейчасъ я развѣдаю (*Подходитъ къ Гаврилѣ*). Гаврюшка снимай маску!

Гаврило.—Тятенька, голубчикъ, не конфузьте, Вѣдь я бы спросался, да васъ дома не было!

Суриковъ.—Снимай, каналья, харю поганую, коли отецъ приказываетъ!

Гаврило. (*снимая маску*).—Тятенька простите...

Суриковъ.—Сейчасъ домой ѣдемъ! Я тебѣ покажу, какъ почужимъ домамъ безъ спросу шататься. Ты у меня будешь знать! Я тебя въ три дуги... Ахъ ты шельма необузданная!

Подопенкинъ (*снимаетъ маску и подходитъ къ Сурикову*).—Панфилъ Яковлевичъ, ужь вы его не браните, это я его сманилъ ѣхать, а то бы онъ и не подумалъ.

Суриковъ.—Ты? Ну, такъ, вотъ я твоему отцу скажу, чтобы онъ тебѣ бока-то настегалъ.

Подопенкинъ.—Помилуйте, за что же-съ?

Суриковъ.—За баламутство. Не сбивай другихъ съ толку. Гаврило, сбирался!

Козинъ.—Панфилъ Яковлевичъ, что же это такое? Что за домъ мой такой позорный, что сыну вашему быть нельзя? Вѣдь вы пришли; отчего же и ему моего хлѣба-соли не откушать? Это мнѣ обидно, то-есть какъ обидно. Богъ съ вами!

Суриковъ.—Ну, ты тоже не очень. Меня только одна злость беротъ, зачѣмъ онъ безъ спросу.

Козинъ.—Нѣтъ, ты меня очень обидѣлъ!

Суриковъ.—Совсѣмъ ты меня не знаешь, Селиверстъ Се-

меничъ. Я теля люблю и уважаю. Вотъ что, чомъе ты знаешь, можетъ, я Гаврилу твоей дочкѣ въ мужья прочилъ.

Козинъ.—Панфилъ Яковлевичъ такихъ вещей при всемъ народѣ не говорятъ. Что ужъ, будто мы люди матенькіе, какъ насъ и обижать можно? Вѣдь вы огласку дѣлаете.

Суриковъ.—Ну, ужь ты молчи! Я знаю, что я говорю. Ужь мнѣ, что брлтъ, въ голову засѣло, такъ камнемъ не вышибешь! Ну, Селиверстъ Семенычъ, отдаешь свою дочь въ замужество за моего сына Гаврилу?

Козинъ.—Панфилъ Яковлевичъ, вы это безъ насмѣшки спрашиваете? А то, вѣдь, грѣхъ; ей-богу, грѣхъ.

Суриковъ.—Я тебя спрашиваю: отдаешь дочь?

Козинъ.—Ещебы не отдоть!—да вѣдь я ужь право, не знаю, какъ вы объ этомъ спрашиваете.

Суриковъ.—Пашенька, нравится вамъ мой Гатрило?

Анна Степановна (*со слезами*).—Ахъ, Господи, да еще бы ненравиться! Такой человѣкъ...

Суриковъ.—Ну, Гаврило, вотъ твоя невѣста. Цалуй ее!

Гавсило.—Тятенька, вѣрить мнѣ этому или не вѣрить? Прасковья Селиверстовна...

Козинъ (*обнимаясь съ Суриковымъ*).—Ну, Панфилъ Яковлевичъ, ужь удружилъ ты мнѣ. И какъ развѣ мнѣ эдакая радость въ день моего ангела. Ну, нареченный зятюшка, цалуй невѣсту.

Суриковъ.—Полно ему холостымъ-то бѣгать, а то обол тался совсѣмъ (*Оабщее поздравленіе и цалованіе*).

Гаврило (*цалуясь съ Пвшенькой*). Ну, Прасковья Селиверстовна, ужь я, право, не знаю, какъ мнѣ и вѣрить этому счастію. Боюсь, чтобъ тятинька не заблажилъ опять. Вѣть ужь это не первый разъ меня такъ сговариваютъ.

Иванъ. (*Козину и Сурикову*).—Хозяева, позвольте многолѣтіе

произнести (*Суриковъ машетъ рукой*). Хозяину дома сего и моему хозяину многая лѣта, (*Беретъ высоко и срывается*).

Гости (*Поютъ*).—Многая лѣта, лѣта многая!

Козинъ (*кричитъ во время пѣнія*).—Анна Степановна, да ты быхо ть винца распорядилась принести. Тащи сюда!

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

	стр
1. Апраксинцы	1
2. Кусокъ хлѣба	155
3. Ямская въ будни и въ праздникъ	235
4. Крестины въ Ямской	282
5. Похороны	296
6. Сивая борода за галстукомъ	313
7. Театроманія	337
8. Критика	356
9. Дружественная лоттерея	377

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

		стр.
1.	Учебный день въ нѣмецкой школѣ	1
2.	Биржевые артельщики	40
	НАШИ ПИТЕРСКІЕ.	
3.	Извощикъ	125
4.	Швейцаръ	137
5.	Маркеръ	149
6.	Прачка-поденщица	166
7.	Охтенка	183
8.	Парикмахерскій подмастерье	215
9.	Букинистъ	231
10.	Горничная	253
11.	Торговый мальчикъ	273
12.	Мастеричка	173
13.	Лихачъ	289
14.	Кухарка	296
	РАЗСКАЗЫ О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.	
15.	И я, да не я	209
16.	Ласковый человѣкъ	314
17.	Отецъ и сынъ	322
18	Прикащикъ на отчетѣ	332
19	Водогрѣйщикъ	341
20.	Искусъ	347
21.	Тесть и зять	363
	ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПЬЕСЫ.	
22.	Рукобитіе	375
23.	Ряженые	398

2007084328